

Сьюзен Спиндлер Суррогатная мать

CoRpus

роман

Очень драматичная история. Не только
о материнстве, но и вообще о женщинах.

THE GUARDIAN

Annotation

Рут Фернивал работает на телевидении, она отличный продюсер, у нее практически идеальная жизнь – прекрасный дом в Лондоне, муж-юрист, две взрослые дочери. Но ей 54 года, у нее климакс, дочери разъехались кто куда, и она чувствует себя опустошенной и недовольной жизнью. Ее старшая дочь, Лорен, никак не может выносить ребенка, и приговор врачей суров: единственный выход – найти суррогатную мать. Но оказывается, что после необходимого гормонального лечения суррогатной матерью может стать Рут.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

- [Сьюзен Спиндлер](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Сьюзен Спидлер Суррогатная мать

Susan Spindler
Surrogate

International Rights Management: Susanna Lea Associates

© Susan Spindler 2021

© А. Куприна, перевод на русский язык, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS®

Часть первая
Предложение

Рут устраивала в Сохо вечеринку для актеров и съемочной группы сериала “Боль”, над которым она работала последние пять лет. Сначала камерный, подпольный кинозал, один из тех, что занимают помещения бывших конюшен, затем с дождливой улицы, вниз по узкой грязной лестнице – в ярко освещенный бар. Потайной, зато уютный. Повсюду смех, и джин льется рекой. В дамской комнате она накрасила губы и нарумянила щеки, набросила огненно-красный шарф, чтобы подчеркнуть темное пальто, и примерила теплую, понимающую улыбку хозяйки вечера. Ей нравились такие мероприятия. Ожидалось пятьдесят-шестьдесят гостей: актеры, монтажеры, техники – довольно неплохо для октябрьского дождливого вторника. Все собрались, чтобы отметить конец съемок и проводить сериал в непредсказуемый мир критиков и рейтингов. В такие вечера урезанный бюджет, переработки и громкие споры уходят в прошлое, и остается лишь рефлекторная близость между членами команды.

Рут общалась с гостями, обнималась, смеялась и сплетничала, пока не пришло время начинать показ. Она вошла на небольшую сцену, подняла бокал и выждала, пока толпа утихнет. Затем сказала собравшимся, что все они отлично поработали: им удалось создать нечто потрясающее и актуальное.

– Сейчас мы посмотрим первую серию, но сначала давайте выпьем за “Боль”! За нас! Спасибо большое, я так вами горжусь!

Громкие аплодисменты, толпа устремила в кинозал. В обрывках разговора Рут слышала свое имя:

– Я ее просто обожаю!.. Чувствуется, что тебя ценят, такое сейчас редко встретишь...

– И не говори...

Рут приятно удивилась, ей эти слова польстили. Она замедлила шаг и прислушалась.

– ...не лезет в работу режиссеров и сценаристов, реально борется за проекты и всегда рядом, если пахнет жареным... Обычно от руководителей лучше держаться подальше...

– ...да, идейная, но такая веселая! А эти ее истории – обхохочешься!..

– ...уже столько лет работает...

Голос притих, но она расслышала.

– Под пятьдесят, наверное.

– Да нет, больше... Мы когда-то снимали с ней первую серию “Несчастливого случая”, давно дело было...

– ...когда-то была само очарование: длинные волосы, а глаза – ну прямо итальяночка... даже сейчас фигура о-го-го, правда...

– ...годы никого не щадят, нам тоже достанется... Эх, повернуть бы время вспять...

– Да уж, но она ведь не в твоём вкусе?

Рут задрала подбородок и поспешила пройти мимо, проклиная себя за тщеславие. Она прекрасно понимала, о чем они говорили. Она помнила тот момент, когда впервые заметила перемену: четыре года назад в центре Лондона они с Лорен остановились купить кофе с тележки. Бариста, двое юношей лет двадцати пяти, окинули взглядом ее старшую дочь – фигуристую, в самом соку – и тут же принялись заигрывать. Рут хотела поддержать шутивную беседу, улыбалась и посмеивалась, но они не обращали на нее никакого внимания, будто ее и не было. За тридцать с лишним лет она привыкла к своей привлекательности, которая вдруг исчезла: и в Рут что-то угасло. В темно-каштановых волосах появились серебристые прожилки, и она стала делать хвост. Кожа потеряла эластичность и обвисла, как сырое тесто, обтягивая кости лица – ежемесячные гормональные всплески перестали ее омолаживать. Цветок навсегда увял. Не менопауза, а конец, финиш. Она это осознала, и осознание к ней пришло неожиданно.

Рут тряхнула головой, отгоняя плохие мысли, и постаралась вернуть самообладание. В центре зала нашлось свободное место, рядом с Беллой – под пятьдесят, глубокое декольте, блондинка и все еще эффектная. Они вместе работали на Би-би-си, а шесть лет назад основали продюсерскую компанию “Морраб филмз”, небольшую, но достаточно известную тремя успешными сериалами.

Белла взяла Рут за руку и прошептала:

– Отличная речь, дорогая. Ты молодец. Как же долго мы к этому шли, да?

Началась вступительная заставка: заиграла музыка, маленькая девочка бежит по темному коридору, плача и спотыкаясь. В кадре появляется взрослый, видны только его руки. Он поднимает девочку, выводя ее из поля зрения: неизвестно, спасена ли она или в опасности. Приглушенные крики – и тишина. Потребовались недели монтажа, чтобы получилась конфетка: заставка цепляет, хочется узнать, что же будет дальше. “Боль” – это история о похищении и смене личностей, основанная на реальных событиях, которые потрясли Рут. Об этом было просто необходимо рассказать, но из-за череды юридических трудностей производство и выпуск затянулись, а Рут в душе начала переживать, что они упустят момент. В прошлом году серьезные, смелые драматические сериалы, подобные этому, пользовались большой популярностью у аудитории, но похоже, что в этом году зрителей интересуют только фэнтези и эскапизм. Если бы “Боль” провалился, у компании были бы большие неприятности: они рассчитывали, что второму сезону дадут зеленый свет. Хотя возможно, что Рут просто принимала все эти проблемы близко к сердцу – полтора года работы по вечерам и в выходные давали о себе знать.

Она устроилась поудобнее в большом велюровом кресле и позволила себе немного помечтать о том, что было бы, если б она выбралась из этой бесконечной круговерти. У нее чудесная работа – безумная смесь из актерского мастерства, различных манипуляций, управления толпой и разрешения конфликтов – чудесная, только вот нервов не щадит. Каково это – бросить все и пожить для себя? Рут вздохнула. Если б только выплаты по ипотеке не зависели от ее дохода, и ей бы не пришлось пахать как проклятой в ближайшие три месяца, чтобы “Морраб филмз” осталась на плаву...

Рут не заметила, когда телефон в кармане завибрировал в первый раз. Второй звонок проигнорировала – и третий. Только ощутив короткую пульсацию смс, она прикрыла телефон ладью пальто и посмотрела на экран. Сообщение от Дэна:

Утром Лори потеряла
ребенка. Сделали срочную
операцию. Пожалуйста, приезжай.
Больница Лэдишилд, гинекология,
палата F

Резкая боль скрутила живот – Рут нагнулась вперед и обхватила его руками. Взяв пальто и сумочку, она наклонилась к Белле и прошептала:

– У Лорен опять выкидыш, надо бежать.

– Конечно-конечно! – Белла сжала ее руку. – Передай ей мои соболезнования.

– Сможешь поблагодарить всех за меня в конце?

Белла кивнула.

Пока Рут, извиняясь, протискивалась к выходу, ее телефон снова завибрировал.

– Адам?.. Знаю, Дэн мне тоже написал... Да, просто ужасно. Четырнадцать с половиной недель, как же так... Нет, на метро быстрее. Встретимся там.

* * *

Шел проливной дождь, поезд все время останавливался, но Рут была рада оказаться среди незнакомцев, в залитом неоновым светом вагоне, где ей не нужно было ни с кем общаться. Как только она вышла на станцию, ветер вывернул зонт наизнанку, обнажив металлический каркас. По пути в больницу одежда промокла насквозь. Открывая двери гинекологического отделения, Рут вспомнила все мрачные паломничества в этот уголок Южного Лондона, которые им с Адамом пришлось совершить, чтобы оплакать смерть шести нерожденных внуков. Она зашла в туалет, отжала над раковиной мокрые волосы и посмотрела в зеркало: кроваво-красный шарф казался жестокой насмешкой – она сняла его и затолкала в сумочку.

Адам притаился в коридоре возле палаты. Он был на грани: в больницах ему всегда было не по себе.

– Ты чего так долго? Я тут уже полчаса сижу!

– Пробиралась к тебе через наводнение.

Рут обняла мужа, постучала в дверь и вошла в палату.

Перед ними предстала жуткая пародия на рождественский вертеп: их дочь и зять сидели на кровати, уткнувшись друг в друга. Лорен в бледно-голубом больничном халате, на правой ноге пятно засохшей

крови. Дэн даже не снял пиджак и галстук. Увидев полосы оголенной кожи между штанинами и носками, Рут едва не заплакала.

– Можно войти? – спросила она.

Отвлеченные от горя, они удивленно подняли глаза – Рут увидела их влажные и опухшие щеки, – Дэн встал и аккуратно помог Лорен сесть. Она поежилась от холода, он укутал в плед ее тонкие плечи. От капельницы над головой к правой руке змеей вился катетер. Ее лицо – непроницаемое и ужасающе бледное. Она была похожа на брошенное дитя.

Рут присела на край кровати и обняла ее.

– Как же несправедливо! Ты не заслужила всей этой боли.

Рут хотела укачать дочь, чтобы все поскорее прошло, но Лорен сжалась и вырвалась из ее объятий.

– Мама, не надо, пожалуйста! – Она сглотнула. – Наверное, это просто не мое... – Ее лицо дрогнуло и тут же застыло снова.

Рут отстранилась, на нее нахлынули любовь и разочарование – чувства, которые так часто пробуждала в ней Лорен: даже сейчас, в такой тяжелой ситуации, она не поддавалась, не позволяла себя утешить. Она была такой с самого рождения – погруженной в себя и замкнутой девочкой, скрытным и недоверчивым подростком, – всегда отстраненная и недоступная. С появлением Дэна они еще больше отдалились друг от друга.

Адам хотел обнять Дэна и потянулся к нему, но передумал и просто пожал ему руку. Затем отошел в угол комнаты, встряхнул мокрое пальто и повесил его на крючок за дверь. Дэн придвинул к кровати два стула, и Адам с Рут сели.

Лорен рассказала, как, едва Дэн уехал на работу, на нее обрушились схватки. В такси началось кровотечение, она ехала и мечтала, чтобы боль утихла и все снова было в порядке. Как страшно ей было сидеть одной в приемной – матка сокращалась, кровь стекала по ногам и капала на линолеум. По лицу доктора во время осмотра она поняла, что все кончено. На этот раз кровотечение было гораздо сильнее: произошедшее можно с натяжкой назвать родами, она даже видела плод. Размером с кулак, почти полностью оформленный: с головой, ручками, ножками и даже ресницами. “Я держала его вот так, – говорила она, вытянув сложенные лодочкой руки и видя перед собой воспоминания. – Мой малыш”.

Адам подался вперед и обхватил лицо руками.

– Ох, доченька! – Рут почувствовала вину за то, что не испытывала трудностей при вынашивании и рождении детей, и кое-что еще – ноющую боль старой раны. – Как же я могла оставить тебя совсем одну? Я должна была быть рядом, я могла бы помочь!

– Напрасно ты думаешь, что смогла бы это предотвратить, – отрезала Лорен. – Никто бы не смог. Я просто сидела дома и рисовала. Мам, я не виновата!

– Ну конечно, не виновата, – ответила Рут.

– Наша ошибка в том, что мы понадеялись, – сказал Дэн так, будто их ребенка убил безрассудный оптимизм. – Акушерки утверждали, что выкидыш после тринадцатой недели маловероятен, и мы им поверили. А зря.

– Теперь говорят... – Голос Лорен дрогнул. – Скажи ты, – шепнула она Дэну.

– Хирург, который останавливал кровотечение, сказал, что Лори может погибнуть, если еще раз забеременеет.

Его слова повисли в воздухе.

– Ох, милая, – пробормотала Рут.

Лорен ничего не ответила, только плотно зажмурила глаза. Рут представила, как за закрытыми веками, будто река разлилась, хлынули слезы.

Завязался неловкий разговор, который прервал Адам, предложив не предаваться отчаянию и заказать что-нибудь на ужин. Лорен покачала головой.

– Спасибо, пап, мы не голодные. Может, поедете домой? – Она взглянула на Рут. – Меня еще подержат здесь, сделают переливание. Дэн за мной присмотрит.

– Точно справитесь без нас? – с заметным облегчением Адам встал и принялся натягивать пальто. Он подошел к кровати и поцеловал Лорен в лоб. Попытался что-то сказать, но подходящих слов не нашлось, так что он взял портфель и удалился.

Рут подалась вперед и обняла Лорен.

– Выздоровливай скорее, милая, я напишу тебе завтра, но, если захочешь поговорить, звони в любое время. Постарайся поспать.

Дэн проводил их до конца длинного коридора.

– Нелегко тебе пришлось, – сказала Рут.

Он кивнул и посмотрел на нее полными ужаса глазами, будто вновь переживал страшные воспоминания.

– Там было столько крови, ее никак не могли остановить. Я боялся, что она не выживет.

– Ты в шоке, Дэн, тебе тоже нужно отдохнуть.

Дэн отвернулся, и Рут заметила, что он изо всех сил пытается сохранить самообладание.

– По утрам в понедельник мои коллеги в офисе показывают друг другу забавные видео своих детей, которые снимали на выходных. Обычно я не принимаю в этом участия и просто пялюсь в монитор, но на прошлой неделе я принес снимок нашего малыша. Все были в восторге, угощали меня пивом после работы и наперебой рассказывали, как здорово быть отцом. А теперь... – Он сжался, задыхаясь от горя. – Все пропало. Опять!

За все годы лечения от бесплодия и выкидышей Дэн ни разу не давал волю чувствам. Это одна из причин, по которой они никогда не были с ним по-настоящему близки. Теперь же глаза Рут наполнились слезами.

– Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это.

– Простите, не обращайтесь внимания. – Он расправил плечи. – Расчувствовался в самое неподходящее время. Лори сейчас только этого не хватало. – Дэн тяжело вздохнул. – ЭКО давало нам надежду целых пять лет. Не представляю, как она со всем этим справится.

Адам понимающе кивнул.

– Будет тяжело.

– Не то слово, – сказал Дэн и безрадостно хмыкнул. – В подвале клиники наших детей целый холодильник: хотя бы один из них да должен пережить беременность! – Он поморщился. – Но нам ведь этого не видать, потому что мы с Лори неудачники.

– Не говори так, – ответила Рут и положила руку ему на плечо. – Может, вам стоит поискать суррогатную мать, которая выносит одного из ваших эмбрионов? Лорен говорила, есть такая возможность.

– Мы это обсуждали, но дело в том, что мы уже потратили тридцать тысяч фунтов, прошли через ад, но все равно ничего не получается. – Дэн потер лицо, стараясь стереть воспоминания. – Не знаю, насколько меня еще хватит...

Адам нахмурился.

– Понимаю. Суррогатное материнство стоит недешево, к тому же столько подводных камней...

Рут бросила на мужа суровый взгляд и шепнула: “Не сейчас!”

– Прости, Дэн, мне не стоило об этом упоминать, – сказала она. – Вы устали, сейчас не время это обсуждать. Просто я не хочу, чтобы вы опускали руки.

– Да уж. – Дэн посмотрел на них затуманенными от слез глазами. – Но вообще спасибо большое, что приехали. Я, пожалуй, пойду обратно.

Рут и Адам смотрели ему вслед. Он перевернул висевшую на крючке бело-голубую табличку, зашел в палату и закрыл за собой дверь.

НЕ БЕСПОКОИТЬ

Они ехали по ночному Лондону молча, глядя прямо перед собой. Все эти поездки в больницу заканчивались одним и тем же – их молчаливым согласием с тем, что слова будут излишни. Рут думала, испытывает ли Адам такое же чувство дежавю. Вспоминает ли он, как однажды утром, в другой жизни, они ехали в другую больницу? Она никогда не спрашивала его об этом, боясь нарушить с большим трудом установленное равновесие. Опыт, который они переживали вместе, но ни разу толком не обсуждали, копился пузырем под поверхностью их брака.

Когда они проезжали по Воксхолльскому мосту и под ними скользила черная блестящая поверхность Темзы, Рут сказала:

– Я чувствую себя виноватой из-за того, что Лорен и Алекс так легко появились на свет. Нам ведь казалось, это самое обычное дело.

– Мне так никогда не казалось.

– Адам... – предупредительно произнесла она.

– Я имел в виду, что...

– Мы оба знаем, что ты имел в виду, но давай сейчас не будем об этом, ладно? Только не сегодня – и так тошно.

Вновь разлученные тишиной, они ехали дальше – по набережной и по темным улицам Вест-Кенсингтона.

– Прости, зря я это сказал – извинился Адам. Они проезжали знакомые места: слева промелькнула детская площадка старой

Хаммерсмитской начальной школы для девочек, затем парк Рэйвенскорт, где они учились кататься на велосипедах, играли в лапту по выходным и пили, будучи подростками. – Просто ужасно видеть Лорен в таком состоянии и осознавать, что не можешь помочь. Все впустую.

– Я понимаю, – ответила Рут, коснувшись его плеча. Он потянулся к ней и взял ее за руку.

Голдхок-роуд затопило. В оцепленной зоне на углу их улицы при свете прожекторов работала аварийная бригада. Дождь прекратился, но задул порывистый ветер, и маленькие серые облака неслись по оранжевому, заляпанному городскими огнями небу.

Пока Адам искал ключи, Рут смотрела на узкий высокий дом, где они прожили больше тридцати лет. Она вспоминала, как принесла сюда дочерей – сначала Лорен, затем Алекс, – робкую поездку из больницы королевы Шарлотты: Адам ведет машину с осторожной серьезностью, присущей молодым отцам, а она устроилась на заднем сиденье и никак не может отвести глаз от малышки в детском кресле рядом с ней. То радостное волнение, с которым они вошли в дом, забыть невозможно. Того же Рут хотела и для Лорен: чтобы она испытала ощущение всеобъемлющего счастья, вступая в удивительный мир материнства после долгих лет бесплодия. Вместо этого дочь вернется в квартиру, которая должна была стать семейным гнездышком, с пустыми руками и обреченным чревом. Образ Лорен, уткнувшейся в подушку полупрозрачное от горя лицо, разрывал ей сердце – она страстно желала все исправить, но это было не в ее силах.

Рут машинально накрыла стол на кухне, положила хлеб и немного сыра, но есть им не хотелось. Адам оставил голосовое сообщение для Алекса: она летела из Сан-Франциско, где теперь жила, на конференцию в Сиэтл и, как только самолет приземлится, она обо всем узнает. Затем они рухнули на диван и включили новости. Вскоре Рут зевнула.

– Я бы уже пошла спать, но у тебя, наверное, куча работы?

Адам потянулся и крикнул.

– Боюсь, что да. С утра принесли новую пачку документов, а завтра опять в суд. Пора идти, – сказал он и улыбнулся Рут. – Поднимайся в спальню, я постараюсь тебе не мешать.

– Не волнуйся, я лягу в гостевой, а ты работай спокойно хоть до утра. – Рут обняла его. – Люблю тебя, Адам.

– Знаю, я тебя тоже люблю, – ответил он и поцеловал ее в макушку.

Они сжимали друг друга в объятиях, закончив про себя: “Несмотря ни на что”.

Рут поднималась по лестнице, когда Адам сказал:

– Прости, я совсем забыл спросить: как показ?

Она ответила не сразу: чтобы вспомнить, пришлось напрячься.

– Когда Дэн написал, он только начался. Но я уверена, что все прошло отлично. – Она с грустью посмотрела на него и добавила: – Кажется, будто это было так давно.

Значительно позже, когда Рут обратилась к прошлому в поисках тихой гавани – времени, когда жизнь еще не выбила почву у нее из-под ног и семья не начала распадаться, – она остановилась на воспоминаниях о своем дне рождения, который они отмечали за десять дней до того, как случился выкидыш. В ее памяти этот праздничный обед был похож на залитое солнцем побережье перед надвигающейся бурей.

* * *

Рут было нечем заняться – что было ей совершенно не свойственно, – поэтому она села в плетеное кресло и принялась смотреть по сторонам. Необычайно погожий день для конца сентября: глубокого, насыщенного синего цвета небо, забор позади нее утонул в зарослях жасмина, а на клумбах теснились желтые и пурпурные маргаритки. Свет с террасы бил в застекленную кухню и дальше – в выложенную плиткой прихожую. Адам стоял у плиты и, сосредоточенно нахмурившись, вчитывался в книгу рецептов. Она улыбнулась: смотреть на него – все еще одно удовольствие.

Рут вытянулась и осмотрела себя: из-под салатowego льняного платья показались длинные загорелые ноги, плоский твердый живот был обтянут поддерживающим поясом из лайкры, только дряблая кожа возле подмышек, свисающая по обеим сторонам от коротких рукавов, выдавала ее возраст. Время от времени она прятала эти мешочки в бюстгальтер, но они вновь и вновь непослушно вылезали наружу – гравитация и недостаток коллагена. А чего еще ожидать в пятьдесят четыре года?

Телефон на столе буркнул: еще одно сообщение, на этот раз от Шейлы, самой лучшей и самой старой подруги:

С днем рождения! Старость
подкралась незаметно!
Как вы там?

Целую, Ш.

Адам готовит обед (!)
Отправил меня в сад
читать газету,
пить джин-тоник
и наслаждаться жизнью.
Никак не могу расслабиться...

За 25 лет брака Саймон
ни разу так не делал.
Завидую.

Не могу сидеть спокойно,
но, если предложу
помочь, обидится

Наслаждайся. У меня для
тебя подарок. Встретимся
после работы?

Конечно! На этой неделе
занята (реклама и показы),
давай на следующей?
Еще споемся, чмок

Вынужденное безделье утомляло: ей хотелось забежать в дом, взять пару сценариев и заняться редактурой, но Адам будет в бешенстве. Звук дверного звонка, разнесшийся по всему дому, отражаясь от высоких потолков, принес облегчение. Через пару минут появились Лорен с Дэном: держась под руки, они шагали по кирпичным ступеням прямо к Рут. Воздушное платье с цветочным принтом облегло стройную фигуру Лорен и подчеркивало невероятную голубизну ее глаз. Свои светлые кудри она стянула алой повязкой. Дэн, очаровательный и статный, возвышался над ней. Рут не могла налюбоваться своей старшей дочерью, которая в этот день была особенно прекрасна: по ее нежной девичьей улыбке невозможно было догадаться, что ей уже тридцать. Рут всегда немного поражалась тому,

насколько Лорен на нее не похожа: ее чувствительная молочно-белая кожа легко розовела, сгорала на солнце и синела на холоде; несмотря на осанку, как у балерины, она ненавидела спорт; у нее миниатюрные кисти и стопы. Для Рут она всегда была загадкой: будто слеплена из другого теста, больше похожа на мать Адама. Может, поэтому они никогда по-настоящему не понимали друг друга? Она любила Лорен, но вместо простой и понятной близости, что всегда царила между ней и Алекс, в отношениях с Лорен всегда была какая-то путаница.

– С днем рождения, мамочка! Сиди-сиди, не вставай.

Они нагнулись, чтобы поцеловать Рут.

– Вам налить чего-нибудь? – спросила она. – Твой отец сегодня все утро хозяйничает на кухне и наверняка готовит что-то особенное.

Дэн обратился к Лорен:

– Воды?

Лорен кивнула.

– Хорошо, попрошу Адама, – сказал Дэн и направился к двери.

Лорен положила свой подарок на стол к остальным и пододвинула стул.

– Папа так сосредоточился на готовке, что даже говорить толком не может. А вся кухня заставлена грязными кастрюлями и мисками, – сказала Лорен сквозь смех. – Похоже, обедать будем не скоро.

– Ой, это точно! Так хочется ему помочь, но он же к плите не подпустит, – с наигранным возмущением сказала Рут.

– Не мешай ему тебя баловать, – ответила Лорен с улыбкой, но в ее голосе чувствовалась нотка раздражения. – Может, хотя бы сегодня не будешь контролировать все и вся?

– Прости, я правда очень стараюсь. И спасибо вам, что приехали сегодня. Давненько мы не виделись. – Рут пустила разговор в привычное русло заботы. – Как ваши дела?

– Жизнь прекрасна, а я просто счастлива!

Рут привстала от удивления. Обычно эмоциональное состояние Лорен колебалось в пределах стоического равнодушия и грусти: пять лет лечения от бесплодия, шесть выкидышей и последующие операции оставили тяжелый след.

– Это чудесно, милая! Как же я рада, что у тебя все хорошо, – воскликнула Рут и сжала руку дочери. – Так и знала: надо повременить

с ЭКО, и все сразу пойдет на лад! Ты замечательно выглядишь – намного лучше, чем за все эти годы.

Щеки Лорен покрылись румянцем.

– Спасибо! – сказала она, поворачиваясь к кухне. – Что-то Дэн не торопится. Небось опять футбол обсуждают.

– Точно-точно, твой отец заболтается, и все сгорит. Может, сходить проверить?

Лорен сделала вид, что не услышала вопроса.

– А что, Алекс пока не звонила?

– Рано еще. – Рут посмотрела на часы. – В Сан-Франциско пять утра, так что она наверняка спит.

– Знаю я ее! Небось только ложится.

Алекс была пробивной, умной, энергичной и всегда верила в лучшее. В Калифорнии она умудрялась совмещать профессию разработчика программного обеспечения с бурной, насыщенной жизнью. Сестры всегда были очень близки.

– Жаль, что она не смогла приехать.

– Мне тоже, – согласилась Рут. – Очень по ней скучаю.

Из дома вышел Адам с подносом в руках, за ним появился Дэн.

– Все под контролем. Опережая твой вопрос – помощь не нужна, – заявил Адам и, торжественно опустив поднос, объявил: – Шампанское, бузинный сироп, вода и блинчики с копченым лососем.

В дверь позвонили, но никто не отреагировал. Адам снимал с бутылки фольгу, а Лорен с Дэном за ним наблюдали.

– Кто-то пришел. Я точно слышала звонок, – сказала Рут и привстала с кресла.

Адам посмотрел на нее с недоверием.

– Сиди, я пойду проверю.

Адам зашел в дом. Рут вслух поинтересовалось, не оглох ли он часом, но Лорен и Дэн ничего не ответили, с удовольствием уплетая блинчики.

Вскоре Адам вернулся, весь сияя от счастья.

– Похоже, ты была права. Смотри, кто к нам пожаловал, – сказал он и отступил в сторону.

Позади него в дверном проеме, точно в рамке, стояла высокая, угловатая фигура с толстой желтой сумкой на плече. Короткие темные

волосы, острые скулы, большие карие глаза, поднятые брови, ироничная улыбка. Алекс.

– Дочка! Вот это сюрприз! – Рут вскочила и с распростертыми руками побежала к ней. – Как я рада, что ты приехала! Надолго? Поверить не могу! – От восторга она улыбалась во весь рот, а на глазах блестели слезы.

– Мамуля, с днем рождения! – воскликнула Алекс и, бросив сумку, сжала Рут в объятиях. – Я на пару денечков, потом обратно. Из-за перелета жутко спать хочется, но я безумно рада вас видеть! – Обняв Лорен и Дэна, она взяла Адама за руку. – Скажи спасибо папе, это он все устроил.

Все наполнили бокалы, и Адам произнес тост:

– За Алекс, которая летела к нам всю ночь! – Алекс театрально поклонилась, и все зааплодировали. – За Лорен и Дэна, которым хватило порядочности не сбежать в Америку. И, конечно же, предлагаю выпить за нашу именинницу, заранее извиняясь за качество обеда. – Все засмеялись, затем Адам повернулся к детям: – Ваша мама пообещала расслабиться и хорошенько отдохнуть, как только съемки сериала закончатся.

– Ну, удачи тебе с этим, пап. Ты же знаешь, привычка – вторая натура, – сказала Алекс и подмигнула Лорен.

– Начиная с сегодняшнего дня! – строго заявил Адам. – Поздравляю тебя, любимая. – Они улыбнулись друг другу, и все захлопали.

Рут набрала в легкие побольше воздуха, готовясь произнести благодарственную речь, но Дэн тут же ее перебил. По его шее и щекам разлился румянец.

– А у нас есть новость, да, дорогая? – Он приобнял Лорен за талию и посмотрел на нее. – Давай, скажи ты.

Лорен прислонилась к Дэну и осторожно начала:

– На этот раз мы решили ничего не говорить, пока не пройдем стадию повышенного риска, потому что даже не надеялись на успех. Врачи были уверены, что это невозможно – в клинике сказали, что это чудо, – но я на тринадцатой неделе беременности! – Она сияла от счастья.

Дэн поцеловал ее в макушку.

– А вот и доказательства, – сказал он, протягивая три черно-белых зернистых снимка. – На прошлой неделе Лорен сделали обязательное УЗИ, я специально приготовил каждому по копии. Качество не идеальное, но справа сверху видно личико в профиль.

– Круто! – воскликнула Алекс.

– Как здорово! – вторил ей Адам, уткнувшись в снимок. – Лобик-то фамильный, готов поспорить!

Рут смотрела на них и не могла поверить собственным ушам.

– Я думала, вы прекратили попытки. Как же у вас получилось? В смысле, естественным путем?

Они рассказали, что после недавнего выкидыша у Лорен диагностировали синдром Ашермана: ее матка настолько деформировалась в процессе предыдущей операции, что дальнейшие попытки ЭКО не будут иметь смысла. В клинике им посоветовали остановиться, но они были настолько раздавлены горем, что в итоге врач согласился в последний раз перенести эмбрион. Он сказал, что “закрытие цикла” поможет им смириться с диагнозом, только и всего, вот они и решили никому не говорить. Когда же, несмотря ни на что, Лорен забеременела, ей сказали ждать выкидыша. Каждый день они готовились к потере, но ребенок продолжал развиваться. Недавно в женской консультации подтвердили, что беременность, скорее всего, протекает благополучно.

– Очень странно, – заметила Лорен. – В последние годы мне было так плохо, и вдруг я вновь почувствовала себя человеком. – Она окинула взглядом собравшихся. – Спасибо, что оставались рядом, особенно когда я была на грани или вела себя как полнейшая сука. Спасибо, что всегда поддерживали меня.

Члены семьи Фернивал произносили тосты в честь призрачного образа ребенка, а затем принялись обнимать и поздравлять друг друга, облегченно вздыхая.

– Мамочка, прости, что не сказала тебе, – прошептала Лорен, уткнувшись в плечо Рут. – Мне так не хотелось искушать судьбу.

– Что ты, милая! Я так счастлива! Даже не сомневалась, что у вас все получится, – ответила Рут. От собственной лжи ей стало не по себе.

Адам довольно улыбался.

– Чудесная новость! – Он повернулся к Лорен. – Предлагаю открыть еще одну бутылку, и на этот раз я настаиваю, чтобы ты сделала хотя бы глоточек, пусть даже потом и выплунешь его.

Лорен торжествующе посмотрела на Дэна, ее лицо сияло от счастья.левой рукой она обхватила живот, одновременно защищая его и выставляя напоказ. Рут одолели воспоминания о собственной беременности: она физически ощущала, как пульсирует и извивается плоть внутри плоти, и размышляла о том, какая великая сила в этом сокрыта. На долю секунды она даже почувствовала укол зависти.

Алекс поднесла воображаемый микрофон к подбородку Рут и, пародируя манеру типичного американского репортера, спросила:

– Разве это не самый лучший подарок ко дню рождения? Новоиспеченная бабуля, расскажите, что вы сейчас чувствуете?

Рут растерялась: все смотрели на нее и, улыбаясь, ждали ответа. Новость отличная, но почему-то она застигла ее врасплох.

– Полный восторг, Алекс, как я и говорила. Невероятно, самый лучший подарок, это точно.

Лорен сообщила всем, что ребенок должен появиться на свет третьего апреля.

– То есть, когда я вернусь сюда в декабре, ты уже будешь на шестом месяце! – воскликнула Алекс. – Прямотаки мадонна почти с младенцем. Как же здорово, что Рождество в этом году будет понастоящему рождественским, – сказала она и приобняла Лорен. – Я так за тебя рада!

– А если все сложится, то ровно через год наш первый внук или внучка будет отмечать бабушкин день рождения и ползать по нашему саду, – добавил Адам. – Я позабочусь о том, чтобы газон был в идеальном состоянии.

– Ну все, – в глазах Лорен промелькнул страх. – Давайте не будем об этом. Если я чему-то и научилась за пять лет, так это не радоваться раньше времени. Когда воспринимаешь все как должное – точно быть беде.

Дэн обнял Лорен, желая защитить и успокоить ее.

– Все к столу! – крикнул Адам. Он посмотрел на Рут и улыбнулся. – Готова отмечать?

Все согласились, что обед получился выше всяких похвал: кружочки белого мяса краба с авокадо, курица в лимонном соусе с

отварным рисом и зеленым салатом, а на десерт – безе с малиной и взбитыми сливками. Рут была поражена: Адам редко готовит, как же ему это удалось?

– Я тренировался, – признался он. – Коллега по работе дала парочку советов.

– Эмили, как я понимаю? – спросила Рут с самодовольной улыбкой.

Алекс уставилась на мать.

– Та блондинка-стажер, которая, по твоим словам, влюблена в папу? – Она перевела взгляд на Адама. – Ты все еще позволяешь ей виться вокруг тебя?

– Эмили Салливан вот уже несколько лет как полноправно вступила в должность и является ценным кадром моей адвокатской палаты, – ответил Адам. – Мы коллеги, и ничего больше. На прошлой неделе она любезно согласилась помочь мне попрактиковаться в приготовлении этого обеда.

– И где же вы двое практиковались? – ехидно спросила Алекс.

– У нее дома.

– И тебя это устраивает, мам?

– Не говори глупостей. Мы с Эмили знакомы несколько лет: иногда она приходит к нам в гости, а мы вдвоем бывали у нее. В любом случае, она состоит в долгих отношениях со своим молодым человеком.

– Больше нет, – поправил ее Адам. – Они расстались месяц назад, но вряд ли она долго пробудет одна, – добавил он и приобнял Рут. – Мы с твоей мамой женаты уже больше тридцати лет – нас уже ничто не разлучит.

По взгляду Адама Рут поняла, что он ждет от нее подтверждения его слов.

– Ты абсолютно прав, дорогой.

* * *

И в этом она была уверена.

В ночь после выкидыша Адам работал до четырех часов утра. Он привык к ночному бдению, еще будучи молодым адвокатом по уголовным делам, и ему нравилось иметь дом полностью в своем распоряжении, слушать скрип половиц и гортанные вздохи труб центрального отопления. Налив еще одну чашку кофе, он вышел из кухни и направился по коридору к своему кабинету мимо трех картин, написанных Лорен в колледже. На них были изображены дома, в которых прошло ее детство: слева облицованная гранитом терраса родителей Рут в Корнуолле, в центре увитый лиловыми глициниями кремовый фасад дома в Хаммерсмите, а справа от него – кирпично-каменное семейное гнездышко родителей Адама в Бакингемшире. С документальной точностью она выписала все три здания, а вокруг них приклеила потертые фотографии, открытки, карты и клочки ткани.

Лорен была мечтательным ребенком, тихим и спокойным. Она не интересовалась учебной работой, зато любила музыку и искусство. Адам был уверен, что у нее талант, и учителя с ним соглашались, но Рут беспокоили ее оценки, поэтому она заставляла дочь посещать внеклассные занятия по математике, естественным наукам и французскому языку, а их Лорен терпеть не могла. Решив поступать в колледж Святого Мартина, где обучали искусству и дизайну, она отлично показала себя на подготовительных курсах и в итоге стала одной из звезд своего выпуска.

Адам вспомнил, как покупал эти три картины в первый день выставки дипломных работ, за которую она получила золотую медаль. К концу вечера все портфолио Лорен было распродано. Принимая поздравления от галеристов и посетителей, она чувствовала себя как рыба в воде, от удивления и удовольствия на ее щеках полыхал румянец. Они с Рут гордились дочерью и уже представляли себе выставки, заказы и следующее за ними признание, как вдруг два года спустя Лорен объявила, что выходит замуж за Дэна, инженера, старше ее на пять лет. Он обожал ее, это очевидно, однако был настолько непохож на них, что выбор дочери показался им упреком.

Они сразу же решили завести детей, и, когда этого не произошло, Лорен была раздавлена. Она забросила картины и начала преподавать два дня в неделю в школе в Хакни, а в остальное время работала из дома художником-графиком. Они жили скромно: после того как бесплатный цикл ЭКО от Национальной службы здравоохранения не увенчался успехом, все свободные деньги стали уходить на оплату лечения в частных клиниках. Казалось, будто жизнь Лорен протекает от одного приема врача до другого. С грустью и тревогой Адам и Рут наблюдали за происходившими с ней изменениями: плаксивая и капризная в период лечения, полная надежд в краткие периоды беременности, безутешная после их окончания. Для Адама было невыносимо видеть ее в том состоянии, в котором она была пять часов назад: опустошенную последней, величайшей потерей из всех.

Зайдя в туалет, Адам поставил чашку на полку, где среди кучи книг, ваз и камешков возвышалась золотая статуэтка ВАФТА. Он мочился долго и с большим напором: двойное облегчение. Врач сказал, если можешь помочиться на стену с двух футов, рак простаты не грозит. Не то чтобы его беспокоил рак простаты. По крайней мере, не слишком сильно. Тем не менее в прошлом году уже пара коллег с ним столкнулись, обычно это заставляет задуматься. Однако в прошлый раз Адам попал с трех футов, что довольно неплохо для пятидесяти семи лет.

Стена позади него была увешана фотографиями дочек и рисунками времен начальной школы. На самом большом была подпись: “Моя семья. Лорен Фернивал, 3 года”. На рисунке Адам, Лорен и Алекс стояли, взявшись за руки, в фиолетовом доме. Повсюду цветы и деревья, а наверху ярко-голубое небо, желтое солнце и, если присмотреться, можно увидеть крохотный коричневый самолет.

– Ты только троих нарисовала, глупая! – заверещала Алекс, когда Лорен принесла рисунок домой. – А маму забыла!

– Неправда! – твердо заявила Лорен. – Мама в самолете.

Адам улыбнулся, вспоминая, как Рут встревожилась и сгоряча поклялась чаще появляться дома. Намного чаще. Эта фраза в их семье стала крылатой. С тех пор каждый раз, когда она говорила, что задержится допоздна в монтажной, не сможет приехать на день рождения или будет работать все выходные, дочери хором кричали: “Мама в самолете! Мама в самолете!”

Он остановился у подножия лестницы и почувствовал, как дом окутывает его, – они сделали это место таким, какое оно есть сейчас. Первые пару лет они жили как в берлоге. Так было у всех, кого они знали. Изю всех сил стараясь оплатить счета, они обставляли дом чужим старьем или тем, что удавалось найти на помойках. Каждые выходные заделывали щели, клеили обои и красили стены. Он научился штукатурить, соорудил ворота и собственноручно прибил все книжные полки. Все это он совмещал с тяжелой работой младшим адвокатом, за гроши вкалывая по ночам и путешествуя по всем судам Юго-Восточной Англии. Сколько же у них было энергии!

И ведь большую часть времени они были счастливы. Конечно, бывали непростые времена: вечный недосып после рождения Алекс, долгие поездки Рут за границу, ужасная няня, подростковый период девочек-ведьмочек, – но они всегда стремились к своим целям. Рут привела в порядок сад, теперь там можно было пить чай, прыгать на батуте, выращивать и рвать салат. Адам поставил сарай и построил домик на дереве. Летними вечерами они устраивали турниры по настольному теннису. Пока кипело рагу, пеклись оладьи – за кухонным столом Лорен и Алекс спорили из-за домашки. На Рождество все собирались у пианино: Адам играл, а все остальные пели песни.

А потом, совершенно неожиданно, все закончилось, и по-прежнему уже быть не могло: вместо хаоса и криков, вместо пульсации жизни – тишина. Раз убранные комнаты всю неделю оставались идеально чистыми. Телефонные зарядки, чайные ложки и велосипеды лежали на своих местах, а из дома почти исчез смех. Адам будто потерял часть себя: он души не чаял в дочках и обожал их на расстоянии, пусть теперь Алекс и приезжала к ним пару-тройку раз в год, а Лорен лишь время от времени.

Поначалу они с Рут стали проводить много времени вместе: ходили в кафе, на концерты, рассеянно обсуждали сокращение с работы и возможность взять отпуск на год. Затем, как раз когда Рут открыла с Беллой “Морраб филмз” и лишилась зарплаты на Би-би-си, бюджет на юридическую помощь заметно сократился, и доходы Адама резко упали. Денег было впритык, и Рут стала работать еще больше, чтобы восполнить нехватку. Адам чувствовал себя виноватым. Чтобы убить время, он нашел себе занятия по душе: вступил в несколько комитетов, чаще играл в теннис. Они занимались сексом, но лишь

время от времени – он знал, что это совершенно нормально, однако Рут постоянно была уставшей, часто засыпала, читая сценарии в кровати, и в период съемок вставала ни свет ни заря. Десять дней назад, когда Лорен сообщила о беременности и что на этот раз самый опасный этап позади, Адам ощутил радость и прилив надежды. Он представлял себе, как внук или внучка оживит дом и подарит им новую цель в жизни, и теперь все начнется с чистого листа. И вдруг, сегодня вечером, пришло сообщение от Дэна – все кончено, ребенок погиб. В груди снова поселилась опустошающая боль.

Кабинет Адама – его личное пространство. В бурные годы семейной жизни, когда он явно был в меньшинстве, кабинет был единственной комнатой, которая на все сто процентов принадлежала ему: никаких женских штучек и украшений. Он любил Рут и дочерей – вне всяких сомнений, они были центром его вселенной, – но жить в гинекократии довольно изнурительно: нужно убежище, место, в котором можно уединиться, скрыться от всех и побыть самим собой. Медная настольная лампа заливала стол мягким зеленоватым светом и настраивала на рабочий лад. Когда-то она принадлежала его деду, хирургу и альпинисту, который заменил Адаму отца. На семейных праздниках в Шотландии он играл с ним в футбол и теннис, учил различать виды деревьев и птиц.

Адаму было семь, а его сестре четыре, когда отец серьезно заболел: лейкемия, угас он быстро. С тех пор, если Адам видел, как кто-то ходит по дому в пижаме, слышал запахи талька, антисептика или терпкого масла мирры, он моментально оказывался в родительской спальне: энтропия и конец детства, чувство вины. Эту тему больше никогда не поднимали – ее зарыли в землю, как тела двух золотистых ретриверов на заднем дворе. Однажды все взрослые оделись в черное и ушли на похороны, где детям было не место, а потом – в обычную одежду и продолжили жить как ни в чем не бывало. Пару недель спустя Адам нашел на заднем крыльце пять птенцов черного дрозда: бесперых, с розовой, полупрозрачной кожей, большими слепыми глазами и тощими шеями.

Двое уже умерли, а остальные еще шевелились. Адам выложил дно обувной коробки носками и ветками, поставил ее на комод в своей спальне, положил их туда и накрыл сверху листьями, чтобы не мерзли. Он проверял птенцов каждое утро и как только возвращался из школы.

Они почти не двигались, но он капал им в клювики молоко, отчаянно пытаясь сохранить им жизнь. Однажды, когда Адам пришел домой, коробки не было. Он спросил у мамы, не видела ли она ее.

– Милый, я ее выкинула. Птенцы умерли, и запах стоял ужасный.

– Они не умерли! – Адам сложил руки на груди, будто щит, и стал раскачиваться взад и вперед, оплакивая горькую утрату. – Зачем ты их выбросила?!

Она смотрела на него с тревогой.

– Ну-ка сядь и успокойся, Адам! Мальчики не плачут. Помнишь, что я тебе говорила? Теперь ты глава семьи, не подведи нас.

Но Адам неделями рыдал без умолку, и вскоре мать поняла, что больше не сможет это терпеть. Чтобы успокоить ребенка, было решено отправить его на летний семестр в подготовительную католическую школу-пансион, где всем заправляли францисканские монахи.

– Будь стойким, мой мальчик, ты же Фернивал! – наставляла его бабушка, прощаясь с ним в кабинете директора.

Семья была небогатая, но страховка покрыла затраты на ипотеку, и матери Адама удалось сохранить дом – когда-то приходской, с неровными полами из дубовых досок, с каминами внушительных размеров и множеством портретов на стенах, изображающих целые поколения семьи. Адам получил стипендию на обучение в частной школе и сразу понял: чтобы не потерять место, необходимо быть лучшим из лучших – и старался соответствовать. Дяди приходили к нему на матчи по крикету, водили на рыбалку и учили жизни. К четырнадцати годам католическая вера испарилась, и он приобщился к умеренным, не требующим вовлечения англиканским школьным службам. Адам не проявлял особого рвения, но ему нравились музыка и литургия, поэтому он продолжал посещать их по праздникам. Впрочем, выступая в дискуссионном клубе, он раскрыл свои францисканские корни: он спорил с жаром, выражая довольно старомодные взгляды относительно охоты на лис, смертной казни, эвтаназии и аборт – зачастую одерживая победу, благодаря мастерству, харизме и таланту к убеждению. К последним годам школы Адам развил в себе обаяние и изысканные манеры, характерные для мужчин в его семье, но в глубине его души таилась сдержанность, защищавшая уязвимого ребенка, коим он был на самом деле. Он выработал для себя моральный кодекс и строго его придерживался,

чтобы не терять почву под ногами. Он собирался стать спортсменом и юристом, как отец, и мечтал о целом племени детей – о настоящей семье, где отец останется жив.

Учитывая все обстоятельства, Адам неплохо справлялся: жив-здоров, все еще играл в теннис, иногда даже в крикет, да и за барной стойкой любому давал фору. Детей, правда, меньше, чем он себе представлял, – жалел об этом, но уже поздно. Многие вещи он бы сделал иначе, да жить прошлым нет смысла. Адам ни с кем не обсуждал болезнь отца, пока не встретил Рут. Необремененная сдержанностью среднего класса, она хотела точно знать, что случилось и что он чувствовал в тот момент. Она была не похожа ни на кого из тех, кого он когда-либо знал: она поняла его, что-то в нем пробудила. Он был обязан жениться на ней. Оглядываясь назад, Адам понял, насколько это было рискованно. У обоих сильный характер, из-за этого бывало трудно: сложности никогда не обсуждались, а вспоминались только в гневе. Но они все еще вместе, и это главное. Семья Фернивал: Рут и Адам, Адам и Рут. Неразлучные.

У него на столе стояли две фотографии. Маленький черно-белый портрет щуплого мальчугана с тощим бледным лицом, сделанный в его первый год в подготовительной школе, служил вечным напоминанием о том, что все наладится (он никогда не посещал встречи выпускников). На второй фотографии – его родители в день свадьбы: серебряная рамка потускнела и стала коричнево-серой, а лица молодых были полны радости и надежды. Она имела совершенно другой посыл: всегда готовься к худшему.

* * *

Рут протянула руку и повернула телефон экраном вверх: 02:57. Она проснулась, обливаясь ледяным потом. “Сколько еще можно мучиться?” – подумала она, перевернувшись на сухой холодный край кровати. Она чувствовала тупую, давящую грусть и не могла понять из-за чего, но вдруг вспомнила. Лорен в больнице, опустошенная, не в силах плакать, отталкивает ее: “Мама, не надо, пожалуйста!” Дэн с изможденным от горя лицом: “Не знаю, насколько меня еще хватит...” И семья одиноких, лишенных матери эмбрионов, ждущих в

морозильной камере. Если бы только она могла найти решение. Хоть бы было немного лишних денег на оплату суррогатной матери. У Рут была репутация продюсера, способного свернуть горы: она привыкла браться за любую возникшую проблему и решать ее, но на этот раз ее одолевали разочарование и бессилие. Она не могла заснуть.

Рут включила свет. На прикроватной тумбочке лежала книга ее детства “Маленькие женщины” в выцветшей синей обложке, которую она забрала с чердака родительского дома в Пензансе, убирая там после их смерти. Книга столько лет пролежала в корнуолльской сырости, что ее обложка сморщилась, а страницы пропылились. На титульном листе крупными, скругленными и соединенными между собой буквами было написано “Рут Яго”, а рядом застыло чернильное пятно. Она вспомнила новую авторучку, подарок на седьмой день рождения, и нагоняй от матери: “Ты зачем ее сломала, негодяйка? В твои-то годы! Как тебе не стыдно?!” Рут поднесла книгу к лицу – все еще пахнет плесенью и дымом. Она вспомнила, как было здорово лежать на ковре из овчины в дальней комнате, поближе к огню, и читать целые часы напролет, пока не заругают: “Ну-ка, хватит! Глаза испортишь. Тебе что, заняться нечем?” Будучи подростком, она часто пропадала в отделе художественной литературы пензанской библиотеки. В книгах Рут находила покой, они обещали свободу, и с ними она погружалась в добрый, забавный и увлекательный мир, где кипели страсти и преображался секс.

Реальная жизнь с матерью была гораздо мрачнее. Однажды за завтраком она заметила над воротничком школьной блузки засос и впала в ярость: “Ах ты гадкая, паршивая мерзавка! Убирайся отсюда! Теперь ты порченная, как эта Уоррен!” Кристин Уоррен, веселая и добродушная девушка с длинными русыми волосами, ушла из школы в шестнадцать лет. Днем ее можно было встретить на центральной улице с коляской – противоестественная, страшная судьба. Рут была единственным ребенком в школе, кого мать, религиозная фанатичка, заставляла отсиживать две службы по воскресеньям и держала под домашним арестом, чтобы уберечь от порока. Рут придумала множество внеклассных занятий и экскурсий, чтобы прикрыть свою тайную жизнь, но она никогда не позволяла мальчикам зайти слишком далеко: угрозами и запугиванием мать привила ей целомудрие. Сперва она ненавидела уловки и боялась осуждения, для каждой лжи стараясь

найти достойное оправдание, и обычно у нее получалось. К концу школы Рут превратилась в опытную лгуницу: без этого было никак, но она все равно переживала.

Она встала с кровати и положила “Маленьких женщин” обратно на полку в углу комнаты. Там она хранила самые ценные книги, которые перечитывала снова и снова: они давали ей почву для размышлений, просвещали, дарили мудрость и утешение. Рут просмотрела корешки, выбирая книгу под настроение, и остановилась на “Миссис Дэллоуэй”. Потрепанный том был расписан умными заметками, которые она делала в первый семестр университета, пытаясь в свои восемнадцать понять главную героиню – утонченную аристократку средних лет, ее жизнь в Лондоне и противоречивый характер. Сейчас между ними было больше общего. На титульной странице ее имя было написано острым, почти каллиграфическим почерком, которым она гордилась много лет: “Рут Яго, Брасенос-колледж”. Еще одно воплощение.

Оксфорд был прекрасен, удивителен и страшен. Впечатляюще не похож на тридцать седьмой дом по улице Росвенна-драйв в Пензансе. Рут сразу поняла, что влиться в коллектив будет непросто. Другие студенты кичились обширными связями, налаженными в школах-пансионах, в шикарных лондонских домах, так хорошо подходящих для вечеринок, в ветхих загородных домах и в безрассудных приключениях во время каникул. Те же, кто находился у подножия социальной лестницы, обсуждали обездоленное детство, проведенное в полузаброшенных кварталах, жестоких отцов и запуганных матерей, самоубийства родственников. Ее взросление в религиозной семье среднего класса было лишено драматизма. В то же время ее доселе обычное, ничем не примечательное корнуолльское имя неожиданно стало предметом насмешек: “Рут Яго! Вот это имечко! Ха-ха!” Пришлось придумывать прозвище.

Через пару недель от корнуолльского акцента не осталось и следа – вместо этого ее речь приобрела манерную медлительность: именно так говорили профессора на лекциях и семинарах. Ужин она стала называть обедом, а привычный обед превратился в ланч. Не считая коротких визитов в Пензанс (акцент возвращался в районе Плимута), она никогда не выходила из роли и горя не знала. Но ей так и не удалось снискать одобрения матери: “Ты ведь теперь считаешь нас

людьми второго сорта, да? Ну-ну, поживем – увидим! Чем выше взлетаешь, тем больше падать, не забывай об этом”.

Рут нашла работу на Би-би-си, потом вышла замуж, сменив фамилию с Яго на Фернивал. Адам оказался умным, смешным и заботливым. Все его родственники имели отличное образование и были уверены в себе. Аристократической твердостью характера они напоминали ей героев “Возвращения в Брайдсхед”. Рут восхищалась ими, но никого из них не понимала. Разве можно поговорить с кем-то по душам, если так тщательно скрываешь свое истинное я? В конце концов ей удалось подстроиться – и это главное.

И вот, десятки лет спустя, она играет еще одну роль: пережившую менопаузу, замужнюю и все еще работающую Рут, хозяйку опустевшего гнезда. Внуков, похоже, не предвидится, а ведь они могли бы немного изменить сложившийся расклад. Ради чего теперь жить? Кем быть? Что делать? Вариантов немного, ведь она привязана к Адаму. Их судьбы оказались скреплены общей историей и семьей, словно стальной паутиной, а дом превратился для них в кирпичный корсет: сколько всего хранится в тайне под его шиферной крышей! Они не смогли бы устроить себе передышку от семейной жизни – даже если бы захотели.

Она была уверена, что Адам никогда об этом не задумывался: он всегда был одинаков, никогда в себе не сомневался и не видел необходимости меняться. Она чувствовала его ритмы: он работает внизу, подшивая документы и продумывая структуру и порядок своих аргументов. Примерно каждый час она слышала его шаги в коридоре, бурный ропот чайника и звонкий скрежет фарфоровой кружки по гранитной столешнице. Она представляла, как он засучивает рукава джемпера, зевает и потягивается, перед тем как взять ручку и накинуться на свежую стопку бумаг, как пишет едкие заметки на полях, чтобы отметить слабые места в показаниях свидетелей или сомнительные пункты в законе. Для своих лет он в отличной форме – не растолстел, как несколько его коллег, – по-прежнему привлекателен, женщины не прочь с ним пофлиртовать. Ей вспомнились голоса из кинозала и закутились в голове, как заевшая пластинка: “Когда-то была само очарование... когда-то была... когда-то была...”

Она зашла в ванную и посмотрела в косметическое зеркало, стоявшее рядом с бритвенными принадлежностями: оттуда на нее

глазело гигантское лицо, в десять раз больше нормального размера. На смену ранним неприятностям менопаузы пришла фаза “бородатой женщины”: со вчерашнего утра на лбу, над верхней губой и на подбородке появились новые волоски. Она принялась выщипывать их пинцетом – пагубное и к тому же совершенно бесполезное действие, как выметать песок с пляжа. Ее подруги ходят в дорогие салоны, где нитью выщипывают брови в стиле Фриды Кало и удаляют усы. Однажды Рут последовала их примеру, но процедура оказалась настолько болезненной, что она решила бороться с проблемой своими силами. Однако шансов на победу в этом бою у нее не было. Она пользовалась дорогими кремами, ходила к косметологу, но все-таки кожа была уже не та.

Иногда, стоя в одиночестве, рассматривая лицо и стремясь его улучшить – или скорее притвориться сорокалетней женщиной, – она мучилась приступами жуткой паники. Она готовит свой внешний вид для какой-то цели, но какой? И где же настоящая Рут? Кто на самом деле все пристальнее следит за ней и изоощренно над ней издевается? Она чувствовала, что давным-давно утратила часть себя и изображение в зеркале представляет собой что-то вроде набора разрозненных частей: разрыв между внутренним миром и внешностью увеличивается с каждым днем. Натягивая кожу, чтобы вырвать гадкие, толстые волоски, она слышала пессимистично-злорадный голос матери: “А чего ты хотела, девочка моя? Быть женщиной не сахар, вот увидишь!” Рут перевернула зеркало. Гораздо лучше: в размытом отдалении она снова казалась себе молодой, а значит, цель достигнута, ведь так?

Рут вернулась в кровать и выключила свет. Как только она уснула, голоса в голове злобно зашептали:

В твои-то годы!

Не сахар, вот увидишь!

Как тебе не стыдно?!

Когда-то была само очарование...

Убирайся отсюда!

Годы никого не щадят... никого не щадят... никого...

Погожий денек в Брокли, небо чистое, и комната полна света. Лорен пятый день не выходит из дома, до сих пор не была на улице. Здесь – подальше от колясок, детей и младенцев, беспечно качающихся на пышных грудях матерей, – гораздо безопаснее. В начале беременности ее собственная грудь налилась, готовясь выполнять свою главную функцию, соски стали чувствительны к температуре и прикосновениям, однако теперь они сморщились и загубели. Матка все еще немного кровоточила, будто плача о потерянном ребенке. Днем, пока Дэн был на работе, она спала или бродила по дому в сером велюровом халате, натянув капюшон, и разглядывала тщательно обставленное семейное гнездышко: безупречно чистые бледные стены, деревянные полы без единого пятнышка, книги, горшки и чудесные скульптуры, аккуратно выставленные на полках. Безопасно, но чересчур стерильно.

* * *

Они въехали в этот дом сразу после медового месяца. С каким воодушевлением они забирали ключи у агента по недвижимости! Пока не привезли мебель, они лежали в спальне на голом полу и представляли себе следующий этап совместной жизни: как занимаются любовью на широченной кровати, которую они договорились купить, обустривают детскую в мансарде, как в рождественское утро их будят двое деток с праздничными чулками в руках. Как жестоко судьба наказала их за беспечную уверенность. Трижды у Лорен забирали яйцеклетки и оплодотворяли их спермой Дэна: в измотанную матку посадили девять эмбрионов. Они привыкли к отсутствию спонтанности и затухающей страсти – секс превратился в механический процесс для достижения цели, который максимально эффективно запланировать на определенное время. Дэн научился делать Лорен инъекции с гормонами и справляться с потоком эмоций, вызванным лечением.

Несмотря на то что она проходила через это множество раз, потеря стала для нее шоком. Она стояла у окна в гостиной и смотрела на машины и людей, осознавая, что ее трагедия ничуть не затронула мир вокруг.

“Постарайтесь не замыкаться в себе”, – говорила она вслух, имитируя спокойный, умиротворяющий голос специалиста по когнитивно-поведенческой терапии, и закручивала красный резиновый браслет, обвивавший правое запястье, пока ощущение стянутой, онемевшей кожи не затмевало боль. Ей посоветовали носить браслет не снимая и затягивать его, когда в голову лезут дурные мысли, – так мозг постепенно научится избегать пагубного воздействия. Лорен сказали, что, если сдавить артерии, выделится адреналин, и это действие показалось ей щадящей заменой порезам на запястье – нет ни вреда, ни чувства вины.

Они лелеяли каждый эмбрион и оплакивали их гибель. Эти переживания сплотили их и отлучили от остального мира, потому что больше никто не понимал их скорбь. Порой, когда Дэн был на работе, Лорен доставала из глубин прикроватного столика конверт с распечатками. Тринадцать маленьких черно-серых снимков – уголки нескольких из них уже начали немного загибаться. Это все, что осталось от семерых детей, которые обосновались в ее чреве, а затем ушли. Она раскладывала их на одеяле и подолгу рассматривала, предаваясь нежным воспоминаниям.

Лорен с Дэном совершенно не вписывались, отставали, выбивались из общей картины. У немногих ее подруг были дети, но почти все его друзья уже имели по одному или даже по два ребенка. Люди начинали было спрашивать – и неоконченный вопрос неловко повисал в воздухе. Более чуткие знакомые старались при них не распространяться об успехах своих чад, не назначать встречи в кафе, куда часто заглядывают счастливые мамочки, и не рассылать приглашений на обеды, где существует вероятность опасной встречи с молодыми семьями. Хуже всего было на Рождество.

Обыкновенная удача других становилась невыносима. Когда очередная пара друзей объявляла о беременности, Лорен испытывала почти физическую боль и впоследствии старалась их избегать, потому что не могла скрывать душившие ее мерзкие чувства. Ее мучила зависть, когда она слышала истории о женщинах за сорок, которым с

легкостью удалось родить, или о тех, кто производил на свет по три-четыре ребенка, когда у нее не получалось выносить даже одного. Из-за этой ужасной несправедливости она чувствовала себя ущемленной, и в ее душе копилась злоба. В их круг общения входило все больше бездетных друзей: так было легче.

Телефон завибрировал. Лорен сунула руку в карман и нащупала его среди скомканных влажных салфеток.

Все время думаю о тебе
Может встретимся?
Выпьем чаю или прогуляемся?
Представляю, как тебе нелегко.
Люблю, целую

Лорен положила телефон на подоконник. Всю свою жизнь она относилась к матери с опаской. Однажды, в первый год средней школы, мама разрешила ей в конце четверти ложиться спать позже и приходить к ней на съемки. После одного из таких походов Лорен услышала, как ее коллега говорила с восторгом: “Как же тебе это удается, Рут? Успеваешь работать, уделять время мужу, заботиться о детях, еще и умудряешься заставить всех плясать под твою дудку. Вот что значит профессиональный управленец!” “Так вот как это называется, когда мама всерьез берется за тебя”, – подумала Лорен. Ей не хотелось, чтобы ею управляли: ее высокая, красивая и наглая мамаша обожала залезать в душу и везде совать свой нос. Если пригласить ее домой сегодня, она со своим сочувствием разбередит старые раны, вновь открывшиеся после выкидыша, и сделает только хуже. В этот раз все было просто ужасно: она позволила себе поговорить с ребенком – о том, какой замечательной будет их жизнь и что все их мечты наконец исполнятся. Она играла с судьбой, и та поразила обоих. Лорен ответила:

Спасибо, мам. Не переживай,
все хорошо, приезжать не нужно.
Еще увидимся, целую.

Сквозь стекло она видела раскидистые кроны деревьев: ярко-желтые листья вперемешку с темно-коричневыми. На ветках грелись в

лучах осеннего солнца розово-серые, по-летнему пухлые голуби. Кто-то мог бы назвать этот день чудесным, но только не Лорен.

Она положила руки на талию и попыталась их соединить: плоть довольно легко поддалась. Восемь дней назад ей казалось, что живот стал более упругим и сильнее выдавался. Она подолгу стояла боком у зеркала в ванной и представляла, как он понемногу растет.

“Бесплодная. Бездетная. Бесплезная”. Она натянула резиновый браслет – так всадник натягивает поводья, пытаясь сдержать огромную обезумевшую лошадь.

“Если станет совсем невыносимо, постарайтесь отвлечься от этих чувств. Займите себя делом, какой-нибудь физической активностью”, – советовал психотерапевт. Лорен открыла оконную задвижку, подняла нижнюю створку, и она со стуком врезалась в раму. В комнату ворвались запахи и звуки с улицы: пары бензина и сладковато-терпкий аромат гниющих листьев, гул машин, визг полицейской сирены и детский смех, доносящийся со школьной площадки на соседней улице. Лорен отпрянула от окна, и в ту же секунду с дерева беззаботно слетел голубь и приземлился прямо на узкий подоконник. Черные глазки осмотрели ее и забегали по комнате в поисках добычи.

Она на цыпочках подошла к журнальному столику, взяла из открытой пачки печенье и крошила его на подоконник. Птица на мгновение отшатнулась, намереваясь взлететь, но затем передумала и опустила голову, изучая еду. Голубь искоса посмотрел на Лорен и принялся клевать крошки.

Зазвонил телефон, и птица тут же упорхнула. Лорен закрыла окно и посмотрела на экран: Алекс сидела за кухонным столом у себя дома в Сан-Франциско и поедала мюсли.

– Привет! У меня есть двадцать минут, потом убегаю на работу. Я тут недавно кое-что узнала и хочу тебе рассказать. – Алекс на секунду замолчала. – Ты такая бледная, как себя чувствуешь?

Лорен вздохнула:

– Не очень. Мне снилось, что я все еще беременна, а потом проснулась и вспомнила, что никакого ребенка нет. Как будто снова его потеряла. После этого было несколько сильных панических атак. Кажется, я не выживу, если не смогу иметь детей.

– Сможешь! – Алекс подняла руки над головой, будто ангел, прибывший с вестью. – У меня для тебя отличные новости

из Калифорнии, мировой столицы суррогатного материнства. Вчера я взяла выходной и обзвонила все клиники из списка, который ты мне отправила.

– Спасибо, – равнодушно ответила Лорен.

– А еще я заехала в те шесть, что были ко мне ближе всего, и кое-что взяла, – сказала Алекс, размахивая веером из брошюр. – В отличие от сайтов, тут подробно расписаны все цены. И везде есть суррогатное материнство. Когда сможешь встретить курьера?

– Не стоит, лучше отправь по почте.

Алекс нахмурилась.

– Но ведь еще позавчера ты говорила, что это очень срочно, потому что тебе нужно как можно скорее найти клинику.

– Знаю, но вчера мы разговаривали с Дэном, и вдруг он говорит: “Может, не будем заводить детей? Что в этом такого ужасного?” Представляешь?! – Лорен посмотрела на сестру с тревогой.

– Это всего лишь мнение, – мягко ответила Алекс. – Большинство моих друзей уверены, что лучший способ помочь планете – это не заводить детей. А те, кто все-таки хочет ими обзавестись, готовятся к усыновлению. Они считают, что это наивысшее проявление культуры разумного потребления, – сказала она, но затем спохватилась и добавила: – Но у тебя же есть свои эмбрионы, так что было бы логично их использовать. Не волнуйся по поводу Дэна: он еще не оправился. Он обожает тебя и сделает все, как ты захочешь.

– Не уверена, – ответила Лорен, разрывая салфетку на длинные тонкие полоски. – Когда я забеременела в прошлый раз, мы с Дэном договорились, что, если не получится, напрямую обратимся к суррогатной матери в Штатах. В клинике сказали, что это лучший вариант. Но теперь он не в восторге от этой идеи.

– Почему?

– Переживает по поводу денег и не хочет затягивать пояса еще на пять лет – ему кажется, что мы не потянем такой большой кредит. Плюс ко всему, он начитался негативных отзывов о коммерческом суррогатном материнстве в интернете и отказывается эксплуатировать бедную, несчастную американку, которая может не до конца понимать, на что подписывается. Я тоже не горю желанием снимать утробу неизвестной женщины в аренду – очень спорная услуга, но разве у нас есть другой выход?

Алекс открыла блокнот с заметками.

– Он прав, это недешево – минимум сто пятьдесят тысяч долларов, плюс придется оплатить госпошлину за перевозку ребенка в Англию.

Лорен опешила.

– И речи быть не может, у нас нет таких денег.

– погоди, – сказала Алекс и отхлебнула кофе, – есть еще один вариант.

Она наклонила голову и посмотрела на Лорен с хитрой улыбкой.

– И какой же?

– Я могу выносить вашего ребенка. Я в деньгах не нуждаюсь, у меня высокооплачиваемая работа и медицинская страховка, вы с Дэном сможете пожить у меня в гостевой комнате. Мне не нужно платить, так что забудьте про ваши дурацкие моральные терзания. – Она замолчала и взглядела в экран. – Ты что, плачешь?

Лорен скомкала обрывки салфетки и вытерла слезы.

– Прости, я просто... Я слышала, что сестры так делают, читала всякие истории в интернете, но мне даже не приходило в голову обратиться к тебе. Ты всегда говорила, что не хочешь рожать.

– Мне никогда не хотелось стать мамочкой, но я с радостью выношу ребенка для тебя. – Алекс улыбнулась. – Но только при условии, что ты точно забереешь его себе!

– А если что-то пойдет не так?

– А что может пойти не так? Я здорова, в отличной форме, а вот здесь... – она похлопала себя по животу, – у меня простаивает репродуктивная машина. Ну что, попробуем?

Лорен шмыгнула носом.

– Прости, я все никак не могу поверить... Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Я буду счастлива, если ты подаришь нам ребенка, – сказала Лорен, сверкая улыбкой. – Я поговорю с Дэном, а тебе нужно будет обратиться к специалистам, чтобы узнать обо всех рисках и полностью понимать, на что ты соглашаешься. Договорились?

– Конечно! – Алекс посмотрела на часы. – Только не сегодня и не завтра: у меня выездная конференция. И ровно через четыре минуты я должна сесть на велик, чтобы успеть провести презентацию для совета директоров. Потом поболтаем, хорошо?

- Я так тебя люблю и мечтаю тебя обнять!
- Я тоже, сестренка!

* * *

Лорен сделала себе чашечку кофе и наслаждалась непривычными ощущениями: кофеин был под запретом все годы, пока она старалась забеременеть, и эта чашка стала маленькой компенсацией за все ее неудачи. Она представляла себе, что скажет Дэн, когда узнает о предложении Алекс. Вдруг он предпочтет официальный вариант и предложит заключить договор, чтобы не полагаться на щедрость ее семьи? Она подошла к черно-белой фотографии, сделанной через несколько месяцев после их встречи: они стоят лицом друг к другу, руки лежат на плечах, он улыбается, глядя на нее сверху вниз, а она смотрит на него и смеется. Такие беззаботные и уверенные, такие счастливые, что нашли друг друга. Кажется, будто это было в другой жизни.

В то время она жила в коммуне художников в Уонстеде и, помимо работы в студии, перебивалась низкооплачиваемыми халтурками. Однако ей удалось набрать достаточно коллажей на персональную выставку в галерее лондонского Ист-Энда. Как-то раз в обеденное время, вскоре после открытия, туда зашли несколько сотрудников инженерной компании, что была неподалеку: один из них купил принт, а потом пригласил Лорен на свидание. Он был не в ее вкусе, да и выглядел значительно старше в этом своем костюме, при галстукке и с типичной прической парня из Сити. Но оказался довольно привлекательным и смешным. В винном баре он признался, что раньше никогда не ходил на выставки и купил картину ради того, чтобы поговорить с ее автором. Он закидывал ее вопросами, и вот Лорен уже рассказывала ему о себе: как она волновалась, что никогда не сможет зарабатывать картинами, как настоящий художник, и в конце концов будет вынуждена поступить в университет и найти “нормальную работу”, скучную до ужаса, просто чтобы хватало денег на еду. Такую жизнь ей пророчила мать, советуя превратить творчество в хобби и отодвинуть его на второй план.

– Это же глупо! Во всех отзывах в интернете пишут, что ты гений, к тому же половину картин уже раскупили. – Он говорил пылко, с искренней убежденностью. – Твоей маме не мешало бы купить очки. Или она у тебя художественный эксперт?

– Нет, она снимает сериалы для телевидения.

– Видимо, ей хочется, чтобы ты жила по ее сценарию. Интересно, из каких книг по воспитанию родители берут все эти трюки?

Лорен засмеялась, испытывая удивительную радость от бунтарства.

– Мама нас любит, но иногда перебарщивает. Она всегда уверена в своей правоте. Сестре с этим проще – у нее мозг размером с планету, и училась она лучше всех, что в школе, что в универе. А я постоянно ссорилась с мамой, пока она не разрешила мне поступить в художественный колледж. Мы с ней слишком разные: я глупенькая и влюбленная в искусство, а она пробивная и целеустремленная. – Лорен замолчала. – Очень грубо с моей стороны так о ней отзываться. Все стало не так плохо, когда я уехала из дома. Да и мама всегда выручает, если мне не хватает на аренду. А твоя мама какая?

Дэн ухмыльнулся:

– Судя по всему, полная противоположность твоей.

Он рассказал, что его мама – самая обыкновенная, никогда не вмешивалась в его жизнь, если видела, что он счастлив. Благодаря ей вся семья держалась вместе, и именно поэтому новость о ее раке груди стала для них большим ударом. Он младший из трех сыновей и, когда ей поставили диагноз, он еще был студентом. Отец не справлялся, поэтому Дэн взял академический отпуск на год, чтобы приглядывать за ними. Он потерял лицо, будто пытаюсь стереть воспоминания.

– Она прошла через операцию и химиотерапию, последний год в ремиссии, но опухоль оказалась очень агрессивной, так что вполне вероятно, что болезнь вернется, – сказал он, и его зрачки сузились. – Мы воспринимаем родителей как должное, а потом что-нибудь случается, и ты вдруг осознаешь, что они не вечны. Пришлось очень быстро повзрослеть.

– Какой кошмар, – сказала Лорен. Глаза пощипывало от накатывающих слез.

– Да уж.

Они смотрели друг на друга не отрываясь.

– Отец моего папы умер, когда ему было семь, и его мать сказала, что отныне он глава семьи.

– Ничего себе, как можно говорить такое маленькому ребенку?

– Мама говорит, что со смертью отца в нем тоже что-то умерло, и, мне кажется, на него это очень сильно повлияло. Он очень закрытый и сдержанный человек. Ему пришлось самому разбираться, как быть отцом, потому что не с кого было брать пример.

– Ужасно. Тогда мне вообще грех жаловаться – оба родителя живы, – сказал Дэн. – Прости, не знаю, как мы пришли к этому разговору. Давай сменим тему.

Обсуждение перетекло в более спокойное русло: выяснилось, что они оба любят техно, Гластонбери и бразильскую еду. Дэн признался, что обожает спорт и с детства болеет за футбольный клуб “Астон Вилла”. Он вырос в Мидлендсе, его отец работал на британскую железнодорожную компанию, а мать подрабатывала в школьной столовой. Он подшучивал над Лорен за то, что она из среднего класса, что родилась и всю жизнь прожила в мегаполисе на юге страны – по факту, в роскоши. В свою очередь Лорен заметила, что вообще-то жила так на птичьих правах. Дэн засмеялся: она даже не представляет, в каких условиях живет большая часть страны, и отныне его долг – раскрыть ей глаза. Теперь никаких винных баров: пиво и самая простая еда из дешевеньких пабов нравились ему гораздо больше.

Довольно быстро они стали парой. Родители Дэна отнеслись к Лорен даже слишком дружелюбно, но она почувствовала их удивление – даже намек на разочарование – и полюбила его за это еще сильнее. Он все время ее смешил, и, находясь с ним рядом, она могла по-настоящему расслабиться и быть самой собой. Он никогда не заставлял Лорен сомневаться в своей преданности и после свадьбы предложил ей поменьше преподавать и побольше заниматься творчеством. Пока шло лечение от бесплодия, в их паре царил полное взаимопонимание: они уверенно двигались вперед, поочередно поддерживая друг друга, и поэтому его недавняя перемена во взглядах вызывала такую тревогу.

Как только Дэн вернулся с работы, Лорен рассказала ему о предложении Алекс. Он ответил довольно осмотнительно: сказал, что есть плюсы и минусы, на обдумывание которых ему потребуется пара дней. Они часами топтались на одном месте, обсуждая деньги, планы и кандидатуру Алекс, но тут у Лорен закончилось терпение, и она обвинила мужа в том, что он хочет лишить ее последнего шанса на материнство. В конце концов Дэн сдался.

В тот же вечер перед сном Лорен написала Алекс:

Дэн в восторге, попросил
тебя поблагодарить. Нужно
еще обсудить пару моментов,
но мы точно хотим рискнуть!
Спасибо!!!! Моя самая лучшая,
любимая сестричка! Целую!!!!

Она погасила свет и увидела перед глазами картину, которую представляла себе последние шесть часов: они стоят в родильной палате американской клиники, и Алекс с последним усилием и победным криком производит на свет их малыша. Улыбаясь, она откидывается на подушки, а акушерка вручает Лорен малыша и помогает Дэну перерезать пуповину. Все трое не могут оторвать глаз от ребенка и плачут от счастья. Потом в палату заходят Рут и Адам, приветствуя первого внука. Впервые после выкидыша Лорен мгновенно погрузилась в глубокий сон.

На следующее утро Алекс позвонила Рут на работу и рассказала их план.

Рут была в шоке:

– Алекс, ты уверена?!

– А почему нет? Если они быстро выберут клинику и прилетят сюда вместе со своими эмбрионами, я смогу забеременеть еще до конца года.

– Замечательно, что ты хочешь помочь сестре, но беременность – очень ответственный шаг. Мне было хорошо – оба раза, – но без вашего отца я бы не справилась, а ты будешь совсем одна.

– Я думала об этом, – ответила Алекс. – Но мне так хочется помочь Лорен. Меня ужасно мучает совесть: пока она проходит через весь этот ад, я живу своей счастливой, беззаботной жизнью. Думаю, так мы восстановим справедливость. Да и все друзья будут в таком восторге, что ни на шаг от меня не отойдут: будут все время массировать спину, поить травяным чаем и трястись надо мной, будто я необычайно редкая зверюшка из заповедника.

– Ты уверена, что будешь в порядке?

– Лорен тоже об этом беспокоится. Я пока не ходила к врачу, но в интернете пишут, что процедура не такая уж и сложная. Столько женщин через это проходят!

Пока Алекс описывала процесс, Рут ввела в поиске: “Суррогатное материнство сестра замороженные эмбрионы”. На экране компьютера высветилось множество статей и картинок.

– Ничего себе! Я вот сейчас смотрю... Столько историй и фотографий...

– Об этом я и говорю.

Кажется, Алекс уже все продумала: она будет работать всю беременность, и ей не придется брать много отгулов, потому что всего в нескольких минутах езды от нее есть несколько клиник. Она была уверена, что начальство ее поддержит – некоторые сотрудники компании уже воспользовались услугами суррогатных матерей. И все

же Рут что-то беспокоило. Она напечатала: “требования к суррогатным матерям” и просмотрела результаты поиска.

– Алекс, прости, но твой план вряд ли сработает: я сейчас смотрю условия на британском сайте суррогатного материнства, и тут написано, что выносить чужого ребенка можно только в том случае, если у тебя уже есть свой, что, если подумать, вполне логично.

– Здесь с этим точно проблем не будет, – усмехнулась Алекс. – Это же Америка, самое ярое и беспринципное воплощение капитализма. Суррогатное материнство – это бизнес, тоже есть продавцы и покупатели. Клиент всегда получает то, что хочет, и обычно здесь меньше ограничений. Но на всякий случай я позвоню завтра в несколько клиник и уточню.

– И тогда я перестану волноваться. Солнышко, я так тобой горжусь. Ты молодец, что предложила свою помощь. Лорен, наверное, вне себя от счастья?

– Скажем так, она немного повеселела, когда убедилась, что я не шучу.

* * *

Вместо того, чтобы обзванивать агентов и режиссеров, как она и планировала, Рут весь день читала про женщин, которые родили детей для своих бесплодных сестер. Невероятно увлекательные истории о том, как они жертвуют своими телами и меняют жизни родных. Просто невозможно оторваться. Алекс права – это идеальный вариант. Как же это будет замечательно: дочери справятся с этим вместе и наверняка сблизятся еще больше. Может быть, когда ребенок родится, Алекс даже решит вернуться в Лондон, поближе к племяннице или племяннику. Так будет лучше для всех. Рут не останется в стороне: как и в случае с ЭКО, она узнает все самые современные методы и найдет самых квалифицированных специалистов. В интернете она подобрала несколько клиник возле дома Алекс и решила выяснить, какие из них отдают предпочтение передовой медицине, а не роскошным палатам и залам ожидания. А затем, чтобы быть уверенной на все сто, просмотрела все инструкции для будущих суррогатных матерей. К своему сожалению, она оказалась права: везде было написано, что

нужна как минимум одна беременность, прошедшая без осложнений. К тому же будущая суррогатная мать должна постоянно проживать в США. Алекс не подходит сразу по двум параметрам.

Рут схватилась за голову: Лорен ждет еще один удар, последняя надежда испарилась. Почему все обстоятельства этого мира всегда против нее? Ей становится все хуже и хуже. Рут испугалась, что однажды у нее случится нервный срыв. Сначала она решила позвонить Алекс и рассказать ей, а потом приехать в Брокли, чтобы быть рядом с Лорен, когда она об этом узнает. Но все же Рут решила, что не стоит вмешиваться. Они обе огорчатся, и пусть лучше Алекс поддержит Лорен: ей будет проще подобрать нужные слова и не настроить сестру против себя.

Рут уставилась в экран: она просто обязана что-то сделать. Должен же быть какой-то выход! Она сосредоточенно нахмурилась: нужно найти женщину – здоровую, ответственную и надежную, – которая уже обзавелась детьми и согласится родить еще одного ребенка для Лорен. Нужно вспомнить всех знакомых. Кто-то же должен быть! Неожиданно Рут почувствовала, как в глубине ее разума возникла идея и поднялась на поверхность – вот она, почти осязаема. Рут призадумалась и медленно напечатала: “бабушка суррогатная мать”.

Их были сотни – женщин всех возрастов, которые родили для своих детей и рассказывали об этом в телеинтервью, в эксклюзивных материалах таблоидов и в книгах, которые распродаются как горячие пирожки в каждом супермаркете. Больше всего таких историй из Штатов, но есть несколько случаев и из Британии. Некоторым женщинам было по шестьдесят или даже по семьдесят лет. Схема кажется очень простой: несколько месяцев гормонального лечения заставляют биологические часы возрастных суррогатных матерей идти вспять и готовят матку к появлению в ней эмбриона, которого подсаживают туда с помощью быстрой операции, которая даже не требует анестезии. Таблоиды называли суррогатных матерей “пузомамочками” и “наседками”: как курочки, они откладывают яйца, высиживают их и отдают малыша родителям, как только он вылупится.

Вечером того же дня, пока Адам совмещал ужин с рабочей встречей, Рут устроилась поудобнее на кухонном диване с айпэдом в руках и погрузилась в мир суррогатного материнства. Она невольно

всхлипывала, смотря американские дневные телешоу, в которых героические пятидесяти- и шестидесятилетние женщины сидят рядом с сыновьями и дочерьми, укачивающими своих чудо-деток. Кадры, запечатлевшие их беременность, служат доказательством того, что им полностью удалось вернуть себе удивительную способность к деторождению. Рут была потрясена их счастливыми лицами, сияющими глазами и поразительной силой. “Интересно, каково это вновь получить способность к деторождению и привнести в мир новую жизнь?” – думала она. Благодарные родители благоговейно кладут руки на раздутые животики бабушек, теряя дар речи перед лицом безмерного великодушия. Ведущие ток-шоу не могут сдержать слез, глядя на мониторы. Несомненно, это триумф науки и альтруизма – разве может что-то вдохновить сильнее?

Рут высморкалась и включила режим исследователя: просмотрела блоги, присоединилась к обсуждениям в чатах и прочитала последние новости о суррогатном материнстве. Ее накрыло волной радостного нетерпения: ребенок перевернет жизнь Лорен, и именно она может ей его подарить. Она готова пойти на жертвы, и ей показалось, что это цель всей ее жизни. А еще в процессе поисков Рут выяснила, что в субботу на другом конце Лондона начнется конференция, посвященная деторождению. Специалисты из Великобритании и со всего мира нахлынут в маленькие залы, чтобы пообщаться с глазу на глаз, ведущие эксперты в области фертильности продемонстрируют последние разработки, а на научных семинарах будут затронуты все аспекты лечения. В программе также запланировано обсуждение постменопаузальных родов и суррогатного материнства. Рут загорелась желанием посетить конференцию, но, заглянув в записную книжку, вспомнила, что согласилась поехать на холм Саут-Даунс, чтобы совершить шестичасовое восхождение, о котором Адам так долго мечтал. Она уже переносила эту поездку, поэтому в этот раз отказаться от нее невозможно.

* * *

Звонок Алекс ударил по Лорен едва ли не сильнее, чем очередной выкидыш. Когда плакать уже не было сил, она позвонила Дэнну.

– Привет, – сказал он тихо и неуверенно: в офисе открытая планировка, а голос Лорен в трубке может оказаться любой громкости и интенсивности. – Как ты там?

– Алекс не сможет быть суррогатной матерью, потому что у нее нет детей и она не гражданка США. Она обзвонила кучу клиник – везде одно и то же!

– Ясно.

Лорен ждала, что он скажет дальше.

– Дэн?

– Я иду на лестницу, там сможем нормально поговорить... Все, я здесь. Прости, Лори, представляю, как тебе больно... – Он немного замешкался. – Но может, это к лучшему?

– Ты сказал “к лучшему” или я не расслышала? Если так и сказал, то...

– Пойми меня правильно, – перебил он, – мне тоже плохо, просто я хотел сказать, что... Может, не стоит вмешивать в эти дела родственников?

– Ну и что нам теперь делать?

Дэн вдохнул.

– Мы потеряли ребенка меньше недели назад, и я чувствую себя так, будто меня грузовик переехал. Пока что я не знаю, что тебе ответить.

– Если мы не сможем иметь детей, я не выдержу.

– Лори, мы же друг друга отлично понимаем в принципе, но...

– Правда, Дэн. Я уже всерьез подумываю о краже, и меня это пугает...

– Так, успокойся, – Дэн заговорил медленно. – А теперь сделай глубокий вдох и потяни браслет. Давай вместе: вдо-о-ох, раз, два, три. Вы-ы-ыдох, раз, два, три...

Несколько минут они дышали одновременно, пока Дэн не услышал, как Лорен вздохнула.

– Лучше? – спросил он.

– Да.

– Мы справимся, обещаю.

– Знаю, – ответила Лорен. – Прости, что сорвалась на тебя.

– Мне пора, – сказал Дэн. – Меня ждут в переговорной, больше не могу задерживаться. Все будет хорошо, Лори. Мы столько всего вместе

пережили и стали только сильнее. Помни об этом и жди, я скоро приеду.

* * *

После очередного дня поисков в интернете Рут поняла, что конференция по деторождению – возможность, которую ни в коем случае нельзя пропустить: там она раз и навсегда узнает, сможет ли помочь Лорен. Адам не в восторге от идеи суррогатного материнства и решит, что это полнейшее безумие, поэтому, пока ничего не известно наверняка, не стоит его в это посвящать. Когда в пятницу вечером он пришел домой, она решила немного приврать для его же блага.

– Дорогой, прости, но завтра мне очень нужно на работу, – чтобы заглушить чувство вины, она разбавила ложь каплей правды. – Американские сопродюсеры хотят внести кучу изменений в ту версию “Боли”, которую мы сняли для Би-би-си. Белла как раз сейчас этим занимается. Аня из Лос-Анджелеса требует новую заставку к каждому эпизоду, и мы сильно рискуем выйти из бюджета, если я не вмешаюсь. Прости, мне очень жаль.

Адам снисходительно посмотрел на нее и ответил:

– Не переживай, я почти не сомневался, что так и будет. Каждый раз, когда ты говоришь, что все закончила, появляется что-то еще. Да и в любом случае лучше поехать туда весной, когда дни длиннее, чтобы не пришлось слишком рано вставать.

– Спасибо, любимый. – Рут понадеялась, что ее улыбка выглядела скорее печальной, чем кривой. – Так не хочется от тебя уезжать.

– Не волнуйся, – подбодрил ее Адам. – Я как раз займусь садом, подрежу все кусты, а в награду за свои труды посмотрю выездной матч “Арсенала”, – сказал он и поцеловал Рут в лоб. – Если вернешься ближе к вечеру, я закажу столик у Рави, а то мы с тобой сто лет не общались как следует.

* * *

Субботним утром Рут отправилась в Доклендс. Поезд был переполнен. Присоединившись к толпе людей, она вышла из метро и устремилась к конференц-залу. Вокруг нее были сплошные парочки, почти все они держались за руки. Возле входа стояла табличка с надписью: “Не фотографировать”. Перед Рут открылся целый мир, таинственный и скрытый от посторонних глаз. И она, будто частный детектив, приготовилась расследовать смутное будущее, возможно, ожидающее ее. Количество людей поражало: залы, в которых проходили семинары, были набиты битком, к стендам репродуктивных компаний со всего мира, где они продавали свои услуги, выстроились очереди.

Консультант в малиновом платье с глубоким вырезом и туфлях на шпильке перегородила Рут дорогу, предлагая бокал шампанского и пиалу с оливками. Она представляла крупную барселонскую клинику, рекламный стенд которой обещал отличное соотношение цены и качества, полную конфиденциальность и последние научные достижения, однако, когда Рут описала свою ситуацию, женщина отпрянула.

– В Испании, как и в большинстве европейских стран, суррогатное материнство запрещено.

– Почему? – удивилась Рут.

Женщина пожала плечами.

– Наверное, у нас другой менталитет. Суррогатное материнство считается неэтичным, потому что это использование женского тела. К тому же это неестественно и может иметь ужасные последствия, – сказала она и неодобрительно сжала глянцево-красные губы. – Мы предлагаем только ЭКО, но вам оно не подойдет.

Рут покраснела и отошла. К счастью, остальные представители оказались более дружелюбными: Кипр, Россия и Украина заинтересовались ее случаем. Взяв пачку брошюр, она подошла к стенду одной из ведущих лондонских клиник. Специалист в идеально сшитом двубортном костюме, явно говорившем о том, что его владелец уже много лет одевается только у портных, негромко общался с женщиной лет сорока. Рут не слышала, о чем они говорили, но эмоции были вполне ясны: тревога и сомнения против вкрадчивых доводов и мягкого убеждения. Доктору с серо-стальными кудрями и очками в серебряной оправе было около шестидесяти.

Наконец он повернулся к Рут и сказал:

– Мадам, прошу прощения, что заставил вас ждать. Чем я могу помочь?

То ли итальянец, то ли грек с манерами самого очаровательного метрдотеля.

– Моя дочь не может выносить ребенка, но у них с мужем остались замороженные эмбрионы после ЭКО. Скажите, пожалуйста, смогу ли я стать для них суррогатной матерью?

– Мадам, извините за нескромный вопрос, но могу ли я поинтересоваться, сколько вам лет?

– Всего-то пятьдесят четыре.

Доктор удачно изобразил галантное удивление, которое затем сменилось драматичным огорчением.

– К сожалению, у нас ограничение по возрасту пятьдесят один год. Раньше порог был выше, но его пришлось снизить из-за различных рисков для матери и ребенка.

– Но я знаю случаи, когда женщины за семьдесят рожали и выживали. О каких рисках может идти речь, если я полностью здорова и в отличной форме?

– Обычно во время беременности объем крови в теле женщины увеличивается на пятьдесят процентов, однако у пожилых людей стенки сосудов порой недостаточно эластичны – мадам, я говорю в том числе и о своих сосудах, – сказал он, подмигнув Рут, чтобы немного ее подбодрить. – Безусловно, я гораздо старше вас, но все мы с возрастом потихоньку теряем гибкость. Если же крови будет недостаточно, развитие ребенка остановится.

– Значит, мне придется ехать за границу?

– Я такого не говорил, мадам, – ответил врач и лукаво посмотрел на нее. – В каком возрасте у вас была последняя менструация?

– В пятьдесят два.

Он задумчиво почесал подбородок.

– Это может сыграть вам на руку: обычно менструации прекращаются в пятьдесят один, – доктор взял Рут под локоть и понизил голос. – Никому не говорите, что я вам это сказал, но в более мелких лондонских клиниках, вдалеке от Харли-стрит, требования... чуть мягче, если можно так выразиться. Попробуйте позвонить туда, вся информация есть в интернете. – Он отпустил ее руку и посмотрел

прямо в глаза: его лицо вдруг сделалось серьезнее, но взгляд был полон заботы. – Шансы есть. Желаю вам и вашей дочери всего наилучшего.

– Большое спасибо! – воскликнула Рут и невольно расплылась в улыбке.

“Шансы есть”, – отозвался в ее голове голос доктора.

* * *

Весь день она слушала лекции о беременности во время и после менопаузы, о роли гормонов в поддержании функционирования матки в зрелом возрасте и о методах, которые призваны помочь лабораторному эмбриону закрепиться в утробе. Рут старалась записывать все, что слышала, и с каждым выступлением воодушевлялась все больше: выносить ребенка в пятьдесят четыре года показалось не просто возможностью, а вполне обычным делом. Перед отъездом она проскользнула в аудиторию, где проходил семинар по правовым аспектам суррогатного материнства. Серьезный адвокат центра репродуктологии описывал процедуру передачи родительских прав от суррогатной матери к нанявшему ее человеку или паре. Предполагаемые родители, то есть биологические мать и отец, подали заявление в суд, чтобы их признали законными родителями ребенка. До тех пор пока судья не удовлетворит ходатайство, законными родителями считаются суррогатная мать и ее муж, если он есть, и в этом случае им обоим необходимо дать согласие на передачу прав. Рут почувствовала внутреннюю дрожь от волнения: получается, Адам должен быть с ней заодно. Он точно будет против, она это понимала, поэтому нужно его уговорить, пока он сам обо всем не догадался.

Затем последовала череда душераздирающих историй о том, как пары-наниматели расставались во время беременности и оставляли ребенка суррогатной матери, как родителям, заключившим контракт с иностранкой, не разрешили забрать детей, о суррогатных матерях, которые отказывались отдавать новорожденных и требовали выкуп. Адвокат предупреждал, что суды часто обеспокоены тем, что из детей делают товар, и рекомендовал обоим сторонам обратиться к независимым юридическим консультантам и во избежание возможных

проблем заранее составить соглашение, которое не допускало бы двойного толкования. Рут сделала заметку, а затем зачеркнула написанное: договор им не понадобится, а всю бумажную работу возьмет на себя Адам – таким образом они смогут снизить расходы.

Адвокат строго окинул взглядом собравшихся людей.

– Если вы рассматриваете суррогатное материнство, настоятельно рекомендую вам ознакомиться с соответствующими законами той страны, в которой вы намереваетесь заключать соглашение. Но самое главное – тщательно выбрать суррогатную мать и выстроить с ней доверительные отношения, – сказал он и переключил на последний слайд презентации, где крупными буквами было написано:

ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ РОДИТЕЛЯМ И СУРРОГАТНОЙ
МАТЕРИ НЕОБХОДИМО СФОРМИРОВАТЬ ПРОЧНЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ
ДОВЕРИЯ

Рут закрыла блокнот и нахмурилась: ее отношения с Лорен далеки от идеала. Над этим придется поработать. Но сложнее всего будет найти подходящую клинику с “мягкими требованиями”. Со стаканчиком кофе она села в тихий уголок комнаты отдыха, достала планшет и нашла список репродуктологических клиник в Лондоне. Некоторые из них работали по субботам. Рут выбрала одну, позвонила туда и объяснила свою ситуацию, стремясь показаться бодрой, здоровой и молодой женщиной.

Ответ звучал неутешительно: “У нас возрастное ограничение пятьдесят один год. Но я уверена, что мы сможем помочь вашей дочери. Если она захочет попасть на прием...”

Рут обзвонила весь список, но везде слышала одно и то же.

“Нет. Все наши пациентки должны быть моложе сорока шести. Женщины старше обычно едут за границу, там клиники не настолько избирательны...”

“Мне жаль вам отказывать, но таковы правила комитета по этике. Они учитывают вероятность успеха и риски для суррогатной матери и ребенка... Нет, мы не можем сделать исключение, ни при каких обстоятельствах”.

И вдруг, два стакана кофе спустя, она выиграла джекпот: клиника Маринелла. Иногда они принимают женщин в возрасте, если доктора уверены, что беременность с большой долей вероятности будет протекать нормально. Но пятьдесят четыре года – предел: пациентки должны успеть родить до пятьдесят пятого дня рождения.

Рут быстро подсчитала: на лечение и беременность уйдут одиннадцать с половиной месяцев – можно успеть.

– В таком случае я бы хотела как можно быстрее попасть на прием к самому опытному специалисту. Не могли бы вы меня записать?

Администратор ответила, что для начала родители-заказчики и потенциальная суррогатная мать должны записаться на первичный прием к медсестре.

– А когда это можно сделать?

– Как раз отменился прием в половине четвертого в понедельник.

– Мы придем, – сказала Рут. Если Лорен и Дэн откажутся, запись можно будет отменить в любой момент.

Домой Рут ехала в приподнятом настроении: прекрасный рабочий день. Но она понимала, что слишком уж надеяться не стоит, ведь ее физическое состояние может оказаться неудовлетворительным, или риски будут слишком высоки. Это всего лишь возможность, которую стоит проверить, вот и все.

Телефон завибрировал – сообщение от Шейлы:

Куда пропала? Твой
подарок все еще у меня!
2 недели назад обещала
написать, когда и где
встретимся. Все хорошо?

Целую, Ш

Прости, была жутко
занята. Столько новостей!
Целую!

Ооо! Можешь говорить?

Шейла была единственным человеком на планете, которому Рут могла доверять. Ей вдруг ужасно захотелось прямо сейчас набрать ее номер, но она смогла подавить этот порыв. Заглянув в ежедневник, Рут ответила:

Нет, да и в двух словах
не расскажешь (честно).
Вы с Саймоном свободны
через неделю в субботу?
Сходим поужинать?
Тогда все и расскажу

Заинтриговала! Тогда
увидимся, жду не дождусь.
Чмоки-чмоки

Тем же вечером в восемь часов Адам и Рут, держась за руки, шли в любимый индийский ресторан, куда они ходили уже много лет. Тайные волнения, которые они оба лелеяли, разжигали голод. С тех пор как они впервые зашли туда в середине восьмидесятых, помещение ресторана ничуть не изменилось: все те же красные бархатные шторы, флокковые обои, в зеленоватых стаканах с толстыми стенками хлопковые салфетки в виде бутонов. Даже запах тот же: специи, растительное масло и освежитель воздуха. Зал был полон, но Рави, семидесятилетний владелец заведения, раздобревший от достатка, встретил их как родных и проводил за столик в самом центре. Обслуживали очень долго, и когда официант принес закуски, они допивали уже вторую бутылку “Кингфишера”.

– Как работа? – поинтересовался Адам.

– Ой, да все как обычно, – смущенно ответила Рут.

Больше всего на свете ей хотелось сказать правду – и сдержаться было непросто, потому что они привыкли доверять друг другу. Она мечтала объяснить, как можно помочь Лорен и все исправить. Адам должен узнать, на какие жертвы она готова пойти, его одобрения безумно не хватало, но еще не время.

Чтобы отвлечься, Рут перенесла все свое внимание на Адама. А что у него с работой? Счастлив ли он? Чувствует ли, что развивается? К чему стремится?

Адам вдруг осознал, что женился на потрясающей женщине: она всегда его понимала и чувствовала, если что-то не в порядке. Рут наклонилась к нему, безмолвно спрашивая и уже зная ответ, она ждала, что он скажет. Адам улыбнулся.

– В двух словах?

Рут кивнула.

Адам выдержал паузу и отхлебнул глоток пива.

– Месяца через два-три будут отбирать окружных судей, и я, наверное, подам заявку.

Рут чуть не подскочила от удивления. Адам всю жизнь презирал коллег, готовых променять азарт ораторских выступлений перед

присяжными на куда более скучное сидение в судейском кресле. “Они падают в обморок от жара кухни, зато часами торчали бы за столиком, обливая грязью поваров”, – поговаривал он. Ради опыта Адам какое-то время проработал мировым судьей с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам, но быстро понял, что скучает по пламенным речам в суде.

– Почему ты вдруг об этом задумался?

Адам ответил, что достаточно давно размышлял над этим решением, потому что его доходы продолжали падать: сейчас он зарабатывал меньше, чем пятнадцать лет назад. И он был далеко не единственным, с кем это произошло. Сокращение бюджета на юридическую помощь и снижение стоимости услуг говорит о том, что все больше адвокатов по уголовным делам спешно переквалифицируются в судей. Джулиус Мандер, друг Адама и член одного из комитетов по назначению судей, предупредил его о начале набора, решив, что для Адама сейчас самое подходящее время и ему пора решаться. Они познакомились еще в студенческие годы, и Джулиус, став успешным специалистом по коммерческому праву, превосходно оценивал состояние юридической индустрии, поэтому Адам в принятии важных решений всегда ориентировался на него.

– Он предупредил, что над заявкой придется попотеть, но, по его мнению, моего опыта и репутации вполне достаточно для этой должности, – сказал Адам, криво улыбнувшись. – Посмотри правде в глаза: ты уже несколько лет практически в одиночку обеспечиваешь семью, и это неправильно. А так я могу рассчитывать на стабильную зарплату и приличную пенсию.

Рут была в сомнениях:

– Это не стоит того, чтобы бросать любимую работу ради той, где ты умрешь со скуки. Мы что-нибудь придумаем.

– Дело не только в деньгах – все уголовное право трещит по швам.

Облокотившись на стол, Рут подалась вперед и взгляделась в его лицо.

– Разве не лучше остаться и помогать системе становиться лучше? Ты же сам с такой уверенностью об этом говорил! – Упорство было одним из тех качеств, которые она в нем очень ценила и уважала.

– В принципе, я и сейчас так думаю, но весь процесс постепенно превращается в фарс, а я разочаровываюсь все сильнее и становлюсь таким же циником, как все остальные. Непросто сохранить чувство собственного достоинства, – ответил Адам и взял Рут за руку. – Я правда всегда в это верил, но теперь мое мнение меняется. Так что скажешь?

– Если ты перестал быть счастлив, тогда надо уходить – я не сомневаюсь, что тебя возьмут. Но, в конце концов, решать тебе.

– Нет, это должно быть совместным решением, – возразил Адам, – потому что оно касается нас обоих. Если я стану судьей, то и тебе будет полегче, ведь мне больше не придется работать по ночам. – Он поцеловал ей руку и робко добавил: – Может, у нас даже появится больше общих занятий. Будем путешествовать или откроем свой бизнес. По-моему, сейчас самое время. Как думаешь?

Он смотрел на нее и ждал ответа.

Его слова тронули Рут: она почувствовала, как ее сердце дернулось, будто оно слегка наклонилось в сторону и тут же вернулось на место – никто, кроме Адама, не вызывал у нее таких ощущений. Она хотела воскликнуть: “Да, конечно, любимый, так и сделаем!”, – но его внимательное отношение к ней и нежная уверенность в их взаимности смутили ее. Ей стало так стыдно за собственную ложь и тайные консультации со специалистами, что она выпалила:

– Да боже ж мой, мы свободные люди! Делай, что считаешь нужным!

В глазах Адама на мгновение промелькнули удивление и боль, но тут же исчезли.

Рут закрыла лицо руками:

– Прости, прости, я не хотела!

– Не нужно извиняться, – ответил Адам, сосредоточенно разламывая пападам на мелкие кусочки. – Я просто хотел узнать, что ты думаешь, – продолжал он, внимательно рассматривая остатки лепешки. – Кажется, теперь мне все ясно, – произнес он и замолчал. Рут убрала руки от лица, и их взгляды встретились. – Спасибо за откровенность.

Какое-то время они ели в тишине. Затем Адам нарушил молчание:

– Алекс звонила, пока тебя не было. Ты знала, что она предложила Лорен родить для нее?

– Да.

– А мне не сказала, – упрекнул ее Адам, но Рут заранее отправила в рот целую ложку риса с далом. – Оказалось, что у Алекс ничего не выйдет, и теперь Лорен в отчаянье.

Рут показалось, что это отличная возможность начать разговор.

– Может, им стоит поискать другую суррогатную мать? – неуверенно начала она.

Адам опустил вилку и нож на тарелку.

– То есть ты считаешь, что это нормально?

– Я понимаю твои сомнения, но, если Лорен и Дэн этого хотят, мы должны уважать их выбор, – сказала она и, выдержав паузу, аккуратно продолжила: – Нам только и остается, что поддержать их.

Адам удивленно поднял брови.

– Ты вообще представляешь, каким кошмаром это может обернуться для всех нас? И моральным, и этическим.

Рут поняла, что ее резкость спровоцировала агрессию с его стороны, но не собиралась на этом останавливаться:

– Ты сразу переходишь в режим перекрестного допроса, поэтому мы и не можем обсуждать с тобой подобные темы, как это делают все нормальные люди. – Она понимала, что теперь уж точно стоит замолчать, но желание отстоять свою идею пересилило разум: – Тебе даже в голову не пришло, что суррогатное материнство – это милосердный и великодушный подвиг, который меняет жизнь бездетных пар. Настоящий альтруизм!

Адам фыркнул:

– В отличие от омерзительной сделки, когда женщина продает свое тело тому, кто больше заплатит, а потом делает детей на заказ?

– В бедных странах, куда толпами валят больные бесплодием, такое действительно случается, но я-то говорю про добровольное суррогатное материнство здесь, в Лондоне.

– Тогда почему оно полностью запрещено во многих развитых странах? Наверное, потому, что там знают о существовании моральных и биологических запретов, нарушать которые опасно! Иногда нужно просто принять ограничения нашего тела, а не вмешиваться в подобные дела, когда предугадать все последствия просто невозможно.

Терпение Рут лопнуло.

– Ты можешь хоть раз отступить от своего католического бреда?! Наша дочь пойдет на все ради ребенка. Ты даже представить себе не можешь, насколько тяжело противостоять этому желанию!

Адам смотрел на нее с нескрываемым отвращением.

– Но если необходимо, то это желание можно преодолеть. Некоторые женщины ведь так и делают, да, Рут?

Он пересек черту, которую они молча обходили годами.

– С меня хватит!

Она встала так резко, что ее стул пошатнулся и с металлическим лязгом рухнул на пол. Звук был настолько громкий, что все в зале замолчали и уставились на них. Рут никак не могла попасть рукой в рукав пальто – ее колотило от ярости. Адам смутился и, подняв стул, положил руку на плечо Рут, одним жестом уговаривая ее сесть и прекратить устраивать цирк.

– Я не... – начал он.

Она оттолкнула его и прорычала:

– Убери руку! Меня от тебя уже тошнит! Ты как хочешь, а я уйду. Будь добр, не забудь расплатиться.

* * *

Вернувшись домой, Рут поднялась в гостевую спальню, рухнула на кровать и несколько минут делала дыхательные упражнения, пока сердце не перестало бешено биться. Перевернувшись на бок, она расслабила живот и представила, будто в нем ребенок. Чудесным образом зародить жизнь, постепенно набухать, давая зародышу расти, а затем выталкивать это визжащее, сморщенное существо на белый свет – вот на что было когда-то способно ее дряхлое тело. Она лелеяла воспоминания о беременности и о том, как новорожденные малышки жались к ней и тянулись к груди. Рут вдруг поняла, как сильно ей хочется вновь испытать эти чувства. Она выгнула спину и погладила округлившийся живот. Конечно, в прошлом есть вещи, о которых жалеешь – мечтаешь, чтобы их никогда не было, – но рождение ребенка к ним не относится. Если бы все получилось, суррогатное материнство могло бы стать радостью. И даже искуплением.

* * *

Одно из преимуществ большого семейного дома без детей состоит в том, что двое взрослых после ссоры могут жить отдельно, при этом наблюдая за действиями друг друга и стараясь лишней раз не пересекаться – так что Адам и Рут умудрялись избегать друг друга все воскресенье. В это время каждый из них прокручивал в голове вчерашний разговор в ресторане, правда, с некоторыми поправками: добавляя неопровержимые аргументы и искренние мольбы о прекращении спора, чтобы утвердить свое моральное превосходство и укрепить позицию. Обоим было одиноко. Рут проснулась рано и лежала с книгой. Как только Адам отправился на еженедельный теннисный матч в парк Рэйвенскорт, она тут же позвонила Лорен.

– Доченька, ну как ты?

– Нормально, – монотонно ответила Лорен.

– Точно?

– Точно.

– Как-то не похоже. Дэн с тобой?

– Уехал на матч в Бирмингем.

– И оставил тебя одну?! – воскликнула Рут, не в силах сдержать возмущение.

– Мам, я сама отправила его развеяться, не можем же мы все выходные сидеть друг с другом в четырех стенах – как на пороховой бочке.

– Может, я заеду?

– С папой?

– Нет, он занят. Только я.

– Слушай, ты прости, но мне надо работать – сильно выбилась из графика. Я как раз собиралась идти в студию, так что давай как-нибудь в другой раз...

– Выезжаю, – твердо заявила Рут. – Я ненадолго.

* * *

Лорен открыла не сразу, и Рут, увидев дочь, не могла поверить своим глазам. Босая, в футболке наизнанку и в расстегнутых джинсах:

очевидно, она впопыхах накинула на себя одежду, услышав дверной звонок. Лорен сильно похудела, лицо болезненно осунулось, а кожа вокруг глаз опухла и покраснела. Она молча развернулась и пошла наверх, с трудом поднимая ноги. Рут последовала за ней. Дойдя до порога гостиной, они остановились. В комнате было душно и пахло затхлостью: шторы задернуты, в полумраке назойливо кружит жирная муха, повсюду валяются коробки из-под пиццы, а кофейный столик весь заставлен пустыми пивными банками и одноразовыми стаканчиками.

– Давай-ка я открою окна и немного тут приберусь, – засуетилась Рут.

– Не надо. Это Дэн оставил, потом уберет, – сказала Лорен и плюхнулась на диван, глядя прямо перед собой пустым взглядом, как будто центральный механизм, поддерживавший ее жизнь, вдруг сломался.

Рут старалась прощупать ее настроение, как сиделка – сварливого старика.

– Давай хотя бы чайку налью? Или приготовлю что-нибудь. Ты, наверное, со вчерашнего вечера ничего не ела?

– Не надо, спасибо, – Лорен говорила медленно и совершенно без эмоций. – Только, пожалуйста, хватит обо мне волноваться, а то я нервничаю.

Рут села рядом, решив не мозолить дочери глаза, и тихо сказала:

– Мне ужасно жаль, что Алекс не сможет тебе помочь. Такой самоотверженный поступок, представляю, как ты расстроилась.

Лорен резко повернулась к Рут и посмотрела ей прямо в глаза.

– Как ты узнала?

– Алекс звонила. Она не хотела тебя подвести и очень переживает. И я тоже.

Лорен промолчала.

– А что дальше? Есть какой-нибудь план?

– Нет никакого плана. У нас не хватит денег на американские клиники, даже на те, что подешевле, не в Калифорнии. Так что вариантов больше нет, – ответила Лорен, и на лице ее было написано полное смирение с судьбой.

– Мы бы тебе помогли, но с деньгами сейчас туго.

– Понимаю, мам, мы даже не думали у вас просить.

– В Британии тоже множество клиник суррогатного материнства, и здесь гораздо дешевле. Может быть... – начала Рут.

– Бесплезно, – покачала головой Лорен. – В Америке тысячи женщин, готовых стать суррогатными матерями, мы заключили бы договор и могли бы официально считаться родителями. У нас желающих немного, так что подходящую кандидатку мы можем ждать годами, а если и найдем – наш ребенок будет ее, потому что в Англии закон на стороне суррогатной матери. Она может передумать и оставить ребенка себе.

– А ты не хочешь рискнуть?

– Я не смогу потерять еще одного, лучше даже не пытаться. – Лорен отвернулась, и ее голос стих.

Рут почувствовала, как бьется ее сердце. Она сделала глубокий вдох и постаралась говорить обычным тоном:

– Может быть, ты согласишься, если я это сделаю? – Рут на мгновение заколебалась. – Ну, рожу для тебя...

– Мама! – Лорен выпрямилась и повернулась к ней: лицо скривилось, она едва сдерживала слезы.

Рут взяла ее за руку и сказала:

– Я провела небольшое исследование и выяснила, что матери действительно могут рожать для своих дочерей. В Штатах таких случаев предостаточно, да и у нас довольно много.

– Спасибо тебе большое, – сухо проговорила Лорен. – Я тоже слышала об этом, но в твоём возрасте уже слишком поздно – ни одна клиника в нашей стране не возьмется. Да и слишком опасно для тебя самой и для ребенка, я не могу подвергнуть тебя такому риску. Ты не рожала почти тридцать лет, вдруг что-то пойдет не так...

Рут вдруг осознала, что Лорен уже давным-давно рассматривала ее на эту роль – и отказалась. Она почувствовала прилив обиды и негодования, как пожилой претендент на какую-нибудь должность, которого, несмотря на отличное резюме, даже не пригласили на собеседование. Женщина-невидимка – снова!

– Неправда, не такая уж я и старая, – твердо отрезала Рут и вздохнула еще раз. – Я разговаривала со специалистом: он уверен, что это возможно.

– В Лондоне? – уточнила Лорен. Теперь она была вся во внимании: сидела и смотрела на мать с приоткрытым ртом.

– Да, – ответила Рут, стараясь скрыть радостное возбуждение, – и я нашла клинику, в которой согласились меня принять.

– Правда?!

– Это в идеале, – быстро добавила Рут, чтобы не пробуждать в Лорен слепую надежду. – Мне нужно пройти несколько скрининговых тестов и успеть родить до следующего дня рождения.

Лорен кисло ухмыльнулась и снова откинулась на диван.

– Тогда забудь, – сказала она, – бесплодие лечится годами.

– А мы постараемся пройти ускоренный курс.

Лорен холодно посмотрела на Рут и сказала:

– Не хочу тебя обидеть, но вообще-то, если ты не забыла, я проходила через процедуру ЭКО, и, уверяю тебя, это не то же самое, что снять сериал для телика. Все зависит от докторов, да и тело с эмбрионами расписания не придерживается. Здесь даже у тебя не выйдет все контролировать – хоть обкомандуйся, но за год не успеешь.

Рут поняла, что они обязательно поссорятся, если она не проявит терпение, и решила отступить.

– Дорогая, прости. Ты действительно в этом эксперт, и не мне с тобой спорить. Но тот специалист посчитал, что у нас есть все шансы уложиться в сроки. Учитывая, что раньше я была в состоянии родить, ребенка я вряд ли потеряю. И нет никаких сомнений в том, что денег вам хватит, поскольку я не возьму с вас платы, как не взяла бы Алекс. – Высказавшись, Рут откинулась на спинку дивана и пожала плечами, показывая, что ни на чем не настаивает. – Решать вам. Я ничего такого не планировала – просто подумала, что в этом вопросе стоит разобраться, вот и все.

Погруженная в свои мысли, Лорен медленно кивнула. Она признала, что попробовать стоит, но Дэн вряд ли согласится: у него и по поводу Алекс были сомнения.

– А уж чтобы теща родила тебе ребенка – такого и врагу не пожелаешь!

Они засмеялись, и напряжение между ними немного спало.

– Твой отец тоже вряд ли обрадуется, но мы ведь можем перетянуть его на свою сторону, правда? – сказала Рут и в знак материнской солидарности приобняла Лорен за плечи.

– Попробуем, – ответила Лорен, и Рут впервые с момента выкидыша увидела на ее лице улыбку. – Мам, мне все же кажется, что

ты не представляешь, насколько все изменится. Когда проходишь через ЭКО, подстраиваешь под него все стороны жизни, а у тебя серьезная работа, бизнес – как же ты будешь все это совмещать?

– Милая, у меня сердце кровью обливалось: очень тяжело было видеть тебя в таком состоянии и думать, что ничем не можешь помочь. Я готова пойти на все, если есть хоть малюсенький шанс подарить тебе ребенка. И не беспокойся, я смогу спланировать рабочий график так, чтобы он вписывался в план лечения, – уж в этом мне нет равных, сама знаешь.

Лорен бросилась на шею матери.

– Спасибо тебе за все: за то, что поняла меня, и за твое предложение. Шансы на успех микроскопические, но как же мне хочется верить, что все получится, – уткнувшись лицом в плечо Рут, она прошептала: – Люблю тебя, мам.

От приятной неожиданности Рут даже покраснела. Она никогда не чувствовала себя нужной Лорен, которая, в отличие от Алекс, всегда была достаточно сдержанной. Рут вдруг ощутила себя сильной и значимой – настоящей матерью, любимой. К глазам подступили слезы. Поглаживая Лорен по голове, она проговорила:

– И я люблю тебя. Поживем – увидим, но надеюсь, что мы справимся.

Рут рассказала, что записалась на первичный прием, и завтра они втроем с Лорен и Дэном должны на него явиться. Хотелось бы предупредить заранее, но, чтобы уложиться в сроки, действовать придется безотлагательно. Лорен засомневалась: значит, вечером ей придется поговорить с Дэном, как только он вернется из Бирмингема – уставший и, скорее всего, подвыпивший. Не самое лучшее время.

– Сейчас или никогда, – твердо заявила Рут. – Приготовь вкусный ужин, подробно расспроси о матче, а потом можешь рассказывать. Я оставлю вас наедине.

Обнимаясь с дочерью на прощание, Рут добавила:

– Все получится, милая. Я в тебя верю!

* * *

Вернувшись домой, Рут переделалась в спортивный костюм, надела кроссовки и отправилась на пробежку в Ричмонд-парк: за одиннадцать с половиной километров она настолько устала, что сил на навязчивые мысли совсем не осталось. Дул сильный ветер, и между деревьев прятались олени. Рут нравилось испытывать свое тело на прочность, чувствовать его выносливость и силу. Ежедневные пробежки на протяжении многих лет помогали ей очистить разум и разобраться с задачами, которые поначалу казались неразрешимыми. Мантры, которые она придумывала и прокручивала в голове снова и снова, давали ей силы на то, чтобы справиться с проблемами на работе и конфликтами дома. Одна из них сейчас возникла сама по себе: “Я смо-гу”.

Слова возникли у Рут в голове и повторялись каждые три шага. Ее вдруг охватило невероятное ликование, как будто силы, порожденные новой энергией, стали совершенно безграничны – почти как в молодости. Все в ее руках: она убедит врачей ускорить лечение, перетянет Адама на свою сторону и – вдохновленная его любовью и поддержкой – до наступления своего дня рождения передаст малыша в руки Лорен.

Тем временем небо на западе предвещало закат, и золотистые облака сбивались в единую сверкающую глыбу. Рут бежала прямо к ней, представляя, что ждет ее впереди, с улыбкой встречая прохладный ветерок.

“Я смо-гу. Я смо-гу. Я смо-гу”.

После пробежки она зашла в кафе у поместья Пембрук-лодж, заказала чашечку горячего шоколада и устроилась на террасе с видом на долину Темзы, по которой река, будто стальная лента, вилась от Виндзора в Лондон. Рут проверила входящие сообщения – ни одного от Адама – и позвонила Белле, которая все еще была на работе.

– Как успехи? Аню все устраивает?

– Да это кошмар какой-то, – призналась Белла.

Рут услышала приглушенный зевок и мыслями оказалась в монтажной комнате: повсюду бумажные стаканчики с остывшим недопитым кофе и контейнеры с засохшей едой из доставки.

– Если хочешь, я приеду помочь. Привезу нормальный ужин и заменю тебя, а ты пока поешь и передохнешь немного.

– Нет-нет, – решительно заявила Белла, – лучше наслаждайся вечером с милашкой Адамом. Но знаешь что? Я буду очень признательна, если ты поговоришь за меня с Аней. Она мне уже названивала, и такими темпами я тут ночевать останусь. Может, тебе удастся убедить ее, что версия, которую я вам обеим только что отправила, полностью соответствует всем этим обширным – а точнее, чудовищно бесчеловечным – требованиям? К тебе она прислушивается гораздо чаще, чем ко мне.

– Конечно, за это даже не беспокойся, – ответила Рут.

Она была старше Беллы на десять лет, и поэтому ее решения имели больший вес в глазах гигантов индустрии, с которыми им периодически приходилось иметь дело.

– Кстати, как там Лорен?

Рут не знала, как ответить. Вся жизнь Беллы крутилась вокруг ее работы, довольно долгих отношений с одним мужчиной и ретро-спорткаров. Она не хотела иметь детей и за все время их с Рут знакомства проявляла сдержанный, ограниченный вежливостью интерес к проблемам Лорен.

– Я приезжала к ней сегодня – трудно сказать, ей то лучше, то хуже. Кстати, хотела тебя предупредить: я решила поработать завтра из дома, чтобы съездить с ней к врачу, – Рут говорила чистую правду, которая почему-то звучала, как ложь. Она вдруг заметила, что дрожит от холода. – Слушай, Белла, мне пора – я в парке, и тут довольно зябко.

Солнце садилось, и потускневший пейзаж окутали нити тумана. Рут поспешила к машине и поехала домой. Входная дверь была закрыта на два оборота – значит, Адам еще не вернулся. Она была в растерянности. Как только они помирятся и он будет в хорошем расположении духа, ей придется рассказать ему о своем решении и убедить его, что это дар, а не какое-то моральное извращение. Если есть хоть малейший шанс выносить ребенка для Лорен, то Адам должен быть рядом: без его поддержки – моральной и физической – она никак не справится.

* * *

Дэн вернулся только в половине одиннадцатого: поезд задержался из-за сбоя связи, поэтому домой он приехал уже протрезвевшим и ужасно голодным. Он был уверен, что Лорен спит, однако она дождалась его, а дом в ярком свете ламп сверкал чистотой. Стол был накрыт к ужину: Лорен поставила цветы и достала фарфоровый сервиз, который им подарили на свадьбу. Кроме того, она успела пробежаться по магазинам, чтобы приготовить пастуший пирог и шарлотку по рецепту его матери. Дэн совершенно такого не ожидал.

– Я уже и не помню, когда так вкусно ел! Правда! – говорил он, накладывая в тарелку третью порцию пудинга, и осторожно добавил: – Кажется, тебе уже лучше?

– Да, наверное. Просто появилась какая-то надежда...

– Отлично!

– Кстати, к нам мама забегала.

Дэн заметил, как она порозовела.

– Да? И что?

Лорен поерзала на стуле и сказала:

– Дэн, пожалуйста, не перебивай меня и подумай перед тем, как начать ругаться. Я решила сразу выложить тебе всю правду. Знаю, ты подумаешь, что я окончательно спятила – я и сама процентов на девяносто пять в этом уверена, – но у нас есть малюсенький шанс на то, что еще не все потеряно... Сначала я решила, что ничего не выйдет, и мама просто придумала очередную бредовую идею. Но потом я все обдумала как следует, почитала об этом в интернете и теперь хочу обсудить с тобой, так что, пожалуйста... – Она на секунду прервалась, чтобы перевести дыхание.

– Клянусь покойной матерью, что буду молчать, – сказал Дэн с нежной улыбкой. – Но пока что я даже представить себе не могу, о чем ты, так что, пожалуйста, продолжай.

Как только Лорен выпалила предложение Рут, Дэн скривился. От одной мысли о том, что ему придется сидеть в кабинете врача с женой и тещей и “обсуждать специфику”, как выразилась Лорен, его начало подташнивать. Это уже перебор. К тому же нет ни малейшего шанса, что Рут справится: проводить ЭКО в ее возрасте – пустая трата времени и денег.

– Ну, что скажешь? – с умоляющим взглядом спросила Лорен.

Дэн хотел ответить: “Ты серьезно?! Ребенок – наше личное, интимное дело. Я не позволю ей вмешаться и командовать нами. Нет, нет и нет! Ни за что! Разговор окончен!” Но вовремя понял, что действовать нужно осторожнее:

– Твоя мама очень заботливая, и я по-настоящему ценю ее предложение, но все же мне кажется, что это немного непрактично. – Подавшись вперед, он взял Лорен за руки. – Лори, – мягко продолжал он, – даже если у нее и получится, что, по-моему, крайне маловероятно, только представь, какие могут быть последствия от зачатия в ее возрасте, особенно такого резкого – всего за два месяца!

– Шансов почти нет, и я даже не...

– Тогда зачем вообще это обсуждать?

– Потому что это возможно! Помнишь, в последний раз в клинике нам говорили, что эмбрион не приживется, но у нас получилось! Прошу тебя, давай попробуем в последний раз!

От жалости сердце Дэна сжалось. В этот момент Лорен показалась ему такой хрупкой, и несмотря на свое отвращение к этой идее, сумасшедший план Рут, кажется, преобразил ее: может быть, все-таки стоит ей уступить? Он готов на что угодно, лишь бы она стала хоть капельку счастливее, да и теперь ей будет чем себя занять.

Дэн сжал ее руки и сказал:

– Давай поступим так: съездим завтра в клинику и послушаем, что там скажут. Пускай Рут пройдет несколько скринингов, а там посмотрим.

Лорен засияла от счастья.

– Но только при условии, что мы оба не будем воспринимать это как еще один цикл. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас чего-то ожидал и на что-то надеялся. А когда все закончится, мы возьмем перерыв на полгода, а лучше на год, чтобы как следует отдохнуть и сосредоточиться на долгосрочных целях, хорошо?

Лорен засмеялась и воскликнула:

– Да! Да! Да! Обещаю!

В понедельник в восемь утра Адам, уже в пальто, зашел на кухню и застал там Рут, которая сидела за столом, уткнувшись в экран ноутбука. Ее вид совершенно поразил его: она была в белой ночной рубашке до колен и с растрепанными волосами. Рут никогда себя так не вела и прекрасно знала, что подобные образы будоражат в нем болезненные воспоминания о болезни и смерти отца, когда привычная рутина разрушилась и жизнь вдруг замерла. Она даже прогоняла с его глаз долой Лорен и Алекс, если им вдруг хотелось днем побродить по дому в пижаме.

– Ты заболела? – спросил Адам, невольно пятясь к двери, словно боясь заразиться.

– Ты же знаешь, я никогда не болею, – бодро ответила Рут.

– Тогда почему ты не на работе? Что случилось?

– Я решила поработать из дома, так гораздо эффективнее, – сказала она, не отрывая взгляда от экрана. – В офисе постоянно кто-то отвлекает.

Адам подошел к столу и встал у Рут за спиной. Она тут же закрыла все вкладки, и единственное, что он увидел – была его собственная фотография на фоне рабочего стола. На ней ему чуть за двадцать, он одет в джинсовую рубашку и темно-синие шорты. Стоя босиком на пляже, он держит на руках Лорен – пухленькую малышку, выглядывающую из-под синей панамки. Рядом с ним стоит Рут, которая уже довольно заметно беременна Алекс. Какой же она была невероятной: такая величавая, с прелестной улыбкой, словно богиня плодородия, купающаяся в солнечных лучах. Свободная и непринужденная.

Адам собрал ее волосы и, аккуратно накрутив их на руку, положил ей на плечо.

– Рут, оденься, пожалуйста. Ты меня расстраиваешь.

– Такое ощущение, что в последнее время тебя расстраивает вообще все, что бы я ни сделала и ни сказала, – холодно ответила она.

– Тебе не кажется, что ты перегнула палку, сбежав из ресторана?

– Я не собираюсь это обсуждать, Адам.

Он поцеловал ее в макушку, обозначив свое желание помириться.

– Хватит! – рявкнула Рут, стараясь от него отмахнуться. – Ты же меня ни во что не ставишь и презираешь, не забыл? А еще ты опоздаешь на поезд, если сейчас же не выйдешь из дома.

Вздыхнув, Адам взял портфель и вышел в коридор.

– У меня встреча, так что сегодня буду поздно, – крикнул он.

Входная дверь громко захлопнулась. В тишине, наполнившей дом, Рут не могла оторвать взгляда от своей фотографии в юности: гладкая кожа без единой морщины, густые и блестящие волосы, излучающие поистине животную силу, о которой она даже не подозревала, пока та не иссякла. Это фотография с отдыха в Бретани: Рут большую часть отпуска провела дома за чтением сценариев и разговорами с нервными сценаристами по телефону. Адам, которому пришлось в одиночку развлекать Лорен, был очень недоволен, но для Рут это был единственный способ подняться по карьерной лестнице. Вскоре родилась Алекс. Рут снова захотела детей, но этого не случилось. Она чувствовала, что ее планы срываются, и за бурной жизнью всегда скрывала досаду. Как только девочкам исполнялось по шесть месяцев, она поручала заботу о них няням – милейшим девушкам, обожающим детей и домашних питомцев. Рут специально выбирала ласковых, полненьких и не слишком красивых. Они не были искушением для Адама, зато дочки их обожали.

Работа стала для нее усладой, буквально второй семьей – в отличие от домочадцев она требовала больше времени и сил, реже прощала ошибки, но Рут самоотверженно окунулась в нее с головой. Она была на телефоне двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, даже в обед, летала на съемки по выходным, чтобы уладить спорные ситуации, – ей все время было стыдно за свою усталость, но такова работа. В “Морраб филмз” Рут всегда старалась быть на связи, чтобы обсуждать идеи, решать спорные вопросы и улаживать конфликты. До этого она ни разу не отвлекалась так надолго. Последние четыре дня были полностью посвящены исследованию суррогатного материнства, а три новых черновых сценария, которые требуют срочного рассмотрения, так и лежат нетронутыми на столе в ее кабинете. Она обязательно за них примется, как только будет время, но сейчас не до того – нужно позаботиться о Лорен.

Взяв в руки телефон, Рут четко расставила приоритеты. Лорен ответила не сразу. В трубке послышался сонный голос, и материнское сердце сжалось.

– Ты поговорила с Дэном? Мне нужно знать, отменять запись в клинике или нет.

– Ой, мам, прости. Он поздно вернулся, и мы полночи это все обмусоливали.

– И что решили? – спросила Рут, стараясь унять дрожь в голосе.

– Он согласился, так что мы придем. Но только чтобы обсудить возможности.

Рут встала и выглянула в окно, выходящее на сад. Ей показалось, что все чувства вдруг разом обострились. Этот день она запомнит на всю жизнь: свет утреннего солнца струится сквозь панорамные окна; красные ягоды кизила блестят, будто свежая кровь; соседская трехцветная кошка притаилась на заборе, наблюдая за белками, балансирующими на яблоне, всего в одном прыжке от нее.

– Мам, ты тут?

– Да-да. Милая, я так рада, что ты смогла его убедить. Клиника на станции Юстон, сейчас отправлю адрес.

* * *

Клиника Маринелла представляла собой причудливую смесь частного медицинского учреждения и трехзвездочного отеля: на стенах висели репродукции Джека Веттриано, а многочисленные объявления предлагали отведать капучино с булочками. Но Рут заметила, что все вокруг немного потрепанное: на столиках старые помятые журналы, из-под оранжевой обивки стульев торчит черный поролон, а запах пыли и плесени едва ли замаскируешь резким цветочным ароматом. Бронзовые хризантемы на гранитном пьедестале давно увяли, и сморщенные лепестки, будто мертвые насекомые, облепили розовый камень. Клиника находилась возле Харли-стрит – на окраине, подальше от людных мест – и не бросалась в глаза. Рут ужасно расстроилась, но тут же приободрилась: зато здесь могут быть более гибкие условия, и им наверняка пойдут навстречу. В коридоре пухленькая секретарша с длинными голубыми ногтями, увидев Рут,

перестала печатать и сняла наушники. Она спросила имя и номер кредитной карты – “простая формальность для проверки записи”. “Какая бездушная безвкусица”, – подумала Рут, с тоской вспомнив натянутую обходительность государственных клиник.

Лорен опоздала и заметно волновалась.

– Дэн сейчас придет, он покупает газету, – сказала она и обняла мать. Рут в голову пришла мысль о том, что теперь-то они точно заодно.

Вскоре появился Дэн: он казался необычайно сдержанным, сел отдельно от Лорен и Рут и принялся листать газету. Наконец медсестра, одетая в пестрый халат с цветочным принтом и черные легинсы, вызвала Рут, и все трое последовали за ней в безликий кабинет.

– Меня зовут Хелен Брейтуэйт, – представилась медсестра. – Зовите меня просто Хелен, мы стараемся поддерживать непринужденную атмосферу.

Рут объяснила, что они пришли на ознакомительный визит, но времени у них в обрез. Хелен кратко рассказала им об услугах, которые предлагает клиника, и обрисовала примерный график лечения для суррогатных матерей в постменопаузе.

– Сроки разнятся, – сказала Хелен. – Как правило, у женщин старше пятидесяти лет матка сжимается, у некоторых даже до размеров грецкого ореха, и истончается. Потребуется время, чтобы привести ее в детородное состояние.

Рут глубоко вдохнула, как бы стараясь растянуть скукоженную утробу и придать ей эластичности. Дэн, сидящий рядом с ней, поерзал в кресле.

– Обычно наши пациентки в постменопаузе на протяжении месяца принимают медикаменты, после этого мы провоцируем у них прорывное кровотечение, чтобы отторгнуть затвердевший с последней менструации эндометрий. Затем проводится высокодозная заместительная гормонотерапия, чтобы матка снова расширилась, уплотнилась и налилась кровью, – объяснила медсестра и улыбнулась Рут.

– Прошу прощения, срочно звонят по работе. Скоро вернусь, – отбарабанил Дэн, вставая со своего места.

– Бедняга, – заметила Хелен, когда Дэн скрылся за дверью. – Нелегко слушать об интимных процессах в организме тещи, но я уверена, он скоро привыкнет.

Когда он вернулся, медсестра рассказывала о правовом регулировании суррогатного материнства и требованиях к клиникам. Например, медицинские учреждения обязаны предупреждать будущих родителей и суррогатных матерей обо всех возможных опасностях.

– Миссис Фернивал, риски действительно есть. – Хелен сделала паузу и приподняла брови, подчеркивая важность своих слов. – И вы должны полностью осознавать опасность деторождения в вашем возрасте.

– Я осознаю, – с нетерпением ответила Рут. – Просто скажите, что может произойти в худшем случае и какова вероятность.

Хелен вздохнула с предвкушением, как будто в кафе ей дали огромное меню, от которого глаза разбегаются, и стала перечислять:

– Преэклампсия, эклампсия, инсульт, кровотечение, – продолжала она, загибая пальцы. – Смерть, конечно же. Процент материнской смертности могут назвать врачи.

– Мам, я же говорила... – начала Лорен, схватив Рут за руку, но та отмахнулась.

Хелен продолжила перечислять всевозможные беды, с которыми могут столкнуться пожилые роженицы. Однако затем она неожиданно сменила тактику и заверила, что в “Маринелле” пациентки редко сталкиваются со всеми этими проблемами, поскольку программу лечения назначают только для женщин с пониженным уровнем риска.

– Вот видишь! – сказала Рут, повернувшись к Лорен. – Я здорова и в отличной форме, вам не о чем беспокоиться.

Хелен добавила, что перед началом лечения они втроем должны посетить специальную консультацию, на которой обсудят все проблемы и выслушают все их опасения.

– Кстати, а что насчет мистера Фернивала?

– Я замужем, если вы это имеете в виду, – невозмутимо ответила Рут.

– Тогда в первоначальном свидетельстве о рождении вы оба будете указаны как родители ребенка. Кроме того, нам потребуется согласие вашего мужа перед тем, как мы сможем перенести эмбрион в

вашу матку. И также необходимо, чтобы он присутствовал на консультации.

– То есть по протоколу вашей клиники моя матка – собственность моего мужа? – возмущенно спросила Рут. – Очень странно!

Она совершенно не ожидала, что Адаму придется идти на консультацию. Ему это явно не понравится.

– Для нашей клиники это стандартная процедура, – ответила Хелен, пожимая плечами. – Нам нужно проинформировать супругов или партнеров, чтобы избежать неприятностей в дальнейшем. То есть документы будете подписывать все вчетвером.

Она пояснила, что биологическим родителям ребенка можно подать заявление на передачу родительских прав только через шесть недель после рождения, поскольку по закону суррогатной матери дается время на восстановление и принятие окончательного решения о согласии со всеми условиями.

– Мы предупреждаем всех наших потенциальных клиентов о том, что соглашения о суррогатном материнстве не имеют исковой силы, поэтому вам стоит получить юридическую консультацию, прежде чем начать лечение.

– Видишь, а ты мне не верила! В Британии всем плевать на права родителей, – сказала Лорен Рут. – Это еще хорошо, что мы одна семья, а представь, каково другим ждать появления на свет своего малыша и все время сомневаться, отдаст ли его чужая женщина или нет.

– Если я подойду по всем параметрам, то об этом вам уж точно беспокоиться не придется. Так что будем надеяться, что все получится, – ответила Рут и спросила у Хелен, что им делать дальше.

Медсестра сказала, что им нужно попасть на прием к доктору Вассили, заведующему клиникой врачу-репродуктологу. Он осмотрит Рут и решит, допускать ли ее до дальнейших обследований. Хелен вдруг стала серьезней.

– Но, прошу вас, не торопитесь: это очень ответственное решение. Мой вам совет: обговорите это еще раз всей семьей. Если всех все устроит – будем рады снова увидеть вас в нашей клинике.

* * *

До Кингс-Кросс они решили доехать на такси. Дэн нагнулся вперед и потер лицо ладонями. Рут и Лорен смотрели на него с тревогой.

Вдруг он выпрямился и обратился к Рут:

– Спасибо вам большое, что организовали все это для нас. Мы с Лори понимаем, что шансы невелики из-за возраста и ограничений по времени, поэтому постараемся не возлагать на вас лишних надежд. Теперь, как я понимаю, нужно как можно скорее поговорить с Адамом?

– Нет, – ответила Рут, покачав головой. – Слишком рано, у него сейчас и так полно забот. Я не хочу его беспокоить, пока еще ничего не понятно. Не волнуйтесь, если нам дадут зеленый свет, я все улажу.

– Мы согласны, да? – сказала Лорен и взяла Дэна за руку.

– То есть вы предлагаете держать это в тайне? – озадаченно спросил Дэн.

– Дорогой! – с досадой воскликнула Лорен. – Ты же знаешь отца, он потребует все обсудить на семейном совете, начнет взвешивать за и против, – сейчас у нас на это нет времени.

– Честно говоря, – пожалав плечами, начал Дэн, – я бы не отказался от взвешенного обсуждения. – Он прикинул, что Адам наверняка будет на его стороне. – И вообще, мне кажется, что мое мнение никто не учитывает, – заключил Дэн и обиженно отвернулся к окну.

– Ладно, – отрезала Рут. – Значит, нужно записаться к специалисту.

Она достала телефон и напечатала:

Хелен, добрый день!

Большое спасибо за встречу. Мы хотели бы как можно скорее попасть на консультацию к доктору Вассили. Подскажите, пожалуйста, когда можно пройти дальнейшие обследования, о которых вы говорили?

С уважением,

Рут Фернивал

Ответ пришел почти моментально: специалист сможет принять их послезавтра, консультация займет один-два дня. Все скрининговые

тесты можно успеть пройти за две недели – Рут будут сообщать, когда кто-то отменяет или переносит запись, и она должна будет незамедлительно приезжать в клинику.

Рут почувствовала укол беспокойства: значит, ей придется уезжать из офиса в самый неподходящий момент, когда все время надо бы посвятить поиску новых проектов. Но это важнее. Она посмотрела на Лорен и Дэна и спросила:

– В четверг в три, сможете?

– Да! – ответила Лорен и, покраснев от волнения, обратилась к Дэну:

– Тебе подходит время?

Он вздохнул и сказал:

– Дела есть, но я что-нибудь придумаю.

* * *

В поезде Рут просматривала рабочую почту, в которой за день скопилось множество писем. Среди них было одно от Беллы:

Как сходили к врачу?

Представляешь, ежемесячное совещание по поводу сценария, которое мне пришлось проводить в твое отсутствие, закончилось только сейчас!!! Там были вопросы и жалобы, на которые я не могла ответить – редакторы заявили, что сейчас им нужен руководитель, чтобы двигаться дальше. Сможем созвониться в ближайшее время? Сначала мне надо будет заглянуть в монтажную, так что вечером было бы удобнее всего. Завтра приедешь?

Б.

Рут с досадой вспомнила, что забыла перенести совещание. Белла начала раздражаться, так что, если Рут подойдет в качестве суррогатной матери, нужно будет заручиться ее поддержкой и как можно скорее.

Вернувшись домой, Лорен тут же позвонила Алекс по ватсапу. Она работала в кафе на верхнем этаже бизнес-центра, и в окне у нее за спиной виднелся мост Золотые Ворота.

Алекс очень редко теряла дар речи, но, когда Лорен рассказывала о походе в клинику, она слушала ее с открытым ртом. Наконец Алекс сказала:

– Мама настоящая героиня – решиться на беременность и роды в пятьдесят четыре!

Затем она опустила глаза и напечатала: “У нас тут много суррогатных бабушек, но в основном им около сорока. Разве в ее возрасте это не жутко опасно?”

– Оказалось, что нет, – сказала Лорен. – Менопаузу можно преодолеть с помощью лекарств, да и сам процесс для нее пройдет легче, чем прошел бы для тебя. В общем, с медицинской точки зрения это довольно просто.

– Но в остальном-то далеко не так просто! – воскликнула Алекс и приблизилась к экрану. – Согласна?

– И чем это будет отличаться от той ситуации, в которой родила бы ты?

– Все гораздо сложнее, – ответила Алекс и трижды постучала по столу, чтобы не сглазить. – Это же наша мама! Как она вообще сможет отдать своего собственного внука – то есть собственного ребенка... моего племянника, нашего брата – называй, как хочешь. Есть в этом что-то странное, и меня это очень беспокоит, – сказала она и недовольно поджала губы. – Мама лучше всех, ради нас она пойдет на что угодно, мы обе это знаем. Но каждый раз, когда она куда-нибудь встречается, все заканчивается плачевно, разве я не права?

– Права, – согласилась Лорен, – но в последнее время она такая ласковая и заботливая! Давно я ее такой не видела.

– Что-то не верится. Помнишь, как она читала наши дневники, чтобы проверить, нет ли у нас ЗППП и не употребляем ли мы наркотики? Как-то раз она вслух прочитала ту часть, где ты трогательно описывала оральный секс в машине Джоша Шелдона, а потом назвала тебя мерзкой развратницей и сказала, что ты ничего в жизни не добьешься. А мне досталось за эротические фантазии о

мистере Эклсе, учителе латыни, – сказала Алекс, вспоминая об этом с улыбкой. – Я молчала, а ты орала как сумасшедшая, что она нарушает твои личные границы, и угрожала сообщить о жестоком обращении в службы защиты детей. – Алекс на мгновение замолчала и добавила: – Ты говорила, что ненавидишь ее.

Лорен вздрогнула.

– Просто она месяцами пропадала на съемках, а потом включала гиперопеку, пытаюсь выяснить, кто мы вообще и что с нами происходит. У всех моих друзей были нормальные мамы, которые пекли с ними блинчики после школы и не лезли в их жизнь. Нашей либо не было, либо было слишком много – так, что не вздохнешь без ее ведома. Вот это меня действительно бесило.

– И ты хочешь, чтобы она родила тебе ребенка?

– Да это было сто лет назад, сейчас все совсем по-другому. Как и ты, она пойдет на все ради меня.

– Как скажешь, – сухо ответила Алекс. – Только потом не жалуйся, что она вообще от тебя не отходит, если все-таки... забеременеет. – На этом слове она запнулась, до конца не уложив в голове эту мысль, и вдруг расплылась в ехидной улыбке. – А как Дэн отреагировал? Воспитывать ребенка от тещи – это же чернуха какая-то, – сказала она, изобразив гримасу отвращения.

– Ну хватит, – вздохнула Лорен. – Его немного смутила вся эта гинекологическая болтовня, но в целом идею воспринял нормально, потому что не верит, что все получится. И, скорее всего, так и есть.

– А папа?

– Ему пока не говорили. Мама сказала, что сама с ним разберется, если врачи дадут зеленый свет.

– Я бы не была так уверена, – нахмурилась Алекс. – Не забывай, ему монахи мозги промыли. У него от ЭКО глаза кровью наливаются, а тут суррогатное материнство.

– Он никогда не говорил, что против ЭКО, – удивилась Лорен.

– Сама подумай, он бы не стал тебе такое говорить. Я просто предположила: вряд ли католик когда-нибудь перестанет им быть, но кто знает, – сказала Алекс и пожала плечами. Выдержав паузу, она добавила: – И кстати, мама довольно часто пекла с нами блинчики, когда была дома. Ты просто забыла.

Тем же вечером Адам и Рут помирились. Он приехал домой с цветами и позвонил в звонок, хотя всегда берет с собой ключи. Открыв дверь, она сразу все поняла: своим смущенно-лукавым видом Адам предлагал ей забыть недавние разногласия и сказанные в пылу ссоры гадости, но в его уклончивом взгляде читалась готовность моментально отстраниться в случае ее отказа. Словом, Адам призывал к прекращению огня и рассчитывал на перемирие. Секунды ожидания тянулись вечно, но вот Рут улыбнулась, и они бросились в объятия друг друга, подрагивая от смеха и облегчения. Лилии смялись, не пережив счастливого воссоединения, но у Рут рука не поднялась их выбросить – вместо этого она затолкала цветы в большую стеклянную вазу и поставила ее на комод в коридоре в качестве трофея, напоминавшего об окончании войны.

Разбирательства, напоминавшие препарирование, начались за ужином.

– Прости, что наговорил тебе лишнего в ресторане, – извинился Адам.

– Лишнего не то слово, – серьезно и без улыбки ответила Рут, чтобы дать ему понять всю тяжесть его вины, и затем продолжила: – И ты меня прости, что огрызалась на тебя. Я поняла, почему ты хочешь устроиться судьей, и, конечно же, поддержу тебя. Когда заканчивается прием заявлений?

– Понятия не имею. Пока еще даже не объявили о вакансиях. Да и не то чтобы я принял окончательное решение – надо взвесить все плюсы и минусы.

– Так давай обсудим! Я тоже все еще хочу нормально поговорить с тобой о суррогатном материнстве, – сказала Рут и, улыбнувшись, добавила: – Надеюсь, на этот раз без швыряния стульев.

Адам потянулся к ней через стол и нежно поцеловал ее в губы.

– Договорились, только давай не сегодня – не хочу, чтобы ты уходила, как в тот вечер.

Рут решила не настаивать, чтобы не портить дружелюбную атмосферу. Таков сценарий их ссор: бурный скандал, за которым следует этап избегания и подчеркнута холодной вежливости, а затем примирение – настолько трогательное, что от прошлых обид не

остается и следа. После обмена извинениями всегда восстанавливается равновесие, но, поскольку конфликт так и не обсудили, он всегда остается неразрешенным. Рут казалось, что другие пары поступают иначе. За последние годы она заметила, что каждый раз, когда Лорен и Дэн ссорятся, они обязательно обговаривают возникшую ситуацию, чтобы добраться до корня проблемы и выяснить мнение друг друга на этот счет, потом сходятся на каком-то решении и договариваются, что делать дальше. Иногда Рут над ними посмеивалась и в шутку называла их переговорщиками, но именно это кропотливое и зачастую болезненное занятие укрепляло их брак даже тогда, когда ЭКО могло его разрушить. В глубине души она им завидовала. Это по-настоящему конструктивное и взрослое решение, в то время как они с Адамом порой выглядели как дети, которые заперты в доме с привидениями и боятся их случайно призвать.

Рут вернулась в супружескую постель и их общую комнату, полную воспоминаний о совместной жизни: коллаж из фотографий и рисунков, подаренный Лорен на двадцать пятую годовщину свадьбы; гипсовая фигурка с надписью: “Лучшая мама в мире”, которую Алекс купила ей во время школьной экскурсии в парк Нью-Форест, когда ей было десять; и двое большеклювых тупиков, поселившихся у них со дня свадьбы. Эту гравюру Одюбона, висевшую над кроватью родителей Адама, подарила им его мать, отметив в поздравительной открытке, что тупики выбирают себе одного партнера на всю жизнь и никогда не расстаются. Теперь гравюра висела напротив их кровати: на ней одна из птиц стоит на краю скалы, а другая плещется в воде возле нее, подняв вверх одну лапку. Кажется, что между ними установилась чересчур уж крепкая связь, и все же они всегда готовы взлететь.

– Только взгляни на них, – нежно сказала Рут. – Уже столько лет прошло, а они все еще вместе.

Адам кивнул.

– Когда надо мной издевались в школе, я всегда думал о них.

– Знаю, – ответила Рут, поглаживая его по голове. – Ты представлял, будто находишься внутри этой картины и смотришь оттуда на то, что с тобой происходит.

– Не ожидал, что ты помнишь, – сонно сказал он.

– Я все помню.

Рут подумала, не заняться ли им любовью – и это была скорее мысль, а не физическое влечение, – но Адам уже уснул: ему явно с трудом давались партизанские войны, и после редких, но бурных ссор он восстанавливался неделями. Она лежала рядом с мирно сопящим мужем и вдруг впервые почувствовала страх, оказавшись запертой в темной, зловонной тюрьме собственного сознания. По стенам стекает багровая кровь вперемешку с липкой слизью, а с потолка свисает гигантская металлическая табличка, на которой крупными черными буквами написано: “материнская смертность”. Глубокий замогильный голос, не переставая, повторял слова медсестры: “Преэклампсия, эклампсия, инсульт, кровотечение”. Дыхательные упражнения не помогли. Рут попыталась очистить разум и представить себя в тихом, спокойном месте, но мысли вновь уносили ее в окровавленную комнату, где беспомощная женщина стонет от боли, но никто не слышит ее.

Часть вторая
Благая весть

Рут ехала своим обычным утренним маршрутом – через переулки к мосту Хаммерсмит, через южный берег Темзы, затем на запад по тропе, – пока не добралась до железнодорожного моста. День был ясным и солнечным, а тропа сухой; она начала идти быстро, затем перешла в медленный, медитативный темп.

Через два часа они вернутся в клинику, на встречу с репродуктологом. “Может, зря я это затеяла?” – подумала она, взбираясь по металлическим ступеням пешеходного моста, перешагивая по две за раз – хотелось проверить свою форму. Не слишком ли самонадеянно это желание победить природу? Или это мягкий и конструктивный способ создать семью для Лорен и Дэна без малейших рисков? Чутье подсказывало ей, что второй ответ верен: она принесет биологическую пользу, делая то, что у нее хорошо получается, в качестве акта материнской помощи. К тому же это так интересно. Совместить лечение и работу будет сложно, но она непременно справится.

Она начала мысленно репетировать встречу с врачом. Похоже, обязательная консультация была потенциальным камнем преткновения: она не могла позволить, чтобы Адам был там, он мог разрушить их единство и, возможно, пустить все под откос с самого начала. Нужно было найти способ отложить его прием. Она попыталась мыслить более продуктивно: им с Лорен нужно действовать быстро, чтобы уложиться в срок – к ее пятьдесят пятому дню рождения; без Адама тут не обойтись, но он может присоединиться позже, как только все выслушает и согласится. Но необходимо было все сделать вовремя и быть убедительными.

Она остановилась посреди моста и перегнулась через парапет, чтобы отдышаться. Внизу клонились к воде скелеты огромных ив, их ветви подсвечивались желтыми лучами солнца. Позади них на синесерой реке шел прилив, а на противоположном берегу виднелся ряд раскрашенных пастелью, будто кукольных, домиков, выходящих на пригородный берег Барнса. Она глубоко вдохнула: в воздухе пахло далеким морем, настойчивым и женственным. Ветер бил ей в лицо,

когда она бежала обратно домой. Но она погружалась в свои чувства, полная целеустремленности и убежденности. “Я смо-гу. Я смо-гу. Я смо-гу”.

* * *

Главный врач клиники Маринелла был невысоким коренастым мужчиной с черными волосами и коротко остриженной бородой. Он встретил их в приемной.

– Миссис Фернивал? – Он лучезарно улыбнулся Рут и взял ее за руку, слишком долго сжимая ее. – Николас Вассили. – Он повернулся к Лорен и Дэну. – Мистер и миссис Райан? Приятно познакомиться. Давайте приступим.

Они последовали за ним в кабинет, выходящий на Юстон-роуд. Доктор Вассили провел их к трем стульям, расставленным перед огромным столом красного дерева. Он уселся на вращающееся кресло напротив, что прибавило ему шесть дюймов в росте.

– Добро пожаловать в “Маринеллу”, – улыбнулся он им. – Хелен меня предупредила, так что я знаю, что вы спешите. Постараемся успеть как можно быстрее. У нас есть опыт работы с пациентами, чья ситуация схожа с вашей.

– С женщинами в постменопаузе? – спросила Рут, открывая новую красную записную книжку, купленную специально для этого случая. – Которые смогли забеременеть и родить?

Доктора Вассили улыбнулся еще шире, положил на стол большие руки с густыми черными волосами и наклонился к ней.

– У нас таких несколько. – Он отвернулся от них и указал на полку за своим столом, заполненную фотографиями в позолоченных рамках. На них были запечатлены женщины с крошечными младенцами на руках. – Это только некоторые из моих довольных клиентов.

На первый взгляд все они были моложе Рут.

– Я хочу помочь вам, но все зависит от результатов анализов, миссис Фернивал. Возраст не столь важен. Нам нужна женщина со здоровой маткой и в отличном физическом состоянии. Посмотрим.

– Могу я задать вопрос?

– Сколько угодно.

– Когда наступает менопауза... – Она осеклась и посмотрела на Рут. – Извини, мама, но я просто хочу...

– Без проблем, стоит выложить все, – засмеялась Рут, пытаюсь смягчить момент, но она чувствовала, как мышцы шеи напрягаются в ожидании неминуемого унижения.

– Чем матка старой женщины отличается от матки женщины моего возраста?

– Это отличный вопрос, и ответ может вас удивить. – Доктор Вассили сложил ладони вместе и понизил голос, как фокусник перед кульминацией трюка.

– Никакой разницы! – Он всплеснул руками. – Зрелая матка сама по себе не меняется. Она просто перестает функционировать. Если мы сможем заставить ее снова работать, она сможет выносить ребенка столь же успешно, как и вас тридцать лет назад. Удивительно, да?

Рут казалось, что она выиграла первый приз на соревнованиях по маткам.

– Еще вопросы? – спросил доктор Вассили, взглянув на Дэна. Тот покачал головой, но Рут заметила, как на щеках у него выступил румянец. – Что ж, тогда мне нужно знать ваш анамнез. – Он взглянул на Лорен, затем перевел взгляд на записи. – Вы проходили лечение в клинике Фрамлингем?

– Да, – ответила она, – у нас еще восемь эмбрионов.

Он взял в руки медицинскую карту; проанализировал все риски беременности в преклонном возрасте с еще большим вниманием, чем медсестра, а затем описал процесс стимуляции суррогатной матки и переноса в нее одного или двух размороженных эмбрионов. Он повернулся к Рут.

– Если подсадка произойдет успешно с первого раза, вы можете забеременеть через шесть недель, – он взмахнул руками, будто фокусник, и рассмеялся, глядя на их изумленные лица. – Но сначала нам нужно понять, сможете ли вы стать суррогатной матерью.

Он попросил Лорен и Дэна выйти, а затем указал на ширму в углу кабинета и предложил Рут подготовиться к полному обследованию. Он спросил, нужно ли пригласить медсестру, но она отказалась. Рут разделась и надела короткий халат, который он ей дал, а затем смущенно уселась на кушетку.

Вассили засуетился, казалось, будто он удивился и обрадовался, увидев ее снова. Он прослушал сердце и попросил ее лечь на спину, согнув колени: “Чтобы я мог осмотреть вашу матку”. Он надел пару бледно-голубых латексных перчаток, взял гинекологическое зеркало и, смазав его гелем-лубрикантом, ввел во влагалище. Он наклонился ближе и присмотрелся. Несмотря на гель, Рут было холодно и неудобно. Она внезапно почувствовала себя старой: неужели ее тело слишком хрупкое, чтобы выдержать дальнейшие акушерские процедуры? Он вытащил зеркало с довольно неприятным звуком. Рут закрыла глаза и попыталась представить, что она не здесь.

– А теперь быстрое внутреннее обследование, – доктор Вассили положил одну руку ей на живот – она слегка покачивалась, как взбитые сливки на торте, – пальцы второй ввел во влагалище и нащупал шейку матки.

– Попробуйте расслабиться, – риторически пробормотал он.

Ощущения мужских пальцев внутри застали Рут врасплох. Когда они с Адамом в последний раз занимались сексом? Несколько недель, а то и месяцев назад. Ее тело словно онемело от отсутствия ласки. Сейчас она ощущала внутри тепло, тревожно близкое к возбуждению. “Интересно, подумывает ли Адам о сексе?” – размышляла Рут.

Теперь рука в синей перчатке надавила на подушку жира, которая образовалась на животе Рут после менопаузы, ощупывая границы матки. “Хоть бы она не скукожилась до размеров ореха”, – молилась она. Рут открыла глаза и осмотрела лицо Вассили. Он смотрел куда-то вдаль, как будто слушал замысловатую и красивую музыку, продолжая двигать рукой. Наконец он хмыкнул и вынул палец, снял перчатки и бросил их в мусорное ведро.

– Теперь мне нужно сделать УЗИ, – сказал он, подталкивая тележку с чем-то вроде ноутбука к кушетке. Он включил экран, и осмотр продолжился, только теперь с помощью зонда.

Рут не открывала глаз, пока все не закончилось.

– Все хорошо? – спросила она.

Он отвел взгляд.

– Оденьтесь, тогда и поговорим.

Рут натянула одежду. Она внезапно осознала, какое дряблое у нее тело. Нервничая, она села напротив доктора.

– Миссис Фернивал, – он приложил руку к сердцу и поклонился, – осмотр показал, что все хорошо.

Он улыбнулся, и Рут выдохнула.

– Однако на УЗИ обнаружилось небольшое образование в мышечной стенке матки, это меня беспокоит.

Она почувствовала, как бледнеет.

– Не волнуйтесь, это не страшно, – быстро сказал он. – Миома, как минимум одна, есть у каждой третьей женщины вашего возраста. Но если она хоть немного задевает полость матки, это может помешать имплантации эмбриона, и вы не сможете стать суррогатной матерью.

Уровня детализации аппарата УЗИ не хватило, поэтому Вассили собирался организовать трехмерное сканирование полости эндометрия в специализированном центре. Поскольку она спешит, было бы разумно проводить параллельно другие обследования. Психологические консультации можно было бы провести уже завтра. Если вся семья сможет присутствовать на них и проблем не будет, то сразу же можно назначить скрининг. Рут поблагодарила его за такую быструю организацию.

– Вы поступили храбро, согласившись на подобное.

– Если такой специалист, как вы, помогает нам с Лорен, то и раздумывать не надо.

– Вы очень любезны, – улыбнулся он. – Ваш супруг думает так же?

Вопрос застал Рут врасплох, и она решила сказать правду.

– Он не знает.

Доктор Вассили начал поглаживать усы большим и указательным пальцами. Он казался куда менее уверенным, даже нервным.

– Я имею в виду, что Адам в теории нас поддерживает, – исправилась она, – но он не знает точно, как далеко мы зашли в этом... деле.

– Понятно. – Он пристально смотрел на нее. – Но он сможет прийти сюда и подписать согласие?

– Не знаю, – ответила Рут, поправляя выбившуюся прядь волос, – сможет ли он оторваться от работы.

– Тогда у нас проблема, миссис Фернивал. – Врач снова коснулся усов пальцами. – Потому что мне нужна его подпись, а без нее я не смогу начать. Закон в этой области сложен – некоторые даже

считают, что ошибочен, – но этот закон дает вам и вашему супругу одинаковые юридические права и обязанности по отношению к любому ребенку, которого вы родите. Если, не дай бог – он карикатурно перекрестился, – ваша дочь и ее муж погибнут или откажутся забрать ребенка, вы с ним будете вынуждены взять груз ответственности на себя. И если у меня не будет его предварительного согласия, он может подать на меня в суд за то, что я провел оплодотворение без его ведома.

– Доктор Вассили, мы с мужем очень серьезно относимся к этим вопросам. Он сам юрист.

– Еще больше причин поставить все галочки, потому что он знает правила! – Он заговорщически ухмыльнулся и наклонился к ней. – Все дело в снижении рисков: мы должны документировать каждый шаг, вы же понимаете. Эта область сейчас как минное поле. Один неверный шаг – мне аннулируют лицензию, или меня вызовут на ковер в Генеральный медицинский совет. Это сильно мне навредит, так что мне приходится заметать следы.

Странное выражение, подумала Рут, но в какой-то мере обнадеживающее: он до ужаса изворотливый. Она кивнула.

– Я привезу сюда мужа как можно скорее, обещаю. Но сейчас он так занят, что нет времени даже на сон. – Рут пристально посмотрела на него. – Можно ли пока проявить определенную гибкость касательно его участия в этом деле, например, на время консультации?

– Конечно. – Он протянул ей руку. – В нашей клинике мы гордимся тем, что ориентированы на пациента. Мы учтем занятость вашего мужа, но мне нужна подпись.

Один его глаз сузился: она подумала, уж не подмигивает ли он.

Рут встала, собрала пальто и сумку. Вассили вскочил и открыл ей дверь.

Лорен и Дэн ждали в холле.

– Мы переходим к следующему этапу, – сообщила им Рут.

Ее телефон снова зазвонил, и она посмотрела на него: еще одно сообщение от Беллы.

Я тебе 5 раз звонила!.

Ты где?

Пожалуйста, возьми трубку!

Она вздохнула и сунула телефон обратно в карман.
– Давай найдем Хелен и назначим встречу с консультантом?

* * *

У Адама было ощущение, что от него что-то скрывают: интуиция подсказывала ему, что быть беде. Он научился распознавать подобное, когда отец заболел. Мать была вечно слишком занята, взрослые старались не смотреть на него, привычная жизнь была нарушена. Но сейчас это было скорее иррационально, ведь катастрофа уже произошла: ребенок погиб, Лорен убита горем, а Рут бросила все и утешает дочь. Все это было понятно, но Рут казалась озабоченной и избегала его уже несколько дней: она вела себя так, когда занималась делом, которое вот-вот рухнет, а она все свои силы направила на то, чтобы этого не произошло. Она либо гуляла с Лорен, либо сидела у себя в кабинете с закрытой дверью. В час ночи он прокрался в свой кабинет и позвонил Алекс. Когда она была подростком, они общались редко. Она была резкой и критиковала любой его шаг, и он был ближе к Лорен, которая с радостью сидела с ним на диване и смотрела старые фильмы, они вдвоем музицировали или прогуливались вдоль реки. Но за последние шесть лет он смог добиться нежных отношений и с Алекс, пусть и на расстоянии. Они часто разговаривали, когда он работал допоздна, а она была в офисе днем.

– Эй, – она говорила бойко, в американской манере. – Все хорошо?

– Бессонница, – ответил Адам

– Где мама?

– Наверху. Спит как убитая.

– Бедняга ты. Ничего, я выберу место, и мы поболтаем вдоволь.

Череди коридоров, карнизов и ковров катилась по экрану, пока там не показалась сама Алекс, прислонившись к ярко-зеленой стене.

– Так как дела на родине?

Алекс уставилась в камеру так, что ее большие карие глаза смотрели прямо на него. Она унаследовала пронизательное сочувствие Рут, которое заставляло вас рассказать все. Иногда даже больше, чем хотелось и стоило бы.

– Ничего особенного, только я подумываю подать заявление на должность судьи.

Глаза Алекс расширились.

– Круто! Вы были бы великолепны, Ваша честь, – она гротескно поклонилась в камеру.

Адам покачал головой.

– Я еще не решил. Конкуренция будет большая.

– Придется разыгрывать спектакль в суде, чтобы доказать свою компетентность?

– Ничего мелодраматичного, – рассмеялся Адам. Это долгий онлайн-процесс, за которым последовало бы собеседование – если до него бы дошло. – Чтобы подать заявку, мне надо часами заполнять формы, проводить исследования и находить поручителей – я не уверен, что это того стоит.

– Но ты бы выглядел так круто в парике до плеч. – Алекс засмеялась, затем наклонилась в камеру. – Seriously, пап, тебе стоит попробовать, ты это заслужил. Что думает мама?

– Мы это пока не обсуждали. Если честно, в последнее время мы редко общаемся. Она очень занята.

– Работа? – Глаза Алекс сузились.

– Нет. Все еще с Лорен. Она так расстроена...

– Из-за выкидыша?

– Да, – вздохнул Адам и понизил голос. – Вообще, она очень подавлена, если верить маме. Она взяла отпуск, чтобы поддержать Лорен.

– В первый раз!

– Да, – ответил Адам. – Меня это беспокоит.

– А ты сам не говорил с Лорен?

– Собирался, но Рут говорит, что нужно время. Она хочет, чтобы Лорен подумала насчет суррогатной матери из Лондона. Боится, что из-за меня она передумает.

– А с Дэном виделся?

– Ни разу с того дня, как они потеряли ребенка. – Адам нервно поерзал на стуле. – Не знаю, стоит ли. Что думаешь?

– Предложи ему выпить после работы, с глазу на глаз, по-мужски.

– А это не будет выглядеть так, словно я навязываюсь?

– Он всегда может отказаться, но не помешает поддержать контакт.

Адам улыбнулся.

– Это так по-американски. Я в жизни не поддерживал контакт. – Он сделал пометку в блокноте и зевнул. – А ты чем занимаешься?

Алекс ответила, что ничего особенно интересного не происходит. Она провела большую презентацию о разработанном ей новом программном продукте. Все прошло хорошо: генеральный директор поздравил ее, а ее босс обсудил возможное повышение. Уличные рынки завалены тыквами и яблоками, а парк Золотые Ворота усыпан кленовыми листьями. Скоро Рождество: надо купить билеты домой, может, и прямо сейчас. Она послала ему воздушный поцелуй и распрощалась.

Адам сочувствовал Дэну. После менопаузы у Рут стало реже меняться настроение, и ему стало легче. Но у Дэна все было в самом разгаре, и он принял на себя всю тяжесть несчастий Лорен. Он никогда не говорил об этом и не жаловался, но это было нелегко. Рут сказала, что ему несколько месяцев приходилось делать ей ежедневные уколы, он справлялся с перепадами настроения и брал на себя ужасное горе каждый раз, когда она теряла ребенка. Они с Адамом не были близки: футбол был их единственным общим интересом, а на матчах они говорили о работе и обо всем, что было в новостях. Адам всегда спрашивал о маме Дэна; у нее был рак, и она выздоровела, но Адам чувствовал, что все еще беспокоится о ней.

Он взял телефон. Он точно не знал, как стоит общаться с зятем. После нескольких попыток набрал:

Хочешь пропустить по стаканчику? Я плачу.
Вечером на неделе?
Всего,

Адам

Немного подумав, он добавил:

PS Надеюсь, с твоей мамой все хорошо

Он проверил свои входящие. Одно было от Алекс.

Приятно было поболтать, пап. А теперь иди спать!
Целую

Другое было от Гая, его партнера по теннису:

Корт свободен в субботу в 15.00. Нам стоит размяться.
До воскресенья?

И еще одно от Эмили касательно их дела.

Вот полезные выписки
из последнего расследования
со стороны обвинения.

Он включил компьютер. Ее электронное письмо, отправленное в половине первого, содержало десять вложений; он открывал их утром. Эмили была сокровищем: у нее был блестящий ум, и она работала за четверых. Иногда она выступала в роли его помощника в больших делах. У них выходила отличная команда. Коллеги ему завидовали, он знал это. В последнее время у них вошло в привычку задерживаться допоздна на пару вечеров в неделю, чтобы посплетничать, обсудить мелкие детали текущего дела и распить бутылку. Адам с нетерпением ждал этого: она безупречно пародировала судей, адвокатов и клиентов, он смеялся до колик. Было ясно, что она любила его и восхищалась им, это приободряло. Он старался вести себя правильно (и изо всех сил старался не представлять, каково это – перестать). Адам и Рут всегда были вместе – Эмили это понимала.

Индивидуальная консультация Рут была сразу после беседы с Лорен и Дэниелом. Помещение выглядело так же, как и другие в клинике, за исключением коробок с салфетками: две на журнальном столике и четыре упакованные в пластиковую пленку пачки на полу в углу. Она подумала, может ли отсутствие слез сыграть с ней злую шутку, и решила вести себя более эмоционально. Ванесса, психолог (высокая, худощавая, сорока лет, полностью одетая в коричневое), поднялась с оранжевого стула и протянула руку.

– Приятно познакомиться, миссис Фернивал.

– Пожалуйста, зовите меня Рут. Спасибо, что вы смогли так быстро нас принять.

– Не за что. Доктор Вассили объяснил, что ваш муж, – она взглянула на свои записи, – Адам, так? – придет позже, но все остальное мы сможем сделать сегодня. Когда мы с вами договорим, Лорен и Дэниэл присоединятся к нам на общей сессии, и потом будете свободны.

Ванесса вставила формы в папку, лежавшую у нее на коленях.

– В случаях, подобных вашему, многое из того, что мне предстоит пройти, будет формальностью, но мне нужно убедиться, что вы верно оцениваете все риски и готовы с ними справиться.

Ванесса спросила Рут о ее дочерях: как на ней отразились изменения в теле, изменилось ли отношение к младенцам и материнству? Как отреагировал Адам?

– Оба раза все прошло гладко – мне нравилось быть беременной, и Адам был так рад, что стал отцом. Он не особо ярко проявляет эмоции, но плакал, когда родились девочки. На самом деле мы оба вдоволь наплакались.

Рут описала, как они разделяли обязанности по уходу за девочками, как они с Адамом по очереди вставали по ночам и как он всегда делал больше, чем было нужно: они справлялись с этим как команда, и без его поддержки она не смогла бы вернуться к работе.

Консультант кивнула и вновь посмотрела в свои записи.

– У вас были другие беременности? Выкидыши, аборт?

– Выкидышей не было, и оба раза я забеременела очень быстро, это же облегчит имплантацию эмбриона Лорен?

Ванесса кивнула и сделала пометку. Рут колебалась, но они уже запросили копию ее записей в Национальной службе здравоохранения, так что было бы странно не упомянуть об этом.

– А когда я была подростком, у меня было прерывание беременности на раннем сроке, но все прошло гладко, иначе у меня были бы проблемы с девочками. – Она прикусила губу. – Но я никогда не обсуждала это с ними, и я бы не хотела, чтобы Лорен...

– Наш разговор конфиденциален, Рут, – сказала Ванесса. Она осеклась, склонив голову набок, обеспокоенно глядя на собеседницу. – Тяжело было, да?

Рут пожала плечами.

– Это вышло случайно, и я была совсем юная, другого выхода не было. Я ни о чем не жалею и не виню себя.

– Ваши родители знали? – Ванесса едва не переусердствовала со зрительным контактом.

Рут не сдержала смешок.

– Нет. Моя мать была крайне религиозна, и неисчислимое множество тем в семье было под запретом. Наверное, поэтому я и забеременела.

Консультант продолжала смотреть на нее в упор.

– А отец?

– Он был в курсе, но мы почти не общались, и вскоре после этого наши пути разошлись. Я и сама прекрасно справлялась.

– То есть вы были в полном одиночестве? – Ванесса пододвинула коробку с салфетками к Рут, и та едва справилась с желанием оттолкнуть их. – Вы говорили об этом с Адамом?

– Да, конечно. – Рут занервничала. – Извините, Ванесса, я хочу уточнить. То, что я много лет назад делала аборт, как-то мешает мне стать суррогатной матерью?

– Ни в коей мере, я просто пытаюсь получить полное представление о вашей репродуктивной истории. Предыдущий опыт иногда оставляет психологические травмы, которые могут вновь дать о себе знать в период стресса. – Она успокаивающе улыбнулась. – Но, насколько я поняла, вас это не беспокоит.

Наконец она сменила тему, перейдя к вопросу о том, как бы Рут описала свои отношения с Лорен.

– В целом хорошие, – сказала Рут, понимая, что безудержная откровенность может навредить. – По крайней мере, мне хотелось бы так думать. В подростковые годы с девочками всегда непросто, но сейчас, как мне кажется, мы стали довольно близки.

Рут было приятно услышать от консультанта, что Лорен ответила примерно то же самое.

– Что планируете делать, если первая имплантация пройдет неудачно? – спросила Ванесса. – Как члены вашей семьи отреагируют, если беременность не наступит быстро?

– Я уверена, что все получится, – так уж устроен мой организм. Но даже если и нет, тогда, наверное, поищем за границей клинику, в которой нет ограничения по возрасту.

– Как вы обычно справляетесь с неудачами?

Рут расслабилась: в этом вопросе нет ничего сложного. Его неоднократно обсуждали на конференциях и тренингах, так что она спокойно сгладила все углы.

* * *

Для Лорен и Дэна сессия с психологом стала изнурительным испытанием: целый час они обсуждали их репродуктивную историю и то, как она на них повлияла. Пока Рут была на приеме, они сбежали из клиники и укрылись в маленьком испанском кафе недалеко от Фицровии. Дэн вошел первым: внутри было темно и почти пусто, ни детей, ни беременных женщин. После выкидыша даже вид кормящей матери мог расстроить Лорен. Он подзвал ее. У прилавка они заказали кофе и два маленьких пирожных с заварным кремом, а затем уселись за столик в дальнем углу.

Какое-то время они молча сидели плечом к плечу, и вдруг Дэн спросил:

– Как ты? – Он не отрывал взгляда от стола.

– Выжата как лимон, – ответила Лорен и обхватила руками чашку, стремясь к теплу.

– Понимаю. Я тоже. – Он поставил локти на стол и подпер подбородок ладонями. – Такое ощущение, что со дня свадьбы мы только это и делаем, да? Сидим в кафе после консультации, ждем результатов, выслушиваем плохие новости. Иногда мне кажется... – Он умолк.

– Что?

Дэн замялся и затем произнес:

– Может, нам просто не суждено иметь детей? – Он повернулся и посмотрел на Лорен отсутствующим, понурым взглядом. – И, может, нам стоит бросить эту затею. Рут никак не сможет выносить нашего ребенка, так какой смысл тратить силы и расстраиваться?

– Нет, Дэн, это мои слова. – Она погладила его по щеке. – Обычно я говорила нечто подобное, а ты всегда отвечал, что нам нельзя сдаваться, помнишь?

Он выглядел измученным, и Лорен окатило чувством вины: подавленная собственным горем, она не задумывалась о том, как он перенес потерю ребенка.

Дэн поцеловал ее в лоб.

– Честно говоря, у меня нет сил даже думать.

– У меня тоже. – Лорен вложила руку в его, и их пальцы переплелись. – Все происходит слишком быстро. Иногда мне хочется закричать: “Оставь меня в покое, у меня только что случился выкидыш, мне нужно проплакаться”. – Она прижалась лбом к его лбу. – Но нам же сейчас не до этого, правда? Мы должны стараться и верить, что однажды все получится.

Дэн увидел, с каким отчаянным усилием она старается не унывать несмотря ни на что, и ему захотелось плакать; он боялся того момента, когда реальность ударит их под дых и ее надежды снова рухнут.

– Наверное. – Ничего лучше он придумать не мог.

Затем они сидели молча, листая газеты, пока не пришло время вернуться в кабинет для совместного приема с Рут. Когда они шли по Гауэр-стрит под мелким морозящим дождем, Дэн сказал:

– Кстати, вчера мне написал твой отец и предложил выпить.

– Как мило с его стороны.

Он поморщился.

– И слегка странно, учитывая обстоятельства.

– Он просто пытается тебя поддержать, может, его мама попросила.

– И все равно мне неловко, особенно когда мы проворачиваем все это за его спиной. И, между прочим, меня это жутко бесит. Что мне ответить?

– Что ты устал и хотел бы встретиться в другой раз – и ведь не соврешь, да?

– Скажу, что пару недель буду по уши в работе, но мы можем вместе сходить на матч “Арсенала”, когда будет полегче.

– Отличный план. – Лорен взяла его за руку. – Ему очень нравится, когда ты составляешь ему компанию – это компенсирует тот факт, что его дочери не проявляют к футболу ни малейшего интереса.

– Мне тоже. Ему действительно интересно, когда я говорю о работе, и он всегда спрашивает о здоровье моей мамы.

– Вы когда-нибудь обсуждали ЭКО? – спросила Лорен.

Дэн ненадолго задумался.

– Не особо. Я не затрагивал этот вопрос, да и он тоже. Он всегда спрашивает, как у нас дела, но стоит мне сказать, что ты расстроена или подавлена, то он сразу же меняет тему. Мне кажется, ему слишком больно об этом говорить. – Дэн посмотрел на Лорен. – Такое может быть?

– Конечно. Я всегда думала, что после смерти отца он подавляет любые сильные чувства и поэтому женился на той, у кого эмоции, наоборот, бьют ключом. – Они стояли возле клиники, и Лорен взглянула на телефон. – Она там уже почти час. Будем надеяться, что ее чары подействуют на консультанта.

* * *

Когда Лорен и Дэн присоединились к Рут, Ванесса рассказала им обо всех возможных сценариях. Сколько эмбрионов они хотели бы посадить? Чем их больше, тем выше вероятность имплантации, однако могут закрепиться сразу два или три, и тогда Рут придется вынашивать двойню или тройню, что гораздо рискованнее.

Рут посмотрела на Лорен с Дэном и сказала:

– Вы уж простите, но это будет кошмар.

– Согласна, – поддержала ее Лорен. – Мы хотим свести все риски к минимуму, поэтому лучше подсадить только один эмбрион.

Ванесса обратилась к Рут:

– А предположим, что Лорен и Дэн расстались или передумали? Или погибли? Ребенок останется у вас, и вы будете нести ответственность. Как бы вы поступили?

Рут подавила недоверчивую ухмылку.

– Их брак уже неоднократно проверялся на прочность: он непоколебим. Но если с ними что-то случится, то, конечно, мы с Адамом заберем ребенка и вырастим как своего собственного.

Лорен и Дэна психолог спросила, что они будут делать, если Рут серьезно заболеет во время беременности или ребенок погибнет. Они оба ответили, что благополучие Рут в приоритете и что постараются найти в себе силы справиться с утратой еще одного ребенка.

– А как вы отреагируете, если Рут решит оставить ребенка себе?

Лорен и Дэн изумленно уставились на нее.

– В смысле? – спросила Рут, опережая их ответ. Она почувствовала прилив раздражения. – Вы считаете, что я могу похитить собственного внука?

Ванесса объяснила, что она обязана задать этот вопрос, поскольку с юридической точки зрения родителями ребенка будут Рут и Адам: прежде чем суд признает Лорен и Дэна его опекунами, они оба должны будут согласиться его отдать. Она предупредила, что биологические родители могут передумать.

– Я знаю, – вставила Лорен. – Именно поэтому мы обратились к маме – чтобы исключить этот риск.

– Совершенно верно, – сухо добавила Рут.

Ванесса продолжила: как бы они отреагировали, если бы у ребенка, которого вынашивает Рут, обнаружилось генетическое заболевание или отклонение в развитии?

– Это уж им решать, – сказала Рут, повернувшись к Лорен и Дэну. – Конечно, это было бы ужасно, но, наверное, в такой ситуации вы предпочтете прервать беременность и попробовать еще раз? Решение не идеальное, но я справлюсь, если времени хватит.

– Убить нашего ребенка? – Лорен отшатнулась, будто получив удар. Она посмотрела на Рут с ужасом в глазах, затем – в поисках поддержки – на Дэна.

Он покачал головой.

– Ни за что, Рут. – В его взгляде читалась та же сухая неумолимая твердость, которую Рут когда-то видела в глазах матери. – Если есть хотя бы малейший шанс, что ребенок появится на свет, то поймите нас, мы никогда не пойдем на этот шаг.

Он потянулся к руке Лорен.

Рут почувствовала, что краснеет.

– Хорошо, не надо так на меня накидываться. – Она злилась на саму себя за то, что подорвала их единство, которое они до сих пор успешно выстраивали. – Как я уже говорила, решать вам, и я сделаю то, что вы скажете.

Она чувствовала себя как на суде, где ее признают виновной.

– Каждый привносит в эти сценарии личный опыт, – сказала Ванесса. – Вот почему так важно понять и обсудить все возможные проблемы, прежде чем начинать лечение.

Она смотрела на Рут с раздражающей ухмылкой, как будто их размолвка на деле доказала необходимость ее участия во всем этом.

– Теперь можем приступить к оформлению документов.

Она дала им заявления о согласии для клиники и пачку брошюр с пояснениями и инструкциями.

– Если вы все же решите продолжить, подпишите формы и принесите их нам как можно скорее.

– Я готова, – сказала Рут, – и я попрошу Адама прийти, когда у него будет время. Вы со мной? – Она посмотрела на Лорен, которая повернулась к Дэну.

Он глубоко вздохнул.

– Да, – произнес он. – Мы согласны.

– Отлично, – ответила Ванесса. – И последнее: клиника Маринелла советует обеим сторонам соглашения о суррогатном материнстве воспользоваться независимой юридической консультацией и составить договор, в котором будут прописаны все условия.

Рут вежливо кивнула.

– Я уверена, что обычно в этом есть смысл, но, поскольку мы семья – она посмотрела на Лорен и Дэна, шутливо нахмурившись, – вряд ли нам понадобится контракт. Что скажете?

– Конечно, – подтвердила Лорен.

– В любом случае, – добавил Дэн, – если нам и понадобится помощь в этой области, мы сможем обратиться к отцу Лорен. Он адвокат.

Ванесса улыбнулась.

– Вам решать, – сказала она. – Вы явно дружная семья с высоким уровнем доверия, и, Рут, я не сомневаюсь, что из вас получится замечательная суррогатная мать. Об этом я и напишу в своем отчете.

* * *

Хелен Брейтуэйт ждала в вестибюле. Она объявила даты и время нескольких скрининговых исследований, которые ей уже удалось назначить, а об остальных обещала рассказать позже. Когда они вышли на улицу, Рут предложила пойти выпить, чтобы отпраздновать, но Лорен и Дэн отказали. Словно родители, одергивающие избалованного ребенка, они запретили ей себя уговаривать.

– Да ладно, быстренько, всего один джин-тоник? – умоляла Рут. – В награду за то, что мы пережили допрос Ванессы и все эти жуткие сценарии.

Дэн покачал головой.

– Много лет назад, когда только начали делать ЭКО, мы праздновали, но достаточно быстро поняли, что если начать радоваться, то плохие новости бьют еще сильнее.

– В любом случае, мама, с этого момента никакого джина, – добавила Лорен.

– В смысле? – спросила Рут, сдерживая негодование.

– По рекомендации специалистов я не пила алкоголь все время, пока мы пытались забеременеть.

“Действительно, – подумала Рут, – каким же чудом я в таком случае все еще способна рожать здоровых малышек, если в обе беременности не отказывала себе в стаканчике”. Но вместо этого сказала:

– Конечно, дорогая, если все получится, вы с Дэном будете у руля. Обещаю.

– У меня есть список продуктов, которых следует избегать, и БАДов, которые нужно принимать на этапе до зачатия. Отправлю

тебе его по почте, – сказала Лорен. – Еще отдам тебе те, что пила сама и не закончила, потому что начинать надо уже сейчас, ладно?

Рут кивнула. Она поняла, что придется привыкать к тому, что родная дочь будет ею командовать: только так Лорен сможет держать себя в руках, пока у нее отнимают статус матери. Она решила прикусить язык, как бы это ни раздражало.

* * *

Рут не могла заставить себя поехать в офис: ее отвлекало радостное чувство предвкушения, к тому же необходимо было поразмыслить, поэтому она сразу направилась домой. Закрывшись у себя в кабинете, она прочитала оба заявления о согласии, которые дала Ванесса: на множестве страниц юридическим языком были описаны риски для физического и душевного здоровья, правовые условия, финансовые вопросы, возможные проблемы, связанные с человеческим фактором, и условия получения консультаций. Время от времени в тексте появлялись пустые поля, в которые нужно было вписывать инициалы, а в конце стояло место для подписи. Она заполнила свой экземпляр, проставила дату и расписалась. Согласие Адама лежало на столе и, словно вопрос без ответа, дожидалось какого-то решения. Внезапно ее охватило отвратительное искушение подделать его подпись и отправить оба документа в клинику – одной проблемой стало бы меньше. Но об этом не могло быть и речи: если он узнает, то придет в ярость – он не сможет ни простить, ни забыть и тот ее поступок. Она заставит его подписать документы, когда наступит подходящий момент. А пока ей нужно немного покоя.

Она открыла большую семейную Библию, принадлежавшую отцу, самую старую книгу в ее кабинете, толстый коричневый том потрепанных страниц в потрескавшейся кожаной обложке, с оторванными в нескольких местах корешком. В нос ударил запах пыли. Пустые страницы в начале и в конце были испещрены надписями, сделанными каллиграфическим почерком: информация обо всех свадьбах, рождениях и смертях с начала XIX века до свадьбы ее родителей. Десятки разных рук описывали свою жизнь, а затем передавали книгу новым поколениям.

Когда Рут была маленькой, Библия занимала целую полку большого книжного шкафа в гостиной их дома, вместе с энциклопедиями и автомобильными журналами отца, отсортированными по дате выпуска и сложенными в стопку, чтобы заполнить оставшееся место. Мать раздражало, что Библия хранилась дома: она считала ееместилищем пылевых клещей. Но когда мать уходила по делам, Рут доставала ее с полки и, положив на колени, бережно листала страницы, поражаясь древности и значимости этой книги. Она представляла, как ее предки записывали приливы и отливы жизни, когда новорожденные издавали первый крик или последний гвоздь вбивался в крышку гроба. Она изо всех сил пыталась произнести самые редкие для нее имена: Фирца, Эфраим, Хеттура; и с тревогой отмечала мимолетность некоторых жизней, оборвавшихся до ее рождения.

Она представила, как Лорен или Алекс наткнулась бы на Библию, убираясь в доме после ее смерти. Сохранят ли они ее или отдадут в магазин при какой-нибудь благотворительной организации? Она никогда не показывала ее им – или Адаму – и не вписывала туда свой собственный брак или их рождение. Ей это никогда не приходило в голову, и теперь она задалась вопросом почему. Но это и к лучшему: никто случайно не обнаружит спрятанные в ней документы. Она сложила оба экземпляра, засунула между Книгой Иова и Псалмами, а затем поставила Библию на место. Кожа на тыльной стороне ладоней начала зудеть, как и много лет назад. Рут не удержалась и расчесала их до боли и красноты: пылевые клещи. Она вымыла руки, вернулась в кабинет и сверилась со списком дел, который составила в поезде. Главной была Белла.

Рут позвонила ей.

– Прости, что не выходила на связь, но прежде, чем я объясню почему, хочу кое-что уточнить. Ты так и не ответила мне по поводу Ани: как я понимаю, мои трансатлантические звонки сработали?

– Ой, я хотела тебе написать. Ты сотворила чудо: ей вдруг понравились все сцены, которые она ненавидела раньше. Сказала, что новая версия имеет “поистине важное и неподдельное качество – почти толстовское”. Эту фразу ты ей подсказала?

– Может быть, – сказала Рут. – Ты же знаешь меня, в кризисной ситуации я склонна преувеличивать и продавливать свою точку зрения.

Белла засмеялась: она вела себя как раньше, и Рут воспользовалась моментом:

– Знаю, в последнее время меня не было на работе, я часто не брала трубки, и мне очень жаль, но, как я говорила, Лорен нужна помощь, и боюсь, что мне нужно взять отпуск на следующие пару недель. – Она замолчала. – Я понимаю, что не вовремя...

– Очень не вовремя, – в голосе Беллы прозвучала тревога. – Я застряла в монтажной, а мы и без того отстаем в разработке сценария. Я надеялась, что ты вдохновишь команду, чтобы мы могли закончить.

– Понимаю, и мне очень жаль, – вмешалась Рут, – но дело очень важное.

Ей хотелось бы объяснить, что происходит – после двадцати пяти лет совместной работы они стали друзьями и всегда были честны друг с другом, – но это было бы неправильно, ведь она даже Адаму не сказала. Она тщательно подбирала слова, которые не оказались бы ложью.

– Надо пройтись по врачам и сдать анализы – это требует сил и времени. – Она помолчала. – Я никогда не просила об этом раньше и не стала бы, если бы это не было так необходимо.

– Я понимаю. Просто мы сейчас очень уязвимы с финансовой точки зрения.

Перед запуском компании они вложили достаточно средств, чтобы выплачивать зарплату своей команде из шести человек в течение первых четырех лет, в то время как сами жили за счет своих сбережений. Теперь эти деньги закончились, и им нужно было, чтобы оставаться на плаву, за несколько недель запустить в производство две серии.

Белла почти умоляла:

– Тебе обязательно ходить на все приемы? Ты не можешь заглянуть сюда хоть ненадолго?

Рут разрывалась, но она заставила себя не идти на компромисс: ей нужно было много свободного времени на случай, если понадобятся дополнительные анализы.

– Я сделаю все, что смогу, но это зависит от Лорен. Недавно был седьмой выкидыш, представляешь, каково это?

Воцарилась тишина. Наконец Белла сказала другим тоном:

– Извини, я веду себя как эгоистка. Мы справимся. Я пришлю тебе все сценарии по электронной почте, когда мы получим новые черновики, чтобы ты могла прочитать их в перерывах. Возвращайся, когда сможешь, и передай Лорен привет от меня.

– Спасибо, дорогая. – Рут почувствовала волну облегчения, лишь слегка приправленную чувством вины.

– Зонд для трехмерного УЗИ толще, чем тот, которым проводили первую процедуру – в чате для беременных его даже называют “дилдо”, – но сам процесс тот же: на него надевают специальный презерватив, смазывают лубрикантом, а затем вводят во влагалище, – сухо объяснила Лорен.

Думая о материнстве, Рут никогда не представляла себе эту сцену: она в приемной лондонской клиники, где ее собственная дочь наставляет ее перед интимной процедурой, которая может проложить дорогу к беременности ее первым внуком. За предыдущие десять дней, пока они вдвоем посещали целую череду лабораторий и смотровых кабинетов к северу от Оксфорд-стрит, плавная смена ролей уже началась: Лорен взяла на себя руководство – инструктировала, обучала, объясняла, настаивала. Рут понимала, что это неизбежно, но никак не могла привыкнуть. Большую часть своей взрослой жизни она контролировала все, что происходило на работе или дома; однако теперь она лишь готовилась стать репродуктивным сосудом для дочери, а ее собственные идеи и взгляды учитывались все реже и реже. Рут улыбалась и кивала, слушая лекцию Лорен, потому что любила ее и сама на это пошла, но в глубине души ее тревожило чувство собственного бессилия и ничтожности.

Рут знала, что любой из тестов может выявить опухоли, неожиданные заболевания или разбухшие зарубцованные артерии – предвестники сердечного приступа. Она побывала уже на девяти приемах, но сегодняшний день был в некотором роде самым важным: если опухоль в матке находится в определенных местах или окажется чем-то пострашнее миомы, то ее забракуют для роли суррогатной матери. Лорен же проходила через эту процедуру множество раз.

– Это совсем не больно, – сказала она матери и замешкалась. – Я с радостью схожу с тобой, если ты не против.

– Да, пойдем, – сказала Рут. – Но не заглядывай за перегородку, хорошо? Ни одной дочери не стоит смотреть на гениталии престарелой матери – так и спятить недолго.

Они истерически расхохотались, и смех ненадолго принес облегчение.

На счастье сонографист оказалась женщиной средних лет. Лорен придвинула стул рядом с кушеткой для осмотра и держала мать за руку, пока вводили зонд. Все три женщины уставились на серый пейзаж таза Рут, появившийся на экране.

– Судя по всему, в стенке матки образовалась небольшая опухоль. Как вы думаете, это серьезная проблема? – спросила Рут, стараясь делать вид, что просто хочет пообщаться.

– Смотря что считать проблемой. – Сонографист делала пометки на экране и вычисляла расстояние между ними. – Почему вы спрашиваете?

– Я пытаюсь забеременеть.

Она прервалась и посмотрела на Рут.

– О, понятно, – сказала она с профессиональным бесстрашием.

Рут покраснела. Она могла читать мысли женщины: срок годности уже давно истек, но родить надо любой ценой; беспокоится скорее о деньгах, чем о здравом смысле; эгоистка.

– Не для себя. Ребенок не мой. – Голос Рут был резким, упреждающим и звучал громче, чем ей бы хотелось. – Это для моей дочери, потому что она не может...

Рут, повернув голову, увидела, что Лорен вздрогнула, глаза ее блестели от слез, и ей стало стыдно за свое тщеславие. Она попробовала еще раз:

– Лорен и ее муж заморозили эмбрионы, чтобы я могла их выносить. Мы хотим знать, получится ли у нас и может ли нам что-то помешать.

Сонографистка посмотрела на них, будто перенастраиваясь, затем снова повернулась к экрану. Ее голос смягчился:

– Толщина стенки матки три миллиметра, это нормально, если вы в постменопаузе, и есть миома размером три сантиметра.

– И достаточно ли гладкая полость для имплантации эмбриона?

– Компьютер сгенерирует трехмерное изображение из всех снимков, которые я делаю, ваш консультант просмотрит его и вынесет решение. Боюсь, я не могу ничего гарантировать.

Пыталась ли она подготовить их к плохим новостям?

После приема они пошли перекусить в итальянском ресторане к югу от Оксфорд-стрит. Когда они вошли с пакетами в руках, начальница конкурирующей независимой телекомпании заметила Рут. Они пару раз соприкоснулись щеками, представили друг другу своих спутников и договорились в ближайшее время пообедать вместе, прежде чем Лорен и Рут удалось найти столик подальше от чужих ушей.

– Конкуренты? – спросила Лорен.

– Шарлотта Флад. Она милая, но слишком уж любит поболтать о политике, – простила Рут. – Это аукнется Белле: она без вопросов меня поддержала, когда я взяла отпуск, но теперь, когда мы созваниваемся, ее голос звучит все более напряженно и иступленно. Она думает, что я их бросила.

– Это все из-за меня. Прости.

– Нет, я сама виновата: нужно было ей все объяснить. – Рут замолчала. – На самом деле – и я никогда не думала, что это скажу, – по сравнению с тем, что мы с тобой делаем, весь этот мир – сценарии, зрители, рейтинги – кажется таким пустым. Почти ненастоящим.

– Но ты же любишь свою работу.

Рут на мгновение задумалась.

– Может, и так, но вся эта затея – она развела руками, словно желая обнять их обеих, – и возможность быть рядом с тобой для меня важнее всего, чем я занималась последние годы.

Произнося эти слова, Рут поняла, что говорит правду. В долгих перерывах между приемами они коротали дни в кафе и магазинах: с тех пор как Лорен была ребенком, они, пожалуй, никогда не проводили так много времени вдвоем. Когда девочки росли, Рут всегда была занята работой или хозяйством, а по праздникам все собирались вместе. Теперь они постоянно общались и обсуждали все на свете: Лорен описывала дикие подростковые вечеринки, которые они с Алекс устраивали, когда Рут и Адам уезжали на выходные, и как она когда-то напилась до беспамятства в Рэйвенскорт-парке, когда ей было пятнадцать лет: ее друзья подумали, что она умерла, и вызвали ей скорую.

– Сейчас я понимаю, какой дурой тогда была. Прости, мам.

Рут ответила рассказами о ссорах, которые она устраивала со своей матерью, и о своей тайной жизни в подростковом возрасте. Она описала продиктованный религиозностью страх Анджелы Яго перед сексом до замужества и жуткие истории о таблетках, из-за которых Рут не принимала ее на долгие годы.

Лорен сказала:

– На первом году обучения в колледже я принимала таблетки для экстренной контрацепции, вроде “Смартис”, потому что никому не нравились презервативы. Я не горжусь этим, но они были бесплатными, и их было легко принимать. Но каждый раз приходилось искать другую аптеку, чтобы фармацевты не осуждали. В конце концов я перешла на оральные контрацептивы, но самочувствие после них было неважное, так что, может быть, бабушка была права. Сейчас я понимаю, что побочные эффекты от них точно такие же, как при лечении бесплодия.

– Понимаю, – ответила Рут, – жуткое вздутие живота, ощущение, будто не полностью управляешь собственным телом, да и месячные идут странно. Я принимала их всего пару лет и с радостью бросила.

– А потом чем вы пользовались?

– Ничем, – сказала Рут, – просто не нужно было. Твой отец много лет назад сделал вазэктомию.

Глаза Лорен округлились.

– Ого, неплохо. Даже сейчас немного мужчин добровольно берут на себя ответственность за контрацепцию. В то время, наверное, далеко не каждый мог на такое решиться. К тому же он ненавидит больницы, так что это очень смелый поступок.

– Наверное, – с сомнением сказала Рут. – Честно говоря, я всегда смотрела на эту ситуацию по-другому.

– Тебе очень повезло. Сомневаюсь, что Дэн бы согласился. Хотя ему и не нужно, ведь он выбрал себе жену с бесполезной маткой.

Рут коснулась руки Лорен.

– Перестань себя корить, дорогая. Ты всегда говоришь так, будто это твоя вина, хотя тебе просто не повезло.

Лорен мрачно посмотрела на нее.

– Я так хотела детей. Гораздо больше, чем стать успешной художницей. И когда у меня не получалось, снова и снова, меня как будто обкрадывали. У тебя все прошло наоборот: было бы неплохо

завести детей, и – бам! – вот и они, ничего страшного, продолжай жить дальше. – Она замолчала. – Не пойми меня неправильно, я тебя ни в чем не обвиняю.

– Но есть одно но? – спросила Рут, слегка наклонив голову.

Лорен нахмурилась, как будто пыталась распутать клубок мыслей.

– Странно, я никогда раньше не чувствовала, что соревнуюсь с тобой. Ты моя мама, и мы очень разные – Алекс гораздо больше на тебя похожа, – но все эти дни сидим вместе и наблюдаем, как тебя оценивают для той роли, для которой я не гожусь... Честно говоря, мне трудно сдерживать обиду, я ощущаю ее даже на физическом уровне.

– Понимаю. – Рут сочувственно посмотрела на нее и снова протянула руку, но на этот раз Лорен отстранилась.

– Без обид, мам, но ты не можешь меня понять. Ты не знаешь, каково это, настолько бояться обнаружить кровь в унитазе, что перестаешь вообще ходить в туалет и в конечном итоге заболеваешь рецидивирующими инфекциями мочевого пузыря. Или ощущение, когда из тебя выпадает ребенок, и ты ничего не можешь сделать, чтобы это остановить. Или плакать из года в год в дни, когда ребенок должен был появиться на свет, но не появился. – Ее голос повысился. – А на днях, когда та консультантка спросила, что мы будем делать, если ребенок окажется инвалидом, ты просто взяла и сказала: “Попробуем снова”. – Ее взгляд был враждебным. – Разве ты не понимаешь, насколько желанным для нас был бы любой ребенок, после всего, что мы пережили?

Лорен сжимала кулаки, словно пытаюсь подавить неудержимую ярость; она была похожа на Адама во время той ссоры в ресторане: на лице гримаса праведного гнева. Рут вздрогнула.

– Я стараюсь изо всех сил, Лорен. Каждый проводит свои этические границы по-своему, верно? Если я все-таки буду вынашивать вашего ребенка, то сделаю все, что вы скажете. Я уже неоднократно говорила об этом. – Она помолчала. – И, просто чтобы ты знала, мне наверняка захочется вмешаться, но я все прекрасно понимаю.

Глаза обеих были на мокром месте. Лорен протянула руки, и они обнялись. Все было кончено, но Рут все равно трясло.

В субботу утром они снова отправились на Харли-стрит, чтобы пройти последний осмотр – ЭКГ с физической нагрузкой, проверить сердце Рут. Молодой мужчина-врач, загорелый, худощавый австралиец, закрепил электроды на спине и груди, а затем попросил ее встать на беговую дорожку.

– Если вы почувствуете боль или дискомфорт, сразу же остановитесь и возьмитесь за поручень – несчастные случаи нам не нужны. Можете начинать, но не переусердствуйте, миссис Фернивал.

Рут начала с быстрого бега. Ее волосы развевались и струились за спиной. Через пять минут доктор попросил ее остановиться, и беговая дорожка замедлилась. Когда она сошла с нее, доктор вырвал распечатку из аппарата и усмехнулся.

– Тоже бегаєте, да?

Рут наклонилась вперед, чтобы отдышаться, затем выпрямилась.

– Иногда.

– Не скромничайте.

Он попросил ее сесть, пока снимает электроды.

– Отличные результаты для вашего возраста. – Он пожал ей руку и подмигнул. – Мое уважение.

– Фу, – сказала Лорен на пороге клиники. – Что за жуткий тип. Он подкатывал к тебе, мам.

– Вздор, – ответила Рут, стараясь не показаться довольной.

– Пообедаем? – спросила Лорен.

– Хотелось бы, но не могу. На ужин придут Шейла и Саймон, так что нужно закупиться продуктами и успеть все приготовить.

– Крепко обними крестную, – сказала Лорен. – Она знает про беременности или выкидыши?

– Нет, мы давно не общались.

– Можешь сказать ей, если хочешь, – вздохнула Лорен. – В какой-то момент все и так узнают, но прямо сейчас я не готова к открыткам, сообщениям, цветам и сочувствию. Снова.

– Будем надеяться, в этот раз получится, дорогая.

– Пожалуйста, не говори так. – Лорен смотрела на тротуар. – Не искушай судьбу.

Когда они подошли к метро, Лорен сунула руку в карман.

– Твой телефон все еще у меня. Папа звонил несколько раз.

Рут посмотрела на экран:

Я звонил, но ты не ответила.
Ты с Л? Все хорошо?

Лорен вернулась домой в Брокли. Дэн, растянувшись на одном из диванов в гостиной, смотрел футбольный матч Премьер-лиги на огромном плазменном экране. Они пытались экономить, потому что Лорен так и не вышла на работу после выкидыша, но Дэн до сих пор отказывался отменять подписку на “Скай”. Она наклонилась, чтобы поцеловать его, и он потянул ее вниз, уложил рядом с собой.

– Как все прошло? – спросил он, откидывая ей волосы.

Ее лицо на холоде порозовело. Она уткнулась Дэну в грудь, и ему пришлось напрячь слух, чтобы уловить слова.

– Иногда мне кажется, будто меня и вовсе нет.

– В смысле?

– Я брожу по Лондону, пока моя мама проходит осмотр за осмотром, чтобы понять, сможет ли она выносить нашего ребенка, потому что я такая бесполезная. А я просто сижу и смотрю, как врачи говорят ей, какая она сильная и здоровая.

Дэн крепко обнял ее, словно пытаюсь выдавить из нее всю печаль.

– Лори, помни, что есть шанс, что Рут не подойдет, так что перестань ругать себя. Ты не бесполезна, ты прекрасна, и я всегда буду любить тебя, что бы ни случилось. Ты это знаешь.

На экране раздался рев, и он оторвался от ее плеча, чтобы посмотреть повтор гола.

Лорен высвободилась из объятий и встала.

– Я знаю. Просто... Если она забеременеет, мне придется завидовать матке собственной матери. – Она попыталась улыбнуться своей шутке.

Дэн нахмурился и посмотрел на нее.

– А я думал, ты хотела, чтобы твоя мама выносила нашего ребенка.

– Да, конечно, я этого хочу, но мне кажется, что в процессе рушится вся моя жизнь.

Лорен вышла из комнаты, и он услышал ее тяжелые шаги по лестнице, когда она поднималась в свою студию.

Дэн закрыл глаза, выдохнул и снова открыл их. Он не был уверен, что ему хватит терпения. Для него было очевидно, что вовлекать Рут

во все это – плохая идея, и теперь Лорен начала понимать почему. Может, ему стоило с самого начала последовать своему чутью и наложить вето? И сейчас бы она не расстраивалась ни с того ни с сего. Он не мог дожидаться момента, когда в клинике скажут, что ничего не выйдет, и тогда они смогут отдохнуть от этого безумия. Он увеличил пультом громкость и продолжил смотреть матч.

На кухне, в фартуке, Рут чувствовала себя как рыба в воде. На тумбе рядом с разделочной доской в миске, точно в роге изобилия, лежали фрукты и овощи. Она что-то напевала себе под нос, пока взбивала яичные белки до густой массы и смазывала свиное филе масляным маринадом из чеснока и трав. Ей не терпелось увидеть Шейлу: нужно было так много рассказать. Она растопила масло и тростниковый сахар на толстостенной сковороде и начала жарить ломтики яблока в сладкой пене. Адама привлек на кухню запах карамели.

– Ты выглядишь счастливой, – сказал он. – Что случилось?

– Ой... Даже и не знаю, столько всего.

Затем она осеклась, вспомнив про смс.

– Прости, сегодня утром у меня телефон разрядился, я только увидела твое сообщение. Думаю, Лорен чувствует себя немного лучше. – Она подхватила ломтик яблока со сковороды, подула на него и протянула Адаму. – Как думаешь, добавить еще сахара?

Обезоруженный, он взял его, затем стянул со сковороды еще два ломтика, чтобы облегчить свои размышления.

– Идеально, с кислинкой. – Он обнял ее за плечи. – Во сколько они приедут?

– В восемь, – ответила она. – Может, откроешь пару бутылок красного?

* * *

Шейла и Саймон выдвинулись из Масвелл-Хилла в Хаммерсмит и попали в вечерние пробки. Они остановились у магазина на Финчли-роуд, чтобы купить бутылку просекко. Она лежала у Шейлы в ногах, рядом с большой тыквой с их участка. Такое подкрепление было нужно всякий раз, когда они посещали Фернивалов. “Небольшая, то, что надо”, – всегда говорила Рут и всегда лгала.

Шейла и Рут приглядывали друг за другом еще с начальной школы. Рут Яго и Шейла Нанкарроу с первого класса сидели вместе за Красным столом – лучшие из лучших – в зеленых спортивных комбинезонах и светло-голубых клетчатых блузках. Рут была на шесть месяцев младше Шейлы. Но она училась в том же классе, потому что была такой умной; по той же причине общение с одноклассниками не задавалось. Шейла была хорошенькая, спортивная и яркая – но не чересчур; она была популярна, и у нее дома собирались друзья, которым всегда были рады ее легкие на подъем родители. Домой к Рут было нельзя – запрещала угрюмая, не улыбкающая мать, которая к тому же грубо с ней обращалась; Шейла была единственной подругой, которой разрешили приходить, потому что ее отец был врачом, а Анджела Яго очень уважала врачей. Шейла не стала менять фамилию, когда вышла замуж за Саймона. Зачем ей это? В конце концов фамилия была частью ее личности. Рут, напротив, была рада сменить свою фамилию на шикарную, принадлежащую к верхушке среднего класса англичан – и это было огромным плюсом (у Рут всегда были такие заскоки).

Они были лучшими подругами и всегда поддерживали контакт. Бывают такие люди: они служат калибраторами твоей жизни, напоминая тебе, откуда ты пришла и как далеко продвинулась. И ты сравниваешь свой прогресс с их. Рут всегда была более заметной и очаровательной, более успешной по общественным меркам, и Шейле было интересно заглядывать в мир шоу-бизнеса со стороны обывателя. Получив профессию социального работника, она несколько лет занималась делопроизводством на северо-западе Лондона, а затем перешла в сферу образования. Теперь она руководила небольшим университетским отделом. Саймон был директором нескольких престижных школ. Шейла не завидовала Рут: она знала, на что способна, и была довольна своей жизнью, в то время как ее лучшая подруга была умной и энергичной, но беспокойной. И почему-то всегда летала в облаках.

– Так, напомни мне скорее... – Саймон помолчал, прежде чем они вышли из машины. – Чем сейчас занимается Алекс?

Шейла закатила глаза в притворном раздражении.

– Ты как всегда. Она в Калифорнии, зарабатывает кучу денег программированием и зависает на сайтах знакомств.

– А Лорен?

– Не знаю, последнее, что я слышала, – сделала перерыв в ЭКО.

* * *

Адам и Рут были готовы. Они поприветствовали их и обняли, затем проводили по коридору мимо гостиной, где горел камин. Пока они шли к кухне, Шейла почувствовала запах специй. “Значит, не пастуший пирог”, – подумала она и пожалела, что купила просекко.

На ужине все оживились, хотя Шейле всегда казалось, что эти встречи были своеобразным соревнованием: Рут источала обаяние и все время улыбалась, но в разговорах почти не участвовала; только когда она подала свой великолепный десерт – спираль из безе и сливок, украшенную яблоками и каштанами, – и вежливые гости наелись до отвала, она понемногу начала приходить в себя.

Адам отвел Саймона в гостиную, чтобы посмотреть “Матч дня”. Оставшись наедине, женщины убрали со стола, а после Рут заварила мятный чай, и они удобно устроились на противоположных концах дивана.

– Кофе они могут и подождать, – улыбнулась Рут. – До смерти хочу поговорить с тобой.

Какое-то время они болтали вдвоем. Шейла внимательно смотрела на подругу. Лицо Рут покраснело и покрылось капельками пота от напряжения. Она сняла шарф, обнажив шею, которая в последнее время всегда была чем-то прикрыта, морщинистую и в пигментных пятнах: такую же Шейла видела в собственном зеркале в ванной. Волосы Рут, теперь поседевшие и менее густые, выбились из-под заколки, но глаза ее сияли. “Она взволнована, – подумала Шейла, – должно быть, предстоит новый триумф или новое приобретение”.

– Настоящий пир, как всегда! Ты, наверное, весь день стояла у плиты.

– Всего пару часов. Нужно было спустить пар. Я многое обдумала.

Шейла повернула фарфоровую кружку в руках и прочитала надпись большими красными буквами: “дом там, где сердце”. Еще в

начале своего обучения на социального работника она поняла, что зрительный контакт и лишние вопросы порождают недоверие.

– Вообще я подумываю о рождении ребенка, – поспешно сказала Рут.

Шейла вскинула голову. Лицо Рут было алым, голос неуверенно дрожал.

– Ребенка? – Шейла почувствовала, как нахмурилась от тревоги. Она постаралась расслабить мышцы лица, чтобы оно приняло профессионально-нейтральное выражение. – В каком смысле “о рождении”?

– Яйцеклетка, сперма, эмбрион, роды – и вот рождение, – ответила Рут, беспечно смеясь и убирая волосы с лица. – Помнишь, урок биологии с миссис Паско в третьем классе? Насколько я помню, она решила расширить наш кругозор, надев презерватив на банан.

– Я не понимаю. – Шейла поставила ноги на пол и села прямо. – Не слишком ли мы староваты? И разве Адам не делал вазэктомию?

Рут на цыпочках подошла к кухонной двери и тихо закрыла ее, заглушая шум телевизора и прерывистые крики мужчин. Она села, скрестив ноги, ближе к Шейле, ее голос стал низким и настойчивым.

– У Лорен был еще один выкидыш, и ей больше нельзя делать ЭКО.

– Не может быть, – поразились Шейла. – Я и не знала, что она беременна. Когда это произошло? Почему ты мне не сказала?

– Они даже нам не говорили до тринадцатой недели, а уже через десять дней они потеряли ребенка.

– Бедная Лорен, – сказала Шейла. – Но тогда почему?..

– У них остались эмбрионы, и нужна суррогатная мать для вынашивания одного из них. Я вызвалась.

– Что?! – Шейла поставила кружку на журнальный столик. – Но у тебя уже прошла менопауза! У нас обеих. Так как?..

– Оказывается, – продолжила Рут, – в наши дни врачи могут повернуть время вспять и вернуть тебя в форму при условии, что основные механизмы еще не повреждены. Мы посетили специалиста, и я прошла своего рода ТО. Результаты будут на следующей неделе. – Она замолчала, наслаждаясь моментом. – Извини, что не выходила на связь, но теперь вся моя жизнь – это походы по врачам.

– Что на тебя нашло? – потрясенно спросила Шейла. – Ничего не имею против суррогатного материнства, но в нашем возрасте это просто безумие!

Рут удовлетворенно покачала головой.

– Самой старой женщине, которой подсадили эмбрион, было за семьдесят. И я должна помочь Лорен. – Она улыбнулась Шейле. – На самом деле, мне очень хочется снова искупаться в море гормонов. Я ностальгирую по своему прежнему телу. Да и в постменопаузе нет ничего хорошего, согласись?

Шейла с удивлением посмотрела на нее.

– Лично у меня нет никакой ностальгии – куча анализов, вздутие живота, кровотечение, головные боли из-за всплеска эстрогена. Почему тут скучать? Менструация была кошмаром, особенно ближе к менопаузе. День, когда до меня дошло, что месячные закончились навсегда, был одним из самых счастливых в моей жизни. Сейчас мне нравится мое тело. – Шейла помолчала. – Серьезно, я думаю, что ты с ума сошла, раз тебе в голову приходят такие мысли.

– Все сказала? – резко спросила Рут.

Шейла проигнорировала ее.

– А что Адам? Его не волнует, как это отразится на твоём здоровье?

Рут приложила палец к губам и понизила голос.

– Он не знает. Так что, пожалуйста, не говори об этом Саймону.

– Почему ты ему не сказала?

– Он, скорее всего, будет против.

– Но он должен знать.

– Да, но не сейчас...

Шейла покачала головой.

– Нет, Рут, ты должна ему сказать. Саймон бы очень расстроился, если бы я скрыла от него такое.

Рут встала, подошла к раковине и нарочито шумно принялась складывать в нее кастрюли и тарелки.

– В прошлом бывали случаи, когда Адам мне многое недоговаривал, поэтому я не считаю, что обязана отчитываться обо всех своих делах, – бросила она через плечо. – Конечно, когда-нибудь я ему скажу, но если сделаю это сейчас, он попытается меня остановить.

Шейла встала и подошла к Рут.

– Так каков план? Ты забеременеешь, а потом будешь ждать, пока он заметит твой животик и начнет задавать вопросы?

– О, ради всего святого, ты говоришь, как медсестра в клинике. – Рут повернулась и, скривившись, спросила притворно озабоченным голосом: – А есть ли... мистер Фернивал? – Затем она опустила на октаву, и впервые ее уверенность, казалось, пошатнулась. – На самом деле они хотят встретиться с Адамом, чтобы получить его согласие, а я не знаю, что делать.

– Согласие?

– По закону это будет его ребенок, равно как и мой, – представляешь? Как будто все внутри меня принадлежит Адаму. Они хотят, чтобы он пошел на консультацию и подписал их бумажки, это чушь. – Она всплеснула руками.

Шейла была потрясена.

– Лорен попала в ужасную ситуацию, и, конечно же, ты хочешь помочь. Это отважный и невероятный шаг. – Она взяла Рут за руки. – Но не делай этого одна. Пожалуйста, поговори с Адамом.

Рут отстранилась.

– Послушай, скорее всего, у меня ничего не получится, но пока есть хоть малейшая вероятность, я никак не смогу выкинуть все эти мысли из головы. Я хотела поговорить об этом с тобой и надеялась на твою поддержку. – Она отвернулась и включила чайник. – Очень зря.

* * *

Рут и Адаму потребовалось сорок минут, чтобы загрузить посудомоечную машину и навести порядок на кухне с наработанной скоростью и эффективностью пары, состоящей в долгом браке, где работают оба.

– Свинина потрясающая, – заметил Адам. Он бросил пустые бутылки из-под вина в мусорную корзину. – Прекрасное сочетание фенхеля и зелени. Ты готовила так раньше?

– Ты каждый раз так говоришь. – Рут снисходительно улыбнулась.

– Извини. – Он поцеловал ее в затылок, когда она потянулась, чтобы убрать сервировочные блюда в шкаф. – Ты так очаровала меня своим кулинарным колдовством, что я до сих пор не могу опомниться.

Она повернулась к нему, опустила глаза и искоса посмотрела сквозь пряди волос.

– У меня разнылся палец – к нам идет дурной скиталец.

Он рассмеялся.

– Не знаю, откуда в тебе столько энергии. Ты все утро пробыла с Лорен и все никак не присядешь. Ты заслуживаешь глоточек сотерна. – Он наполнил бокал и протянул его Рут. – Я думаю, им понравилось. Саймон в хорошей форме, но Шейлу как будто что-то беспокоит – уж больно она притихла после ужина. Все хорошо?

– У нас были небольшие разногласия по одному поводу, и я огрызнулась на нее, не стоило мне так себя вести. Не о чем волноваться, завтра я извинюсь, и все будет хорошо. – Она взглянула на часы. – Половина первого, в Сан-Франциско четыре тридцать. Давай позвоним Алекс из моего кабинета, пойдем.

– Я с ней разговаривал пару дней назад. Я пойду спать, а ты пока наверстывай упущенное, но, пожалуйста, не болтай слишком долго. Я в отличие от тебя устал.

* * *

Стопка непрочитанных сценариев, которые прислала Белла, лежала на столе Рут, напоминая неприступную крепость. Она вздрогнула от нехорошего предчувствия, отодвинув ее в сторону, чтобы освободить место для ноутбука, убрала со стула кучу счетов и села. Алекс не взяла трубку.

Не могу говорить – в магазине шумно

Как дела?

Отлично. Завтра три хэллоуинских тусовки, выбираем костюмы. Какие вести с детородных полей?

Ужасно. Долги по работе, но не могу сосредоточиться, пока не узнаю результаты тестов.

Как будто жду целую вечность.

Еще совсем чуть-чуть, мамочка,
я жутко горжусь тобой
Уверена, ты все сможешь!!

Будем держать кулачки.

Плохо, что папа не знает...
Мне каждый раз неловко,
когда он звонит.

Всему свое время, дорогая.
Я иду спать, удачи тебе

Спокойной ночи, целую

Поезд в метро опаздывал и плелся до самого Юстона: Рут не успевала на прием, на котором объявят результаты, но испытывала странное облегчение и хотела как можно дольше оставаться в неведении. Не скрывая волнения, она забежала в кабинет и несколько раз извинилась. Доктор Вассили и Хелен Брейтуэйт общались с Лорен; Дэн смотрел в пол и нетерпеливо постукивал пальцами по колену. Доктор Вассили выпрямился на стуле и внимательно посмотрел на них с серьезным лицом, затем повернулся к Рут и сложил руки, как будто в молитве. “Плохие новости”, – подумала она, когда он откашлялся.

– Нам нужны были крепкое сердце, здоровые легкие, отличная физическая форма и отсутствие серьезных проблем со здоровьем. – Он сделал паузу. – И вы оправдали все наши ожидания, миссис Фернивал. Судя по вашим результатам, вы на десять лет моложе, чем заявляли. Поздравляю, – он помахал ей рукой. – А теперь посмотрим, что с вашей маткой... – Он потянулся за отчетом на желтой бумаге.

Сердце Рут, стучавшее столь размеренно во время скринингов, сейчас едва ли не выскакивало из груди.

– Что показало УЗИ?

– Миома меньше четырех сантиметров, поверхность эндометрия чистая. – Он улыбнулся Рут. – Думаю, можем продолжать.

Лорен наклонилась через стол.

– Доктор Вассили, то есть?..

Он накрыл ее тонкую руку своей большой лапой и погладил ее.

– Да, моя хорошая. С медицинской точки зрения ваша мать подходит для того, чтобы выступать в качестве гестационного носителя для вашего эмбриона и родить вам ребенка.

Лорен приобняла мать и пробормотала:

– Молодец.

Рут казалось, будто она пересекла финишную ленту в конце изнурительного спринтерского забега, и ей хотелось насладиться моментом: голова Лорен у нее на плече; шок на лице Дэна. Доктор Вассили продолжал говорить, но она слушала вполуха:

– ...Конечно, ничего нельзя гарантировать... Не ожидайте слишком многого... Можно начинать гормональную терапию.

Она выпрямилась.

– Какую?

– Сегодня начинаем принимать эстроген.

Дело продвигалось с ошеломительной скоростью: она думала, что перед следующей фазой будет перерыв, время, чтобы все уложить в голове, но доктор Вассили уже принялся листать план лечения.

– Если матка отреагирует и слизистая уплотнится достаточно, назначим дополнительную дозу гормонов, чтобы подготовить ее к имплантации.

– Какой толщины должен быть эндометрий? – спросила Рут, стремясь сосредоточиться на следующей цели.

– Семь миллиметров. – Он вызывающе улыбнулся. – Посмотрим, как у вас получится.

Лорен опустила взгляд в свой дневник.

– Какой самый ранний срок подсадки?

– В теории – через три недели, но вероятнее всего – от четырех до шести недель. Все зависит от миссис Фернивал.

– До пятьдесят пятого дня рождения Рут всего десять месяцев, – подсчитал Дэн. – Сроки поджимают.

“Звучало так, будто от этого ему стало легче”, – подумала Рут.

* * *

Гормональные препараты лежали на столе в кабинете Хелен Брейтуэйт.

– А без этого точно не обойтись? – спросила Рут, с тревогой глядя на упаковки таблеток и пластырей.

– Это только начало, – ответила медсестра, – потом добавим прогестерон. Вы когда-нибудь принимали препараты заместительной гормональной терапии?

– Хотела, но отпугнули побочные эффекты, – нервно хихикнула Рут.

– Что ж, сейчас вы наверняка с ними столкнетесь. На пике стандартная доза будет увеличена в семь раз, поэтому будьте готовы к

головным болям, болезненным ощущениям в груди и мышечным спазмам в ногах, для начала. Внимательно прочтите список лекарств и свяжитесь со мной, если что-то будет беспокоить.

В семь раз. Рут внезапно поплохело от страха. Она представила, как ее тело утолщается под натиском этого неестественного эстрогена. Разрастутся ли опухоли в груди и яичниках, будут ли образовываться тромбы и забиваться артерии?

– Сейчас вероятность беременности нулевая, – продолжила Хелен, – но всем будущим суррогатным матерям, в том числе в период менопаузы, мы советуем воздержаться от половой жизни. Так, на всякий случай.

– Даже если моему мужу сделали вазэктомию?

– Мне кажется, у нас не было этой информации, – сказала Хелен и сделала пометку в бумагах. – В таком случае для вас это неактуально.

Она подняла глаза и улыбнулась чересчур фамильярно.

– Вы, вероятно, заметите значительные улучшения в этой сфере. Эстроген стимулирует кровоснабжение, поэтому сухость исчезнет, ткани влагалища укрепятся, повысится либидо. А еще улучшается состояние кожи и волос.

– Приятно знать, что есть плюсы, – холодно ответила Рут.

– Он все еще очень занят, да? – спросила медсестра, складывая коробочки в пакет.

– Прошу прощения, о чем вы? – Рут пыталась вспомнить, когда она в последний раз занималась сексом.

– О вашем муже. Много работы?

– О да, он ужасно занят. У него сложное дело, его все никак не закроют. Я дам знать, когда у него появится время.

* * *

Адам уехал в Вену на неделю, на европейскую юридическую конференцию. Его коллега Найджел Тельман должен был ехать вместе с ним, но не мог отвлечься от очень важного дела, поэтому глава коллегии предложил поехать Эмили и попросил дать ответ как можно скорее. До этого они ни разу не были вместе за границей, и Адаму пришлось смириться с утомительными подколами. Конференция

проходила в одном из самых крупных отелей города, его строгий каменный фасад скрывал роскошь бархатных интерьеров в красных тонах. В номере на шестом этаже, из которого открывался вид на оперный театр, больше всего привлекала внимание здоровенная кровать из розового дерева, заправленная шелковым бельем кремового цвета и усыпанная малиновыми подушками; вид ее, казалось, упрекал Адама в том, что он ни с кем ее не делит.

На второй день после ужина позвонила Рут.

– Чем занимаешься?

– Да вот, в кровати лежу.

– Уже? – Адам взглянул на часы: в Лондоне всего двадцать минут десятого.

– Мне в двенадцатый раз прислали черновик “Куртизанки”, который перед сном нужно успеть прочитать да еще и написать на него аннотацию. Ему еще далеко до совершенства, но у меня уже глаза закрываются. В последние ночи я сплю часов по десять.

– Значит ли это, что ты понемногу разгребла свои долги? Стало полегче?

– Честно говоря, осталось еще столько всего – страшно представить. Совсем ничего не успеваю. Нужно пахать без продыху еще недели три, чтобы наверстать упущенное. Дело серьезное. – Она вздохнула. – Но это всего лишь телик.

“Уж не в депрессии ли Рут?” – подумал он. Она терпеть не могла людей, которые презирали телевидение, и всегда считала, что это важное и необходимое средство коммуникации, способное изменить жизнь людей.

– Ты в порядке? – спросил он с тревогой.

– У меня совсем нет сил и голова раскалывается. – Голос звучал вяло. – Но волноваться не о чем, – добавила она. – Как там твои дела?

– Читал сайт Комиссии по назначению судей: пытался разобраться в бесконечных инструкциях и формах для выступления окружного судьи, вот только недавно закончил.

– Все-таки решился?

– Пока не знаю. Заявку можно подать только через три недели, поэтому пока я решил обсудить с Эмили все “за” и “против”. Она считает, что я буду скучать по азарту адвокатской работы и быстро пожалею, что ушел.

– Ты не думал, что ее мнение может оказаться не таким уж бескорыстным? – сухо спросила Рут. – По-моему, она больше беспокоится о том, что ей будет скучно без тебя.

Адам проигнорировал это колкое замечание.

– Прости, что не позвонил вчера вечером. Была наша очередь звать гостей на ужин и выступать с речами.

– Как все прошло?

– Очень хорошо, но мы не могли уйти раньше гостей, а последние разошлись только к трем, поэтому выспаться нам не удалось.

– Звучит очень по-хулигански.

– Мы не проводим много времени вместе, – сказал Адам и, немного подумав, добавил: – То есть наедине. Это я говорю, чтобы ты не переживала.

– Я шучу, Адам. И ни на минуту в тебе не сомневаюсь. Ты слишком прямодушный для измены. – Она рассмеялась. – Во сколько ты вернешься в пятницу, любовь моя?

Он почувствовал себя униженным и решил восстановить уверенность в себе.

– Вообще-то я хотел предложить Эмили поменять билеты на субботу и посмотреть достопримечательности. Она впервые в Вене, а мы пока даже не выходили за пределы отеля.

Секундная пауза.

– Напиши, каким рейсом полетишь, я встречу тебя в аэропорту.

– Не нужно, я вызову такси, как обычно.

– Я настаиваю, – подчеркнула она. – Увидимся, Адам.

Он положил трубку и улыбнулся.

* * *

По дороге в Хитроу Рут заметно волновалась. На светофоре перед автомагистралью она посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида – лицо сияло, как полная луна, как в прошлый раз, когда она принимала таблетки, только еще сильнее, а глаза казались крупнее и ярче. Шел десятый день курса эстрогена: теперь она принимала по пять таблеток в сутки, а пластыри на животе приходилось менять каждые 48 часов. Она не могла усидеть на месте и постоянно хотела

есть. Чтобы унять головную боль, она глотала одну таблетку обезболивающего за другой.

Проезжая по пандусу, ведущему к парковке третьего терминала, Рут испытала еще один побочный эффект: нарастание сексуального возбуждения. Ее таз будто очнулся от комы. Такого чувства она не испытывала по крайней мере пару лет и совершенно отвыкла от чувства эйфории и безрассудства, которое всегда накатывало при возбуждении. Улыбаясь, она закрыла машину и опустила парковочный талон в карман.

Адам и Эмили ждали в зале прилета. За миллисекунду до того, как их узнать, Рут увидела перед собой пару – миниатюрную стройную женщину в зеленых кожаных сапогах, которая повернулась на каблуках, чтобы посмотреть на высокого мужчину, – они смеялись, такие красивые, наслаждаясь друг другом. Рут остановилась: Адам никогда не стал бы... правда? Она подошла к ним, ее радостно поприветствовали. Они сказали, что конференция была утомительная, но им удалось посмотреть город вчера вечером и сегодня утром.

– Замечательное место, – сказал Адам Рут. – Почти ничего не изменилось с тех пор, как мы с тобой были там. Запах кофе на улице. Ощущение, что находишься где-то на нейтральной территории, на краю Востока. Цыганские скрипачи в ресторанах. – Он посмотрел на Эмили. – Я привел тебе небольшую экскурсию, да?

Эмили повернулась к Рут.

– Из него вышел бы замечательный экскурсовод, правда?

Рут пожалала плечами. Повисла неловкая пауза.

– Ну, я пойду к метро, – сказала Эмили. Она повернулась к Адаму. – Спасибо за компанию, увидимся в понедельник. И я обещаю, что посмотрю “Третьего человека”.

Она улыbnулась ему.

* * *

Вернувшись в Хаммерсмит, Рут и Адам занялись любовью – по ее инициативе. Она повела его наверх, задернула шторы в спальне и с утомительным вниманием раздела его. Он был поражен ее пылом – и

ее очевидным возбуждением, когда она наконец позволила ему прикоснуться к себе.

Она попросила его поскорее войти в нее. И когда он это сделал, она вскрикнула, как раньше, когда секс был жестким и быстрым, а не тем мягким, прерывистым занятием, как это было сейчас: скорее своеобразным общим хобби, чем страстью. Ее раскрепощенность возбудила его; потом он упал на Рут, задыхаясь от изумления и облегчения.

Они лежали бок о бок, тихо смеясь, ее голова лежала на его плече, а волосы, как шаль, укрывали его грудь.

– По-моему, тупики от нас в шоке, – пошутил Адам.

Они взглянули на картину: птицы смотрели на них с обычным настороженным интересом.

– И чем я обязан этому неожиданному удовольствию?

Рут роскошно потянулась.

– Думаю, я скучала по тебе, – сказала она и сделала паузу. – Ты всегда будешь меня любить?

– Конечно, а как иначе? – Он поднял голову и посмотрел на нее. – А к чему вопрос?

– Обними меня, – сказала она ему. – Крепко. Нет, еще крепче.

Адам нахмурился, польщенный, но обеспокоенный.

* * *

Позже они спустились на кухню и замороженно наблюдали взрывы фейерверков за панорамными окнами: неоновые искры разбрызгивались по небу и переливались в темноте. Они посмотрели друг на друга с немим восторгом: в парке Рэйвенскорт отмечали Ночь Гая Фокса. Долгие годы этот праздничный салют был их семейной традицией.

Рут выпалила:

– Слушай, ужина ждать не меньше часа, и мы с тобой так давно там не были. Может, сходим, вспомним молодость?

По дороге к парку они шли, держась за руки, и вспоминали былые времена: как они укутывали девочек в пальто, надевали резиновые сапоги и засовывали крошечные ручки в варежки; Алекс визжала от

восторга на плечах Адама, а Лорен, очарованная пестрящим небом, вжималась в пальто Рут, боясь громких взрывов. Когда фейерверк заканчивался, они шли на ярмарку кататься на карусели: в морозном воздухе раздавались звуки парового органа, и им казалось, будто весь мир у их ног. Потом они устраивались в саду на заднем дворе, жарили на костре сосиски и пекли картошку в мундире, которая никогда не пропекалась, но все равно была вкусной; девочки держали бенгальские огни на вытянутых руках, их радостные лица мерцали в свете костра. Настоящая дружная семья.

– Хорошие были времена, да? – спросил Адам, когда искры последней вспышки растаяли в небе.

– Ты так говоришь, как будто они прошли, – ответила Рут.

Некоторое время они шли молча, затем Адам сказал:

– Наверное, я думал, что все так и будет, и к этому времени у нас уже появятся внуки. Я и представить не мог... – Он замолчал.

Рут взяла его под руку.

– Знаешь, все еще возможно. Не надо отчаиваться. Они по-прежнему хотят детей.

Ей очень хотелось рассказать ему все. Они столько всего пережили, и попытка выносить этого ребенка должна стать совместным усилием, а не страшным секретом.

– Адам, – начала она, – я хотела с тобой поговорить. По поводу Лорен и Дэна...

Но он перебил ее:

– Не обращай внимания на мою слабость. Я знаю, что мы должны думать о хорошем. Я пригласил Дэна на домашний матч, который пройдет на “Эмирейтс” через пару недель. И я буду весел и чуток как никогда, обещаю. – Он улыбнулся. – Хочешь покататься на карусели?

Когда они забрались на лошадок, Адам посмотрел на нее.

– Извини, я тебя перебил, что ты хотела сказать?

Но смелость Рут уже улетучилась.

– Ничего, – отмахнулась она. – Потом обсудим.

Шейла выбрала столик напротив двери кафе, чтобы сразу же заметить Рут. После ссоры они обменялись извинениями по электронной почте, и с тех пор Рут писала ей почти каждый день. Она принимала таблетки уже больше двух недель, и, похоже, эстроген бил через край: Шейла предложила сходить на ланч, потому что отчаянно хотела увидеть результаты. Она заказала тарелку супа и посмотрела в окна, но из-за проливного дождя смогла разглядеть только нечеткие очертания людей и зонтики.

Наконец пришла Рут, помахала ей рукой и повесила макинтош. На ней была свободная туника сливового цвета поверх серых леггинсов, и Рут петляла между столами, заполняя собой все пространство.

– Извини, что опоздала. На работе полный завал, люди выстраивались в очередь, чтобы поговорить со мной, когда я выходила из офиса. Я так рада тебя видеть!

Когда они обнимались, Шейла сказала:

– Мне кажется или у тебя увеличилась грудь?

Рут засмеялась.

– Просто воспряла. И стала чувствительнее. – Она сложила ладони под грудью и посмотрела вниз. – Думаю, в этом нет ничего удивительного: я принимаю ударную дозу гормонов, но это все равно странно. – Она взяла меню. – Прежде чем мы начнем трепаться, мне нужно поесть.

Шейла внимательно изучала лицо Рут. Ее глаза сияли, а кожа на скулах натягивалась, когда она улыбалась, была гладкой и не такой морщинистой. Шею, замотанную плотным серым шарфом, Шейле разглядеть не удалось.

Рут подошла к стойке и вернулась с тарелкой ризотто с курицей.

– Знаю, что это мерзко, но я постоянно хочу есть. Все из-за гормонов.

– Как себя чувствуешь?

– Странно. Симптомы менопаузы – приливы жара, бессонница, кожный зуд – исчезли в считанные дни, это было потрясающе, впервые за три или четыре года я спала очень крепко и всю ночь. Как будто я

попала в чужое, более красивое тело – и врачи говорят, что матка меняется, как положено, так что все в порядке.

– Ты выглядишь иначе. Моложе. Как отреагировал Адам?

– Начнем с того, что он испугался эстрогенных пластырей на животе, но я сказала, что это от кожной сыпи, и он успокоился. Вообще, я не думаю, что для него что-то поменялось, – она понизила голос, – кроме секса, конечно.

Шейла ждала продолжения.

– Каждый день с тех пор, как он вернулся из Вены. Иногда по два раза в день. – Она наклонилась ближе. – Мне как будто опять тридцать, только без детей, которые каждые пару минут дергают дверь.

– И все дело в эстрогене?

– Либо так, либо я чересчур внушаема. Медсестра в клинике сказала, что ситуация улучшится, но такого я не ожидала. – Она прошептала: – Чтобы ты понимала, я намокаю при одной мысли об этом.

– Прощай, вагинальная смазка?

– Абсолютно. И, наверное, это уже совсем лишняя информация, но я даже пахну, как раньше. Понимаешь, о чем я? Такой тяжелый запах морских водорослей.

Шейла хихикнула.

– Все это напоминает разговоры, которые мы вели у меня дома, когда нам было шестнадцать, помнишь?

– Я всю неделю ждала субботы, чтобы прийти к тебе на ночевку, – сказала Рут. – Только тогда я могла вести себя, как обычный подросток, да и то получалось не очень убедительно.

Они вспоминали, как отдыхали на пляже в огромной компании, пили сидр и курили сигареты у костра, не спали до рассвета, болтая о мальчиках и мечтая о том, чего они достигнут, выбравшись из Пензанса. Рут с трудом выползала домой рано утром в воскресенье, чтобы успеть к церковной службе. Чудо, что ее мать так и не поняла, чем она занималась.

– Ты всегда умела замечать следы, – сказала Шейла. – Кстати, я так понимаю, ты все еще ничего не говорила Адаму?

– Он ничего не знает, но пользуется преимуществами. – Рут вызывающе улыбнулась. – И ты обещала не пилить меня по этому поводу.

Шейла развела руками.

– Ты играешь с огнем, но я не буду вдаваться в подробности – это не шутки. А как насчет его согласия?

– В клинике об этом больше не упоминали, и я тоже помалкиваю.

Рут рассказала, что этим вечером ей делали четвертое и последнее УЗИ матки. Если эндометрий будет достаточно плотным, то, возможно, уже к концу недели внутри нее окажется эмбрион Лорен.

– Странно, да? – Она отодвинула пустую тарелку и зевнула. – Я очень хочу пудинг, но мне нужно вернуться и поработать. Я постоянно устаю и много сплю, это пугает.

Шейла выглядела обеспокоенной:

– Но на работе все идет хорошо?

– Не спрашивай, – сказала Рут, – состояние матки сейчас важнее, и у меня нет сил, чтобы беспокоиться еще и о компании, поэтому я пытаюсь выбросить это из головы.

Когда они вышли на улицу, Рут сказала:

– Боже мой, я так одержима своей терапией, Лорен и всем остальным, что даже не спросила о тебе. Ты все утро проводила международный семинар – как он прошел? Как Саймон? Ребенок? Твоя мама? – Она коснулась щеки Шейлы с извиняющимся выражением лица. – Прости. Как у тебя самой-то дела? В двух словах.

Шейла засмеялась.

– У нас все в порядке, и мои новости подождут. Гораздо интереснее слушать твои новости с передовой секса и деторождения. Напиши мне, когда получите результаты. И береги себя, Рут, ладно?

* * *

Рут и Лорен ждали, пока доктор Вассили копался в стопке результатов анализов. Наконец он вынул голубой лист формата А4.

– Так... Миссис Рут Фернивал. Размер и форма шейки матки и самой матки соответствуют значениям до менопаузы. – Рут показала Лорен большой палец. – Нормальная морфология. Неповрежденный эндометрий. Минимальная толщина шесть целых пять десятых миллиметра по всей длине.

– О нет! Этого недостаточно, мне понадобится еще один курс эстрогена, и мы потеряем две недели. – Слезы разочарования выступили у нее на глазах.

Доктор Вассили пощупал усы.

– Я сказал, что семь миллиметров желательно, но времени мало. Мы можем работать и с шестью с половиной. – Он хлопнул в ладоши. – Дамы, мы готовы к работе!

Сердце Рут забилося чаще.

– Молодец, мама! – Лицо Лорен покраснело.

Доктор Вассили сказал, что он уже разговаривал с эмбриологом, и подсадку можно провести через пять дней, в субботу утром. Рут проверила свой дневник и заколебалась: в пятницу у всех в компании была встреча на весь день, и, поскольку они так сильно отставали, они с Беллой договорились о встрече на следующее утро; Белла будет в ярости, если она откажется. С другой стороны, Адама не было: он собирался в Манчестер пообедать со своими кузенами.

– Прекрасно, – сказала она.

– Мы с Дэном тоже сможем, – добавила Лорен.

Но доктор Вассили объяснил, что только одному человеку разрешено сопровождать пациента, потому что кабинет представляет собой маленькую стерильную комнату. Рут почувствовала облегчение, она не могла вынести мысли о другом зрителе, но Лорен помрачнела.

– Мы с Дэном были вместе во время всех наших предыдущих подсадок, и если бы мы могли пойти с ним вдвоем, для нас это много бы значило. Может быть, получится сделать для нас исключение, всего один раз?

Специалист покачал головой.

– Таковы правила, миссис Райан, и, к сожалению, я не могу их изменить даже для вас.

Он сложил руки и поклонился, извиняясь. Лорен вздохнула.

– Тогда будем только я и мама. – Она посмотрела на Рут, и они нервно улыбнулись друг другу.

Доктор Вассили просмотрел план лечения.

– Заберите прогестероновые пессарии у Хелен Брейтуэйт на выходе и с этого момента применяйте их ежедневно в дополнение к эстрогену. И помните, пожалуйста, никаких косметических средств или парфюмерии в кабинете.

Он обратился к Лорен.

– Миссис Райан, прежде чем мы продолжим, вы и ваш муж должны дать нам подписанное согласие на использование ваших эмбрионов.

– Без проблем, – сказала Лорен.

– А миссис Фернивал?

Теперь он смотрел на Рут, и каждый мускул ее тела напрягся: он собирался потребовать форму согласия Адама. Ее ладони намокли от пота.

– Да? – выдавила она.

– Вы уверены, что хотите, чтобы мы перенесли только один эмбрион? Шансы на успех значительно выше, если их будет два.

Они забыли. Все будет хорошо. От облегчения она потеряла дар речи.

Лорен сказала:

– Мы уже обсуждали это, и ничего не поменялось, мы не хотим рисковать. Понимаете, если будут близнецы, то это слишком большой риск для мамы, а ее здоровье важно для нас.

– Понимаю, – ответил доктор Вассили, сделал пометку в плане и посмотрел на них. – Я с нетерпением жду встречи с вами обеими в субботу.

* * *

После приема Рут затащила сопротивляющуюся Лорен в бар в Кэмдене и заказала безалкогольные коктейли, чтобы отпраздновать это событие.

Рут чокнулась с Лорен.

– За успешную подсадку эмбриона!

– Сглазишь, – возразила Лорен.

Но Рут была на седьмом небе от счастья.

– Ерунда, – ответила она. – Подсадка проходит намного раньше, чем я думала, и время идеальное. Если в этот раз не сработает, мы успеем попробовать еще раз. А еще они даже не упомянули форму согласия твоего отца, и это прекрасно. Значит, я могу выбрать подходящий момент, чтобы сказать ему, уже после подсадки.

– Дэн будет в шоке, когда я скажу ему, что его не пустят, – сказала Лорен. – В момент перед имплантацией мы всегда загадывали желание. Звучит странно, но, мне кажется, это помогает. И на этот раз все получится.

Она почти плакала. Рут взяла ее за руку.

– Не теряй настрой. В этот раз мы будем загадывать желание троим. И помни, главное результат, а не присутствие в кабинете. Надеюсь, Дэн поймет.

* * *

За день до подсадки эмбриона Рут плелась от метро Ковент-Гарден к офису “Морраб филмз”, таща маленький чемодан, полный документов и наскоро набросанных заметок. Четыре дня приема высоких доз прогестерона сделали свое дело: ее предупредили, что могут появиться предменструальные симптомы, но в реальности все оказалось гораздо хуже: она чувствовала себя толстой, несчастной и раздражалась по любому поводу. Головная боль сверлила мозги два дня и две ночи, пока она пыталась быстро прочесть кипы бумаг. Директор сериального направления на Би-би-си профинансировала разработку двух сериалов и теперь ждала окончательных сценариев и бюджетов вместе с подтвержденными именами режиссеров и главных актеров – детали, которые часто включали в договор, – прежде чем она решит, заказывать их или нет. Всплеска адреналина, который обычно помогал Рут оставаться сосредоточенной и энергичной перед важными встречами, на этот раз не появилось. Подсадка эмбриона занимала все ее мысли, и вместо работы она часами сидела в чатах о суррогатном материнстве, где все обменивались опытом. Она была до ужаса не подготовлена.

Компания занимала этаж узкого викторианского здания у Стрэнда, вверх по крутому лестничному пролету над магазином компьютерных принадлежностей. Когда она открыла дверь в главный офис, все уже собрались и ждали ее.

Рут выдавила улыбку, сбросила пальто, села и глубоко вздохнула.

– Всем большое спасибо за все, что вы делали последние несколько недель. Блестящая командная работа. Я не была здесь так

часто, как обычно, но все равно старалась поспевать. – Белла шумно заерзала на стуле. – Все отлично.

– Правда? – спросила Белла почти презрительным тоном. Она выглядела неважно: бледная, у рта вскочила простудная болячка.

– Чистейшая, – не слишком уверенно ответила Рут.

Белла вздохнула.

– Четыре эпизода “Зажигательных девчонок” все еще нуждаются в серьезной переработке. Сценарии для второго сезона “Боли” должны быть доработаны и отправлены на Би-би-си, прежде чем первый эпизод выйдет в трансляцию. – Она взглянула в свой блокнот. – А с “Куртизанкой” возникла проблема. Если будем снимать в Чехии, как планировали, то выйдем за рамки бюджета.

Она обратилась за подтверждением к Адриану Вебстеру, руководителю производства.

Адриан был из тех менеджеров, которых мечтали нанять другие компании: хитрый, невозмутимый, ловкий в финансах и прекрасно ладящий с людьми. Обычно он пребывал в приподнятом настроении, но в тот день был мрачен.

– Единственный вариант – найти другое место, – сказал он. – Возможно, в сельской части Сербии, но главным звездам это может не понравиться. Кстати о звездах. – Они с Беллой еще раз переглянулись. – Мы рискуем потерять режиссера. Проект, над которым он работает, отложили, поэтому съемки будут пересекаться, и что-то мне подсказывает, что выберет он не нас. – Адриан повернулся к Рут. – Он позвонил вчера и хотел поговорить с вами, я пообещал, что вы пообедаете с ним завтра – я понимаю, что это помешает утренней встрече с Беллой, но это его единственный свободный день.

– Спасибо, Адриан. – Рут снова выдавила улыбку, представляя себе кабинет для подсадки эмбрионов, в котором она будет лежать уже через двадцать четыре часа. – Давай обсудим детали, когда закончим обсуждение, – сказала Рут, избегая его взгляда. Она посмотрела на мрачные лица младших членов команды.

– Бодрее, дорогие мои, – она пыталась сдержать панику в голосе, – как говорит Белла, нужно кое-что доделать, но все идет по плану. Все в порядке.

Белла встала.

– Рут, можно тебя на пару слов? Сейчас. Только ты и я.

Рут последовала за ней в их общий офис, и они сели лицом друг к другу на двух бледно-голубых диванах из “ИКЕА”.

Белла спросила:

– Зачем ты говоришь всю эту ерунду? У нас ни черта не хорошо, и все это знают. Как будто ты живешь в какой-то параллельной вселенной, оторвавшись от реальности. – Ее голос дрожал. – Я больше не могу работать за двоих.

– Но я вернулась, и я обещаю...

– Ты обещала прочитать все присланные мной сценарии и написать заметки авторам, и сегодня утром я первым делом это проверила. Никто от тебя ничего не получал.

Рут покраснела.

– Последние два дня я только этим и занималась, все сценарии уже готовы и у меня с собой. Редакторы могут разослать их уже сегодня.

Белла закусил губу.

– У нас нет актеров на главные роли, да и с режиссерами все неясно. Уже слишком поздно, и мы с Адрианом единственные, кого беспокоит перспектива банкротства “Морраб филмз”.

– Прости, но нам с Лорен пришлось нелегко.

Белла жестко ответила:

– Да? А я слышала, что все у вас было хорошо, когда вы сидели вместе в Сохо.

Рут скрестила руки.

– Было такое. Я пригласила дочь на обед после того, как все утро мы просидели в клинике на Харли-стрит. – Она посмотрела на Беллу с негодованием лжеца, технически говорящего правду. – Какие-то проблемы?

В таком случае мне очень жаль, – сухо сказала Белла, но выражение ее лица указывало на то, что это не так.

* * *

В тот вечер Рут села на закрытое сиденье в туалете на нижнем этаже дома и быстро провела самооценку. Вызвано ли ее неустойчивое психическое состояние гормонами (“перепады настроения”

упоминались в списке побочных эффектов прогестерона) или зашкаливающим уровнем стресса? День становился все хуже. Когда собрание закончилось, Рут, не обращая внимания на скептицизм Беллы, сказала ей, что не сможет прийти к ней на встречу, затем позвонила режиссеру “Куртизанки”, чтобы отменить устроенный Адрианом обед – их последний шанс. У него случился приступ неконтролируемой агрессии – о его особенности знали все в индустрии, – и он уволился, заявив, что “Морраб филмз” перестала быть горнилом для той работы, к которой он всегда стремился. Раньше Рут терпеливо выслушала бы его и сделала бы все возможное, чтобы его отговорить, но сегодня днем из-за перепадов настроения у нее вырвалось: “Господи, Джейми, может, уже пора повзрослеть?” Он выругался и бросил трубку.

Белла, которая уже была на грани, подслушав конец разговора, пришла в ярость. Им придется искать замену, а имена потенциальных режиссеров не внушали надежду. Рут извинялась, как могла, и вышла из офиса, когда они с Беллой почти наладили диалог, но Рут понимала, что придется провести серьезную работу над ошибками.

Тем временем Лорен с самого утра засыпала ее нервными сообщениями: просьбы вовремя принять лекарство; напоминания о необходимости отдыхать, глубоко дышать и не забывать есть; предложение еще раз обсудить предстоящую процедуру. Телефон снова зажужжал, Рут достала его из сумки и увидела очередное сообщение:

Люблю тебя
Держись там
Осталось всего 14 часов!

Адам был раздраженным и несчастным. Рут несколько дней пришлось держаться от него подальше, чтобы поддерживать уровень прогестерона. Пытаясь успокоить его и собственное чувство вины, она каждый вечер готовила ужин вместо того, чтобы работать или устанавливать новый пессарий. Адам стоял в коридоре и звал ее, как беспокойный ребенок:

– Рут! Ты где? Рут! Ру-у-ут!

Еле слышно она закрыла дверь на замок.

Все женщины, проходившие курс лечения бесплодия, которых она знала, могли полагаться на поддержку мужей или партнеров, которые брали на себя домашнюю работу и помогали составить график приема лекарств, утирали слезы и успокаивали после перепадов настроения. С недавних пор она периодически обижалась на Адама за его безразличие, за то, что он и пальцем не пошевелил, чтобы ей помочь. С языка едва не слетел совершенно необоснованный упрек: так и сойти с ума можно. Электронное письмо от Хелен Брейтуэйт, которое она получила двумя часами ранее, еще сильнее подтолкнуло ее к грани безумия. Рут взяла телефон и перечитала его:

Уважаемая Рут,

Пожалуйста, не забудьте завтра принести заявления о согласии от вас и вашего мужа. На обоих экземплярах должна стоять дата и ваши подписи. Нам необходимо получить их перед проведением процедуры.

С уважением,

Хелен

Вот и она: точка невозврата. Рут нервно сглотнула слюну и набрала ответ:

Без проблем, Хелен. Завтра все будет!

Самое время рассказать Адаму. Рут представила, как усаживает его в гостиной, спокойно и логично объясняет, насколько это важно для Лорен и что ради нее они обязаны попробовать. Она была готова умолять его подписать бумагу, даже если бы на это ушла целая ночь. Рут посмотрела в зеркало: лицо опухшее, бледное, под глазами темные круги. Она расправила плечи и глубоко вздохнула. Если ей удастся перетянуть его на свою сторону до подсадки, все будет хорошо. Для вида она смыла воду и открыла дверь.

Адам набросился на нее.

– Я зову тебя битый час, почему не отвечаешь?! Что происходит?!

Это был сигнал.

– Нам нужно поговорить, дорогой.

– О чем?

Он стоял, скрестив на груди руки, будто был готов бороться до конца, и смотрел на нее с таким недоверием, что она едва не потеряла самообладание.

– Ситуация непростая, – начала Рут.

– Полагаю, мы говорим о Лорен? – раздраженно спросил Адам.

Она замерла. Он все знает. Должно быть, она оставила без присмотра медицинские бумаги или забыла заблокировать телефон. На лбу и ладонях выступил пот.

Рут ахнула.

– Алекс говорит, что ты помогаешь Лорен, что бы это ни значило. Понятия не имею, потому что ты сказала мне оставить ее в покое. Я не видел ее с тех пор, как она потеряла ребенка, и всякий раз, когда я звоню, она всегда занята, при этом, судя по всему, с тобой и Алекс она постоянно на связи! Что происходит, Рут?

Рут закрыла глаза и выдохнула: все в порядке, он не в курсе. Но она никак не могла справиться с силами и все ему рассказать. Только не сейчас, когда она так устала, а он явно не в настроении.

Она положила руку ему на плечо:

– Послушай, ничего плохого не происходит, ты сам себя накрутил. Я пытаюсь помочь Лорен, вот и все. Ей уже намного лучше, и она с радостью с тобой встретится – просто дай ей немного времени.

Адама это явно не убедило.

Рут попыталась улыбнуться.

– Прости, я знаю, что не уделяла тебе должного внимания последние пару недель. Нам нужно многое обсудить, но уже так поздно, и я так устала, что не могу даже думать. – Она зевнула. – Пожалуйста, давай оставим этот вопрос до выходных?

Адам пристально посмотрел на нее, и выражение его лица смягчилось.

– Ладно, – сказал он. – Только давай поужинаем побыстрее, ладно? Мне завтра рано вставать, хочу лечь пораньше.

– Мне нужно кое-что доделать, но это быстро. – Рут обошла его и пошла к лестнице. – Я скоро, – бросила она через плечо, – а потом что-нибудь приготовлю. Может, пока накроешь к ужину?

Рут зашла в кабинет, взяла Библию и положила ее на стол; вверх поднялось облако пыли, и ее частички медленно закружили в свете настольной лампы. Книга открылась посередине, как раз там, где она

спрятала бумаги. Она пролиستала форму Адама, представив себя секретарем по юридическим вопросам, готовящим документ для клиента; во всех местах, где нужно было поставить инициалы или подпись, она аккуратно нарисовала карандашом крестик:

Я осознаю, что моя жена будет выступать
в качестве суррогатной матери X
Я ознакомлен с порядком проведения лечения X
Я даю согласие на получение консультаций
в клинике Маринелла X
Я получил возможность задать вопросы X
Я осознаю, что буду являться законным родителем любого
ребенка, рожденного в результате упомянутого лечения ... X
Даю свое согласие

Дата X
Подпись X

Рут открыла папку с финансовыми документами и нашла договор, который они вдвоем подписали в прошлом году. Обычно Адам пользовался перьевой ручкой, у нее же была только шариковая, но все должно получиться. Она практиковалась в написании его подписи и инициалов, покрывая лист формата А4, пока не получилось идеально похоже, а затем заполнила его имя, адрес и дату рождения в шапке документа. Это была самая легкая часть. Она села поудобнее.

Первый карандашный крестик стоял на следующей странице. Как только ручка коснулась бумаги, рука так сильно начала дрожать, что Рут пришлось остановиться. Нельзя подделывать подпись, это преступление: она собиралась перейти черту. В голове зазвучал лукавый довольный голос матери:

Вот ты и попалась!

Девочка моя, ты и правда думала, что можешь что-то от меня скрыть?

Ты испорченная – и всегда такой была!

Рут сжимала и разжимала пальцы на правой руке, пытаясь унять дрожь. Отступить поздно. Этот незначительный проступок может рассердить Адама, но не причинит ему никакого вреда, зато она получит шанс изменить жизнь дочери и подарить ей счастье. На ее месте любой родитель сделал бы то же самое. Внизу, на кухне, Адам начал греметь тарелками и столовыми приборами, давая понять, что голоден и раздражен. Она ужасно устала, но нужно сосредоточиться и довести дело до конца. Он никогда не узнает: это всего лишь нелепая патриархальная бумажка, устаревшая бюрократическая формальность, которая нужна только для того, чтобы поставить галочку в чек-листе и убрать куда подальше, – она ни на что не влияет.

Через несколько секунд все было готово.

Оба согласия она сложила в конверт для документов, завернула его в пакет из супермаркета и положила в портфель. Все готово.

Когда она закрыла Библию, одна из страниц выпала, и она увидела свое имя. В 1863 году Томас Яго женился на Рут Хамфри из Сент-Буриана; ее тезка родила семерых детей, из которых пережили младенчество только двое; она умерла при родах, произведя на свет последнего ребенка. Рут нашла брешь в семейной хронике и вернула страницу на место, а затем положила книгу обратно на полку. Руки были в пыли и покраснели от расчесов. Она зашла в ванную и оттерла их, затем спустилась вниз и принялась готовить Адаму ужин.

В день подсадки Дэн и Лорен приехали через полчаса после отъезда Адама в Манчестер. Рут была рада, что ее подвезут: она все утро пила воду, как и было велено, и теперь ее мочевой пузырь стал тугим, как барабан.

Когда они подъехали к автостоянке, Лорен обернулась, посмотрев на Рут, и осторожно сказала:

– Мама, мы всегда даем нашим эмбрионам имена. Этого зовут Гусеница.

– Гусеница?

– Дэн выбрал такое имя, потому что она появляется на свет в одном виде, но потом превращается в нечто совершенно иное.

Рут увидела, что задняя часть его шеи покраснела, и ее сердце сжалось.

– Дэн, мне очень жаль, что тебе не разрешили присутствовать.

Он встретился с ней взглядом в зеркале заднего вида и кивнул.

– Присмотри за Лорен вместо меня, ладно? – сказал он. Прозвучало это так, будто она не справляется со своими материнскими обязанностями.

* * *

Хелен Брейтуэйт ждала их в приемной в светло-голубой медицинской одежде, придававшей ей серьезный вид. Пока лифт со скрипом направлялся ко второму этажу, они стояли молча, и, когда вышли, медсестра указала Дэну на комнату ожидания.

Рут наблюдала, как они с Лорен поцеловались, затем несколько мгновений стояли друг напротив друга, закрыв глаза и сжав ладони; она догадалась, что наблюдает за ритуалом, который они проводили перед подсадками. Сцена была такой интимной и трогательной, что ей пришлось отвернуться.

– Напиши мне, чтобы я знал, когда начинать молиться, – сказал Дэн, когда они разошлись, затем повернулся к Рут и крепко обнял ее.

Хелен проводила их в кабинет, где попросила формы согласия; Лорен и Рут вручили ей по пачке бумаг и смотрели, как она просматривает их страницу за страницей. Затем она начала считать:

– Первый родитель-заказчик. Второй родитель-заказчик. Суррогатная мать. Супруг суррогатной матери. Четыре формы, все подписанные и датированные. Отлично, дамы. – Она вложила бумаги в прозрачные файлы и вставила их в папку с кольцами с надписью: “фернивал/райан”. Рут знала, что Лорен смотрит на нее с удивлением, но не подняла взгляд.

– Как ваша дочь знает по опыту, мы должны неоднократно проверять документы и ваше удостоверение личности, прежде чем осуществить подсадку, – сказала Хелен. – Этого требует закон, чтобы мы не поместили в вас не тот эмбрион. Вас будут спрашивать, кто вы и когда родились, столько раз, что вам захочется кричать, и начнем мы прямо сейчас.

Медсестра осмотрела пластиковый браслет с именем Рут, номером больницы и датой рождения и, убедившись, что данные верны, надела ей на запястье, затем повела их в раздевалку. Рут надела больничной халат, Лорен – пластиковый фартук, и обе переобулись в красные резиновые тапочки. Они шлепали по линолеуму за Хелен, которая проводила их до кабинета и ушла за доктором Вассили. Тяжелая дверь захлопнулась за ней с глухим звуком. В центре комнаты стояла кушетка, а по обеим сторонам у стен были расставлены экраны и оборудование; жалюзи были закрыты, стояла тишина. Рут забралась на стол, легла и закрыла глаза. Вдруг на нее накатила паника. Не самой процедуры – ей сказали, что она не страшнее обычного мазка из шейки матки, – а чего-то непреодолимого, того, что нельзя остановить.

Лорен села на стул рядом с матерью и обхватила ее руку.

– То есть папино согласие все-таки понадобилось?

– Ага. – Рут открыла глаза и уставилась в потолок.

– Я так рада, что он наконец-то в курсе: держать все это в тайне было невыносимо. – Лорен с облегчением улыбнулась. – Тяжело было его уговорить или он сразу все подписал?

– Я собиралась ему сказать. – Рут замолчала. – Но потом передумала.

– Но он же подписал, – сказала Лорен удивленно. – Я же видела его подпись в согласии.

– Тише. Все под контролем. Я разберусь.

– В смысле?

– Подсадка сейчас важнее, и мне нельзя волноваться. Если все получится, мы обо всем ему расскажем. Немедленно.

Они перешли на шепот. Лорен с ужасом смотрела на Рут.

– Мам, ты что, подделала папину подпись?

Рут не успела ответить: двойные двери распахнулись, и в кабинет вошел доктор Вассили, одетый в хирургический костюм, за ним последовали Хелен и молодой человек, чье бесстрастное лицо оживляло синевато-багровое родимое пятно на левой щеке.

– Знакомьтесь, это доктор Хиттал – ученый-репродуктолог, он со своей командой работает в лаборатории в соседнем кабинете. Мы будем поддерживать с ним связь по специальной рации и видеосвязи. – Вассили помолчал и указал налево. – Прямо за стеной находится ваш эмбрион, который мы заранее разморозили.

Доктор Хиттал показал Рут пластиковый прямоугольник размером с кредитную карту, на котором был напечатан уникальный идентификационный код эмбриона. Он попросил ее назвать имя и дату рождения, затем сверился с браслетом и карточкой. Затем робко ей улыбнулся и выскользнул из кабинета.

Доктор Вассили подошел к концу операционного стола, посмотрел на Рут и поднял руки, будто священник у алтаря.

– Теперь мы подготовим вас к подсадке эмбриона.

Рут еще раз попросили подтвердить ее личность, затем доктор Вассили и Хелен усадили ее на край операционного стола. Они уложили ее на спину и поставили ноги на специальную подставку, которая фиксировала колени под прямым углом. Она чувствовала себя хрупкой и беззащитной, как пустой сосуд, ожидающий наполнения.

– Удобно? – поинтересовался доктор Вассили.

– Да, если не считать непреодолимое желание сходить в туалет.

– Вот и славно, – просиял он. – Полный мочевой пузырь упрощает доступ к матке.

Остальные засмеялись, Рут стиснула зубы. Переговорное устройство затрещало, и в комнате воцарилась тишина.

– Говорит доктор Хиттал. Я подключил прямую трансляцию с микроскопа, так что можете взглянуть на эмбрион.

Рут проследила за взглядом доктора Вассили и справа от себя увидела большой монитор. А вот и он: на экране появился черно-серый объект, круглый с неровностями на поверхности. Он был похож на старинную серебряную монету – римскую или средневековую, – тусклую и немного потертую, но полную таинственности и силы; настоящая красота.

Рут посмотрела на Лорен: та не отрывала взгляда от экрана и улыбалась.

– Привет, Гусеница, – прошептала она.

– Сейчас введем эмбрион, – сказал доктор Хиттал.

Доктор Вассили ввел гинекологическое зеркало во влагалище Рут, затем жестом попросил Хелен подойти. Она откинула шторы.

– Я буду делать УЗИ, чтобы доктор Вассили мог наблюдать за процессом подсадки.

Она нанесла гель на живот Рут и начала водить датчиком туда-сюда. Включился еще один экран, и Рут увидела свою матку: за недели гормональной терапии она увеличилась и лежала на боку, как спелая серая груша.

Доктор Вассили начал вводить направляющий катетер в шейку матки Рут. Она почувствовала укол, а затем увидела, что он отразился на экране: бледная линия, плавающая в полости в центре груши. Он остановился на полпути и завис в подвешенном состоянии.

Интерком снова зашипел:

– Эмбрион на входе.

Хелен положила сканер и выключила свет. Теперь все было в тени, и на мгновение в комнате воцарилась тишина; Рут вспомнила службы в часовне зимними вечерами, которые были когда-то давно, словно в другой жизни. Медсестра открыла маленькую дверцу в стене, и пара рук в розовых перчатках протянула шприц с присоединенной к нему длинной тонкой трубкой. Она взяла его и медленно вернулась к столу, держа его перед собой с непостижимой осторожностью, как просфору на службе.

Она улыбнулась Рут.

– Ваш пятидневный эмбрион находится здесь, плавает в культурной среде.

– Вообще-то это мой эмбрион, – сообщил голос позади них.

– Конечно, – сказала Хелен. – Прошу прощения.

Она передала шприц доктору Вассили и продолжила водить по животу Рут датчиком УЗИ.

– Теперь внимательно следите за экраном. – Доктор Вассили вставил трубку в направляющий катетер и медленно вдавил шприц. – Сейчас будет маленький толчок. Совсем скоро... Вот!

Рут затаила дыхание. А потом увидела крошечную белую вспышку: эмбрион на волнах жидкости влетел в матку. Словно падающая звезда, он показался на экране на долю секунды и погрузился в тень.

Где-то позади нее рыдала Лорен.

– Отлично, – сказал доктор Вассили. – Все получилось как надо.

Рут ничего не сказала.

Доктор Вассили вслух сосчитал до десяти и очень медленно вынул катетер. Затем вытащил зеркало.

Хелен включила свет, они с доктором Вассили заполнили необходимые бумаги, выключили аппарат УЗИ и над чем-то посмеялись. – Рут не поняла, над чем именно, – как будто ничего особенного не произошло.

– Вам нужно полежать тут смирно еще минут двадцать, – сказал Рут доктор Вассили. – Если повезет, эмбрион начнет имплантироваться через три-четыре дня. А пока вам нужен покой. Воздержитесь от плавания и постарайтесь не контактировать с токсичными веществами. Если подсадка не сработает, пожалуйста, не делайте ничего, о чем будете жалеть. И передайте от меня мужу, что сейчас он должен вас баловать. Представьте, что у вас снова конфетно-букетный период.

Он слегка поклонился по очереди Лорен и Рут, а затем вышел из кабинета.

Хелен Брейтуэйт дала им по две распечатки – фотографии эмбриона и момента переноса.

– Молодцы, вы обе отлично справились, – сказала она и обратилась к Рут. – Вы наверняка захотите сделать дома тест на беременность, но помните, что им нельзя полностью доверять. Окончательный тест мы проведем здесь через пару недель. Если он будет отрицательный, не паникуйте, только каждая третья подсадка оказывается успешной. Большинство наших пациенток возвращаются на вторую или даже третью процедуру. У вас отличные шансы и большой запас эмбрионов.

На автостоянке Дэн шагнул вперед и открыл дверь машины. Лорен шла за ним следом и держала Рут под руку.

– Лучше снова садись назад, мам. Я всегда так делала после моих посадок, чтобы ноги были повыше.

Дэн завел двигатель, но не включил передачу.

– Удобно, Рут? – спросил он, слегка повернув голову, так что их взгляды снова встретились.

Повисла пауза, а потом она поняла: он ждал, когда она пристегнет ремень безопасности, чтобы обезопасить тело, в котором теперь находился его эмбрион. Теперь это его собственность? Она молча пристегнулась.

Они съехали по пандусу и присоединились к потоку машин, движущемуся на запад. В центре Лондона стояла обычная ноябрьская слякоть, но после имплантации Рут чувствовала себя персонажем из научной фантастики, который прилетел на чужую планету.

Когда они ехали по Мэрилебон-роуд, Лорен спросила:

– Все хорошо, мам?

– Голова немного кружится. – Рут с трудом подбирала слова. – Никак не могу осознать, что произошло... – Она замолчала. – Ты ведь и сама знаешь, да, дорогая? Каждый раз после этих процедур... Не представляю, как ты находила в себе силы двигаться дальше.

Она распустила волосы и накинула их себе на лицо и шею, чтобы согреться.

Дэн протянул руку через плечо Лорен, и рукав темно-синего пиджака разделил пространство между передней и задней частями машины. Рут внезапно захотелось, чтобы рядом оказался Адам. Она представила, как он сидит рядом с ней; ее ноги на его коленях, их руки переплетены, он улыбается с гордостью и одобрением: он на ее стороне.

Лорен сказала:

– Тебе стоит отлежаться пару дней, просто на всякий случай.

Она сказала это неуверенно, но Рут поняла, что это была четкая инструкция, выполнить которую будет непросто.

Она вытащила телефон и написала Адаму:

Надеюсь, ты хорошо доехал
и у твоих кузенов все хорошо.
Я плохо себя чувствую, так что иду спать.
Лучше ляг в гостевой спальне – не хочу
тебя заразить.
Целую!

Затем она написала Шейле:

Подсадка прошла по плану,
ощущения невероятные.
Теперь остается молиться...

Она достала распечатки из сумки, чтобы снова их рассмотреть: загадочный эмбрион, затем момент, когда он вошел в нее и идея обрела плоть. Ей стало страшно и одиноко.

Лорен и Дэн подвезли Рут до дома и отправились обратно в Брокли. Солнце в лобовом стекле начало потихоньку опускаться. Какое-то время они ехали молча, затем Дэн взял Лорен за руку.

– Как прошла подсадка?

– Странно. – Она смотрела прямо перед собой. – Тебя там не было, и я так по тебе скучала. На самом деле, все внимание было на маме, все эти проверки документов и подготовка. Я просто наблюдала. Видеть, как все суетятся вокруг нее и смотреть на матку на мониторе – думаю, это окончательное подтверждение того, что для меня все кончено. – Она вздохнула. – Так что я чувствовала печаль и беспомощность. – Он сжал ее руку. – Но все время повторяла себе, как мне повезло, что она делает это для нас, и надеялась, что, возможно, она добьется успеха там, где я с таким треском провалилась.

– Не строй больших надежд, Лори. Раньше это никогда не работало и вряд ли сработает в этот раз.

– Иногда мне кажется, что ты на это рассчитываешь, потому что, если мама забеременеет, ты будешь в ужасе.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и машину немного повело на соседнюю полосу; им загудели, и Дэн выругался.

– Давай начистоту, – сказал он, стараясь звучать сдержанно, – если все получится, я буду на седьмом небе от счастья, но...

– Но?

– Просто это будет странно, согласишься. Будет о-о-о-чень странно.

Она улыбнулась.

– Ты так думаешь, потому что твоей маме такое бы и в голову не пришло?

Дэн невольно рассмеялся. Это правда, его мать не верила во вмешательство в природу: ей нисколько не понравилась бы эта идея.

Лорен сказала:

– Тебя это беспокоит? Ее реакция на то, что наш ребенок будет в животе у бабушки?

– Нет, конечно! – воскликнул Дэн.

Он не мог рассказать ей о самом большом страхе: если Рут забеременеет, она возьмет все под свой контроль, и он перестанет чувствовать себя мужчиной из-за того, что позволил этому случиться. Он знал, что его опасения иррациональны, и вместо этого сказал:

– Зачем мы вообще это обсуждаем? Мы же с самого начала договорились, что шансов на то, что это сработает, практически нет. Просто нужно закрыть гештальт.

– Ты прав, давай сменим тему, – сказала Лорен и ахнула. – Господи, Дэн! Я забыла тебе рассказать!

Он взглянул на нее.

– Что?

– В клинике у мамы потребовали папино согласие, и она его отдала.

– Значит, теперь он в курсе, – сказал Дэн и облегченно вздохнул. – Слава богу. – Он нахмурился. – А как он отреагировал? Он за?

– Понятия не имею, потому что вот в чем дело: в бумагах стояла его подпись, но папа не мог поставить ее сам, потому что мама призналась мне, что до сих пор не сказала ему. Я попросила ее все объяснить, но пришли врачи, а потом у меня это вылетело из головы. – Она обеими руками зажала рот, и ему пришлось напрячься, чтобы услышать ее слова. – Я почти уверена, что она подделала его подпись.

– Шутишь? – Впереди был зеленый светофор, но Дэн притормозил и остановился на перекрестке. Он посмотрел на Лорен, его лицо побледнело. – Это незаконно.

– Я знаю.

Загорелся желтый, потом красный.

– Если она действительно забеременела, весь процесс могут признать недействительным, и что мы тогда будем делать?

– Как я поняла, мама хочет, чтобы мы притворились, что ничего не знаем, – она сказала, что все под контролем и она сама разберется.

– Тем самым делая нас соучастниками мошенничества? – Дэн покачал головой. – Ну спасибо, Рут.

– Нет, наоборот, – сказала Лорен, прищурившись. – Если мы не будем расспрашивать, то ничего не узнаем и не будем виноваты.

Они смотрели друг на друга, размышляя, затем Дэн сказал:

– Твоя мама загнала нас в угол. Вот почему я с самого начала так нервничал из-за того, что она будет нашей суррогатной матерью. – Он потер лицо руками, затем устало посмотрел на Лорен. – Ладно, давай сделаем так. Мы никому не рассказываем о согласии твоего отца. Никогда. Если он узнает, то будет в ярости, и я не хочу, чтобы он думал, что мы в этом участвовали. Так что этого разговора с мамой во время подсадки не было. Согласна?

– Согласна, – ответила Лорен и указала вперед. – Зеленый, поехали.

Дэн отпустил ручной тормоз и нажал на газ. “Теперь у нас целая куча причин надеяться, что беременность не наступит”, – подумал он.

* * *

Выходные Рут провела в постели. Она придумала такие симптомы, которые позволяли лежать в изоляции, но при этом не надо было ограничивать себя в еде.

– Ничего серьезного, – хрипло заверила она Адама, когда он приехал домой из Манчестера и заглянул в спальню, чтобы узнать, как она себя чувствует, и убедиться, что это всего лишь простуда.

Он прищурился.

– Ты несколько недель была сама не своя – то голова болит, то устала, днями не вылезала из постели, то плачешь, то смеешься – а теперь на тебе! Я за тебя беспокоюсь. Позвоню в скорую и, если понадобится, отвезу тебя в больницу.

– Нет-нет, не нужно, – сказала Рут неожиданно ясным и решительным голосом. Она нарочито закашлялась. – Сейчас мне

нездоровится, но я уверена, что скоро все пройдет.

– Почему? Ты уже обращалась к врачу?

Она вздохнула и натянула одеяло до макушки. Нужно сохранять спокойствие, не вставать и ни о чем не волноваться. Значит, Адаму рассказать не получится. Да и какой смысл, если вероятность того, что эмбрион не приживется, составляет шестьдесят процентов? Рут тщательно подбирала слова, чтобы избежать откровенной лжи.

– Я не обращалась к врачу, – сказала она и сделала паузу, – по той простой причине, что я не больна.

Формулировка странная, сказано как-то неуклюже – прокурорское чутье Адама заподозрило обман. Он обратился к комку под одеялом.

– Рут, ты что-то от меня скрываешь? Что-то, о чем знает Лорен, а я нет?

– С чего ты взял? – Ей стало не по себе, и она уставилась в темноту. Она несколько раз кашлянула, пытаясь выиграть время. – Почему ты спрашиваешь? – Ее голос срывался и дрожал.

– Потому что мне нужно знать.

– Из-за тебя мне становится хуже.

– Ты говорила, что помогаешь ей. Интересно, может ли быть так, что все наоборот: не она больна, а ты?

Рут выдохнула.

– Я же сказала тебе, все хорошо, – то есть скоро все пройдет. Так что перестань волноваться, ладно?

– Точно?

Она выглянула и прошептала:

– Пожалуйста. Я уже ответила, и мне точно не станет лучше, если я не выплуюсь.

* * *

Воскресным утром густой туман прижался к окнам и окутал крыши домов напротив, превратив их в абстрактные монохромные треугольники, которые плавно то появлялись, то исчезали из вида. Рут чувствовала себя оторванной от всего мира. Только телефон периодически нарушал странную тишину. Лорен каждый час писала ей

ласковые сообщения с просьбой поделиться новостями. Наконец терпение Рут лопнуло:

Дорогая, прошу тебя, я пытаюсь
правдоподобно притворяться больной,
а для этого нужно много сил!
Выключаю телефон.
Нужно немного потерпеть,
хорошо?
Люблю

Ближе к вечеру она услышала шаги Адама на лестнице. Он вошел в спальню, держа телефон на вытянутой руке.

– Это Алекс. Спрашивает, хочешь ли ты поболтать.

Рут отмахнулась от него и сказала: “Нет”, но он сунул телефон ей в руку.

– Милая, – прохрипела она, – как ты?

– Мам, прости, я говорила с Лорен и знаю, что ты притворяешься больной и не можешь говорить, но я хотела услышать твой голос. Я беспокоилась о том, как прошла посадка. Если с тобой все в порядке, просто скажи “да”.

– Да.

– Вот и славно. Люблю тебя, мамочка. Твоя самоотверженность – единственное, что держит Лорен на плаву. Надеюсь, эмбрион приживется.

– Спасибо, дорогая, мне очень приятно.

– Но ты же понимаешь, что папа сходит с ума и думает, что ты при смерти. Успокой его как-нибудь, ладно?

Адам отступил к дверному проему и обеспокоенно смотрел на нее, и Рут чувствовала себя виноватой и загнанной в угол.

– Я постараюсь, – сказала она. – На самом деле, мне уже гораздо лучше, только спать очень хочется, так что возвращаю тебе папу.

Адам забрал телефон и спустился по лестнице.

– Алекс, ты еще тут? Как ты думаешь, что с ней?

– Она быстро поправится. Дай ей отдохнуть, и завтра она будет как огурчик.

– Да ну?

– Ну да, – ответила Алекс. – Перестань хоть ненадолго беспокоиться о маме и для разнообразия подумай немного о себе. Открой бутылочку вина, зажги камин и посмотри что-нибудь на “Нетфликсе”.

– Спасибо за поддержку. Буду держать тебя в курсе.

* * *

Рут поднялась с постели и попыталась продолжить работу. Это оказалось непросто: по утрам она просыпалась разбитая и никак не могла сосредоточиться, стараясь прислушиваться к внутренним ощущениям и отслеживать признаки беременности.

На следующей неделе в среду Белла позвонила в десять утра:

– Сможешь найти время и приехать сегодня в офис?

– Прости. – Рут поднялась с постели. – У меня снова была бессонная ночь, никак не могу раскачаться. Но я точно буду к обеду.

– Ты видела рейтинги?

Сердце Рут сжалось: накануне вечером в эфир вышла первая серия “Боли”, и впервые за всю свою карьеру она забыла проверить количество просмотров сериала, над которым работала.

– Пока не успела.

– Попробуешь угадать? – мрачно сказала Белла.

Рут почувствовала прилив тошноты.

– Не томи.

– Началось с трех с половиной миллионов, а через полчаса все обвалилось; до конца досмотрели миллион двести. Канал рассчитывал как минимум на четыре миллиона. Цифры катастрофические, так что о втором сезоне и речи быть не может.

Два дня спустя Рут позвонила руководителю отделения сериалов на Би-би-си Ханна Стимпсон, которая поддерживала “Боль” с самого начала. Она была потрясена тем, что зрители не разделили ее энтузиазм по поводу сериала, но, учитывая цифры, ей нужно было найти “менее заметное место в расписании” для остальных серий. Таковы правила: придется пускать их в ночное время, когда большинство людей ложится спать. Она также упомянула, что из-за сокращения бюджета решение по “Зажигательным девчонкам”

и “Куртизанке” будет принято не раньше нового года. Рут винила себя: если бы она поменьше отвлекалась, обе серии уже были бы в производстве.

* * *

Адам работал над крупным делом об убийстве. Каждый день, когда здание суда открывалось, он шел напрямиком на встречу с остальной частью команды, а когда приходил домой, Рут либо была в своем кабинете, либо уже спала. Внезапно она была слишком занята для готовки, и холодильник опустел. Несмотря на все ее заверения, он знал, что что-то не так. Когда он вернулся из Вены, она и шагу не давала ему ступить, и несколько дней подряд у них был невероятно энергичный секс – казалось, что она только об этом и думала. Затем, как только он к этому привык, она отдалилась и начала постоянно на него огрызаться; и следующие пару недель было то так, то сяк. Что бы он ни говорил и ни делал – все не так; как будто она устроила ему испытание, а он его не выдержал.

Может, она подумывает от него уйти? Жена его друга Джулиуса ушла два года назад, когда ей было за пятьдесят. Абсолютно внезапно. Однажды вечером Джулиус пришел домой после работы и нашел на кухонном столе записку. В ней говорилось, что она больше не может его терпеть, уже много лет чувствует себя ужасно несчастной и больше никогда не хочет его видеть. Джулиус плакал, когда рассказывал об этом Адаму.

Или она серьезно больна и хочет от него это скрыть? Проводить выходные, не вылезая из кровати, – это совсем на нее не похоже, и никогда раньше она не выглядела такой уставшей и вялой. Как будто что-то смертельное разъедало ее изнутри: рак или, может, лейкоз. А вдруг стресс от того, что ей приходилось очень много работать, чтобы зарабатывать на жизнь, довел ее до нервного срыва? Он не выдержит, если с ней что-нибудь случится. Адам знал, что у “Морраб филмз” проблемы, – он слышал, как она говорила по телефону с Беллой об увольнении хотя бы одного члена команды, а может, и больше; во время этого разговора она едва ли не плакала. Но, когда он начал ее расспрашивать, отмахнулась и сменила тему. Если Рут слишком

больна, чтобы работать, или ее компания обанкротится, ему понадобится собственный надежный источник дохода, чтобы восполнить этот пробел: пора действовать.

Однажды поздно вечером, когда она заснула, Адам сидел в своем кабинете и дописывал заявку на должность окружного судьи. Кропотливо и тщательно он объяснял, почему соответствует каждому пункту в четырех списках требований, изложенных в примечаниях к анализу самооценки, а затем сократил текст, сделав его речь лаконичнее. Он прочитал подробные инструкции о важности хорошей репутации и подтвердил, что не совершал никаких преступлений или проступков, которые сделали бы его непригодным для работы или поставили бы судебную систему в затруднительное положение. В последний раз просмотрев документы и убедившись, что, насколько ему известно, все, что он сказал, было правдой, он почувствовал ту же волнительную дрожь предчувствия, которая пробежала по нему всякий раз, когда он проходил проверку в аэропорту: он был уверен, что его совесть чиста, но немного волновался, что по незнанию прихватил с собой что-то незаконное. Ночью в половине четвертого Адам нажал “Отправить”, а затем написал Рут по электронной почте, что он сделал. Он старался изо всех сил и надеялся, по крайней мере, на то, что этого будет достаточно, чтобы попасть на собеседование. Если все получится, то груз ответственности на ее плечах станет легче, и в их отношениях откроется новая глава. Он не мог поступить иначе.

Воронка стояла на полке на кухне, за всем необходимым для варки джема: широкая, неглубокая и сделанная из нержавеющей стали, она идеально подходила к горлышку выбранной банки. С момента переноса эмбриона прошло восемь дней, и Лорен попросила ее сделать первый тест на беременность. Рут не спала с семи утра, ей отчаянно хотелось в туалет, но она знала, что нельзя, потому что для теста нужно использовать первую утреннюю мочу. Она слушала радио и ждала как на иголках, пока Адам уйдет играть в теннис. На утренней службе в честь первого воскресенья перед Рождеством читали проповедь о том, как преждевременная, тяжелая беременность часто оборачивается благословением; неужели это знак?

Рут отнесла все необходимое наверх и достала один из тестов из целой кучи, спрятанной в ящике с нижним бельем. Она специально съездила на юг, в пригород Суррея, где ее никто бы не узнал, и выбрала пять самых дорогих тестов. На кассе она стоически выдержала вспышку удивления на лице фармацевта и отвергла прошептанное предложение купить бумажный пакет.

– Раз уж начала, так иди до конца, – сказала она себе, выходя из аптеки с коробочками в руках, не обращая внимания на лукавые взгляды людей в очереди за рецептами. Было бы проще сделать заказ через интернет, но она представила, как Адам принимает проклятую посылку и задает вопросы, на которые она не хотела бы отвечать: игра не стоила свеч.

В ванной Рут отодвинула в сторону флаконы с духами и баночки крема и, будто лаборант, разложила все необходимое на раковине. Инструкцию она знала наизусть, но все равно решила прочитать ее еще раз, прежде чем сорвать упаковку и вынуть тест. Она поставила банку на пол, вставила воронку, затем присела над ней на корточки и помочилась, сумев остановиться, когда банка заполнилась мочой на две трети.

Рут медленно натянула трусы и джинсы, застегнула ремень. Затем подошла к своей импровизированной лаборатории, взяла тест и погрузила белый тканевый язычок на его конце в банку с мочой,

сосчитала до пяти и вынула его. Язычок окрасился в ярко-розовый цвет – внушает надежду, хотя она знала, что это свидетельствует только о том, что тест исправен. Результат должен был появиться в пластиковом окошке на одной стороне теста: появилась первая горизонтальная линия; если она будет беременна, появится вторая, вертикальная, образующая крест. Нужно подождать три минуты. Первые шестьдесят секунд она яростно сжимала тест, упрямивая его показать полоску, затем, осознав нелепость ситуации, положила его на край раковины.

Время тянулось невыносимо долго, и перед глазами Рут все поплыло: теперь даже горизонтальная линия, казалось, стала тускнеть. Ее охватила паника, и к горлу подступила тошнота. Потом... Ей показалось или появилась вторая полоска? Сначала бледная, она становилась все ярче, пока не превратилась в толстый, синий, совершенно отчетливый крест. Рут задрожала с головы до ног; колени так сильно тряслись, что ей пришлось опереться локтями об раковину. Эмбрион прижился. Он растет в ней. Она беременна. Рут подняла голову и увидела в зеркале незнакомое лицо – бледное и потрясенное.

Зазвонил телефон: Шейла. Рут легла на кровать и, прежде чем ответить, сделала два глубоких вдоха.

– Да?

– Ну? – спросила Шейла.

– Что “ну”?

– Ты сделала тест, я же знаю.

– В общем...

Тишина.

Рут изо всех сил пыталась подобрать слова.

– Две полоски... Беременна!

– Поверить не могу! – Шейла явно была удивлена. – Как себя чувствуешь?

– Тошнит, адреналин, наверное. – Рут помолчала. – Но мне стало легче – оно того стоило. – Она снова замолчала. – Но как же страшно, пути назад уже нет, правда?

– Полагаю, это риторический вопрос?

– Я была так сосредоточена на работе, а потом на лечении и подсадке, что даже не думала об этом.

– Что ж, у тебя получилось, и это просто фантастика – поздравляю! Представляю, как рада Лорен: держу пари, она на седьмом небе от счастья. Что она сказала?

– Ты позвонила, и я не успела...

– То есть она еще не...

– Знаю. Нужно скорее ей набрать. Обсудим позже, ладно?

Она вернулась в ванную, все убрала. Спустившись на кухню, она сломала тест напополам и вместе с инструкцией и упаковкой положила в мешок для мусора, который запрятала на дно мусорного бака, где Адам его никогда не найдет. В доме было очень тихо, словно он сам затаил дыхание. Нужно позвонить Лорен, но сначала она хотела насладиться этим моментом, как будто он был только ее. Она снова поднялась наверх, легла на кровать и наблюдала, как солнечные зайчики танцуют на потолке, окрашенном в розовый, зеленый и синий цвета из-за витражей в верхней части окон. Она положила руки на живот и представила, как эмбрион двигается и растет внутри нее, нуждаясь в ее теле, придавая ему цель и значение. Она с удовольствием выгнула спину и считала месяцы на пальцах: она должна родить в августе, до своего пятьдесят пятого дня рождения. Несмотря ни на что, ей это удалось. Тупики смотрели на нее с любопытством, даже с восхищением.

Рут медленно села, спустила ноги с края кровати, встала и потянулась. Она подошла к окну, чтобы вовремя заметить Адама в конце улицы, если он вернется раньше, и запустила видеозвонок.

Лорен ответила мгновенно, лицо на экране было тусклым от отчаяния. Она сидела в спальне, все еще в пижаме, жалюзи на заднем плане задернуты. Она отвернулась и крикнула:

– Дэн! Мама звонит. Я наверху, беги сюда, скорее! – Она с укоризной посмотрела на Рут. – Мы ждали все утро. Я проснулась в шесть и уже не смогла заснуть. Когда ты не позвонила в половине одиннадцатого, я уже поняла, что результат отрицательный, но хотелось бы, чтобы ты...

– Прости, игру в теннис перенесли, а я не могла сделать тест, пока твой отец был дома.

Дэн вошел в кадр позади Лорен и обнял. Он наклонился, чтобы посмотреть в камеру, прямо на Рут.

– Ты сделала тест?

– Да, только что.

Воцарилось молчание, они ждали, что она скажет.

– Беременна.

– Что?!

Лорен прижала руки ко рту. Дэн выглядел так, словно его кто-то ударил. Затем все, что могла видеть Рут, – это водоворот в темноте, пока они обнимались. Потом Лорен вернулась в кадр.

– Поверить не могу! С первого раза! Покажи полоски, хочу сама убедиться. – Она улыбалась.

– Я уже сломала тест. И выбросила в помойку.

– А фотография есть?

– Нет, а надо было сфотографировать? – Лицо Лорен помрачнело, как будто Рут украла у нее что-то драгоценное. – Прости, дорогая, я не подумала.

Дэн притянул Лорен к себе на плечо и скрылся из кадра. Рут увидела узор его джемпера и услышала, как он прошептал:

– Лори, не вздумай заикливаться на тесте.

А затем:

– Да, но помни, что многое может пойти не так – мы с тобой это проходили.

Она услышала звук поцелуя, затем Лорен сказала:

– Прости. Я так тебя люблю! У Гусеницы получилось!

А затем:

– Ты прав, момент просто идеальный!

Рут почувствовала себя чужой.

Лицо Лорен вернулось в кадр.

– Мы как раз хотели сказать, что от папы уже нет смысла скрывать, да? Дэн пойдет с ним на футбол сегодня днем, а потом соберемся у вас и отпразднуем.

Желудок Рут сжался.

– Может, подождем результата из клиники, чтобы знать наверняка? На всякий случай, если вдруг, не дай бог, результат будет ложным.

– Хорошо, мам, ты права. И спасибо! Мы любим тебя, правда, Дэн?

Адам и Дэн встретились в пабе у стадиона “Эмирейтс” за час до начала матча. Обычно они сразу шли на трибуны, но Дэн предложил выпить пива, и в какой-то момент Адам понял, что выпил больше, чем требуется, чтобы оживить разговор. Паб был старомодным: темное дерево, абажуры и множество зеркал. Повсюду уже висели рождественские украшения: цветная мишура – красная, ярко-синяя и желто-зеленая – вилась вокруг резных колонн из красного дерева и свисала с верхушки стойки над их головами. Они несколько минут подшучивали над футболом, сожалея о недавних поражениях своих команд и недостатках менеджеров.

Адам сказал:

– Футбол напоминает брак, да? Вы подписываете договор, молодые и полные надежд – к лучшему или к худшему, переживаете взлеты и падения, победы или поражения, – и пытаетесь удержаться на плаву. Кстати, как дела у Лорен? Ей лучше?

Дэн осушил четверть стакана.

– Ага, – он кивнул, но нахмурился, подбирая слова. – Все хорошо, но немного нервничает.

– Почему? – взволнованно спросил Адам.

– Ну... – Дэн задумался и на секунду приоткрыл рот. Но затем махнул рукой. – Вы же знаете Лори, она всегда нервничает.

Он поставил стакан на стойку и потер лицо ладонями.

Адам почувствовал волну сострадания к своему зятю и задумался, не приобнять ли его. Но вместо этого сказал:

– Мне ужасно жаль, что вам пришлось через все это пройти... Нервы, больницы – ты лучше меня знаешь.

Дэн посмотрел на Адама и поджал губы: они стали похожи на зловещий шрам, как будто кто-то грубо сшил их, чтобы он не проболтался. Дэн с трудом кивнул и сказал:

– Это было ужасно, – сказал он и разом допил свое пиво.

Адам передал пустой стакан бармену, чтобы он наполнил его.

– Я знаю, что вы подумываете о суррогатном материнстве, – сказал он. – Рут упомянула об этом. Но действовать нужно осторожно.

Дэн никогда не видел Адама в суде, но, должно быть, именно так он проводит перекрестный допрос. Он задавался вопросом, как много могут видеть эти пронзительные глаза, и начал краснеть, как нашкодивший школьник.

Адам увидел реакцию Дэна и понял, что перегнул.

– Прости, – сказал он. – Слишком рано, да? Ты еще не смирился с утратой. – Он схватил Дэна за руку и пожал ее в жесте безмолвной мужской солидарности. – Извини, давайте сменим тему. Как работа?

Разговор свернул в безопасное русло: Дэн пятнадцать минут искренне вещал о графиках, логистике и проблемах с мотивацией в команде; он достал телефон и просмотрел отчет о результатах за предыдущий квартал, лучше которых, по его словам, они никогда раньше не видели.

– Спасибо, я очень рад, что вам это интересно, – сказал он, улыбаясь со смесью гордости и смущения, когда Адам поздравил его. – Я много раз пытался объяснить отцу, чем я занимаюсь, но ему все равно не понять – это просто не его.

– Как дела у матери?

– Хорошо, – сказал Дэн. Она звонила ему в начале недели и сказала, что прошла ежегодный осмотр и все в порядке.

– Отлично, – сказал Адам. – Тебе, наверное, стало легче?

– Ага, – кивнул Дэн. – Она всегда ходит на осмотр под Рождество, что не очень хорошо, и она знает, что я волнуюсь. Но уже много лет с ней все в порядке.

– В наши дни медицина творит чудеса.

Дэн услышал печаль в его голосе и нерешительно спросил:

– Вы имеете в виду, по сравнению с тем временем, когда у вашего отца был рак?

Адам выглядел ошеломленным, как будто не осознавал, что говорил вслух.

– Да, наверное, – ответил он и откашлялся. – Пойдем, мы сидим вместе, потому что парень рядом со мной, у которого тоже сезонный абонемент, уехал в командировку в Штаты. Удачно вышло, да?

Они шли к стадиону сквозь море цветов. Красно-белый шарф Адама говорил о его верности команде; Дэн надел нейтрально-коричневую стеганую куртку. Когда они стояли бок о бок у турникетов, Адам, глядя прямо перед собой, сказал:

– Послушай, Дэн, ты большой молодец. Вы через столько прошли за эти годы, и ты все так же заботишься о Лорен. Мы с Рут очень ценим то, что ты для нее делаешь.

– Спасибо, – ответил Дэн и снова залился краской.

* * *

Дэн все никак не мог сосредоточиться на матче: доброта Адама застала его врасплох. Его тесть хороший, порядочный человек, который не заслужил такого к себе отношения. Он искоса посмотрел на Адама: тот радостно вскрикнул, когда его команда рванула вперед, потом вскочил – нападающий ударил по мячу, целясь в ворота, но вратарь команды соперников отбил его одним прыжком, и Адам, разочарованно застонав, плюхнулся обратно в кресло. Дэн представил его выражение лица, когда он узнает о беременности – от всех троих на каком-нибудь мучительном семейном собрании или наедине от Рут. Сначала его красивое, открытое лицо расплывется в улыбке: он рассмеется, думая, что над ним пошутили; потом будет в шоке. Разозлится. Разочаруется.

Он, может, и простит такое поведение жене с дочерью – оправдает их безумством материнских гормонов, – но не зятю, от которого он такого не ожидал. Дэн станет виновником, козлом отпущения, тем, кто так подло подставил Адама. Он принял приглашение на футбол, воспользовался гостеприимством и промолчал о неделях обмана и тайной подсадке эмбриона – он предал его доверие. Даже если у Рут случится выкидыш, что наиболее вероятно, Адам в конце концов об этом узнает и осудит его. Когда маленькие человечки в красной форме “Арсенала”, бегающие по полю внизу, окружили своих противников и забили два гола подряд, Дэн уже знал, что должен сделать.

* * *

Прозвучал свисток на перерыв между таймами. Адам повернулся к Дэну, и его лицо расплылось в ухмылке.

– Пока что это одна из самых лучших домашних игр в этом сезоне. Я очень рад, что ты попал на такой хороший матч! – Он встал. – Пора отпраздновать!

Дэн поднялся на ноги.

– На самом деле, мне нужно кое-что сказать. – Он закрыл лицо руками и потер ладонями щеки. – Может, найдем место поспокойнее?

Адам удивленно посмотрел на него.

– Хорошо, но давай я сначала угощу тебя пинтой?

Дэниел покачал головой:

– Спасибо, не нужно.

Его лицо было напряженным и бледным.

Они пробирались между рядами красных пластиковых сидений к выходу. Затем Адам указал налево.

– Пойдем спустимся по той лестнице, – сказал он. – Все пошли в бар – на ней меньше всего народу.

Он готовился к плохим новостям: либо Лорен серьезно заболела, либо они решили расстаться. Они протискивались вниз, пока не нашли пустую площадку на первом этаже, и встали в углу лицом друг к другу, прижавшись спинами к стене.

– Ну? – сказал Адам.

Их разговор походил на взрыв в замедленной съемке. Голос Дэна, приглушенный всхлипами, – слезы стояли в глазах, но не капали. Вонь от пива и дезинфицирующего средства. Рут беременна. Ребенком Дэна и Лорен. Если все будет хорошо, она родит в августе. Ветер обдувал лицо Адама, в порывах воздуха ощущался запах мочи. Рут предложила стать их суррогатной матерью. Невероятная жертва, добровольная, они согласились. Не стоит беспокоиться о деньгах: за все платит Дэн. Шесть недель терапии и постоянных осмотров, Рут было физически тяжело. Шесть недель. Обертки от бургеров и целлофановые пакеты кружились у ботинок Адама, словно мухи. Она просила их не рассказывать ему, не хотела его беспокоить, если это ни к чему не приведет. Мимо прошла гогочущая стайка молодых людей, кто-то задел его плечо. Дэн был против тайн, но Рут настояла. Они собирались обо всем ему рассказать на следующей неделе, но он больше не мог этого терпеть. Он надеялся, что Адам поймет. Он же поймет?

Мимо пронеслась еще одна толпа. Все в красном. Мужчины обнимались, ругались, пели, смеялись. Адам втиснулся в угол, прижавшись к куртке Дэна, к его мокрому лицу, он всем телом ощущал его дрожь. Он еле устоял на ногах. Когда толпа прошла, Адам отступил, сложив руки на груди, словно щит, и прищурился. Теперь он все понял: странное поведение Рут, ее вечное отсутствие, болезни, избегание секса, отказ от работы. Он не зря беспокоился.

Держись, Фернивал, будь мужчиной. Быстрым шагом он направился прочь со стадиона. Проходя мимо турникетов, он сорвал шарф с шеи и бросил его в переполненную урну; он упал рядом, Адам поднял его, бросил назад и со всей силы вдавил его внутрь.

Дэн отпрянул назад, прижался спиной к бетонной стене и выпрямился во весь рост. Он потер лицо руками. Все кончилось. Он поступил правильно, предупредил Адама, отстранился от женских интриг. Так было нужно. Перед его глазами снова возникло лицо Адама: открытое и уязвленное, пока он слушал, а затем, прямо перед тем, как он ушел, резкое и решительное – он все понял. Второе выражение лица напугало Дэна; он был рад, что все закончилось. Надо как можно скорее позвонить Лорен. Он, безусловно, так и сделает. Но сначала выпьет еще одну пинту.

Часть третья

Шрамы

Газета “КОРНИШМЕН”

ДНИ РОЖДЕНИЯ:

ЯГО – 21 сент., больница “Уэст-Корнуолл”.

Мать Анджела (урожд. Перран), жена Фрэнка.

Дочь, Рут.

Огромная благодарность врачам и медсестрам.

Все говорят, что Рут Яго папина дочка.

– Он мечтал о сыне, но Анджела твердо заявила ему, что одного ребенка вполне достаточно, особенно после всего, через что ей пришлось пройти, потеряв остальных. Фрэнк смирился и направил все свои амбиции на маленькую Рут.

Он берет ее с собой на рыбалку у маяка Годреви, где они вместе ловят окуней в прибой, и разрешает ей ошиваться в гараже в Лонг-Роке, пока он разбирается с машинами и продает бензин. Если Фрэнк копается в двигателе, Рут накачивает шины и стоит за кассой – так она помогает отцу с восьми лет. При этом весь вклад в ее воспитание со стороны матери – ругать и одергивать. Она всегда говорит, что у Рут глаза прожорливее желудка, намекая, что ее аппетиты и амбиции совершенно не соответствуют ее возрасту, статусу, классу и полу.

Мама стремится закрыть ее в доме, подальше от опасных увлечений, но отец к ней более снисходителен. Во все остальные дни, кроме воскресенья, когда они надевают лучший наряд и идут в часовню, он позволяет ей все что угодно. Бесстрашная Рут обожает соревнования, дает фору одноклассникам на уроках физкультуры и всегда побеждает в салочках. Она лазает по деревьям и скалам с мальчишками, может простоять на голове десять минут и с легкостью переплыть залив в Марасионе. Чудесное детство неожиданно подошло к концу одним субботним утром, когда ей было пятнадцать.

Рут сразу поняла, что умирает: уже третий день ей не дает покоя колющая боль в животе, а на ластовице белых трусиков появляются темно-коричневые пятна. Три дня она молила Бога, чтобы это закончилось, но наутро из нее начала вытекать черная жидкость, которая запачкала всю кровать. Это не диарея и не проклятье – Шейла описала это как красный поток, как будто мочишься кровью. Но нет, это нечто гораздо хуже: Рут гниет изнутри.

Закрывшись в ванной, она достает из шкафа прямоугольное зеркальце, кладет его на кафельный пол и садится над ним на корточки. В отражении – ужасная пурпурно-розовая плоть, похожая на свинину на разделочной доске мясника, и из нее падают темные густые капли, образуя лужицы. Рут смотрит на часы и засекает время: семь крупных капель за пять минут, и падать они начинают все чаще. Из фарфоровой коробочки на стене она вытаскивает ослепительно белый лист плотной туалетной бумаги и насухо вытирает зеркало: появился странный сырой запах подпорченного мяса.

На первом этаже мать стирает белье в раковине – вид выпирающих лопаток, обтянутых бежевым свитером, усиливает чувство вины.

– Мам?

– Что такое? – спрашивает она, не повернувшись.

– Я заболела, – срывающимся голосом отвечает Рут и кладет возле раковины испачканные трусики.

Анджела Яго резко оборачивается.

– Ты с ума сошла?! Убери эту мерзость, я только что все помыла! – закричала она и скривилась с отвращением.

– Из меня вытекает что-то коричневое.

– Что за бред ты несешь?! – прошипела мать почти шепотом, хотя в доме больше никого не было.

Она отвела дочь наверх и вручила ей пачку гигиенических прокладок и специальный пояс с крючками. Рут облегченно вздохнула: она будет жить, более того – теперь на нее тоже снизошло проклятие, а значит, теперь ее перестанут дразнить за то, что она единственная из девочек, кто ходит на все уроки физкультуры. Но мать, похоже,

возмутилась – как будто Рут сама должна была догадаться, что произошло! Не стоило ее беспокоить.

Когда они вернулись на кухню, она снова зашипела:

– Сверни грязное белье и сразу положи в стирку, чтобы микробы не размножались. Только смотри, чтобы отец не увидел, – нечего ему знать про такие вещи. И промой у себя там все хорошенько, а то люди сразу поймут.

– Что поймут? – спросила Рут.

Мать поморщилась и ответила:

– Теперь ты женщина, поэтому придется следить за тем, в какой позе сидишь, и вообще вести себя поскромнее. Не вздумай никому рассказывать: тут хвастаться нечем. Быть женщиной не сахар, вот увидишь!

С этого момента все изменилось. Привычные вещи стали непозволительны: расстегивать пуговицы ниже ключицы, носить брюки, общаться с мальчиками. Теперь воспитанием Рут занимается мать, и ей запрещено выходить из дома, чтобы не попасть в какую-нибудь неприятную историю. Отец отвернулся от нее, как будто она вдруг стала для него чужой, и помощи от него было ждать бесполезно. Рут осталась в полном одиночестве, и ее единственным утешением стали книги. В доме воцарились тишина и раздор. Порой, когда отец уходит на работу или на рыбалку с друзьями, Рут лежит у себя в комнате с книгой и слышит ритмичные всхлипы – это за стеной рыдает мать. Она мечтает сбежать. Благодаря поддержке учителя литературы и вопреки желаниям родителей Рут подает документы в пять университетов, и во всех ее готовы принять.

* * *

Рут на вечеринке первокурсников колледжа: первая неделя учебы подошла к концу. Радостные объятия, приветствия, взрывы смеха и пробки с глухим хлопком вылетают из бутылок. Кажется, будто все знакомы друг с другом целую вечность. Серое платье из полиэстера, которое мать заставила ее купить, прилипает к колготкам, а шея чешется из-за дурацкого бантика. Остальные девушки одеты в узкие джинсы и короткие куртки, и никто не одевается под стать Маргарет

Тэтчер. Нервно накручивая волосы на палец, она пытается убедить себя, что вписывается в компанию. Просторная комната с высоким потолком напомнила ей о часовне в родном городе. По словам куратора курса, только что рассказывавшего им об учебе, развлечениях и пути самопознания, на который они вступили, это помещение гораздо старше часовни и было построено в семнадцатом веке. Рут кажется, что она чересчур застенчивая и ведет себя неестественно, стесняясь своего корнуолльского происхождения. Она впервые оказалась за пределами своего графства, не считая школьных экскурсий и собеседований для поступления в университет.

К ней подходит юноша из организационного комитета с большим серебряным подносом, на котором стоят бокалы вина. Он одет в спортивную куртку и джинсы и всем своим видом доказывает, что оказался на своем месте будто с первого же дня, как ступил на порог этого средневекового колледжа. Все в нем буквально кричало об этом: широкие плечи, прямая осанка и даже массивное золотое кольцо на мизинце. Парень оказался довольно высоким, поэтому Рут пришлось поднять голову, чтобы прочитать имя на бейджике: “Адам Фернивал. Руководитель студенческого комитета, исторический факультет”.

– Привет, – сказал он, разглядывая надпись на ее бейджике. – Рут Яго, факультет английской литературы, – прочитал Адам. Он улыбнулся, и возле уголков его глаз появились морщинки. – Неужели я правда, а ты – ложь? И не тебе ли суждено меня предать?

Волосы цвета спелой ржи, кончики немного вьются. Открытое красивое лицо почему-то контрастирует с оценивающим взглядом. Серо-зеленые глаза. Все еще улыбаясь, он ждет ответа. Рут почувствовала, что ее перехитрили. Она трясется мелкой дрожью, не в силах сказать ни слова. Как будто она снова оказалась на собеседовании.

– А ты?.. – заикаясь, начала Рут, – Хочешь сказать, что литература – это ложь?

– Прости, дурацкая шутка, не обижайся. – Он высмеивает ее без зазрения совести. – А ты откуда? То есть где родилась? – Из-за ее фамилии он, как и все остальные, решил, что она иммигрантка.

– Корнуолл.

– А, ничего себе... Довольно далеко, да? В какой школе учились?

– Ты такой не знаешь.

- Спорим, что знаю?
- Пензанская средняя школа для девочек.
- Да уж, ты права, я такой не знаю.
- Может, потому что это обычная государственная школа?
- Ой...

Сначала засмеялся Адам, а потом и Рут. Практически невообразимое равновесие все-таки установилось.

* * *

Когда Адам впервые приводит ее в свою комнату в общежитии, длинными и тонкими пальцами Рут проводит по черно-белой табличке в коридоре: “А. М. Т. Фернивал”. Она говорит, что инициалы – это секретный код, который могут понять только такие, как ты сам: три его противных высокомерных соседа и выпускница обычной государственной школы. Скромные инициалы “Р. Яго” лишний раз доказывают, что она ему не пара. Эти антропологические размышления, в сущности, оказываются проверкой: таким образом она старается заставить его презирать ее, чтобы в конце концов отвергнуть, но эти попытки только придают ей шарма.

Адам никогда не встречал таких девушек, как она. Темные глаза с тяжелыми веками, порой застенчиво отведенный взгляд или вдруг обескураживающе прямой в минуты счастья или гнева. Длинные густые и блестящие волосы – темные, почти черные, но с каштановым отблеском – ниспадают на нежно-оливковую шею. Ничего общего с кланом Фернивалов. Он оказался в безвыходном положении и совершенно запутался. Рут из Корнуолла, где добывают олово, поэтому она твердая, как гранит, и часто выходит за рамки, – вот что в ней привлекает. Ему нравится ее пылкость и непосредственность. Она не боится проявлять эмоции: благодаря ей он обнаруживает неожиданные грани своего характера, впервые испытывает такой спектр чувств, в его голове появляются новые мысли. Адам не желает отходить от Рут ни на шаг, а она, похоже, проявляет к нему интерес.

* * *

Настойчивость Адама Фернивала ей льстит, и, как только она справляется с внутренними страхами, выясняется, что он нравится ей не меньше, чем она ему. Он умен и скромен, у него есть чувство юмора – словом, хороший человек. У него было множество подружек, и с некоторыми из них он спал. Чтобы соответствовать, она придумывает себе краткий список партнеров. Девственность, которую с таким ожесточением защищала ее мать, оказалась еще одним анахронизмом, невыгодно отличающим Рут от круга сверстников. От нее необходимо избавиться как можно скорее.

Они занимаются сексом в его комнате. Все начинается с более нежных и торопливых объятий, чем те, что были у нее на пляже родного города и в машинах. Затем он тянется к прикроватной тумбочке за кошельком.

– Ты случайно не принимаешь таблетки?

– Э-э-э... нет.

– Понял.

Он достает квадратный пакетик, надрывает его и отворачивается.

Ей страшно, но она старается действовать решительно. Первое проникновение отдалось болью: он начинает двигаться вперед и назад, и ей приходится прикусить губу, чтобы не заплакать. Когда все закончилось, она чувствует привкус железа во рту, но он, кажется, остался доволен.

– Тебе понравилось? – спрашивает Адам, обхватив ладонями ее лицо, и пристально смотрит ей в глаза.

– Да, – отвечает она с восторженной улыбкой. Ей нравится его открытость и непосредственность. И как же хорошо, что все позади.

На следующее утро Адам с тревогой замечает на простыне кровь. Вдруг ей было больно? Рут отнекивается, говорит, что месячные еще не закончились и все в порядке. Он просит убрать все до прихода уборщицы, так что она промывает простыню прохладной водой, пока от ее дефлорации не остается лишь пара бледных пятнышек цвета шафрана.

* * *

Рут пьет кофе со своей новой подругой, студенткой медицинского факультета, которая живет напротив. Аллегра преобразила свою комнату: в ней пахнет благовониями, и везде развешаны фонарики. На полу разноцветный ковер с темно-синими, малиновыми и золотистыми узорами. На кровати алое покрывало из индийской ткани со сверкающими пластинками, а на нем – гора атласных подушек, которые она нашла в Дели. Аллегра из Лондона, и она спит с мужчинами (которых никогда не называет парнями) с пятнадцати лет. Рут с гордой беззаботностью упоминает в разговоре, что спит с Адамом Фернивалом.

– Ого! А ты времени зря не теряла, подруга. Чем пользуетесь?

– В смысле?

– Дурочка, – вздыхает Аллегра. – Говорю, чем предохраняетесь?

– Ну, он надевает такой... резиновый колпачок.

– Презервативы?! – восклицает она и презрительно сжимает губы, окидывая Рут суровым взглядом. – Это же очень рискованно, лучше пей таблетки. На Коули-роуд есть бесплатная клиника, туда все мои приятельницы ходят.

– Мне нельзя таблетки, – хмуро отвечает Рут.

– По медицинским показаниям? – спрашивает Аллегра, с интересом придвигаясь ближе.

– Ну да, вроде того. Они же ужасно вредные. В них лошадиная доза гормонов, которые разрушают мозг и вообще весь организм.

– Кто тебе такое сказал?

– Мама. И кстати, фармацевтические компании прекрасно об этом знают, но тщательно скрывают. Эти таблетки очень опасны, особенно для подростков.

Аллегра недоверчиво смотрит на Рут, поэтому она добавляет:

– Мама точно знает, она подрабатывает в химической лаборатории.

– Она фармацевт?

– Нет, но она занимается чем-то из той же области.

Аллегра смеется так сильно, что не замечает, как скидывает с кровати две подушки. Рут становится ужасно стыдно – за себя и свою мать. Успокоившись, Аллегра утирает слезы и говорит:

– Такой бредятины я еще не слышала. Миллионы женщин принимают таблетки, и все с ними в порядке. Твоя мама просто не

хочет, чтобы ты занималась сексом, вот и все.

* * *

Рут садится на велосипед и едет в центр планирования семьи, расположенный в передвижном сооружении за поликлиникой. Когда у нее спрашивают имя и адрес, она начинает волноваться: ей кажется, будто ее записывают в список грешниц, но все вокруг ведут себя так, будто это обычная формальность. Ей измеряют давление, задают несколько вопросов и наконец выдают белую коробочку с запасом на три месяца.

На следующее утро Рут достает из блистера одну таблетку – розовую, глянцевую и на вид совершенно безобидную. Она кладет ее на язык и чувствует вкус подсластителя. Потом ей вдруг приходит в голову развернуть инструкцию, в которой написан длинный перечень побочных эффектов и возможных осложнений: отек пальцев, ступней и лодыжек; мигрень, депрессия, тромбоз, рак, эмболия, смерть. Мама была права! Аллегра же всего лишь на первом курсе медицинского, что она может знать? Рут выплевывает таблетку и бросает коробочку в урну.

* * *

Рут все чаще ночует в комнате Адама – она стариннее и краше ее скромной кельи для первокурсников. Они вместе завтракают и расходятся по своим делам: на лекции и в библиотеку. Она учится готовить по рецептам из книг в мягких обложках: омлет по-испански, рататуй и спагетти под разными соусами. Вечером они ужинают, пьют терпкое красное вино и занимаются любовью. Адам никогда не чувствовал себя таким счастливым и постоянно думает о том, как ему повезло.

Семестр заканчивается. Рут сидит с друзьями в общей гостиной с видом на учебные корпуса. Низкое декабрьское солнце заглядывает в окна и наполняет комнату светом. Одна из ее подруг подталкивает ее локтем и показывает на дверной проем: “А вон и твой прекрасный

принц!” Она видит его улыбку, и на душе становится тепло. Ее окрыляет собственный успех: она учится в лучшем университете, у нее хорошие друзья и любимый мужчина.

Однажды ночью Адам просыпается в холодном поту и весь дрожит. Рут включает свет и прижимается к нему поближе. Она говорит, что он кричал во сне и озирался, как будто его жизнь была в опасности. Она пыталась с ним поговорить, трясла его, но он не просыпался. Как только сердце Адама успокоилось, он объяснил, что с детства страдает от ночных кошмаров. От них нельзя избавиться, но он поступил очень безрассудно, не предупредив об этом Рут.

– Обычно я крепко сплю. Представляю, насколько странно это выглядит со стороны. Мама говорила, что кошмары мне начали сниться после смерти отца. Думаю, ты легко можешь себе представить, что о моей особенности говорили в школьном общежитии.

– Бедняжка, – говорит Рут, обнимая его. – Расскажи о своем отце. Сколько тебе было лет, когда он умер?

И впервые в своей жизни Адам поведал эту историю, обливаясь слезами, – ему казалось, что он выплакал все эти переживания еще тогда, в семилетнем возрасте. Она гладит его по голове, и они засыпают, уткнувшись друг в друга. “Моя мамаша Кураж, моя русалка из Зеннора – эта внучка шахтера станет моей опорой”, – думает он.

* * *

“Этого не может быть!” Все тело Рут налилось тяжестью и разбухло, она все время чувствует себя больной. Она вспоминает обнадеживающую улыбку врача, когда первый тест на беременность месяц назад оказался отрицательным.

– Не беспокойтесь, у вас просто задержка менструации, скорее всего из-за стресса. На первом курсе университета у многих девушек сбивается цикл.

На следующий месяц менструация так и не началась, и с Рут явно что-то не так: грудь набухла, соски стали слишком чувствительными. Каждый час она ходит в туалет, в надежде увидеть менструальную кровь. Но ничего нет.

Три дня назад она сдала повторный тест и теперь ждет результаты. Врач просматривает стопку тонких голубоватых бумажек и долго не может найти нужную. Рут мечтает, чтобы этот момент длился вечно и последствия никогда не наступили.

– А, вот и он, – с непроницаемым лицом говорит доктор. – Положительный. Сегодня сделаем еще один, но, учитывая ваши симптомы, предлагаю действовать исходя из того, что результат верный.

– Но как же результат первого теста?

– Ложноотрицательный, такое иногда случается, – пожалав плечами, говорит врач и пристально смотрит на Рут. – Как вы относитесь к беременности?

Слово повисло в воздухе, и у Рут перехватило дыхание: беременность свяжет ее по рукам и ногам, полностью определит ее жизнь. Ей захотелось закричать: “Нет! Я не беременна! Этого не может быть! Тут какая-то ошибка!” Вместо этого она сказала:

– У меня нет возможности... Вряд ли я... – начала Рут, стараясь собраться с мыслями. – Мы используем презервативы, поэтому я не понимаю... У меня учеба, я не могу...

На глазах выступают детские слезы обиды. Она не была к этому готова.

Доктор понимающе кивает. Рут вдруг осознает, что не ей одной приходится через это пройти. Множество других девушек (падших женщин, распутниц, шлюх) сидели на том же самом стуле и слышали эти клишированные слова:

– Презервативы могут быть неэффективны в восемнадцати процентах случаев, если дополнительно не были использованы спермициды, – мягко произносит врач, скорее доходчиво, нежели строго. – Конечно же, есть и другое решение.

К своему удивлению, тихим голосом, но уверенным и твердым, Рут заявляет:

– Запишите меня на аборт. Пожалуйста.

– В государственных клиниках Оксфорда, скорее всего, придется долго ждать приема, потому что далеко не все гинекологи делают операции по прерыванию беременности. Я могу направить вас в “Консультационный центр для беременных” – это благотворительная организация со штаб-квартирой в Лондоне. Направление придет завтра

утром, позвоните по указанному номеру и запишитесь на прием, – говорит врач и протягивает ей листовку центра.

Рут неуверенно заглядывает в глаза доктора – непроницаемый, профессиональный взгляд.

– Об этом сообщат в мой колледж?

– Не волнуйтесь, Рут, все строго конфиденциально.

Этот маленький добрый жест – вслух произнесенное имя – трогает Рут, и она плачет навзрыд. Понимая, что врач не хочет видеть ее истерику, она встает и уходит.

* * *

Адам возвращается с утренних лекций и застаёт возле своей комнаты Рут, сидящую на каменных ступенях. Она уткнулась лицом в колени и раскачивается взад и вперед. Вокруг нее черным пятном расплывается плащ. Раньше она никогда не приходила днем. Он рад ее видеть, но тут же чувствует неладное. Она сказала, что им нужно поговорить. Срочно. В его комнате. Он открывает дверь и пропускает ее вперед. Она хочет его бросить, ей нужен кто-то посерьезнее, такой же, как она сама, – Адам боялся этого с самого начала. Ему кажется, что он влюблен. “Не вздумай ее уговаривать, пусть это быстрее закончится”, – думает он про себя.

Они стоят друг напротив друга, почти как в кино.

– Говори, – произносит он, стараясь звучать невозмутимо.

– Я беременна, почти девять недель.

Вздых облегчения – и тут же паника.

– Чего же ты молчала?!

– Первый тест был отрицательным. Я подождала еще месяц и сделала второй. Узнала два часа назад. – Бледная как мел, она замерла неподвижно, прижав руки к груди. – Потом сразу к тебе.

– Прости, – это из-за него, и он должен взять вину на себя. – Не знаю, как так вышло, я проверял все презе...

– Нет-нет, не извиняйся, – твердит она и резко качает головой, будто хочет вытряхнуть мысли из головы.

Его жизнь рушится, но он решает действовать по проверенной временем схеме.

– Я женюсь на тебе. Ну, если ты не против, конечно, – неуверенно произносит он, будто актер, не успевший отрепетировать свои реплики.

– Спасибо, но это не потребуется. Я прерву беременность, – говорит она твердым, решительным голосом, но к глазам подступают слезы.

– Я понимаю, но можем обсудить...

– Нет, я уже все решила, – заявила Рут и всхлипнула. – Нужно торопиться.

“Этого не может быть”, – думает Адам.

– Но это не единственный выход. Если оставишь ребенка, будем растить его вместе...

– Это не ребенок! – кричит она, и по ее щекам стекают слезы. – Это просто сгусток клеток, который появился по ошибке! И если я с ним ничего не сделаю, мне конец!

– Я понимаю, просто... – начал Адам, но Рут не дает ему договорить.

– Есть клиника, где мне могут помочь. Если они согласятся, мне сразу нужно будет заплатить взнос, но у меня не хватит денег... – Она замолкает и с замиранием сердца ждет ответа.

Адам отшатывается назад.

– Я заплачу, сколько потребуется, но давай все обсудим, давай поговорим.

Он никогда не падал в обмороки, но в этот самый момент его настигает похожее чувство: в глазах потемнело, в нос ударил запах антисептика и эфирных масел. Все вокруг будто разом исчезло.

* * *

Рут плохо ориентируется в Лондоне и в метро. Она потерялась и дважды села не на тот поезд. Возле эскалатора будто специально для нее висит рекламное объявление:

**ЕСЛИ ВЫ РАДЫ НАСТУПЛЕНИЮ БЕРЕМЕННОСТИ,
МЫ ВАС ПОЗДРАВЛЯЕМ!
ЕСЛИ НЕТ – ЗВОНИТЕ НАМ!**

КРУГЛОСУТОЧНАЯ СЛУЖБА ПОДДЕРЖКИ. КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ БЕРЕМЕННЫХ

Сотрудники и консультанты – только женщины – проводят ее мимо однотипных кабинетов с белыми стенами, растениями в горшках и картотечными шкафами. Они подчеркнуто вежливы, но едва ли приветливы.

– Вы уверены в своем выборе?

– Да.

– Вы состоите в отношениях с потенциальным отцом?

– Да.

– Он осведомлен о прерывании беременности?

– Да.

– Желаете ли вы обсудить другие возможности?

– Нет.

– Считаете ли вы, что ваше душевное здоровье значительно ухудшится, если вы решили бы оставить ребенка?

– Я бы совершила самоубийство, – отвечает Рут, ни капли не преувеличивая.

Женщина объясняет, что, учитывая обстоятельства и возраст Рут, врачи, вероятно, одобряют прерывание беременности, но перед процедурой необходимо выдержать срок ожидания, который должен составлять не менее недели. Рут подписывает документы и платит шестьдесят фунтов.

На обратном пути к вокзалу Паддингтон Рут снова заблудилась и кругами ездит по Кольцевой линии. Она смотрит прямо перед собой, обдумывая это важное, печальное, взрослое событие, которое обрушилось на нее. Каждый раз, когда поезд с освещенных платформ ныряет в черноту туннеля, она задает себе одни и те же вопросы, будто раз за разом проводя языком по огромной язве во рту.

Сможет ли она ухаживать за ним? Нет.

Хочет ли его? Нет.

Стоит ли его оставить? Нет.

Боль в груди и в животе невыносима: Рут кажется, что ее разрывает изнутри. Ее тело захватили враждебные клетки – без разрешения и согласия. Они угрожают ее жизни, и ради самосохранения от них просто необходимо избавиться. Рут никогда не

была в больнице, и ее пугает перспектива в ней оказаться, но она готова на все, лишь бы остановить чудовищный поток гормонов, превращающих ее в машину для вынашивания детей.

Большую часть денег, отложенных на питание на этой неделе, она тратит на здоровую бутылку джина и пьет его, сидя в горячей ванне. Затем идет в библиотеку: в медицинских словарях, энциклопедиях и учебниках по антропологии она находит рецепты abortивных средств, за ингредиентами отправляется на оксфордский рынок. Чудодейственный отвар она варит в своей комнате на газовой плитке – на вкус какая-то отравка, ее тошнит. Рут мечтает, чтобы ее matka сжалась и исторгла вредоносное содержимое. Она регулярно ощупывает вагину, надеясь обнаружить на пальцах менструальную кровь. Но тщетно.

В ночь перед абортom они с Адамом идут в часовню Нью-колледжа, чтобы послушать концерт Элгара для виолончели. Знакомая мелодия, протяжная и чарующая, окутывает Рут, но она никак не может в нее погрузиться. В часовне холодно, она начинает дрожать. Адам набрасывает ей на плечи свою куртку, но теплее не становится. Рут стоит на эскалаторе, и он поднимает ее высоко-высоко, – выше семьи, друзей, Адама – в другой мир, где живут люди, совершающие немислимые поступки. Она даже не может поговорить с ним об этом, ведь у нее нет подходящих слов, да и – что бы он ни думал – альтернативы тоже нет.

* * *

Процедура назначена на утро субботы, так что не придется прогуливать лекции. Клиника находится в Ричмонде, и Рут нужно успеть туда к семи. Адам взял у матери машину, сказав, что они хотят провести выходные на море. В половине шестого он ждет Рут у входа в колледж. Выехав из Оксфорда, они едут к автомагистрали – на улице еще темно. Разговаривают мало. Сиденья пахнут кожей. Ее мутит, но она не просит Адама остановиться, чтобы не опоздать. Маршрут оказался довольно запутанным, и они теряются в паутине красно-серых пригородных улиц. Наконец доезжают до клиники – невысокого

бетонного здания, похожего на офисное. Адам провожает ее до двери и остается снаружи.

Рут ведут в комнату, где ждут еще четыре женщины – все старше ее. Спокойный, намеренно нейтральный голос произносит: “Рут Яго?” Зовут ее – и это повергает в шок. Теперь ей не отвертеться, она уже здесь и не просто так. Ее ведут по коридору и кому-то передают. Исчезла.

* * *

Кто-то говорит, что все закончилось. С ней все в порядке, она приходит в сознание. По телу разливается теплая волна облегчения и растворяется в крови. Рвотный позыв – но ничего не выходит. Наконец ей разрешают уйти.

Они договорились встретиться на улице, но Адама нигде нет. Половина третьего дня, всюду светит солнце и поют птицы, в теплом воздухе витает аромат нарциссов. Рут ждет: она чувствует слабость, ее покачивает, не получается собраться с мыслями.

Неприятный мужчина средних лет спрашивает, не нужно ли ей такси.

– Нет, меня подвезут. Спасибо.

– Тебе сколько лет-то?

Отвечать вовсе необязательно, но отмалчиваться не хочется.

– Восемнадцать.

– У-у-у, такая взрослая мадам, а себя не уберегла!

Влажные красные губы, язвительная ухмылка, сиплый смех.

Она отворачивается и наконец видит вдалеке Адама. Он идет к ней целую вечность. Лицо бледное, как у испуганного ребенка. Они падают друг другу в объятия. Таксист все еще наблюдает за ними, и под его гогот они идут до машины.

Они едут обратно в Оксфорд: в груди Адама тупая, опустошающая боль. Облегчение от того, что беременность прервана, сливается с отчаянием и чувством горькой утраты – погиб первый представитель его рода. Рут единолично приняла решение и отказывается обсуждать произошедшее, поэтому Адам не знает, чувствует ли она то же самое, что и он. Она спит на соседнем сиденье,

свернувшись калачиком, и не обращает на него никого никакого внимания, будто его нет.

* * *

А потом – много крови. Выданные ей прокладки насквозь пропитываются кровью, как только она их меняет, и на черно-белый пол ванной капают малиновые капли. Аллегре Рут сказала, что серьезно отравилась и хочет побыть одна.

Через шесть дней ложные позывы к рвоте становятся все реже, грудь возвращается к обычному состоянию, кровотечение понемногу утихает. Рут снова может свободно вдохнуть. Как и миллионы женщин до нее, она обратила беременность вспять. Ей кажется, что у нее возникнет психологическая травма: готовится противостоять лавине сожаления и чувства вины, даже нервному срыву. Но все в порядке. Адам исправно ее навещает, дарит цветы и приносит с рынка фрукты. Пока что они не могут заниматься сексом – нужно подождать до следующей менструации, чтобы исключить инфекцию, – им неловко вдвоем, и Адам не засиживается с ней надолго. Тема аборта не обсуждается.

Семестр заканчивается. Рут возвращается в Пензанс – по ее ощущениям, теперь она гораздо старше, чем на самом деле. Шесть дней в неделю она наверстывает упущенное в городской библиотеке и покоряет список литературы на следующий учебный год. Мать ругает ее за высокомерие и отказ посещать часовню: “Будто не в родной дом приехала, а в отель!” Отец изредка вмешивается в конфликт и призывает оставить дочь в покое: “Она прилежная девочка, пусть учится спокойно”. О произошедшем Рут никому не рассказывает, даже Шейле, которая вернулась из Лондонской школы экономики, где изучает социологию. Ее молодое, цветущее тело стало прежним, и менструальный цикл снова заработал как часы. Как будто ничего и не было.

* * *

Они отдаляются. Адам круглые сутки готовится к экзаменам, а после – пропадает на прощальных вечеринках и организует выпускной. На бал в честь окончания учебного года Рут идет с другим. На летних каникулах они присылают друг другу милые открытки и клянутся поддерживать общение, но оба знают, что этого не будет.

На третьем курсе Рут играет в пьесах и пробует себя в роли режиссера, на Эдинбургском фестивале искусств ее работу отмечают рецензенты. Она много флиртует, но вступать в серьезные отношения не торопится. В это же время Адам получает квалификацию адвоката и устраивается стажером в одну из самых известных палат, где когда-то работал его отец. У него множество подружек, но одна за другой они не выдерживают неожиданной непреодолимой холодности с его стороны.

* * *

После окончания университета Рут переезжает в Лондон и становится помощником менеджера в отделе производства сериалов на Би-би-си. Она открывает новый, неизведанный мир, но снова чувствует себя в нем аутсайдером. На обеде и в баре после работы некоторые из ее коллег-стажеров общаются с исполнительными продюсерами и руководителями отделов, которые оказываются их крестными родителями, друзьями семьи или выпускниками одной школы – в этой тайной сети молодые сотрудники получают от покровителей советы, поддержку, а иногда и работу. Однажды в отдел приходит письмо: скоро на крупном проекте начинаются съемки, но главная локация неожиданно сорвалась – срочно нужна замена! Одна из стажерок тут же звонит своему дяде и предлагает новое место: роскошный семейный особняк в Глостершире. Все ее хвалят, говорят, что она далеко пойдет с такой инициативностью и полезными связями, – без этого никуда не пробиться. Как-то раз одна продюсер с загородным домом в Сент-Айвсе узнает, что Рут выросла неподалеку, и предлагает ей как-нибудь наведаться туда вместе с родителями, с которыми она с удовольствием познакомится. Рут с нервной дрожью представляет себе это кошмарное столкновение старой и новой жизни. Фрэнк и Анджела Яго, неуклюжие и косноязычные, заявляются на

барбекю в одежде для похода в часовню, да еще грубо отказываются от алкоголя. Рут как наяву видит лицо продюсера, когда та узнает, из какой семьи она родом. На работе поползут слухи, а потом ей мягко и учтиво откажут в повышении. Будучи девушкой из рабочего класса, она понимает, что ей придется приложить вдвое больше усилий, чем другим, потратить кучу времени, чтобы преуспеть, – и она не позволит себе ударить в грязь лицом.

* * *

Фелисити Уэнам устраивает званый ужин в своей квартире в Сток-Ньюингтоне.

– Надо же, какое совпадение! – восклицает Фелисити, провожая гостей в столовую: продумывая план рассадки, она и не догадывалась, что Рут и Адам знакомы. – Настоящая мистика, правда? Уж вам двоим точно будет о чем поговорить!

– Сколько же лет мы не виделись? – спрашивает Адам, наполняя бокал Рут вином.

– Целую вечность, – смеется Рут и считает про себя. – Если мне не изменяет память, с моей первой вечеринки в университете прошло уже четыре года, – говорит она и неуверенно добавляет: – Если ты ее помнишь.

– Как же я могу забыть? Ты очаровала меня своей красотой.

– Да брось! – шепчет она, волнуясь, что на их разговор вдруг обратят внимание.

– Просто констатирую факт! А я и забыл, как легко ты краснеешь.

– Адам! – возражает она, хихикая.

– Рут! – передразнивает ее Адам, не скрывая своего удовольствия от встречи.

Весь вечер они говорят о жизни, работе, семье, игнорируя бурные дебаты о ядерном оружии и правах профсоюзов. Совершенно забыв об этикете, они не обращаются к соседям после первого блюда и, поглощенные беседой, не прерывают ее после второго. Они вспоминают, насколько им хорошо друг с другом.

После ужина они едут к Адаму – к нему ближе. Когда он тянется за презервативом, она небрежно бросает, что принимает таблетки, –

все, что рассказывала ей о них мать, оказалось манипуляцией и промывкой мозгов.

* * *

Две недели спустя Адам и Рут восстановили прежнее единство душ. Они сходили в паб-театр в районе Ватерлоо на мюзикл “Парни и куколки”, который поставила одна из ее подруг, и пошли гулять, взявшись за руки, вдоль берега Темзы, смеясь и напевая песни из спектакля. Адам не планировал делать ей предложение, но вдруг понял, что просто обязан. Он никогда не встречал таких женщин, как Рут, – она полностью понимает его, и он чувствует некую внутреннюю потребность сделать этот шаг. Воздух вокруг плотно объят дождевыми каплями, пальто насквозь промокли, но он просит ее остановиться. Ему нужно кое-что сказать, и голос его дрожит.

Рут опешила, но, сама не зная почему, отвечает: “Да! Конечно, выйду!” Колени подгибаются, и она опирается о парапет, чтобы не упасть в воду. Чувство легкости переплетается с ощущением безвыходности, будто она лишилась свободы воли. Теперь она станет Фернивал, и все будет хорошо. Ей кажется, что это не взвешенное решение, а скорее принятие неизбежного. “Наверное, так и должно быть?” – думает она и тут же выбрасывает эту мысль из головы.

Они переходят Хангерфордский мост и заходят в отель “Савой”, чтобы выпить шампанского – только вдвоем.

Газета “ТАЙМС”

ДНИ РОЖДЕНИЯ:

ФЕРНИВАЛ – 12 января, родители: Рут (урожд. Яго) и Адам. Дочь Лорен Шейла Энн.

На этот раз Рут с радостью наблюдает за преобразованием собственного тела: кровь приливает, кожа и мышцы растягиваются, – это новая жизнь создает для себя пространство внутри нее. Она в восторге и чувствует себя сильной, как никогда. Даже невероятно

болезненный процесс выталкивания ребенка вызывает у нее наслаждение. Когда Лорен прикладывают к груди, Рут как замороженная рассматривает ее гладкую кожу и с упоением наблюдает за кормлением. Она чувствует, как сокращается матка, готовящая себя к новому обитателю. “Хочу еще и как можно скорее”. Полгода она кормит грудью, читает сценарии и печет хлеб, а затем нанимает няню и возвращается на Би-би-си на должность редактора. Сердце разрывается, но ей нравится работа, и им очень нужны деньги.

* * *

Лорен – тихий, замкнутый ребенок. Для Адама она стала настоящей услугой, целебным бальзамом от ран несчастного детства. Он соглашается, что в какой-то момент они захотят второго, поэтому Рут, вероятно, права и ей действительно стоит воздержаться от таблеток. Однако семейная жизнь оказалась труднее, чем он думал: пришлось сочетать карьеру, уборку в доме и заботу о ребенке, – о развитии отношений и речи не идет. Едва Лорен исполнилось восемь месяцев и все понемногу пошло на лад, Рут сообщила Адаму о новой беременности. Слишком рано!

Газета “ТАЙМС”

ДНИ РОЖДЕНИЯ:

ФЕРНИВАЛ – 6 апреля, родители: Рут (урожд. Яго) и Адам. Дочь Александра Клэр Роуз, сестра Лорен.

Прижимая к сердцу обеих дочерей, Рут лежит в залитой солнцем послеродовой палате и понимает, что никогда не была так счастлива, как теперь. Она решает, что нужно родить хотя бы еще одного, а еще лучше – двоих.

* * *

Но оказалось, что Алекс ни капли не похожа на свою сестру: в девять месяцев она начала ходить и переворачивать дом вверх дном, а ночью не спала, требуя еды и внимания. Адам и Рут спят по очереди и живут, будто в тумане. Когда Рут прекращает кормить грудью, они решают, что пора возвращаться к таблеткам – еще одного ребенка они не выдержат. Через полгода ей предлагают должность младшего продюсера исторического сериала – отличный шанс проявить себя. Она соглашается без раздумий и уезжает на три месяца на съемки в Шотландию, а потом сутками не выходит из монтажной. Сериал получает несколько наград, талант Рут замечают в индустрии, и вскоре она начинает работу над другим высокобюджетным проектом. Она становится кумиром молодых женщин, недавно попавших на телевидение, которые, глядя на нее, мечтают так же успешно сочетать блестящую карьеру, заботу о детях и личную жизнь.

* * *

В это время Адам возится с дочерьми гораздо больше, чем ему бы того хотелось: все выходные и когда няни берут отгулы. Поскольку он сам рос без отца, ему приходится учиться всему на ходу. Усталый и измученный, он начинает работать спустя рукава и отводит все меньше времени на изучение дела и подготовку к слушанию. Адам гордится Рут, но все чаще чувствует несправедливость в распределении обязанностей и беспокоится о том, как это отразится на его карьере. А еще ужасно скучает по жене.

Лорен исполнилось пять, Алекс четыре – Рут в них души не чаёт, но в этом году ей уже будет тридцать. Она жаждет вновь испытать это чувство – первое прикосновение к коже новорожденного младенца, для нее оно как наркотик. Может, на этот раз будет мальчик?

Она сообщает об идее Адаму – он в ужасе.

– Нет! – категорично заявляет он.

– Почему?

– Потому что нам и с двумя тяжело: Алекс едва-едва начала спать по ночам. А еще тебя почти не бывает дома, и вся забота о детях на мне. Я так больше не могу, хватит. – Адам замолкает и неодобрительно смотрит на Рут. – Может, уйдешь с работы?

Она игнорирует вопрос.

– Я понимаю, что ты без остатка отдаешь себя девочкам, но теперь моя работа стабильнее, так что со следующим ребенком будет проще. Можно взять декретный отпуск на год.

– Никакого следующего ребенка.

– Я же сразу сказала, что хочу хотя бы еще одного! Мы же мечтали об этом!

– Это ты мечтала – не я, – ответил Адам с непроницаемым взглядом. – И вообще, сейчас у нас их могло бы быть трое, и ты сама приняла это решение, помнишь?

Уже много лет он вспоминал об аборте со скрытым сожалением, каждый раз беря старую рану. И теперь впервые упрекнул ее в этом.

– С тех пор столько воды утекло! Тогда я была совсем другим человеком, еще подростком! Сейчас все иначе.

– Мы все те же, Рут, – говорит Адам, качая головой. – Люди не меняются.

* * *

Рут грозит уйти, если он откажется, но Адам упрямо стоит на своем. Выбора нет: она перестает пить таблетки. Ей ничуть не стыдно, ведь, когда она забеременеет, он осознает, что был неправ, и будет любить новорожденного малыша не меньше девочек. Он еще ей спасибо скажет за то, что она ради него пошла на обман – и правильно сделала.

* * *

У матери Адама юбилей – шестьдесят лет. Они собираются на праздник, где будет вся семья. Рут бежит за дочками, чтобы их одеть, а Адам собирает вещи для ночевки. Он ищет серебряные запонки по всей спальне и случайно находит на дне ящика полный блистер противозачаточных таблеток. Смотрит дату выписки рецепта и понимает, что Рут не принимает их уже несколько месяцев, – она его

обманула. Он кладет таблетки обратно в тайник и как ни в чем не бывало продолжает собирать вещи.

Адам мчит по М40 и думает, как ему поступить. Рут сосредоточенно делает пометки в сценарии и разговаривает по работе, не обращая внимания на крики и ссоры девочек на заднем сиденье. Ее неумное желание иметь еще больше детей, когда она еле-еле справляется с двумя, – это какое-то безумие, репродуктивное расточительство. Она ведет себя так же, как тогда в Оксфорде, избавившись от их первого ребенка: упрямится, не идет на диалог, забывая о том, что они пара, и даже не думает взвесить все за и против. Надо было стоять на своем, но он, естественно, пошел у нее на поводу. Значит, он тоже виноват. В этот раз он должен ее остановить, чего бы это ни стоило, – если еще не поздно.

* * *

Уролог, бледный иссохший мужчина лет шестидесяти, ощупывает мошонку Адама проворными ледяными пальцами и с пугающей дотошностью рассматривает область над ней.

– Нужно убедиться, что семявыносящие протоки правильной формы и определяются с обеих сторон, – рассеянно бубнит врач. – Их-то мы и перевяжем, а потом – чик.

Адам чувствует легкую ритмичную пульсацию – неожиданно приятное ощущение, от которого ему становится неловко. Закончив, хирург настолько тщательно моет руки, что Адаму даже немного обидно. Он застегивает брюки и садится напротив уролога, встречая его пронзительный взгляд сквозь очки без оправы.

– Прибор у вас в полном порядке, не вижу никаких противопоказаний для вазэктомии, но вам же всего тридцать три года. Не рановато ли для стерилизации?

– У нас с женой двое детей, больше я не хочу.

Врач смотрит не моргая.

– Мистер Фернивал, большинство моих пациентов старше сорока. Мужчины, которые проходят через вазэктомию до тридцати пяти, очень часто об этом жалеют – я не могу гарантировать, что процедура обратима. Советую вам подождать.

Адам отвечает, что он взвесил все риски и принял окончательное решение. Уролог кивает.

– Дело ваше. Дневные операции я провожу в следующий четверг, можете выбрать местную анестезию или седацию – и то, и другое вам подойдет. Что скажете?

* * *

Адам выходит из дома пораньше. Он в костюме, а в портфеле лежат послеоперационный бандаж и самые просторные треники, что у него есть. В больнице его раздевают и бреют; укол в мошонку вызывает адскую боль, и на следующие несколько часов валиум затуманивает его разум. Он хихикает, наблюдая за тем, как медсестра заботливо помогает ему натянуть на распухшую мошонку бандаж, и засыпает.

Когда действие лекарства заканчивается, Адам просыпается в маленькой палате дневного стационара с бежевыми стенами и пугается от ощущения пульсации между ног. Обтянутый трениками бугорок в паху раздулся до размеров кочана цветной капусты. Он приподнимается, чтобы до него дотянуться, но резкий приступ тошноты отбрасывает его назад. Не в силах сдержаться, Адам издает громкий стон.

– Мистер Фернивал, как себя чувствуете? Боль беспокоит?

Он с искренним изумлением смотрит на медсестру и с трудом произносит:

– Ужасно. Что-то не так.

Она безжалостно смеется, качая головой, и похлопывает его по руке.

– Не переживайте, поначалу всегда болит, а потом даже синяка не останется, – говорит медсестра и смотрит на часы. – Кстати, вам уже можно отправляться домой. За вами кто-нибудь приедет?

– Нет, – отвечает Адам.

* * *

Он тихо открывает входную дверь и крадется по лестнице, чтобы девочки, сидящие с няней на кухне, его не услышали. Сотрясаясь невольной дрожью, он натягивает на себя два джемпера, сверху накидывает пальто, залезает в кровать и пытается уснуть.

Через несколько часов он слышит, что Рут вернулась домой. Она зовет его, ищет на первом этаже и поднимается вверх. Остановившись в дверях спальни, она спрашивает:

– Любимый, ты что, заболел? А почему не позвонил мне?

– Утром мне сделали операцию.

Охваченная беспокойством Рут подходит ближе.

– Какую операцию?

– Вазэктомию. Мне пришлось на это пойти – я нашел твои таблетки. Ты перестала их пить и ничего мне не сказала! У меня больше не было выбора.

Рут несколько раз яростно бьет его прямо по лицу, но он не сопротивляется – ее удары заглушают другую боль. Когда она выдыхается, Адам пытается ей объяснить, что они оба сделали свой репродуктивный выбор.

Она долго рыдает, затем, восстановив дыхание, произносит тихо и размеренно, как будто диктует под запись:

– Перед тем как сделать аборт, я предупредила тебя, и ты со мной согласился. Ты сам меня туда отвез. А сегодня ты насильно сделал меня бесплодной и даже не удосужился мне заранее об этом сказать.

Адам видит ее опухшее лицо и красные от слез глаза. Он любит ее, но хочет сам распорядиться собственным телом.

* * *

Рут никому об этом не рассказывает, она бы не выдержала такого унижения. Но размышляет, как ей поступить: развестись, отомстить ему изменой, сделать внутриматочную инсеминацию? Но ведь теперь она живет той жизнью, о которой мечтала, будучи подростком, – без клаустрофобии и ограничений, которые преследовали ее в доме тридцать семь по улице Росвенна-драйв в Пензансе, – и она не выдержит, если все это вдруг разрушится. Постепенно Рут приходит к мысли о том, что она не стала любить его меньше.

Адам полгода находился в неведении: вернется ли когда-нибудь Рут к нему на супружеское ложе. Наконец это случается, и они приходят к своего рода примирению, хотя скорее – сложили оружие и заключили мир. Они оба поняли, что их притягивает друг в друге, а что отталкивает: Адам находит поддержку в ее смелости и целеустремленности, Рут восхищается его предельной честностью и принципиальностью; но в то же время он осуждает ее за изворотливость и прагматизм, а ее раздражает упрямство, смешанное с высокомерием. Теперь же они выложили самые сильные карты и в полной мере проявили свои диаметрально противоположные силы, что, в конечном итоге, помогло им найти непоколебимое равновесие. Игра окончена. Навсегда. И Адам облегченно выдыхает.

Часть четвертая

Разрыв

Дверь захлопнулась с таким оглушительным грохотом, что окна в кабинете Рут задрожали, – Адам вернулся домой. Она вышла на лестницу: он стоял в дальнем конце коридора, невидящим взглядом уставившись в пол.

– А ты сегодня рано, – заметила Рут. – Как прошел матч?

Даже не пошевелился. Может, он заболел?

– Спускайся, – сквозь зубы выдавил он. – Быстро!

Сделав три шага, Рут опомнилась и остановилась.

– Не надо говорить со мной таким тоном. Что случилось?

От волнения по всему телу прошла дрожь.

– Подойди сюда, – его голос звучал устрашающе тихо. – Пожалуйста.

Дэн все ему рассказал.

Рут много раз представляла себе этот момент, но в ее голове это был обмен репликами, а не физическое противостояние. Сердце билось о ребра, пытаясь выбраться из грудной клетки, и воздуха не хватало, чтобы надышаться. Она медленно спускалась по лестнице с высоко поднятой головой, решив не терять самообладания, но ноги предательски дрожали, и она обеими руками потянулась к перилам, чтобы не упасть. Когда Рут сошла с последней ступени, Адам отшатнулся, будто от чего-то ядовитого или опасного. Она заставила себя посмотреть ему в глаза.

Они стояли в коридоре лицом к лицу на фоне трех коллажей, нарисованных Лорен. Плечи Адама были опущены, а шея вытянута вперед, как у оленей, которых Рут так упорно старалась избегать, гуляя по Ричмонд-парку в их брачный сезон. У него на лбу и на верхней губе выступил пот, кожа казалась бледной, как воск, глаза покраснели – значит, он плакал. В ее груди что-то сжалось, и она почувствовала грозный сладковатый запах пива.

Адам подошел ближе.

– Как ты могла? – сипло прохрипел он. Рут вздрогнула. – Не понимаю, как?

– Я хотела тебе сказать, когда результат подтвердится. Пока есть только один тест на беременность, и он вполне может оказаться ложноположительным. – Только бы получилось до него достучаться: все еще можно исправить. – Адам, пожалуйста, давай сядем и поговорим.

Бесполезно: на мгновение на его лице промелькнула гримаса боли.

– Ты обманула и унизила меня. Далеко не в первый раз. Как ты могла?!

– Ради Лорен, – выдавила она сдавленным голосом.

Вместо ответа Рут слышала его тяжелое дыхание.

– Послушай, я просто выношу их ребенка! – воскликнула она. – Клянусь, на нас с тобой это никак не отразится, он целиком и полностью принадлежит им. – Рут опустила глаза и обхватила живот руками, защищая спрятанное внутри нее инородное тело.

Она не хотела его провоцировать, но, как только последнее слово сорвалось с ее губ, лицо Адама исказила гримаса ненависти. Его крик смешался со стоном:

– Нет!

На щеку брызнули капли слюны, и перед глазами пронеслись фотографии из газет: простые, но беспощадные лица мужчин, пытавших и убивавших плоды обмана – детей, которых они считали своими. Поддаваясь защитному рефлексу, Рут обхватила живот и согнулась пополам: она была готова на все, лишь бы спасти ребенка. Его черные кожаные туфли остановились в миллиметре от ее голых стоп. Спина напряглась в ожидании удара. Но ничего не произошло: Адам остановился, и Рут затрясло крупной дрожью. Она отшатнулась и рухнула у подножия лестницы, охваченная чувством облегчения и приступом тошноты, – к горлу подошел горько-кислый привкус рвоты. Они уставились друг на друга, с ужасом осознавая, чего им только что удалось избежать.

– Я постоянно спрашивал тебя, что случилось. Когда ты лежала в кровати, притворяясь, как теперь уже ясно, больной, я спрашивал, была ли ты у врача. И когда я напрямую задавал тебе вопрос: “Знает ли Лорен что-то, чего не знаю я?”, ты даже бровью не повела и ответила: “Нет, не переживай”. Ты врала мне прямо в лицо! Сделала все по-своему и плевать хотела на последствия!

Рут смогла заговорить не сразу.

– Я сделала то, чего хотела твоя дочь. – Выражение его лица никак не изменилось, поэтому она продолжила, упорно стремясь найти общий язык. – Я пыталась сказать тебе правду. Еще в самом начале, когда мы мирились после ссоры в ресторане, но ты сменил тему. И было еще много моментов, когда у меня был шанс, но каждый раз меня перебивали или мне становилось слишком страшно. Прости меня.

Но Адам не слушал.

– Ты все делаешь по-своему, – повторил он. – Всегда. Сначала аборт, потом перестала пить таблетки, сорвалась на мне... У тебя вообще свой жизненный путь, обособленный от моего, да? И на меня тебе плевать.

Рут стало больно от ощущения несправедливости.

– Хватит меня в этом обвинять! Я этим сыта по горло.

Адам долго смотрел на нее, затем сказал:

– Ты хоть представляешь, каково мне? Я стану посмешищем! Моя жена в пятьдесят четыре года тайно забеременела и вынашивает ребенка от моего зятя – это же цирк какой-то! Ты только представь! – Гнетущая тишина. Помолчав, он продолжил: – Мы с тобой оба все понимаем, – его голос звучал приглушенно и сухо, – ты решила в последний раз пуститься в репродуктивное путешествие и доказать, что можешь обойтись и без меня.

Рут раздраженно вздохнула: опять все то же самое, как будто по книжке.

– Ты ошибаешься. Сотни женщин по всему миру пошли на это ради своих дочерей, а их мужья окружили их любовью и поддержкой. Погугли, и сам убедишься. – Адам снисходительно фыркнул. – Ради Лорен я пожертвовала собственным телом и рискую здоровьем. Нормальные люди называют это альтруизмом.

Адам занервничал.

– Кто еще в курсе?

– Ну, очевидно, персонал клиники.

Он молча выжидал.

– Еще Лорен сказала Алекс.

Адам мрачно кивнул.

– Ясно, семейная тайна. То есть вы все специально держали меня в неведении, плели у меня за спиной интриги, тайно ездили в клинику

и продумывали это ваше... – он запнулся, подыскивая правильное слово, и добавил с отвращением: – ...безобразие.

Рут ничего не ответила.

– Кто еще?

– Только Шейла.

– Только Шейла, как же! – злобно передразнил ее Адам. – Она Саймону растрепит и всем нашим знакомым!

– Нет, обещаю.

– Думаешь, я тебе поверю? – спросил он, вскинув брови.

Откровенное презрение ранило Рут в самое сердце.

– Адам, я тебя понимаю. – Она поднялась, решила сделать последнюю попытку. – Я осознаю, насколько тебе сейчас плохо и какую боль я тебе причинила. Мне придется приложить огромные усилия, чтобы все исправить, но мы можем пройти через это вместе, как команда, – сказала Рут и раскинула руки в стороны. – С чем мы только не сталкивались, и ведь все равно остаемся вместе, да?

Он выставил руки вперед, будто желая оттолкнуть ее.

– Ты все испортила, Рут. Раньше, как бы ни было тяжело, мы решали все проблемы вдвоем, наедине. В этот раз ты решила посвятить в свои дела всех, кроме меня. “Нас” больше нет.

Рут подошла ближе и едва ли не бросилась ему в ноги, но Адам обошел ее, толкнул дверь в кабинет и сказал:

– Я посплю в другой комнате.

* * *

Рут села на нижнюю ступеньку, уткнулась лицом в колени и так сильно прижалась к ним веками, что в глазах потемнело. Обхватив ноги, она раскачивалась взад и вперед.

Все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет хорошо.

Бывало и хуже. Ты справишься.

Успокойся. Успокойся. Успокойся.

Она почувствовала его присутствие: он стоял за дверью в нескольких футах от нее, безжалостный и безразличный.

Ты все испортила. Ты все испортила. Ты все испортила.

Он уйдет. Он вернется. Не в этот раз.

Хорошо. Плохо. Хорошо.

Ребенок! Вспомнив о нем, Рут тут же взяла себя в руки и сделала глубокий вдох. Она представила себе эмбрион, маленькую бусинку в центре ее тела, объединяющую вокруг себя все остальное. Вспомнила его непроницаемое оловянного цвета личико на экране во время процедуры подсадки и момент, когда он оказался внутри нее: теперь она должна охранять и защищать его, оберегать от травм. Все остальное не имеет значения. Рут выпрямилась и встала, затем медленно и осторожно поднялась по лестнице. Дойдя до спальни, она задернула шторы, легла в кровать, зарылась под одеяло и почти мгновенно уснула.

* * *

Как только Дэн уехал на футбол, Лорен сразу же позвонила Алекс и обо всем рассказала.

– Ничего себе! – воскликнула она. – Буду теперь все девять месяцев держать за вас кулачки.

– Даже несмотря на все твои опасения по поводу мамы?

– Прости, зря я это все наговорила.

– Все в порядке. Я понимаю, откуда они взялись. В детстве я не чувствовала, что она рядом, поэтому мы с ней никогда не ладили. До сих пор не понимаю, как она могла оставлять нас так надолго, но сейчас мы столько времени проводим вместе! У нас появилось общее дело, и теперь мы стали по-настоящему близки.

Они никак не могли наговориться: сначала о том, как же им повезло, что эмбрион прижился с первой же попытки, а потом – насколько пробивной становится их мать, если ей в голову вдруг приходит какая-то идея. Лорен высказала свои опасения:

– Я очень рада, что все получается так удачно, но мы с Дэном привыкли не расслабляться раньше времени. Пока маме не сделают УЗИ в клинике, нельзя знать наверняка, что это действительно плод, а не пустое плодное яйцо с жидкостью – оно ведь тоже иногда дает положительный результат теста. Так что мы пока решили не говорить папе.

Алекс ответила, что будет держать за них кулачки.

– Надо бы зайти в магазин за шерстью: начну вязать стильные шмотки для вашего пупса – естественно, в гендерно-нейтральных цветах.

Лорен умоляла ее не искушать судьбу, но после того, как они попрощались, тут же легла с ноутбуком на диван в гостиной и несколько часов искала женские консультации в Западном Лондоне, куда они смогут пойти с Рут, подбирала курсы для молодых родителей в Брокли, читала блоги, которые вели женщины, прибегшие к услугам суррогатных матерей, и подыскивала одежду для августовских малышей.

Услышав, как Дэн безуспешно пытается попасть ключом в замочную скважину, она посмотрела на часы: уже десять! Его не было восемь часов – должно быть, зашли поужинать после матча. Когда фигура Дэна появилась в дверном проеме, Лорен как раз закончила чистить историю браузера. Он устало улыбнулся и сказал:

– Детка, я дома.

Лорен нахмурилась: он назвал ее так же, как при их первой встрече, но ей удалось его от этого отучить.

– Дэн?! – возмущенно воскликнула она.

– Эй, детка, ну не сердись на меня, – пробубнил он, прислонившись к стене и потихоньку скатываясь вниз.

Лорен испугалась, что он упадет, но Дэн устоял на ногах. Она ни разу не видела его таким пьяным – он гордился тем, что всегда пьет наравне с друзьями, но никогда не теряет самоконтроль.

– Где ты пропадал?

Дэн опустил голову и исподлобья взглянул на Лорен.

– Я сказал твоему отцу.

У нее внутри все перевернулось.

– Что сказал? – спросила она, хотя и так было ясно.

– О твоей маме, – ответил он, выпрямив вперед руки, будто поглаживая огромный воображаемый живот.

Лорен села.

– Дэн... – она говорила медленно, будто с маленьким ребенком, который случайно стал свидетелем преступления, и от его показаний зависела чья-то жизнь. – Ты рассказал папе, что мама беременна?

Дэн пересек комнату и остановился над Лорен – она почувствовала запах пива.

– Да, – дерзко ответил он. – Мне пришлось.

– Что он сказал? – спросила Лорен, уставившись на него немигающим взглядом.

– Сказал... – задумчиво протянул Дэн. Его лицо сосредоточенно сморщилось. Выдержав долгую паузу, он сладко, во весь рот зевнул. – Да ничего такого. Ушел в перерыве, даже не попрощался.

– И за следующие шесть часов ты решил нажраться вусмерть?

– Я звонил – было занято, – заплетающимся языком выговорил он и, зажав уши руками, рухнул на стоявший напротив диван.

– Я говорила с Алекс – где-то час, не больше. Почему ты не пытался перезвонить? – Дэн молчал. – Папа что, вообще ничего не сказал? Как он отреагировал? Расстроился? Разозлился?

Дэн только громко рыгнул, прикрыл глаза и провалился в глубокий пьяный сон.

* * *

Лорен ушла в спальню и долго лежала на спине, прокручивая в голове жуткие сцены: отец в ярости; мать оправдывается, пытается ему что-то объяснить; бурная ссора – и между ними невольный свидетель скандала: крошечный беззащитный эмбрион.

В полночь она написала Алекс:

Можешь говорить?

Все очень плохо.

Сестра перезвонила через пару секунд.

– Что случилось?

– Ты же в курсе, что Дэн с папой ходили сегодня на “Арсенал”?

– Ты про чрезвычайно важный и давно запланированный сеанс восстановления отцовско-сыновьей связи? Конечно, в курсе!

– Дэн ему рассказал. – Лорен сделала паузу, стараясь осознать произошедшее. – Все выложил.

– Господи, зачем?

– Понятия не имею! Он напился в хлам и толком не может ничего объяснить!

– Ну хорошо, что папа узнал сейчас, а не через девять месяцев.

– Алекс, не смешно! Мама ждала подтверждение от клиники и вот-вот собиралась ему сама рассказать.

– Да уж, очень обидно. Зато теперь все вскрылось, и больше не придется от него прятаться.

– Он сорвется на маму, а она возненавидит Дэна. Нам конец. – Лорен объяснила, что, по данным последних исследований, во время домашних ссор в организме беременных женщин в огромных количествах вырабатывается кортизол, который останавливает развитие плаценты и вызывает выкидыш. На ранних сроках зародыш может погибнуть. – Только представь, какой это стресс для мамы! Может, съездить в Хаммерсмит и привезти ее к нам?

– По-моему, ты зря себя накручиваешь, – мягко ответила Алекс. – Что бы ни произошло вечером, сейчас мама с папой крепко спят, а вашему малышу спокойно и уютно. Лучше выключи все гаджеты и выпей снотворного.

Лорен немного расслабилась.

– Наверное, ты права. Но, сама понимаешь, я не могу не волноваться – не ожидала, что все так резко усложнится.

Алекс ткнула пальцем в экран и усмехнулась:

– Хотела бы сказать, что я тебя предупреждала, но не буду. Спи сладко, сестренка, люблю тебя.

Положив трубку, Алекс открыла на ноутбуке папку с фотографиями и нашла снимок, сделанный на дне рождения Рут, где они все вместе стоят в залитом солнечным светом саду. Она увеличила масштаб: слева Лорен, Дэн обнимает ее сзади, держа в руках ультразвуковое изображение их ребенка; они широко улыбаются – после стольких лет борьбы и бесконечного горя наконец-то наступили радость и облегчение. Рядом с ними сама Алекс: она установила камеру, нажала на кнопку и вбежала в кадр. Справа от нее, обхватив плечи Рут, стоит счастливый Адам. В самом центре мама – дежурная улыбка, выражающая восторг. Большинство людей поверили бы ей, но Алекс ясно увидела, как напряжены уголки ее губ и глаз, и почувствовала раздражение, которое она изо всех сил пыталась скрыть. У нее явно что-то на душе. Алекс вспомнила, как она в шутку спросила у матери, каково ей чувствовать себя бабушкой, и Рут ответила ей достаточно жестко, почти огрызнулась. Ей совершенно

точно не хотелось примерять на себя именно эту роль второго плана, но в то же время она с энтузиазмом решила пожертвовать своей работой и выносить для Лорен ребенка. Какой-то странный парадокс – Алекс никак не могла разобраться, что к чему. Она представила себе малюсенькую точку в утробе матери – если это всего лишь мешочек с жидкостью, еще не поздно все исправить, – но если это действительно будущий малыш, то, пожалуй, новую групповую фотографию они сделают не скоро.

Алекс вдруг захотелось прыгнуть в самолет и попытаться лично все уладить, но трехнедельный отпуск уже подходил к концу. Поэтому она написала длинную смс Адаму, в которой выразила ему поддержку как пострадавшей стороне, – ему наверняка пришлось несладко. И еще одно коротенькое послание Рут, в котором она искренне попыталась ей посочувствовать. Немного поразмыслив, Алекс решила, что своими действиями может случайно подлить масла в огонь, да и Лорен наверняка преувеличивает масштабы катастрофы. Алекс удалила оба текста и вместо них отправила обоим одно и то же:

Очень о вас беспокоюсь! Как вы там?
Позвоните, когда будет время.
Посылаю любимым старичкам лучи
добра из-за океана:)
Крепко вас обнимаю,
Блудная дочка.
Люблю, целую, обожаю!

Алекс решила, что, если уж война действительно неизбежна, своим сообщением она хотя бы заставит их вести себя по-взрослому.

В понедельник вечером по пути домой Адам прокручивал в голове предстоящий разговор с Рут: он будет объяснять, как ужасно она с ним поступила и что он теперь чувствует, а она молча его выслушает. Однако, открыв входную дверь, он обнаружил, что в доме темно, и вспомнил: Рут на встрече и вернется поздно. Адам переоделся в джинсы, накинул сверху анорак и отправился к Темзе, перешел Хаммерсмитский мост и пошел вдоль дороги на запад. Он шагал стремительно, замедляясь лишь для того, чтобы пропустить велосипедистов и бегунов и обойти лужи. Он пытался остыть и успокоиться, но сделать это было непросто: старые раны открылись вновь.

Накануне ночью ему снился тревожный и пугающе реалистичный сон: он подошел к своей машине, открыл дверь и увидел, что за рулем сидит какой-то человек. Сев на место пассажира, он попросил незнакомца уйти, но тот отказался. Тогда Адам закричал: “Выметайся или я вызову полицию!” Но мужчина и бровью не повел. Вместо этого он завел мотор и утопил педаль в пол – машина помчалась вперед, а незнакомец хохотал как безумный. Адам схватился за руль, но бесполезно – машину бросало из стороны в сторону. Столкновения не избежать. И тут Адам проснулся – простыня под ним была пропитана потом.

Возле здания Национального архива он отчетливо почувствовал тошнотворно-сладкую вонь канализации, смешавшуюся с привычными запахами этого места: цветущей воды и гнилых листьев. Адам поднялся по ступеням моста Кью, и проходящая мимо пара поздоровалась с ним – как будто мир вокруг него не рухнул. Он доверял Рут, а она держала его в неведении и оставила одного. В конце концов, так было всегда: отец, мать, дедушка – все они оставляли его на грунтовке возле школы и уезжали прочь. Он шел, шатаясь. Хочу – создаю зародышей, хочу – убиваю. А муж? А что муж? Да и черт бы с ним! Адам представлял себе тот момент, когда беременность Рут станет заметна окружающим: что же скажут друзья и соседи? Как наяву, он видел удивленные лица, слышал сухие и колкие комментарии

коллег, когда эта история дошла и до них: “Бедняга Фернивал, смотри-ка, жена и без него управилась! Ха-ха-ха!” Воспоминания унесли его в школу-интернат: он лежит, свернувшись калачиком и закусив нижнюю губу, повторяет про себя: “Мальчишки не плачут, мальчишки не плачут...” Одинокий и беспомощный, Адам делает вид, что ему все равно, пока одноклассники смеются над ним за то, что он стонет и дергается во сне, прыгают вокруг него, обзывают психом и наваливаются всем скопом, так что ему становится нечем дышать. Он представлял, как подойдет к Дэну и двинет ему прямо промеж глаз. Один удар – и как гора с плеч! Но ведь Дэн ни в чем не виноват, да и речь идет о ребенке Лорен, его внучке или внучке. Нужно смотреть в будущее. “Теперь ты глава семьи, Адам, не подведи нас!”

Волны Темзы разбивались о набережную, выбрасывая под ноги Адама ветки и водоросли. Шторы и жалюзи на окнах домов с террасами и пабов еще были открыты, отовсюду бил свет. Все вокруг напоминало старые фотографии улиц, окаймленных рядами фонарей, – идеальная картинка семейной жизни: тихой, уютной, размеренной и безопасной. Современные люди могут только позавидовать. Адам решил, что он должен остаться рядом с Рут, помогать ей и поддерживать, пока все это не закончится. Но ни о каком физическом контакте не может быть и речи. Он не хотел видеть ее разбухающее тело и прикасаться к ней.

Вернувшись домой, Адам два часа переносил все свои вещи в спальню в мансарде. Из совместного имущества он прихватил с собой только картину – тупиков Одюбона, хранителей семейного счастья, – которую передала им его мать. Слава богу, что она не дожила до этих дней и не стала свидетелем этого безумия. На голой стене остался лишь бледный прямоугольник. Поднявшись наверх, он повесил гравюру на крючок напротив своей новой кровати и только потом осознал, как больно будет видеть ее каждый день. Он положил ее лицевой стороной вниз в дальний ящик комода, затем пошел в свой кабинет, сел за компьютер и напечатал:

Рут,
Я переехал в комнату Алекс и отныне буду ночевать там.
Я буду уважать твое личное пространство и жду от тебя
того же.

Думаю, дальше нам стоит идти хоть и параллельными, но разными путями.

Адам

Закончив письмо, он нажал “Отправить”: теперь она узнает до приезда домой и не станет его искать.

* * *

На следующее утро Рут вытянула ноги в стороны, чтобы нащупать Адама и прижаться к его теплому телу, но его сторона кровати оказалось холодной и пустой. Вспомнив, что произошло вечером, она потянулась к телефону и в сотый раз перечитала его письмо. Переезд – это явно символический жест, призванный ненадолго ее наказать. И все же Рут сильно удивилась, когда прикинула, сколько вещей Адам забрал с собой. Она представила, как он, решительно сжав зубы и чувствуя себя совершенно несчастным, шагает туда-сюда, перетаскивая костюмы, туфли и галстуки.

Однако она посчитала, что Адам виноват ничуть не меньше: не будь он таким упрямым консерватором, она с самого начала поговорила бы с ним начистоту. Она встала с кровати, взбила подушки и откинула одеяло – ощущение собственной правоты придало ей сил. Если Адам решил какое-то время пожить отдельно, отчего бы не навести в комнате чистоту, раз уж он забрал с собой весь хлам. Рут немного отошла в сторону, чтобы удостовериться, все ли в порядке, и вдруг ее взгляд упал на вытянутый отпечаток на стене, напоминавший игру света, только подозрительно статичную. Она уставилась на пустующую стену – от нехорошего предчувствия закружилась голова. Кто-то украл тупиков! Их ограбили! Рут тщательно осмотрела всю комнату в поисках других пропавших вещей. Все на месте. Она медленно опустилась на кровать. Похоже, произошло нечто похуже ограбления.

* * *

Лорен свернула в переулок, где находится клиника, и издали увидела Рут. Она окликнула мать и побежала ей навстречу, но Рут только обернулась на мгновение и зашла в здание. Они встретились в зале ожидания у кабинета УЗИ.

– Мы неделю не могли до тебя дозвониться! – воскликнула Лорен, отдышавшись. – Почему ты не отвечала?! Мам, это же может отразиться на ребенке!

– Милая, прости, я не хотела тебя в это втягивать: в последние несколько дней творился какой-то кошмар. Я сама предложила не рассказывать отцу и готова отвечать за последствия: я собиралась сказать ему сегодня вечером, если беременность подтвердится, – он бы точно нас поддержал. Но теперь он уверен, что я хотела его унижить, – никогда не видела его в таком гневе. По-моему, он даже думает уйти из семьи. Что вообще было у Дэна в голове?

Лорен села рядом.

– Дэн с самого начала считал, что хранить секрет от папы неправильно. Честно говоря, я тоже. И когда они встретились, он внезапно решил, что рассказать ему – его долг.

– Долг?! – удивленно переспросила Рут.

– Согласна, полный бред. Но он сам так сказал. Я только прошлой ночью решила на разговор – никак не могла себя заставить, – сказала Лорен и схватила ее за руку. – Мам, прости, ты не представляешь, как ему стыдно.

– Знаешь, если сейчас вдруг окажется, что нет никакой беременности, я не уверена, что готова еще раз пройти через эту нервотрепку.

Лорен едва открыла рот, чтобы ей возразить, но в этот момент к ним подошла Хелен Брейтуэйт.

– Добрый день, дамы. Рут, я только что проверила анализ вашей мочи – результат положительный, так что давайте сделаем УЗИ, чтобы узнать наверняка.

Рут попыталась расслабиться – на мониторе появилась ее матка. Маленькое темное пятнышко может на самом деле оказаться кистой, которая маскируется под плод. Это будет самым удачным исходом: Адам сжалится и перестанет злиться, никто не будет опозорен, и жизнь наконец-то вернется в привычное русло. Но Рут хотела совершенно другого. Лорен вложила свою ладонь в руку матери, и она

невольно сжала ее. Их дыхание было слышно на фоне равномерного гула аппарата.

– Смотрите, – сказала Хелен, щелкнув мышкой, и на экране появились два маленьких крестика. – Видите светлую область вот тут, посередине?

– Да, – ответили они хором.

– Это ваш малыш.

Сердце Рут бешено заколотилось, и к глазам подступили слезы. Как бы ей хотелось, чтобы Адам сейчас был рядом. Лорен всхлипнула и зарылась лицом в грудь матери – Рут погладила ее по голове. Оно того стоило: все эти консультации, проверки и обследования, таблетки, вранье, усталость – ради того, чтобы теперь у нее внутри зародилась новая жизнь.

Хелен отправила снимки по электронной почте и распечатала две копии.

– А можно еще один? – спросила Рут. – Для мужа.

Их проводили к доктору Вассили: он уже знал о результатах. Увидев Лорен и Рут, он встал из-за стола, и на его лице засияла гордая улыбка – еще одно успешное оплодотворение.

– Миссис Фернивал, миссис Райан, поздравляю вас! Мы с вами отличная команда!

Лорен и Рут обняли его.

Доктор объявил, что Рут уже почти на пятой неделе, поскольку в день подсадки эмбриону было пять дней. Еще полтора месяца ей нужно продолжать пить эстроген и прогестерон для поддержания беременности, и в конце первого триместра в плаценте будет содержаться достаточный уровень гормонов. Рут посоветовали как можно скорее встать на учет в женской консультации при больнице и объявили предполагаемую дату родов – четырнадцатое августа. А значит, они идеально укладываются в сроки, установленные клиникой.

Затем он обратился к Лорен:

– Передавайте мужу мои поздравления. Как жаль, что я не могу лично пожать ему руку в этот счастливый день. И, конечно же, мистеру Фернивалу, – добавил он и подмигнул Рут. – Обязательно пришлите мне фотографию вашего малыша для нашей стены славы.

Выйдя в коридор, Лорен позвонила Дэну:

– Все хорошо, как раз отправила тебе снимок, посмотри. Там не очень хорошо видно... Да, конечно, она со мной... Я спрошу. – Лорен с умоляющим лицом протянула Рут телефон. – Дэн очень хочет с тобой поговорить.

Рут взяла трубку:

– Поздравляю, – сдержанно и довольно формально произнесла она.

– Прошу, извините меня, что сказал Адаму. – Голос Дэна звучал хрипло. – Понимаю, что это не оправдание, но я очень много выпил в тот вечер. Я все хотел до вас дозвониться, чтобы попросить прощения за то, что поступил как полный идиот и доставил вам столько неприятностей.

Теперь Рут чувствовала себя могущественной как никогда и решила проявить бесконечное великодушие.

– Дэн, дорогой, даже не переживай об этом! Я еще хоть куда – обещаю, с вашим малышом все будет в порядке. Что было, то прошло, будем действовать по ситуации, так что не волнуйся... Ну конечно, я тебя прощаю! Да-да, обязательно передам. – Она вернула телефон Лорен. – Сказал, что перезвонит тебе.

– Мамочка, спасибо! Я так переживала, что мы испортим отношения с тобой и папой! – сказала Лорен и вдруг замолчала. – Слушай, а как же папа? Он теперь может отказаться подписывать согласие на передачу родительских прав. Он вообще знает, что от него потребуется согласие и что ты...

Лорен вновь умолкла, сомневаясь, стоит ли об этом говорить, ведь они старались избегать этой темы со дня операции по переносу эмбриона.

– Нет, – твердо ответила Рут. – Сказать прямо сейчас – это как подлить масла в огонь. Так что, пожалуйста, держите язык за зубами, – сказала она, и выражение ее лица тут же смягчилось. – Даже не думай волноваться из-за передачи прав. У Адама свои недостатки, но мелочность в них никогда не входила.

Лорен вздохнула с облегчением.

– Хорошо, скажу Дэну, чтобы помалкивал, – ответила она и улыбнулась. – Пойдем пообедаем?

– Я бы с удовольствием, – сказала Рут, – но мы сейчас сокращаем двух сотрудников на студии – сама понимаешь, как это морально

тяжело для всех, – поэтому надо встретиться с бухгалтером и обсудить детали. Да и нужно вернуть доверие Беллы: я стараюсь приходить в офис раньше нее и сидеть там допоздна, после ее ухода. Утреннюю гонку я уже проиграла, так что надо бежать.

Они обнялись.

– Люблю тебя, мам.

– И я тебя, милая.

– Кстати, – сказала напоследок Лорен, – давай не будем никому рассказывать хотя бы первые три месяца, пока есть риск, что что-то пойдет не так. Хорошо?

– Конечно! – ответила Рут. – Я нема как рыба.

И подумала про себя: “Шейла не в счет”.

* * *

Два дня спустя Алекс позвонила матери, решив, что, будучи единственным членом семьи, который не имеет никакого отношения к ребенку Рут, она, пожалуй, сможет помочь родителям найти общий язык. Рут во всех красках рассказала ей, какой жуткий скандал устроил Адам, с каким равнодушием он переехал в спальню на мансарде, и попросила ее с ним поговорить.

Но их план не сработал. Когда Алекс первый раз позвонила ему, Адам упомянул о “тайном заговоре” против него и намекнул, что она тоже была его частью. Алекс же, в свою очередь, поклялась, что наблюдала за всей этой ситуацией со стороны и даже не думала поддерживать остальных. Позже, когда она отправила ему снимок УЗИ, который прислала ей Лорен, он ответил:

Очень мило с твоей стороны,
спасибо. Твоя мать мне
его уже показывала.

Алекс обрадовалась и написала:

Как же я счастлива, что
вы снова общаетесь!

Так держать! Мне стало
гораздо легче.

Но Адам ничего не ответил.

Шесть лет назад, когда Алекс уехала из Лондона в солнечную, пропитанную позитивом Калифорнию, она наконец-то смогла вдохнуть полной грудью. Но теперь она впервые почувствовала себя оторванной от семьи и полностью ощутила, насколько бессильна им чем-нибудь помочь. Видеозвонков было явно недостаточно. Она мечтала запереть родителей в одной комнате, выяснить, насколько велик разрыв, который между ними образовался, и попытаться его преодолеть. Алекс боялась, что без ее вмешательства Адам не сможет спуститься со своей колокольни обиды и одиночества, чтобы воссоединиться с родными. За Лорен и маму она волновалась не меньше: сейчас кажется, будто они бесконечно преданы друг другу, но кто знает, как долго это может продлиться. Скорей бы рождественские каникулы: тогда-то она и выяснит, что происходит, и решит, что с этим делать.

* * *

Дома продолжалось безумие: Адам и Рут все еще жили вместе, но совершенно не пересекаясь друг с другом. Тем сильнее было удивление Рут, когда Адам согласился пойти на ежегодную рождественскую вечеринку, которую устраивали Шейла с Саймоном. Стоя в глухой пробке на Северной кольцевой автомагистрали, Адам то и дело переключал радиостанции, а Рут слушала через наушники аудиокнигу. Оказавшись на вечеринке, они разошлись каждый в свою сторону и примкнули к разным компаниям, но ровно в половине девятого, когда, соблюдая приличия, друзья и соседи послушно разъехались по домам, Саймон настоял на том, чтобы Фернивалы как обычно остались – нормально пообщаться.

– Давненько мы не видели вас вместе, – заметила Шейла. – С тех пор, как мы приезжали к вам на ужин.

Адам и Рут согласились, умудряясь казаться веселыми и очаровательными в присутствии хозяев, при этом совершенно

игнорируя друг друга. В конце концов Шейла увела Рут из комнаты, оставив мужчин наедине, и велела Саймону разговорить Адама и вывести его на откровенную беседу.

Саймону даже не пришлось ничего делать. Пока он разливал по стаканам виски, Адам положил в камин полено и наблюдал за тем, как его со всех сторон обхватывают языки пламени. Затем повернулся к Саймону и несколько раз размял плечи круговыми движениями, как бы собираясь с духом.

– Тебе, наверное, тоже досталось место в партере на нашей убогой семейной мелодраме, – начал Адам.

Теперь уже Саймон смотрел на огонь.

– Вовсе нет, – ответил он. – Шейла с присущей ей осмотрительностью поведала мне о...э-э-э... положении Рут всего пару дней назад – и только потому, что знала, что вы оба сегодня вечером приедете к нам. – Саймон откашлялся. – Мне оставалось только подозревать, не происходит ли что-то необычное, потому что она чаще обычного стала говорить с Рут по телефону, особенно поздно вечером. – На этих словах Адам поморщился. – Но я и представить себе не мог, что на самом деле произошло.

Им обоим ужасно хотелось сменить тему, но возможности уже не было. На лице Адама отразились боль и недоумение.

– Просто кошмар. Она несколько недель ходила по больницам, обследовалась и лечилась, а я даже не подозревал, – сказал он и посмотрел на Саймона. – Представляешь?

– По-моему, Рут всегда была на шаг впереди и ждала от тебя поддержки в нужный момент, разве нет? – мягко спросил Саймон.

Адам сидел, обхватив себя руками, и старался успокоиться.

– Но она беременна! Что бы ты чувствовал, окажись на ее месте Шейла?

– Я уже думал об этом, – ответил Саймон и сжал губы. – Я был бы в шоке и злился бы за обман, это точно. Но если бы у нас была дочь, которая попросила бы Шейлу пойти на это ради нее, надеюсь, мне удалось бы побороть в себе негативные чувства и сделать все возможное, чтобы им помочь. – Он протянул Адаму бутылку. – Меня больше всего беспокоит здоровье Рут: она сильно исхудала и выглядит измученной. Хочется верить, что врачи знали, что делали. Где она будет рожать?

– Понятия не имею, – ответил Адам. – Мы уже давно не разговариваем, только переписываемся иногда.

– Так нельзя, – сказал Саймон, положив руку Адаму на плечо. – Вы думали обратиться к психологу? Шейла может посоветовать...

Адам громко рассмеялся.

– Ты правда можешь себе представить нас с Рут у семейного психолога? Брось, мы слишком гордые для этого и постоянно иронизируем над собой. Все закончится соревнованиями по остроумию, – сказал он и устоялся на свой стакан. – Нет уж, мы либо сами разберемся, либо конец, – добавил Адам и мрачно улыбнулся Саймону. – Но спасибо, что предложил.

Саймон здраво рассудил, что вопрос закрыт, и решил сменить тему.

– Еще подумываешь стать судьей?

Адам заметно расслабился и ответил, что его заявление барахтается в бюрократическом аду, и может пройти целый год, прежде чем он узнает, что попал в шорт-лист.

– Они в тебя всеми зубами вцепятся, я уверен, – сказал Саймон и улыбнулся. – Ты же образец честности и неподкупности.

– Да брось! – смутился Адам. – Но пришлось перечислить все нарушения и предупреждения, даже штрафы за превышение скорости. К счастью, моя совесть чиста. – Он широко раскинул руки, потянулся и зевнул. – Говорят, в этом году очень серьезная конкуренция, но, честно говоря, пока я раздумывал, стоит ли подавать заявку, вдруг понял, насколько сильно мне это нужно. Будет очень обидно, если не попаду хотя бы на следующий этап отбора.

Шейла усадила Рут на кухне и вручила ей чашку чая с мятой и капелькой заботы. По словам Рут, нахлынувшая на нее вначале эйфория исчезла, и теперь она каждый день чувствует себя разбитой: в двадцать с небольшим тошнота по утрам раздражала, а теперь, в пятьдесят четыре – настоящее мучение. Порой ей бывало так плохо, что она не могла идти на работу, а учитывая положение, в котором находилась ее компания, это просто катастрофа. Ей ужасно не хотелось подводить Беллу, и теперь их отношения были напряжены до предела.

– Ты сказала ей про беременность? – Рут покачала головой. – С ума сошла?! Позвони ей прямо сейчас, она войдет в положение.

– Офис уже закрыт. Скажу в январе, когда отдохну и приду в норму.

Рут поделилась с ней тем, что Адам, похоже, не собирается возвращаться к мирной жизни и ведет себя так, будто нет никакого Рождества. Она настолько устала, что заказать индейку для нее не легче, чем взобраться на Эверест, они даже подарки не купили, елку не поставили. Уже завтра придет Алекс. В прошлом году Лорен и Дэн отмечали Рождество с его родителями, поэтому в этот раз они придут к ним с Адамом и останутся еще на два дня.

– Какой же кошмар, – простонала Рут. – Вот бы все это отменить или сбежать куда-нибудь на время, – добавила она и положила голову на стол.

– Ты это каждый год говоришь, – съехидничала Шейла.

– Да, но теперь-то я серьезно!

– Девочки тебе помогут, ты же знаешь, обязательно помогут. Накупите всяких мудреных настольных игр, ну знаешь, все настолько в них погрузятся, что время пролетит незаметно.

Рут вскинула голову и посмотрела на подругу сквозь копну запутавшихся волос.

– Спасибо, Шейла, это же гениально! Надо купить “Монополию”, чтобы мы все еще сильнее переругались! Как же я сама не додумалась!

– Я просто пытаюсь мыслить конструктивно.

– Честно говоря, мне больше нравится, когда ты разделяешь мой мрачный настрой.

В канун Рождества Фернивалы по традиции вместе отправились на полуночную мессу. Обычно эта ночь всегда морозная и ясная, Адам, бывало, останавливался и говорил, указывая пальцем на небо:

– Смотрите! Единственная ночь в году, когда световое загрязнение не мешает любоваться звездами в Лондоне.

Все послушно задирали головы и с улыбкой делились впечатлениями. Но в этот раз он молчал, и девушки, отважившись нарушить тишину, о чем-то заговорили. Когда хор запел “В середине суровой зимы”, Лорен и Дэн, взявшись за руки, пошли к алтарю, чтобы причаститься. Адам немного поколебался и пошел с ними, а Рут и Алекс остались вдвоем. Пока Адам шел обратно к скамье, Рут заметила, как сильно он похудел в последнее время и как красиво его серьезное лицо при свете свечей. Ее сердце сжалось. Часы пробили полночь, и все вокруг повернулись к своим близким, чтобы пожелать счастливого Рождества и сказать, как сильно они любят друг друга. Рут, забыв обо всем на свете, примкнула к Адаму, но он увернулся и подставил щеку – и вместо поцелуя она получила невыразительную пародию на приветствие. Затем Адам отвернулся, чтобы обнять Лорен и пожать руку Дэну. Рут едва не потеряла равновесие, но к ней вовремя подоспела Алекс и сжала ее в крепких объятиях.

– С Рождеством, мамочка! Спасибо, что подарила Лорен такое счастье. Представляю, чего тебе это стоило. Ты у нас настоящая героиня.

Когда пришла пора всем вместе петь рождественские гимны, Рут поняла, что не может выдавить из себя ни звука. На выходе из церкви Лорен тоже бросилась к ней на шею, тараторя, что у нее самая замечательная, невероятная мать, просто святая.

– Перестань, – отмахнулась Рут, – совсем меня засмущаешь. Идем скорее, а то твой отец уже убежал вперед.

Адам не остановился у гипсовой скульптуры в викторианском стиле, изображающей завернутого в ткань младенца Иисуса в яслях, которую недавно установили на заднем дворе церкви. Торопливым,

упрямым шагом он уходил от них прочь: руки в карманах, голова опущена.

* * *

Ночью Рут все время ворочалась и никак не могла улечься. Она слышала, как наверху по комнате бродит Адам – ему тоже не спится. Может, подняться к нему, попросить прощения и уговорить его вернуться, чтобы снова жить по-прежнему? Она едва спустила одну ногу на пол, как вдруг вспомнила его безжалостный взгляд в церкви, и снова свернулась калачиком в центре огромной холодной кровати. Тридцать лет жить с кем-то бок о бок – это постоянно иметь неисчерпаемый кран общения, который можно включать, когда вздумается: иногда с крана начинает капать, и это раздражает, но стоит его починить – и без него уже никак.

Наступило самое мрачное рождественское утро в жизни Рут. Она встала на рассвете, чтобы выпить утренние таблетки и ввести пессарий. В доме царила тишина. Накинув халат, она спустилась на кухню и занялась индейкой: набила тушку начинкой из каштанов и свинины, затем зашила ее хлопковой нитью и положила сверху пропитанный сливочным маслом отрезок муслиновой ткани, подоткнув его по краям противня. И вдруг она не выдержала: кисловатый запах сырого мяса смешался с тяжелым, жирным ароматом масла, – содержимое желудка подступило к горлу. Рут успела добежать до раковины, и ее рвало раз за разом, будто организм решил полностью очиститься от всего содержимого.

На кухню зашел Адам, уже полностью одетый. Жену он застал лежащей на диване. Нахмурившись, он фыркнул:

– Заболела?

– Нет, меня сильно тошнило, – слабым голосом ответила Рут, указав на раковину. – Прости, не было сил убраться за собой.

– Отравилась или кишечный грипп? – уточнил Адам, скрестив руки на груди.

– Я на восьмой неделе беременности, и меня тошнит по утрам, – объяснила Рут. – Это не заразно, так что не беспокойся.

Адам не смог скрыть свое удивление, но оно тут же переросло в возмущение.

– Вот этого-то я и боялся, – уходя, бросил он через плечо. – Какое-то безумие, сумасшедшая затея! Я позову Лорен, пусть уберет.

Лорен спустилась через пару минут. Заботливо и со знанием дела она напоила Рут горячим напитком с медом и имбирем, поставила индейку в духовку, ополоснула раковину, помыла ее с чистящим средством и накрыла стол к завтраку. Домашние расселись по своим местам, стараясь делать вид, что все в порядке, в то время как Рут отпивала напиток, дрожащими руками держа чашку. В какой-то момент она молча встала из-за стола и ушла в туалет. Оттуда донесся приглушенный звук рвоты, но все промолчали.

Индейка невыносимо долго доходила в духовке, грозя нарушить хрупкую атмосферу доброжелательности, и Алекс решила взять все в свои руки.

– Пора открывать подарки! – воскликнула она и обняла Адама, уткнувшись носом в его грудь. – Пап, принесешь нам чего-нибудь выпить?

– Отличная идея! – поддержала ее Лорен. Пока Адам возился с бутылками и льдом, она улыбалась Рут, как участливая медсестра, которая хочет поддержать пациента. – Мамочка, а ты иди в гостиную, приляг, мы тебе все принесем.

Еще вчера Алекс купила елку на ярмарке в парке и украсила ее всеми знакомыми игрушками, накопившимися в доме за долгие годы. Теперь она сидела под елкой на корточках, окруженная грудой коробок и свертков.

– Сегодня я буду распорядителем подарков, – заявила она.

Рут с ногами забралась на диван в оконной нише, закрыла глаза и изо всех сил постаралась не надумывать себе лишнего и унять тошноту.

Пришло время распаковки. Подарки Алекс оказались настоящей находкой: она вручила каждому фитнес-браслет, который показывает время, считает шаги и измеряет пульс. “Ни одна настольная игра не смогла бы их так увлечь”, – думала Рут, пока все остальные носились туда-сюда по коридору и лестнице, чтобы сравнить показатели. Дом наполнился радостными возгласами, тяжелым дыханием после бега и смехом, который давно не звучал так искренне.

Когда вся семья села обедать, Адам с неподдельным беспокойством поинтересовался у Рут ее самочувствием.

– Уже лучше, – ответила она, принимая от Лорен тарелку с картофелем и овощами. Она заметила, что еда не просится наружу, если есть ее медленно и по чуть-чуть.

– Давайте поднимем бокалы за шеф-поваров? – предложил Адам. – Спасибо вам, девочки, устроили нам настоящий праздник живота.

– Простите, что пришлось переложить на вас всю работу, – смущенно добавила Рут, чокаясь чашкой о бокалы дочек. – Спасибо вам, дорогие.

– На здоровье, – радостно ответила Лорен. – Это вы нас простите, что пудинг получился суховат. Скорей бы уже следующее Рождество – вот тогда мы вам такой банкет устроим, закачаетесь! – добавила она, оглядывая всех за столом.

– Ловлю тебя на слове! – пошутил Дэн.

Адам промолчал.

Алекс постучала ножом по бокалу и откашлялась. Остальные тревожно замерли.

– Я очень рада, что нам весь день удавалось мастерски избегать одной очень важной темы, которая витает вокруг нас вот уже несколько недель. – Она сделала паузу и заглянула каждому сидящему в глаза. – Я, конечно, не психотерапевт, но, может, все-таки попробуем обсудить проблему?

– Ой, мы же забыли про хлопушки! – воскликнула Рут и подняла свой кремовый цилиндр с золотыми ангелочками над столом, но никто не отреагировал, и через пару секунд она его опустила.

Адам, стиснув зубы, наполнил свой бокал вином, раскрутил его и с настойчивым вниманием наблюдал, как плещется алая жидкость.

Алекс, сидевшая между обоими родителями, положила им руки на плечи и тихо сказала:

– Мам, пап, вам нужно поговорить. – Она положила голову Адаму на плечо. – Папа, нравится это тебе или нет, но ничего не поделаешь. Нельзя просто все бросить, хотя бы потому, что маме нужна твоя поддержка. Посмотри, как ей тяжело.

Адам отодвинулся.

– До сих пор твоя мать отлично справлялась со всеми делами и без моего участия, – сказал он, глядя прямо перед собой. – Уверен, что так будет и дальше. Адам поставил бокал на стол – водоворот в нем замедлился и осел.

– Но дело не только в маме: это же ребенок Лорен и Дэна, моя племянница или племянник, твоя внучка или внук.

– Алекс права, – начал Дэн, но Лорен поморщилась, и он замолчал.

– Она – единственный вдохновитель, – сказал Адам и горько усмехнулся.

– В смысле? – с недоумением спросила Алекс.

– Это из посвящения к сонетам Шекспира, – объяснила Рут, устало подняв голову. – Он имел в виду, что я сама затеяла этого ребенка. – Она посмотрела на Лорен, ища поддержки. – И все это какая-то жалкая пародия.

– Адам, давайте расставим все точки над “i”, – вступил Дэн. – Этот ребенок наш, мой и Лорен, – больше ничей. – Щеки его залил румянец. – Рут только... – он замешкался, стараясь подобрать правильное слово, – предложила помощь.

Лорен накрыла ладонь Дэна своей.

– Папа и так это знает, – мягко сказала она и повернулась к Адаму – ее глаза заблестели. – Мне жаль, что все так вышло. Я мечтаю, чтобы ты полюбил этого ребенка и очень не хочу, чтобы он внес разлад в ваши с мамой отношения. Папа, пожалуйста.

Все смотрели на Адама. Он пытался взять себя в руки и наконец сказал:

– Лорен, Дэн, я очень рад, что у вас будет ребенок, и буду любить его – даже не сомневайтесь. – Он попытался улыбнуться, но лицо исказила гримаса боли. – Все остальное – это наше с Рут личное дело, и мы решим, как лучше всего поступить.

После недолгой паузы Адам обратился к Алекс:

– А пока что, прости, но я не готов присутствовать на домашнем сеансе психотерапии. – Сказав это, он слегка ударил ладонями по столу, будто завершая собрание. Затем встал и начал собирать грязные тарелки. – Дэн, поможешь мне убрать со стола и приготовить кофе, пока остальные отдыхают?

В гостиной на диване лежала Рут с распущенными волосами, рядом с ней, положив ногу на ногу, сидела Лорен. Алекс сложила дрова на утро и стала газетой раздувать огонь в камине.

– Вообще ничего не изменилось, – заметила Алекс скорее для себя самой. – Только зря переживала.

Пламя затрещало и поднялось, достав до газеты, и Алекс резко отпрянула.

– С ним бесполезно разговаривать, – сказала Рут и села.

– Но он же как обычно передумает в последний момент, да? – обеспокоенно спросила Лорен?

– М-мм... – протянула в ответ Рут.

Ее снова затошнило, и она вдруг вспомнила, как терпеливо и нежно Адам заботился о ней, когда она вынашивала Лорен и Алекс. Несмотря на брезгливость, он держал ей волосы, пока ее рвало, а потом долго сидел с ней в обнимку и носил ей чай с мятой. По щекам Рут потекли слезы. Дочки тут же подбежали к ней, чтобы поддержать. Вытирая слезы и стараясь отвлечься от этих мыслей, она уверила их, что все в порядке, просто ночью она никак не могла уснуть, почти ничего не ела из-за тошноты и вообще очень устала.

– Пойду-ка я в кровать и отосплюсь, – сказала Рут, вставая с дивана. – Утром буду как огурчик.

Лорен и Алекс проводили ее до лестницы и смотрели ей вслед, пока она поднималась, а затем вернулись в гостиную. Алекс сняла с елки четыре пузатые шоколадные фигурки в виде Санты, отправила две себе в рот, а остальные передала Лорен.

– Кушай на здоровье, – пробубнила она с набитым ртом. – То, что нужно детишкам, когда родители повздорили.

– Главное, чтобы малыш не пострадал, – вздохнула Лорен. Она съела шоколадку, смяла обертку из фольги в маленький шарик и стала катать его по ладони. – Никогда себе не прощу, если они разойдутся, – сказала она, глядя на огонь. – Надо было уговорить маму рассказать все отцу. Дэн говорит, что всегда лучше сказать правду – с самого начала. Но тогда мама не смогла бы нам помочь, – добавила она и повернулась к Алекс. – Я безумно хотела ребенка, так что это все моя вина.

Наступил первый понедельник нового года, и вся Британия начала потихоньку входить в рабочий ритм после затяжного праздничного отдыха. Адам вышел из дома в семь. Рут пробивалась в вагон на станции Хаммерсмит-Бродвей, а затем снова – на вокзале Виктория, где ее вырвало в урну и прямо на пальто, которое, к несчастью, было расстегнуто. Она остановила черный кэб и села на заднее сиденье, вся дрожа. Водителю пришлось открыть все окна. По пути она написала Белле, что плохо себя чувствует и не сможет приехать в офис, а потом попросила ее приехать как можно скорее – нужно кое-что обсудить с глазу на глаз.

Белла была у нее дома через час. Обняв Рут, она поздравила ее с Новым годом, но тут же переменялась в лице и добавила:

– Рут, что с тобой?! Ты так похудела и бледная, как призрак!

– Так просто и не объяснишь. – Рут проводила Беллу на кухню, и они сели за стол друг напротив друга с чашками имбирно-лимонного чая. – В последнее время меня сильно тошнит, поэтому я все время опаздываю и так часто работаю из дома, – начала Рут. – Хочу все тебе объяснить, чтобы мы могли придумать план действий на случай непредвиденных обстоятельств.

– Прости меня, – с серьезным лицом ответила Белла. – Я чувствовала, что с тобой что-то не так: ты была сама не своя, – сказала она, коснувшись руки Рут.

– Не волнуйся, ничего серьезного, – успокоила ее Рут и вдруг поняла, как сильно ей хочется увидеть реакцию Беллы. – Меня тошнит из-за того, что я на девятой неделе беременности.

Ярко-красные губы Беллы приоткрылись в изумлении, и ее рот стал похож на неровный овал. Она осмотрела Рут с ног до головы и переспросила, прищурив глаза:

– Беременна? – Рут кивнула. – Боже мой! – воскликнула Белла, прикрыв рот ладонью. – Какой ужас! – Рождение детей всегда казалось ей кошмаром. И с чего вдруг Рут решила, что она обрадуется за нее или удивится? – Ты, наверное, сильно расстроилась?

– Вовсе нет, – ответила Рут с ноткой торжества в голосе, которую безуспешно пыталась подавить. – Едва ли в мире есть еще один ребенок, которого планировали так тщательно. Лорен мечтала о нем годами, но не могла выносить, и я решила сделать это за нее.

Рут рассказала, как проходила бесконечные обследования и лечилась, что из-за возраста у нее почти не было шансов и как она волновалась, что ничего не выйдет. Но у нее получилось!

– Поэтому ты взяла такой длинный отпуск перед Рождеством и постоянно писала мне, как Лорен несчастна, как ты мучаешься от мигрени и несварения? – медленно выговорила Белла.

– Да, но она действительно была в ужасном состоянии, да и мне большую часть времени было очень плохо.

Белла нахмурилась.

– То есть ты бросила “Морраб филмз”, ничего мне не объяснив, мне пришлось взять на себя твою часть работы, управление командой и проблемы с финансами. Как ты могла?!

Снова слова Адама, и они попали Рут в самое сердце.

– Белла, я правда старалась приезжать как можно чаще, и мне ужасно жаль, что нам пришлось попрощаться с Зои и Джеком. Прости, что не рассказала тебе обо всем вовремя, я хотела...

– Но ты даже не раскаиваешься, – ответила Белла, откинувшись на спинку стула. – Мы двадцать лет проработали вместе, ты стала моей самой близкой подругой на работе, и я была уверена, что отлично тебя знаю. Но за последние три месяца ты как будто стала другим человеком, – сказала она, и на ее глазах выступили слезы.

Рут решила идти до конца и все объяснить:

– Пожалуйста, пойми, я разрывалась между семьей и работой. У меня было всего два месяца, и я должна была успеть забеременеть! Все остальное отошло на второй план, в том числе и работа. Я планировала наверстать все дела в декабре, но тут появилась утренняя тошнота.

Беллу, казалось, вовсе не интересуют ее оправдания.

– А почему обязательно тебе нужно было снова беременеть и играть в мать-героиню? Лорен что, не могла найти кого-то другого? Кого-нибудь помоложе и без загибающейся продюсерской компании в управлении.

Рут с грохотом поставила чашку на стол.

– Она просила, чтобы это была именно я, и мне самой хотелось! Ты не поверишь, но в жизни есть вещи поважнее телика!

Белла решительно отодвинула стул и встала.

– Я поехала обратно в офис. Если останусь здесь еще хоть на минуту, то рискую сказать что-то, о чем потом буду жалеть, – сказала она, смерив Рут презрительным взглядом. – Сиди-сиди, я помню, где дверь. Береги энергию для своего драгоценного карапуза.

Застучали каблуки, и входная дверь захлопнулась.

Рут осталась сидеть за столом в давящей тишине. Когда гнев улетучился, ее начала бить крупная дрожь. Она задумалась: неужели этот ребенок будет стоять ей всей жизни – Адама, Беллы, “Морраб филмз”, репутации в индустрии? Все это было краеугольным камнем ее существования, а теперь, казалось, ускользает от нее одно за другим.

* * *

Вечером того же дня по электронной почте пришло письмо:

Рут!

Мне никогда не было так больно и обидно, как от твоего предательства. Если бы работа была для тебя приоритетом и ты выполняла бы свои обязанности, “Морраб филмз” не оказалась бы в этой яме. Я ругаю себя за то, что доверилась тебе. Была бы возможность, я бы продала свою долю в компании или выкупила бы твою, но ни у одной из нас не будет шансов привлечь достаточно инвестиций при таком упадке.

Я поговорила с Адрианом, и мы поняли, что нужно еще больше сократить накладные расходы. Мы оба считаем, что будет лучше, если ты в ближайшее время откажешься от должности директора компании. Если/когда тебе станет лучше и ты сможешь взять на себя какие-то обязанности сценариста, исполнительного продюсера или менеджера по работе с ключевыми партнерами, мы переведем тебя на почасовую оплату вплоть до декретного отпуска. Таким

образом, ты сохранишь себе зарплату, а мы сможем повременить с роспуском команды.

Осенью мы попробуем пересмотреть условия, но только в том случае, если “Морраб филмз” доживет до этого момента.

Если ты согласна, пожалуйста, дай мне знать как можно скорее.

С уважением,

Белла

Рут перечитала письмо несколько раз и заплакала. Они же прошли вместе через огонь и воду! Она вспомнила, как познакомилась с Беллой на тех мучительных затяжных съемках в Чехии: главный актер ушел в трехдневный запой и отказывался выходить из трейлера, а им пришлось по очереди уговаривать его выйти, судорожно меняя график. В каком изумлении они переглянулись и с какой гордостью поднялись с кресел, когда им вручали BAFTA. Как в день подписания контракта вместе сидели на пыльном полу офиса “Морраб филмз”, пили шампанское из чашек и мечтали о блестящем будущем. Сколько же они веселились в монтажной, работали до поздней ночи, когда все остальные сотрудники уже давно разошлись по домам, как приходили в восторг, загораясь новой идеей и воплощая ее в жизнь, а сколько было смеху!

* * *

Над ответом она корпела очень долго:

Дорогая Белла!

Прости меня за долгое отсутствие и легкомыслие. Мне жаль, что я сразу не поговорила с тобой по душам. Ты права: я действительно не справлялась в последнее время и переложила на тебя слишком много обязанностей. Хочу, чтобы ты знала: я была счастлива работать с тобой все эти двадцать лет и считаю, что мы были отличной командой.

Меня очень пугает перспектива потерять тебя как коллегу и подругу из-за моей халатности.

По-моему, идея очень правильная: я с удовольствием передам тебе все полномочия и ответственно подойду ко всем проектам, которые ты мне поручишь. Когда мы сможем встретиться с Адрианом и обсудить детали?

Еще раз прошу прощения.

Рут

Через неделю, сидя в просторном коридоре женской консультации при Берлингтонской больнице в окружении беременных на разных сроках, Рут осознала, что попала на конвейер акушерства и спрыгивать с него уже поздно. Это был самый большой государственный гинекологический центр в Западном Лондоне, и Рут оказалась в нем самой возрастной пациенткой: там были женщины за сорок – стройные, уверенные в себе и на довольно высоких каблуках, – но большинству было от двадцати до тридцати, и на некоторых уже висели капризничавшие от скуки малыши. Яркие ламинированные плакаты на стенах с адресами молочных кухонь, с информацией о том, куда сообщить о домашнем насилии и куда обращаться по жилищным вопросам, намекали на жизненные обстоятельства многих посетительниц. На белой доске, висевшей над стойкой администратора, медсестра писала зеленым маркером:

ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ: БОЛЕЕ ЧАСА

В коридоре было жарко и пахло готовой едой. Рут почувствовала приступ тошноты и поняла, что ее сейчас вырвет. В туалете было полно народу: когда Рут вышла из кабинки, две глубоко беременные женщины сочувственно улыбнулись, но затем прикинули, сколько ей лет, и проводили ее изумленным взглядом. Она решила не мыть руки и, проходя между рядами одинаковых дверей, услышала: “Да не-е-ет, слишком старая”, а потом – взрыв смеха.

– Мам, все нормально? – спросила Лорен, подвинув сумку, чтобы Рут смогла сесть.

Она потерла подбородок, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды женщин вокруг, и прошептала:

– Гораздо хуже, чем было с тобой и Алекс.

Когда утомительное ожидание наконец закончилось, медсестра взяла у Рут кровь, измерила рост и вес. Затем взглянула на направление терапевта и спросила с невозмутимым лицом:

– Я правильно понимаю, что вам пятьдесят четыре, у вас была менопауза, но сейчас вы на десятой неделе беременности и после родов собираетесь отдать ребенка дочери?

– Смотрите, вот Лорен, они с мужем биологические родители. Нам нужен консультант, и мы готовы ждать, сколько потребуется, – твердо отчеканила Рут.

– Это диагностический центр, тут только медсестры, боюсь, что консультантов у нас нет.

Рут такой ответ не устроил: она выследила старшую медсестру и стала уговаривать ее. В конце концов та согласилась – но только в этот раз и ввиду их необычной ситуации – направить их в обычную женскую консультацию, которая, по удачному стечению обстоятельств, находилась в соседнем отделении. Через два часа высокий, спортивного телосложения мужчина лет сорока вызвал Рут и проводил их с Лорен в кабинет. Он был в рубашке с закатанными до локтей рукавами и с синяками под глазами. На бейджике было написано: “Том Фентон, акушер-консультант”. Мистер Фентон поприветствовал их обеих и, казалось, все о них знал. Он сам, без всяких вопросов, сказал Лорен, что она имеет право посещать все дородовые консультации и присутствовать при родах. Также консультант добавил, что из-за возраста за состоянием Рут будут наблюдать пристальнее, чем обычно, и со своей стороны он рекомендует кесарево сечение на тридцать восьмой неделе.

– Если можно, я бы предпочла естественные роды, – сказала Рут, придвинувшись ближе. – У меня не было проблем с Лорен и ее сестрой, а насколько я знаю, операция – это всегда риск.

Мистер Фентон покачал головой и предупредил ее, что пускать все на самотек гораздо опаснее. У доношенных детей, зачатых с помощью ЭКО, риск мертворождения выше, а у пожилых женщин во время родов шейка матки зачастую не открывалась должным образом. Есть и другие опасности: например, послеродовое кровотечение –

осложнение, при котором роженица за считанные минуты истекает кровью, или эклампсия – смертельно опасная болезнь, вызывающая судороги и, как следствие, инсульт.

– Про послеродовое кровотечение я в курсе, а что происходит при эклампсии? – спросила Рут.

Консультант перечислил симптомы: высокое кровяное давление, отеки конечностей и лица, а также сильные головные боли. Пациентки часто говорили о предчувствии чего-то ужасного, в медучилище это состояние называли “синдром предчувствия катастрофы”.

– Вы меня простите, но это звучит немного антинаучно, – сказала Рут, с трудом подавив смех.

Мистер Фентон пристально посмотрел на Рут и ответил:

– Может быть, и так, но это очень серьезные осложнения. Раннее кесарево сечение, к сожалению, не исключает их появления, но значительно снижает риск.

Рут его слова не убедили.

– За последние несколько месяцев я привыкла относиться к страшной статистике, которой меня пугают врачи, с долей скептицизма, поскольку я полностью здорова и нахожусь в отличной форме, особенно для моих лет.

– Мистер Фентон, пожалуйста, не слушайте мою мать, – вмешалась Лорен. – Все это просто ужасно. Мы согласны на кесарево, потому что я хочу, чтобы у моего ребенка была бабушка.

Консультант весело подмигнул Лорен, а затем повернулся к Рут и сказал:

– Миссис Фернивал, вы моя пациентка, но решающий выбор все равно остается за вами – я могу только дать рекомендации. В любом случае сейчас не нужно принимать окончательное решение, у вас будет время подумать.

– Нет, – устало вздохнула Рут, – я тут совсем ни при чем, пусть решает Лорен, я сделаю все, как она скажет.

Гормоны, пищевые добавки и запрет на алкоголь, безусловно, дались ей тяжело, но теперь Рут казалось, что она полностью теряет контроль над собственным телом. Она думала, что произведет малыша на свет и подарит его Лорен и Дэну, а теперь выясняется, что ей по их прихоти вспорют брюхо и заберут ребенка. От этих мыслей она вздрогнула.

Выйдя от врача, Рут и Лорен нашли на цокольном этаже кафе: большое помещение, где каждый звук отдавался гулким эхом, по двум сторонам стояли ряды пальм в горшках, а в центре возвышался красный полированный рояль, за которым женщина бойко исполняла композицию Скотта Джоплина. За столами сидело множество людей, полностью игнорировавших музыку: доктора и медсестры в бледно-голубых костюмах, хлынувшие прямоком из палат на перерыв, пациенты с землисто-серыми лицами в тапочках и с капельницами, какие-то люди в уличной одежде с куртками и зонтами.

Они сели за свободный столик, и Лорен достала папку с бумагами, которую вручила им медсестра. Она взяла толстый красный маркер и принялась что-то писать на обложке. Закончив, она показала ее Рут.

Сверху большими буквами было написано:

БИОЛОГИЧЕСКИЕ РОДИТЕЛИ
ЛОРЕН И ДЭН РАЙАН

Ниже – буквами поменьше:

ГЕСТАЦИОННЫЙ КУРЬЕР
РУТ ФЕРНИВАЛ

– Мне кажется, так будет понятнее, – объяснила Лорен. – Согласна?

– Да, наверное, – понуро ответила Рут.

– Ты не против, если я возьму папку себе? Обещаю, что буду приносить ее на каждую консультацию, – сказала Лорен и замолчала. – Хотя, нет, пусть лучше будет у тебя, на всякий случай. Я допишу наши номера, чтобы нам сразу же позвонили, если что.

Рут кивнула и с трудом выдавила из себя улыбку, чувствуя странную пустоту внутри. Борьба за то, чтобы попасть к консультанту, и обсуждение лечения высосали из нее всю энергию. От жизнерадостной музыки на фоне хотелось плакать. Адам часто играл эту мелодию, когда девочки были маленькими, а теперь даже не

подходит к пианино. В последнее время она так редко его видела. Непокколебимое презрение по отношению к ней и мучительное одиночество ужасно тяготили ее, но Рут понимала, что ради Лорен ей надо держаться на плаву: в конце концов, она ни в чем не виновата. Было жарко, вокруг стоял тошнотворный запах кофе. Капли пота стекали по лбу и щекам Рут, и она закинула в рот целую горсть мятных леденцов.

– Мам, ты как?

– Более-менее.

– Это же скоро пройдет, да?

– Надеюсь. С тобой и Алекс мне было плохо первые три месяца, зато потом – сплошное блаженство, – сказала Рут и запнулась. – Прости, что постоянно говорю про беременность.

Лорен потянулась к матери и взяла ее за руку.

– Не надо, не извиняйся. У тебя с этим все отлично, а у меня не получилось – пора уже с этим смириться. И за последние четыре месяца мы с тобой так сблизились, да? Твоя беременность как будто стала и моей тоже.

– Все так и есть, милая. Я только контейнер, а то, что внутри, – только твое, – сказала Рут, похлопав себя по животу, и положила голову на плечо Лорен. – Всегда помни об этом.

Они немного помолчали, затем Лорен сказала:

– Мама, как же мне с тобой повезло.

Лорен и Дэн сходили с ума от волнения перед УЗИ на двенадцатой неделе. Меньше четырех месяцев назад, сидя в другом кабинете, они смотрели на своего седьмого ребенка, который был на том же этапе развития, незадолго до того, как они его потеряли. Лорен держала Рут за руку, ей казалось, будто два сонографиста исследуют живот ее матери целую вечность. Потом они что-то измеряли, проверяли изображение на мониторе и, наконец, объявили, что все в порядке: размеры плода соответствуют срокам, все важнейшие органы сформированы.

– Все в норме? Никаких отклонений? – спросила Лорен.

– Да, – ответила молодая врач, посмотрев на нее. – Перед вами абсолютно здоровый малыш, который, похоже, прошел все необходимые этапы развития.

– Похоже? – с тревогой в голосе переспросила Лорен. – То есть что-то еще может пойти не так? Извините, просто мы... – протараторила она и замолчала.

– Мы знаем, милая, – успокоила ее пожилая врач. – Мы читали ваше направление. Нельзя гарантировать, что все будет в полном порядке, но сейчас вам не о чем беспокоиться. – Она посмотрела на Лорен и улыбнулась. – Честное слово.

Лорен и Рут увидели на мониторе серого малыша, который уютно лежал на спине в черном мешочке. Рут могла различить лоб, нос и рот, пухлый животик, маленькую ступню, большой пальчик и крошечное бьющееся сердце: тук-тук-тук. Всего пять с половиной сантиметров. Она вспомнила своего первого зародыша, который совсем ненадолго поселился в ее матке, когда она была подростком, и от которого не осталось ни одного снимка, ни одной записи. Тридцать лет назад, когда она смотрела на таком же мониторе на Лорен и Алекс, мысли о том, самом первом, даже не приходили ей в голову. Этих двоих она ждала с таким нетерпением, а тот был настоящей угрозой. Теперь ее мучили воспоминания, но она постаралась не думать об этом.

В Хаммерсмит они вернулись к обеду. За последнюю неделю у Рут произошло три важных события: она перестала принимать таблетки и вводить пессарии, потому что теперь ее плацента справлялась и без них; утренняя тошнота наконец-то прошла, а на долгой встрече по поводу ее будущей рабочей нагрузки Белла держалась отстраненно, но больше не злилась, – и это внушало надежду. Жизнь возвращалась в привычное русло, Рут была полна энергии и постоянно хотела есть.

– Ты даже не представляешь, как прекрасно снова нормально питаться! Месяца два я сидела только на тостах с травяным чаем. Вчера вот специально закупила сыр – все еле влезло в холодильник, – так что скоро устроим настоящий пир! – сказала Рут, намазывая ломтик хлеба маслом и выкладывая на него моцареллу и помидоры.

Дэн и Лорен наблюдали за Рут с одобрением, будто родители больного анорексией, который вдруг начал идти на поправку, но стоило ей воткнуть нож в камамбер, как Лорен схватила ее за руку.

– Никакого сыра с плесенью! – нравоучительным тоном отчеканила она. – Он в списке запрещенных продуктов вместе с сыром молоком.

Рут вздохнула.

– Мне кажется, это перебор. Думаешь, француженки не едят сыр во время беременности? – сказала Рут, но, увидев выражение лица Лорен, тут же осеклась. – Ладно-ладно, как скажете, нельзя так нельзя. Вообще сейчас, когда я постепенно возвращаюсь к обычной жизни, было бы здорово, если бы вы смогли дать мне инструкции на ближайшие шесть месяцев.

Она взяла ручку и блокнот формата А4, лежавшие у нее за спиной, и снова села, приготовившись записывать, но Лорен выхватила их у нее из рук.

– Давай лучше я сама напишу, чтобы ничего не забыть. Потом еще отправлю тебе по почте.

Лорен начала писать своим мелким аккуратным почерком, а Рут читала через плечо.

НЕЛЬЗЯ:

Сырые морепродукты / мясо / рыбу

Вяленое мясо, салями

*Печень
Рыбу-меч
Кофеин*

* * *

*Следи за уровнем сахара
Пей много воды!
Не делай рентген без крайней необходимости
На солнце пользуйся кремом с SPF 50
Надевай перчатки на огороде/в саду
Не трогай кошек
Никаких пестицидов
ТОКСИЧНАЯ БЫТОВАЯ ХИМИЯ – пришлю список,
фталаты – зло*

Лорен закончила писать и сказала:

– Все понятно? Если есть вопросы, говори.

Рут не понравилось, что дочь учит ее жизни, но она понимала, что Лорен пытается позаботиться о ней и ребенке.

– Это все? – с надеждой в голосе спросила Рут.

Лорен покачала головой и продолжила писать:

*Музыка: включай рядом с животом, но не слишком громко!!! – список треков пришлю по почте
Почаще пой песни
Разговаривай с малышом, но не кричи!
Занимайся физкультурой, но без фанатизма
Записывай, когда ребенок начнет толкаться*

Рут почувствовала, как напряглись мышцы у основания шеи: начинается мигрень.

РОДЫ:

*Мама сразу сообщит нам, если роды начнутся раньше
Кесарево на 38-й неделе (или раньше, если посоветует
консультант)*

Спинальная анестезия (если получится), если нет – мы не против общего наркоза

Мы будем присутствовать при родах

Мама отдаст ребенка нам

Мама НЕ будет кормить грудью

Рут раздражали эти “мы” да “нам”. Как будто они оба пытаются взять ее под контроль и одновременно как бы отстранить от участия в деторождении. “Расслабься”, – подумала Рут: она не служанка, и они не имеют права распоряжаться ее телом – оно принадлежит только ей.

– Еще надо договориться, кому и как будем рассказывать, – сказала Лорен. – Теперь уже можно посвятить в наши дела остальных.

Дэн повернулся к Рут и заявил:

– Мы хотим поехать к моим родителям на этих выходных и сказать им лично.

Рут представила их лица, когда они услышат эту новость, и с трудом подавила улыбку.

– А что насчет Шейлы? Кто ей сообщит: ты или я? Лучшая подруга или крестница?

– Не нужно, она и так давно знает, – рассеянно ответила Рут.

– Как так? – спросила Лорен, нахмурившись.

Рут почувствовала, что краснеет.

– Она позвонила буквально через несколько секунд, как я увидела синий плюстик на тесте! Только представьте, в каком я была состоянии. Выпала, даже не задумываясь.

– То есть ты сказала ей даже раньше, чем нам?!

– Лори, – спокойно произнес Дэн, взяв Лорен за руку, – ну какая разница?

Лорен вырвалась.

– Мама, так нельзя! Это же была наша тайна!

Рут посмотрела на дочь и не узнала ее в этой властной командирше.

– По-моему, ты драматизируешь, – сказала Рут и вздохнула. – Но мне правда жаль, что так получилось.

– Давайте просто забудем об этом, ладно? – вмешался Дэн. – Рут, мы не хотим никому рассказывать, кроме семьи и близких друзей, пока

не пройдем порог хотя бы в двадцать недель. Если все получится, – сказал он и трижды постучал по деревянному столу.

– Хорошо, – послушно кивнула Рут.

– И еще кое-что, – добавил он. – Мы решили компенсировать вам те средства, которых вы из-за нас лишились. Если бы мы наняли постороннего человека, мы бы оплатили все расходы, но вы для нас сделали гораздо больше, поэтому, пожалуйста, не отказывайтесь.

Рут не знала, что ответить: с одной стороны, она вернулась к работе практически на полную ставку, но получала гораздо меньше своей прежней зарплаты, и дополнительные деньги ей бы точно не помешали; но, с другой стороны, если она примет предложение, это может обернуться лишним давлением с их стороны, чего никак нельзя допускать.

– Дэн, это очень мило с вашей стороны, но я вам не чужой человек, да и деньги мне не нужны. Так что спасибо, но не нужно, – сказала она с улыбкой. – В конце концов, это же подарок, а не сделка.

* * *

По дороге домой Дэн сказал:

– То, что для нас делает Рут, – просто невероятно. Но, я уже много раз это говорил и скажу еще раз: нам нужно заключить договор. Она рассказала Шейле о беременности раньше, чем нам, – и это отличный пример проблем, с которыми мы можем столкнуться в дальнейшем. Было бы здорово, если бы она согласилась на небольшую плату, – так мы сможем составить хоть какое-то соглашение, но оно будет на бумаге. Пока что у нее все козыри на руках.

Лорен покачала головой.

– Я действительно перегнула палку. Мама и Шейла всегда всем делились друг с другом, и я верю, что она проболталась ей не нарочно. Я просто расстроилась, вот и все. И не понимаю, разве письменное соглашение может что-то изменить?

– Не знаю почему, но я чувствую, что эта мера даст нам хоть какой-то контроль над ситуацией и позволит найти баланс. Она оказывает нам услугу – мы берем. От этого мне немного неловко.

– Не соглашусь с тобой, – ответила Лорен и достала списки, которые написала для Рут. – Мы составили правила. Мама думает, что некоторые из них бредовые, но она обещала их придерживаться, потому что ответственность несем мы с тобой. И я сделаю так, что она будет исполнять свое обещание.

– То есть ты против того, чтобы немного подождать и снова предложить ей деньги?

– Да. Она обидится. Очень. Ты же слышал ее слова: это не сделка, – сказала Лорен и сжала руку мужа. – Расслабься!

Дэн посмеялся.

– Ты права. Если честно, я никогда не думал, что мы пойдем на такое, вот и переживаю за мелкий шрифт – или его отсутствие. – Дэн повернулся к ней и улыбнулся. – Вроде все идет по плану, да?

Лорен замерла.

– Пожалуйста, не говори так. Составляя все эти списки, я держала у себя в голове, что мы говорим только о возможности рождения ребенка – и не более того. Вспомни, что было в последний раз. У мамы в любой момент может случиться выкидыш.

* * *

Две недели спустя Адам пришел домой раньше обычного и обнаружил лежавшую у входной двери посылку, адресованную мистеру и миссис Фернивал. Он забрал ее в дом и открыл коробку.

Внутри была открытка на подушечке из желтой атласной ткани с крупной серебристой надписью: “поздравляем!” над изображением двух пар вязаных пинеток розового и голубого цветов. Ниже: “Мы слышим топот крошечных ножек!”, а в левом нижнем углу прикреплен значок:

Адам взял открытку и прочитал написанное от руки сообщение:

Дорогие Адам и Рут!

Дэн и Лорен приехали к нам в субботу и рассказали замечательную новость. Еще они подарили нам снимок ребеночка в рамке. Такая прелесть! Как же они счастливы!

Спасибо вам за такой подарок – это настоящее чудо! Подумать только, на что способна в наши дни медицина. Дэн сказал, что они безмерно вам благодарны.

Честно говоря, сначала мы были в шоке: читали подобные истории в газетах, но подумать не могли, что такое случится в нашей семье! Дэн объяснил нам, что это безопасно и все будет хорошо. Спасибо вам, что решились на такой смелый поступок.

Мы ждем с нетерпением, когда сможем увидеть нашего драгоценного внука или внучку после стольких лет горя и потерь. Берегите себя.

С любовью,

Патрик и Мария (Райан)

P. S. Значок для Рут – с ним ей будут уступать место в транспорте.

В замке заворочался ключ, и Адам подскочил от неожиданности. В коридоре появилась Рут с горой сумок из магазина. В последнее время они редко сталкивались в дверях.

– Ой! – воскликнула Рут, бросив сумки. – Адам, я не...

Он сунул ей в руки открытку.

– Вот, она была адресована нам обоим, поэтому я ее открыл, но это явно для тебя, – сказал он, затем зашел к себе в кабинет и закрыл за собой дверь.

Рут дважды перечитала текст на открытке и не раздумывая забежала к нему.

– Адам!

Он стоял у окна и обернулся к ней. На мгновение она даже увидела на его лице отпечаток эмоций, прежде чем оно приняло привычно бесстрастное выражение.

– С открыткой немного перебор, но они хотели как лучше. Они правы, это действительно чудо.

– И что ты хочешь этим сказать? – спросил Адам, даже бровью не поведя.

– Открытка адресована нам обоим. Они думают, что мы с тобой вместе с нетерпением ждем, когда станем бабушкой и дедушкой.

– Но мы не вместе пошли на это, ведь так? Потому что Рут, святая дарительница жизни, – Адам сложил ладони вместе и закрыл глаза в притворном благоговении, – тайно совершила чудо. Самостоятельно.

Рут зашла в комнату и остановилась в одном шаге от него.

– Адам, – прошептала она, – пожалуйста, очень тебя прошу, хватит! Я так больше не могу! Прости меня, что не сказала тебе то, что просто не могла сказать.

Адам открыл глаза, и Рут увидела, что они красные.

– Как ты вообще могла так поступить?! Разрушить все то, что мы с тобой так долго строили! – закричал он и хлопнул носом.

По лицу Рут катились слезы. Она вытянула руки и положила их ему на плечи. Адам заколебался, а затем схватил ее и прижал к себе. Он весь дрожал.

– Пожалуйста, прости меня.

Отвыкшие от прикосновений, они стояли, вжавшись друг в друга, и не знали, что делать дальше.

Адам прошептал ей в волосы:

– Больше всего из-за обмана. Если мы начнем сначала, между нами больше не должно быть тайн, Рут. И лжи. Понятно? – Рут выдохнула, и впервые за несколько месяцев ее плечи расслабились. Она кивнула Адаму в грудь, но он отодвинул ее и заглянул ей прямо в глаза. Лицо у него было бледное и пугающе серьезное. – Поклянись.

– Больше никаких тайн и лжи, – отчеканила Рут. – Клянусь.

* * *

Рут приготовила омлет по-испански и овощной салат. С того дня, как Адам вернулся с футбольного матча, они впервые ели вдвоем. Рут дышала полной грудью, а Адам был ужасно вымотан. Он предупредил ее, что не сможет моментально вернуться к прежнему состоянию и еще какое-то время проживет в комнате наверху. Не стоит торопиться. Рут улыбнулась. Пусть приходит в норму столько времени, сколько потребуется, – она никуда не денется. Адам признался, как сильно по ней скучал и как тяжело ему далось это отчуждение, особенно на Рождество. Он сказал, что она была неотразима, и спросил, как она себя чувствует. Рут ответила, что ей стало намного лучше: она снова начала бегать и работать в полную силу. Рассказала о ссоре с Беллой и о том, как надеется, что со временем все наладится.

Когда они закончили есть, Рут глубоко вздохнула и сказала:

– Раз уж мы решили полностью открыться друг другу, я должна сказать тебе еще одну вещь.

Адам удивленно посмотрел на нее.

– Ты сказал, что между нами не должно быть тайн, и я вспомнила, как сделала кое-что, что может тебя очень сильно рассердить. Но я пошла на это ради Лорен. Надеюсь, ты меня поймешь. – Рут посмотрела на него умоляющим взглядом, но Адам молчал. – Так вот, у Управления по оплодотворению и эмбриологии человека масса дурацких правил и рекомендаций для тех, кто решил вынашивать чужого ребенка, поскольку в первые месяцы жизни малыша, пока Лорен и Дэн не получают родительские права, формально мы с тобой... – она запнулась.

– Законные родители ребенка, которого ты вынашиваешь, – четко проговорил Адам, как будто выучил эти слова наизусть. – И кстати, Рут, это никакая не формальность, а закон.

Рут поняла, что ее загнали в угол. Ну конечно же, он знает закон о суррогатном материнстве, разве могло быть иначе?

– В общем, в клинике Маринелла мне давали документы, которые, по идее, должны были подписать мы оба, давая свое согласие.

Адам скрестил руки на груди.

– И, как я понимаю, ты пустила в ход свой дар убеждения, уговорив их забыть о моем мнении? – Он снисходительно ухмыльнулся. – Я прав?

Рут захотелось сбежать из комнаты или упасть в обморок. Она потупила взгляд, рассматривая свои руки, и призналась:

– Я подписала согласие.

– Это я уже понял, – сказал Адам, будто консультируя клиента, который явно темнит. – Но ты же сказала, что бумажки было две: одна для тебя, другая для меня. И что, они услужливо согласились забыть про мою? Не волнуйся, это не проблема. Я разберусь еще до того, как мы передадим права.

– Честно говоря, – еле слышно произнесла Рут, – я подписала обе. За тебя. Вот, как-то так... – На одном из ее пальцев торчал заусенец. Она оторвала его и наблюдала, как из раскрытого ногтевого ложа сочится кровь.

В конце концов долгая тишина заставила ее поднять глаза к его лицу, которое превратилось в потускневший серый камень.

– Ты подделала мою подпись? – сказал он настойчивым шепотом, четко выговаривая каждое слово.

– Ну, не один в один, но...

Адам перебил ее, заговорив гораздо громче и едва сдерживая гнев:

– Чтобы ты знала, это очень подлый и аморальный поступок с твоей стороны – ты плюнула на мои права и растоптала. Ради всего святого, я же барристер и попал в шорт-лист для собеседования на пост судьи! На моей репутации не должно быть ни пятнышка! Но я женат на женщине, которая готова бездумно поставить мою подпись на имеющем юридическую силу документе, если этого требует цель. – Он посмотрел на нее, прищурился, и покачал головой. – Судя по всему, ты свела мои шансы к нулю. Но тебе ведь опять все равно, да?

Рут вздрогнула.

– Адам, прости. Ты даже не волнуйся, мне нужно было расписаться всего один раз, и получилось точь-в-точь, как у тебя! Никто даже не догадается.

Адам схватился за голову. Какое-то время он сидел молча, и вдруг прозвучал его бурлящий эмоциями голос:

– Ты даже не понимаешь! – крикнул он, глядя ей в глаза. – Все! Я так больше не могу! Я устал разгребать за тобой то, что ты наворотила!

Адам вышел из кухни и поднялся по лестнице. Рут слышала, как он ищет на чердаке чемодан и ходит из комнаты в комнату, собирая свои вещи.

* * *

Шейла приехала на следующее утро в восемь – с цветами и завтраком. Накануне вечером, возвращаясь из театра, она получила безумное сообщение от Рут, но не смогла до нее дозвониться. Рут проводила ее в гостиную и во всех красках рассказала ей о разрыве. Когда ее монолог закончился, Шейла сказала:

– Ты стала... не знаю... спокойнее что ли? Неужели смирилась?

– Я разбита, – сказала Рут, оторвав полоску от булочки с изюмом. – Не ожидала, что он действительно уйдет. С другой стороны, он неделями меня игнорировал, не считая странных, тщательно продуманных упреков, поэтому со временем я просто перестала что-либо чувствовать. Я годами терпела то же самое от матери, и меня это закалило.

– Я помню, – подтвердила Шейла. – Но твоя мать была злой и несчастной. Адам же – хороший человек, который очень страдает.

Рут сидела с набитым ртом, но кивнула, и на глазах появились слезы.

– Знаю, и я была так счастлива те два часа, когда мы вели себя как раньше: разговаривали, обнимались, смеялись. А потом... – Она замолчала, вытирая слезы со щек.

– Моя хорошая, – заговорила Шейла и потянулась к ней.

– Нет-нет, не надо, – отмахнулась Рут. – Если бы я сказала ему в тот вечер, когда он узнал о беременности, он бы даже внимания не обратил, зато теперь, – сказала она, горько усмехнувшись, – видите ли, жена, причастная к подделке документов, портит его резюме. И ведь это никогда не вскроется! Вот в этом-то вся и беда Адама: он заикливается на принципах и не видит дальше своего носа. Он такой... – Она задумалась, пытаясь вспомнить слово “негибкий”.

– Высокоморальный? – попробовала угадать Шейла.

– Нет, я имею в виду другое, – настаивала Рут. – Он привык всегда ставить этические рамки и делить все на черное и белое, хотя в жизни все гораздо сложнее, – сказала она и выдохнула. – Но если он так сильно меня презирает, тогда, пожалуй, нам лучше разойтись.

– Да брось, – возразила Шейла. – Он вернется, вот увидишь.

Рут ответила, что даже не рассчитывает на это. Она уже начала подыскивать подработку, потому что теперь, оставшись одна, она забеспокоилась о деньгах. Беда была в том, что она уже вкалывала в “Морраб филмз”, а в сутках не так уж и много часов.

– Думаю, можно найти квартиранта. Какого-нибудь шустрого паренька, который поможет мне с садом и, кто знает, может быть, даже... – она вскинула руки и посмотрела на Шейлу, – с домашними делами. Как думаешь?

– Мы с Саймоном надеемся, что вы все-таки будете вместе, иначе мы потеряем веру в счастливый брак. Мы всегда равнялись на вас двоих. Так что, по-моему, новый сосед – это плохая идея.

Рут рассмеялась.

– Эх ты, моралистка из Масвелл-Хилл! Видела бы ты свое лицо.

Глубоко в душе она была уверена, что Адам пообижается с недельку, чтобы обозначить свою позицию, и вернется.

* * *

У Джулиуса Мандера была квартира в Мидл-Темпл, в которой он редко появлялся. Он с радостью разрешил Адаму в ней поселиться и заявил, что об оплате и речи быть не может. Его жилище занимало второй этаж здания, построенного в XVIII веке, с окнами во двор, и по соседству в основном жили престарелые судьи с женами. Тяжелая темная мебель угнетала Адама, но, к счастью, в одной из комнат оказалось пианино. Если Адаму захотелось бы общества, можно было сходить на ужин в общий зал, но он не питал пристрастия к разговорам, предпочитая работать, читать и время от времени посещать концерты. Его коллеги не стали интересоваться произошедшим, но он чувствовал, как им неловко. Адам часто думал о Рут, беременной ребенком, который принадлежал ему по закону, но

был зачат в тайне, и о ее неожиданном превращении в какого-то другого, чужого ему человека. Он плохо спал и постоянно переживал за нее. Раз в пару дней Лорен выходила с ним на связь, но он чувствовал, что ее эмоциональные усилия были скорее направлены на поддержку Рут. Алекс тоже звонила регулярно, но тщательно старалась не говорить о ребенке. Годами он чувствовал, что живет на окраине их женского царства, и вот оказался в ссылке.

Лорен и Алекс не ожидали такого поворота событий. Лорен жалела, что на Рождество не заставила Рут признаться в подделке подписи, и винила себя, а Алекс, не зная о согласии, считала, что Адам чересчур драматизирует. Каждый день они созванивались друг с другом, чтобы обсудить, что происходит с браком родителей.

Когда прошло уже три недели, а Адам все еще не остыл, Лорен сказала:

– Алекс, пожалуйста, прилетай в Лондон. Я умоляла его вернуться, но он не обращал внимания. Наверное, думает, что я на маминой стороне. Может, он тебя послушает?

На следующий день Алекс предупредила своего начальника, что ей нужно взять несколько отгулов по семейным обстоятельствам. За полтора дня она, работая удаленно, сделает все свои дела, так что никто даже не заметит, что ее нет. В четверг днем Алекс приехала в занавешенный туманом аэропорт Сан-Франциско и в полдень пятницы уже была дома. Погода стояла теплая, и в саду начали распускаться кремовые бутоны магнолии, которую посадил Адам, когда Алекс была маленькая. В ее сердце теплилась надежда: это был шанс присоединиться к Рут и Лорен и привести в чувство отца. На кухонном столе лежала записка от матери, в которой говорилось, что она вернется в шесть, а рядом с ней стоял ее любимый апельсиново-миндальный пирог. Алекс съела четверть от него и отправилась в свою детскую комнату на последнем этаже дома. В самолете она проработала несколько часов, и теперь ей нужно было как следует выспаться.

К тому времени, когда Рут пришла домой, Алекс успела проснуться, принять душ и, не удержавшись, слопать остатки пирога. Они долго стояли, обнявшись, в коридоре, а когда отпустили друг друга, Алекс увидела, что Рут плачет.

– Совсем расклеилась? – Рут кивнула. – Слушай, но выглядишь ты сногшибательно.

В кремовой рубашке и темно-коричневых брюках-кюлотах она выглядела так же, как и десять лет назад, когда Алекс еще училась в университете.

– Я отлично себя чувствую. И твой отец сказал, что я была неотразима, а потом... – Ее голос задрожал.

– Мам, он сглупил. Завтра мы вместе идем на ужин, я попытаюсь его вразумить.

Пока Рут готовила еду, Алекс сидела на кухне и рассказывала, что происходит у нее в жизни.

Ей предложили работу менеджера с приличной зарплатой, но ее терзали сомнения.

– Я люблю писать код и боюсь, если мне придется целыми днями только и делать, что руководить, я заскучаю. Помню, как ты нам говорила, что, чем бы мы в итоге ни занимались, нужно всегда стремиться к творческой деятельности, потому что только в этом случае работа никогда не будет в тягость.

– Это я такое сказала? – засмеялась Рут. – Если только очень давно, когда была молодая и глупая.

– Но ты ведь сама так и поступила: ушла с поста руководителя, чтобы заниматься живым делом, разве нет?

Рут, не дорезав овощи, отложила нож.

– Дорогая, у руководства свои преимущества: сейчас мне было бы гораздо проще, если бы я просто вела проекты.

“Морраб филмз” все еще лихорадило. Би-би-си все-таки отказалась от “Куртизанки”, и Белла пыталась ее куда-нибудь пристроить. Рут отвечала за пилотную серию потенциального сериала и надеялась, что его удастся куда-то пристроить, иначе компания могла и закрыться. Она сказала Алекс, что сейчас единственное, из-за чего она приезжает в офис, это деньги: ей нужно работать как можно больше часов, чтобы сводить концы с концами, а творческий энтузиазм уже давно угас.

После ужина Рут сказала:

– Доченька, спасибо тебе большое, что приехала. Устала, наверное, после такого долгого перелета. Но ты даже не представляешь, как я рада, что ты со мной. – Она печально

улыбнулась. – Мне ужасно одиноко в этом пустом доме, но я не могу признаться в этом Лорен, не то она начнет переживать за меня еще сильнее.

– Еще как представляю, – лукаво улыбнулась Алекс. – Как ты справляешься с синдромом мамочки у Лорен? Они с Дэнном небось составили целый свод правил?

Рут вздохнула, сдерживая раздражение, и сказала:

– Только никому, ладно? – Алекс кивнула. – Я от ее заботы уже на стенку лезу. Соглашаясь на это, я даже не думала, что со мной будут разговаривать, как с глуповатым пятилетним ребенком. Так она меня еще заставила пообещать, что я все прочитаю, усвою и буду соблюдать этот бесконечный список бесполезных инструкций. Я почти уверена, что все эти письма пишет Дэн, – сказала Рут и поморщилась. – У Лорен никогда не было такого командного тона. Иногда хочется биться головой об стену.

– Мне кажется, они просто чувствуют свою беспомощность в этой ситуации, – предположила Алекс и пристально посмотрела на Рут. – Может быть, они боятся, что, если не будут постоянно заявлять о себе, ты возьмешь все в свои руки. За то короткое время, когда я сама думала стать для них суррогатной матерью, мне показалось, что я в конечном счете так и сделаю.

– Да разве можно? – с обидой в голосе сказала Рут. – Я же не какой-то жадный до власти монстр, я им помочь хочу!

Алекс снисходительно улыбнулась.

– Mam, брось, мы с тобой одного поля ягоды: властные, целеустремленные и вечно думаем, что знаем все лучше всех – и, наверное, так и есть. Я же не говорю, что ты желаешь им зла – вовсе нет, – но твое желание все контролировать иногда раздражает.

Успокоившись, Рут сдержанно улыбнулась.

* * *

Когда Рут ушла к себе в комнату, Алекс перед сном поработала еще несколько часов и проснулась только в полдень субботы. Они вместе покатались на велосипедах по набережной Темзы, затем Алекс доехала на метро до Блумсбери, где находился небольшой итальянский

ресторан, в котором Адам заказал столик. Когда Алекс приехала, он уже был там и встал, чтобы поприветствовать дочку. Она ужаснулась, увидев его исхудавшее, изможденное и напряженное лицо. Алекс сразу же призналась, что ничего не знала о подделке подписи. Тем не менее она была уверена, что это никак не помешает его назначению на должность судьи, потому что на сайте для подачи заявления в пункте о репутации речь шла о заявителе, а их супруги тут ни при чем. Даже если комиссия и обратит внимание на поступок Рут, они не смогут обвинить в этом Адама. Так что волноваться об этом не стоит.

Адам покачал головой.

– Это все равно может обернуться против меня. Там много хороших кандидатов, им не нужны те, у кого есть скелеты в шкафу.

Алекс решила сменить тактику.

– Пап, да как они вообще узнают? Ни ты, ни мы никому не собираемся об этом рассказывать. Ты же уже простил маму, так в чем же дело?

Адам взял из хлебной корзины гриссини, разломил ее пополам и посмотрел на Алекс “с фирменным адвокатским прищуром” – так они с Лорен в шутку называли этот взгляд.

– Это дело принципа. Подписав за меня согласие, ваша мать перешла черту. Это вопиющее неуважение к моим чувствам, – Адам на мгновение умолк, – и правам.

– Пап, я понимаю. Я бы тоже на твоём месте была в ярости, но ты же знаешь, зачем она это сделала. У нее есть цель, и ради ее достижения она пойдет по головам.

Адам пару секунд посмотрел на Алекс и с мрачным видом кивнул.

– Ты полностью права, лучше и не скажешь. Именно так твоя мать поступала всю жизнь, и чихать она хотела на меня в этот момент. Прецедент уже был, и терпеть я больше не намерен.

Алекс попросила его подумать, но он отказался. Она умоляла его вернуться домой – он ответил, что это невозможно. Официанты шныряли туда-сюда, то принося блюда, то забирая посуду. Они без конца повторяли одни и те же аргументы и никак не могли сдвинуться с мертвой точки.

Ковыряя тирамису, Адам попытался сменить тему, и в этот момент у Алекс лопнуло терпение.

– Папа, знаешь, мама действительно поступила ужасно, и ты имеешь право обижаться. Но у нее была благая цель, а ты сейчас ведешь себя как упертый, бесчувственный эгоист!

Адам покраснел и включил свой “типичный адвокатский тон”:

– Александра, я сказал: хватит!

Затем подозвал официанта и попросил счет.

* * *

На следующее утро, перед поездкой в Хитроу, Алекс встретила с Лорен за завтраком. Она передала ей свой разговор с Рут, опустив некоторые детали, и полностью пересказала спор с Адамом.

– Он и с тобой теперь не разговаривает?

– Нет, каждый остался при своем мнении, и разошлись мы на мирной ноте. Прости, что у меня не получилось. Я правда старалась изо всех сил, – сказала Алекс и стащила с тарелки Лорен два ломтика бекона. – Пока не ступлю на американскую землю, на веганскую диету можно забыть.

– Спасибо, что попыталась. Я уверена, в конце концов он одумается.

Алекс была настроена пессимистично.

– Я даже не представляю, что может заставить его передумать. Он чувствует себя одиноким и несчастным, но не знает, что с этим делать. Еще он так странно говорит о маме: “прецедент уже был”, – как будто она его клиент.

– Да уж, странно, – согласилась Лорен. – Но, пожалуй, неудивительно: он сейчас с головой ушел в работу. Я стараюсь его навещать, когда есть возможность, но все остальное время он один или с клиентами.

Алекс наклонилась к сестре и сказала ей на ухо:

– А еще не забывай про Эмили Салливан. Я всегда говорила, что она опасна, но вы меня не слушали. Она долго окучивала отца и теперь не побрезгует воспользоваться ситуацией. Спорим, она уже вьется вокруг него и готова его утешить? Так что, кто знает, может скоро у нас появится мачеха.

– Перестань, – кисло ухмыльнулась Лорен. – Ты вот сегодня улетишь, а мне тут еще мучиться. Мне страшно представить, в каком стрессе сейчас мама и какая доза кортизола передается через плаценту ребенку. А еще меня гложет жуткое чувство вины: если бы мы не попросили маму выносить для нас малыша, они бы сейчас были вместе.

Алекс положила руку Лорен на плечо и сказала:

– Помни две вещи. Во-первых, маме сейчас тяжело, но она справляется. А во-вторых, она сама предложила родить вам ребенка, и вы не несете никакой ответственности за то, что произошло.

* * *

Когда самолет поднялся в воздух и Англия осталась позади, Алекс вдруг пришла к мысли о том, что беспокоится о сестре гораздо больше, чем о матери: еще чуть-чуть, и Лорен может по-настоящему сойти с ума.

Вечером Рут обнаружила на подушке записку от Алекс:

Мамуля!

Ты огромная молодец и я безумно тобой горжусь.

Наслаждайся этим чудесным временем, когда ты прекрасно себя чувствуешь и шикарно выглядишь.

Живи в свое удовольствие!

Я приеду, как только появится возможность. А пока пиши и звони, если вдруг захочется биться головой о стену.

Люблю, целую, обожаю!

Алекс

Лоренцо приподнял волосы Рут, будто взвешивая их, и посмотрел на нее с отчаянием в глазах.

– Смотри сама, конечно, можем сделать, как ты хочешь. Но предупреждаю: мы полдня потратим на мелирование – у тебя очень длинная и густая шевелюра. И не обещаю, что результат тебе понравится, – сказал он и поджал губы. – Да и седина очень быстро отрастет. – Лоренцо накрутил волосы на руку и поднял их над головой Рут, будто темный нимб. – А как насчет ультракороткой стрижки? Ты только посмотри, как сразу выделяются глаза и скулы! Лицо сразу же преобразается! – Он встретился с ее взглядом в зеркале и заговорщически улыбнулся. – Рут, ты точно не пожалеешь. И цвет будет потрясающий.

Рут на мгновение растерялась, но затем пришла в восторг.

– Хорошо, – ответила она. – Доверюсь тебе.

Шла восемнадцатая неделя беременности, и Рут чувствовала, что пышет здоровьем. Ее окрыляла уверенность в себе, которая обычно появляется на втором триместре. Она чувствовала себя моложе и выглядела соответствующе, если не брать в расчет вкрапления седых прядей в копне темных волос. Когда округлость слегка выдающегося вперед живота станет слишком заметна, седина будет выглядеть совсем нелепо. Чтобы не нарушать эстетическую гармонию, Рут решила пойти на крайние (и однозначно временные) меры, посоветовалась со своей самой стильной подругой, а затем в один из своих выходных приехала к “волшебнику Лоренцо” в Кенсингтон.

Холодная сталь коснулась шеи. Щелчок ножниц. И Рут почувствовала движение воздуха. Она вздрогнула и хотела сказать: “Лоренцо, а можно ли отрезать постепенно? Для меня это очень важно, я хочу попрощаться со старым «я»”. Но через несколько секунд все было кончено, и на черной плитке появились большие коричневые пятна с серебристыми нитями. Голова вдруг стала непривычно легкой и свободной, а шея обнажилась. Остриженный ребенок, сидевший в кресле позади Рут, смотрел на нее, не отрываясь, пока Лоренцо кружился вокруг ее головы, придавая форму и объем оставшимся

прядам. Лорен согласилась на мелирование, потому что химикаты не будут касаться кожи головы, а следовательно, не попадут в кровоток ребенка. Но она настояла на том, чтобы Рут заранее позвонила Лоренцо и попросила использовать его краску только на органической основе. Рут почувствовала себя подростком, которому не доверяют даже в мелочах, и впервые задумалась о том, чтобы нарушить некоторые правила Лорен – ей хотелось послушаться и самоутвердиться. Колорист два часа прокрашивал волосы тремя разными оттенками и заворачивал их в маленькие конвертики из фольги. Еще час Рут, похожая на огромного серебристого броненосца, просидела в ожидании, пока схватится пигмент.

Когда все было готово, лицо в зеркале обрамляли густые блестящие каштановые завитки с золотистым отливом. Все утро весь салон наблюдал за ее преображением, и теперь сотрудники столпились вокруг ее кресла, чтобы выразить свое восхищение. Лоренцо приставил к голове Рут большое зеркало, чтобы она увидела, как прическа выглядит сзади, и улыбнулся, увидев ее изумленное лицо.

– Ну? Что я говорил? Смотрите шикарно, и сразу минус двадцать лет!

Выйдя из салона, Рут шла по Кенсингтон-Черч-стрит, любуясь своим отражением в витринах магазинов. Она проголодалась и хотела отпраздновать свое преображение, но не могла припомнить никого, кто сможет быстро оказаться в центре Лондона без предварительной договоренности. В кафе Рут съела сэндвич и запила бутылкой имбирного эля, обрадовавшись, что рядом нет Лорен с Дэном (газировка появилась в списке запрещенных продуктов неделю назад).

Стоя в туалете возле зеркала, она неожиданно увидела на бровях белые пятнышки. Раньше она никогда их не замечала, но теперь они сильно контрастировали с ее новой прической. В аюрведическом спа-салоне в переулке ей предложили затонировать их натуральным растительным красителем, который безвреден для ребенка. Владелица салона и по совместительству косметолог сказала, что сегодня у них скидка на лазерную эпиляцию. Рут согласилась на покраску бровей и процедуру по омоложению лица. Эпиляция ей была не нужна: из-за гормонов верхняя губа и подбородок стали гладкими, как у младенца. Лежа на кушетке, она подумала, что никогда бы не пошла на такие манипуляции, будь Адам рядом: уже давно они сошлись на том, что

попытки вернуть себе молодость – это пустая трата времени. Но теперь, когда он бросил ее, она может наслаждаться этим новым причудливым телом и извлекать из него максимум удовольствия. Рут чувствовала себя так, будто надела привычный костюм и освежила макияж, прежде чем выйти на сцену. Она чувствовала себя энергичной и бойкой. Она чего-то жаждала, но никак не могла понять, чего именно.

Теперь, когда все отвлекающие факторы первого триместра ушли в прошлое, Рут работала на полную катушку: день и ночь редактировала сценарии и встречалась с ключевыми партнерами. “Куртизанку” купил американский телеканал, и финансовое давление на компанию немного ослабло. Атмосфера в офисе потеплела: казалось, что Белла была даже благодарна Рут за ее мнение и идеи, а Рут, в свою очередь, беспрекословно подчинялась авторитету Беллы.

* * *

Через пять недель после отъезда Адама Рут отправилась на деловой обед с Сэмом Тернером, режиссером лет тридцати семи. Она нашла его сразу после того, как он окончил киношколу, и стала продюсером его первой пьесы, а он впоследствии снял для нее два сериала. Теперь все мечтали с ним поработать, и недавно он снял свой первый полнометражный фильм: эта встреча была назначена четыре месяца назад. Если ей удастся убедить Сэма снять что-то, его имя гарантирует прибыль, и будущее “Морраб филмз” будет в безопасности. Она шла через зал ресторана в длинном свободном топе, скрывавшем ее беременность, официанты в фартуках приветственно ей кивали, а обедающие мужчины смотрели на нее с оживленными лицами: ее снова начали замечать. Сэм сидел на диване за угловым столиком, читая сценарий: та же оливковая кожа, влажные карие глаза и черные вьющиеся волосы, но тело его потеряло мальчишескую угловатость и приобрело добротность, свидетельствующую о благополучии.

– Сэм! – окликнула его Рут.

Он поднял глаза, и по тому, как он очаровательно долго смотрел на нее, стало очевидно, что никак не может ее узнать. Догадавшись, он

заметно удивился.

– Ого! – воскликнул Сэм и медленно встал из-за стола. Положив руки ей на плечи, он произнес: – И когда же Рут Фернивал успела стать такой красавицей?

Он поцеловал ее, довольно хмыкнув, когда его щека коснулась ее щеки.

Рут усмехнулась.

– Я только что подстриглась. Просто захотелось.

Сэм улыбался ей так же, как и при их первой встрече. Это было словно поднять лицо к солнцу. Он был одним из молодых энергичных режиссеров и сценаристов, которые флиртовали с ней, когда она работала на Би-би-си. Он дарил ей свои любимые книги и писал в них душевные послания, приглашал ее на ночные показы заумных артхаусных фильмов. Ей льстил его пыл, но она давала понять, что бесконечно счастлива в своем браке.

– Тебе очень идет, – сказал он, глядя ей в глаза. – Кто бы мог противостоять твоим чарам?

Рут поморщилась и, не задумываясь, сказала:

– Мой муж, раз уж ты интересуешься.

– Серьезно?

– Шучу. – Она пожала плечами. – Взлеты и падения семейной жизни.

Подошел официант, и Сэм сделала заказ:

– Я буду джин с тоником, а ты?

Рут сказала:

– Воду без газа, пожалуйста.

Они заказали еду, затем она спросила о его фильме, и он подробно ей обо всем рассказал, гордый и взволнованный. Это была уже пятнадцатая версия сценария, над которой работали три автора; одна из главных актрис непременно хотела выполнять все трюки сама и в итоге сломала руку, что стоило им трех недель; затем студия попыталась изменить концовку, но он боролся до конца и победил.

– Извини, – наконец сказал он, – я говорю такие скучные вещи, как будто никто никогда не снимал фильмов. Как дела?

– Хорошо. – Она проткнула оливку. – Вообще я намеревалась уговорить тебя снять кое-что для нас, но держу пари, что теперь, когда

ты знаменит, у тебя плотный график на много лет вперед. – Она склонила голову, поддразнивая его.

Он наклонился вперед и пристально посмотрел на нее.

– Рут, я с огромным удовольствием поработаю с тобой еще раз. Я беру перерыв на пару месяцев начиная со следующей недели, но после этого, помимо небольшой рекламной кампании фильма, я свободен. Что планируешь?

– У нас в разработке пилотный эпизод в современном сеттинге. С тобой это будет гарантированный успех. Умный, политический, очень актуальный – тебе понравится.

– Ты будешь продюсировать? – спросил Сэм.

– Не уверена. – Он нахмурился. – То есть да, вполне возможно. – Она уже много лет ничего не продюсировала.

– Мне бы хотелось снова поработать вместе, Рут, но как настоящая команда, а не как со старшим помощником, который периодически забегает на рабочие встречи.

Она рассказала ему о сценарии и своих идеях для кастинга. Через полтора года можно будет приступить к съемкам.

– Звучит здорово – пришли это все мне.

Они жадно ели, сплетничали и смеялись. Рут казалось, что она снова вошла в мир.

– Как Матильда? – спросила она, пока они ели овощной салат.

У Сэма была давняя подруга, с которой она встречалась пару раз, высококлассный ученый.

Он разгладил льняную скатерть.

– Мы взяли паузу, прошло шесть лет, и она хотела немного отдохнуть. Она сейчас в Австралии, на стажировке в Сиднейском университете.

Рут не удержалась.

– Вальсирует?

Сэм закатил глаза.

– Ты не первая об этом спрашиваешь. Вальс и приколы про ведьм сводят ее с ума. Она говорит, что Роальду Далю есть за что ответить.

– Ты скучаешь по ней?

– Честно говоря, меньше, чем я ожидал. Возможно, все пошло своим чередом. Тильда классная, но я не уверен, что готов еще и

к детям. Я так много хочу сделать, прежде чем домашняя жизнь окутает меня своими щупальцами.

– Например?

– Например, обедать в Мэйфэре с очаровательными продюсерами. – Сэм откинулся назад и оглядел ее. – Никак не могу привыкнуть к этой прическе.

Рут засмеялась.

– Все были совершенно сбиты с толку. Моя дочь не могла найти меня в кафе на прошлой неделе, сказала, что ей кажется, будто у нее больше нет мамы.

Они разделили тарт-татен и сошлись во мнении, что он великолепен: резкий вкус яблок, приглушенный маслянистой карамелью. Рут пыталась оплатить счет, но Сэм настаивал: у него все в порядке в финансовом отношении, и теперь его очередь.

– Какие планы на день? – спросил он, когда они вышли на яркий солнечный свет.

– Иду на вокзал, оттуда домой, читать сценарии.

– Я пойду с тобой, – сказал он. – Погода сегодня замечательная.

Они шли по Пикадилли, словно туристы в чужом городе, остановились посмотреть на часы “Фортнума”, когда они пробили час и появились две деревянные фигурки. Сэм взял ее за руку, затем нейтрализовал жест, спросив, как дела у девочек.

– У них все хорошо. Алекс в Калифорнии, а Лорен живет в Брокли со своим мужем.

– А Адам? Он, должно быть, уже стал верховным палачом.

Рут засмеялась.

– Вряд ли, но он подает заявку на должность окружного судьи.

– Но тебя-то он не смог справедливо осудить.

Удовольствие, потом тревога.

– Пожалуйста, забудь, что я сказал. – Она попыталась отдернуть руку, но он держал ее. Они шли по Грин-парку.

– Тебе одиноко, Рут?

Он говорил так тихо, что она могла бы проигнорировать его. Она попыталась сказать что-то яркое и твердое, чтобы отразить вторжение и поддержать надлежащую профессиональную дистанцию, но у нее перехватило горло.

– Адам бросил меня, – произнесла она наконец дрогнувшим голосом.

Он остановился и обнял ее, прижал к себе. Она почувствовала тяжесть его головы на своей. Позади слышались голоса, пение птиц и гул машин. Она была слабой от благодарности, что кто-то заметил ее, прикоснулся к ней, понравился ей. Сэм прошептал:

– Сценарии могут подождать. Пойдем со мной домой ненадолго. Мы можем поговорить там.

* * *

Его дом находился в Саутуорке: узкий, георгианский, с белеными половицами и картинами на каждой стене. Он сделал две крошечные чашки сладко-горького шоколада, и они сели рядом на диване в гостиной.

– Адам дурак, – сказал Сэм.

Рут покачала головой.

– Все не так, как ты думаешь.

– И как же я думаю? – улыбнулся он.

– Муж решил сменить жену средних лет на женщину помоложе?

– А он, значит, променял тебя на пожилого мужчину? Менее очевидная сюжетная линия.

– Я собираюсь родить ребенка.

Она наблюдала, как он обрабатывал информацию.

– Ребенка?

– Четыре с половиной месяца беременности.

Она обтянула живот туникой.

– А Адам не его отец?

Рут вздохнула.

– И да, и нет: это сложно.

Сэм слушал, широко открыв глаза, когда она рассказывала ему, что произошло.

– Он ушел, потому что не может находиться рядом со мной, – заключила она. – Он думает, что я очень плохой человек – возможно, небезосновательно.

– Нет, то, что ты делаешь, потрясающе, – ответил Сэм. – И ты прекрасно выглядишь.

Он смотрел на нее с таким искренним восхищением, что она решила не обращать внимания на то, что он не в состоянии понять происходящее.

– Это гормоны. Эффект немного похож на пластическую операцию, но без разрезов и синяков.

Он рассмеялся.

– Если бы такая история была в сценарии, я бы ее забраковал, потому что в нее невозможно поверить, но вот ты здесь и шикарно выглядишь даже беременная.

Она взглянула на Сэма, и пару секунд он смотрел ей прямо в глаза, а затем наклонился и поцеловал в губы. Рут почувствовала, как дернулась ожившая матка и таз расслабился.

Она обняла Сэма и поцеловала его в ответ. Когда они отстранились, чтобы перевести дыхание, он встал и закрыл окна деревянными ставнями. А потом опустился перед ней на колени.

– Можно я на тебя посмотрю? – спросил он.

Рут улыбнулась.

– Главное, чтобы никто не зашел.

– Я живу один, но для твоего спокойствия... – Сэм открыл дверь в коридор и вытащил два засова. – Так пойдет? – спросил он, стоя в дверях.

Рут встала, повернулась к нему спиной и сняла брюки, затем стянула тунику через голову. В комнате воцарилась тяжелая тишина. Она расстегнула бюстгальтер, и груди свободно упали. Сэм стоял позади нее, обхватив ее грудь, поглаживая живот и массируя ягодицы, и наслаждался прикосновениями к ее коже.

Он повернул ее к себе лицом, рассмотрел с ног до головы и спросил с причудливой формальностью:

– Пойдем наверх?

Она последовала за ним через несколько пролетов расписной лестницы, проходя мимо африканских масок и чучел животных, – в комнату с белыми стенами и кроватью с балдахином. Он закрыл ставни и сбросил с себя одежду с отработанной быстротой. Рут удивилась, увидев его пенис: насколько он был возбужден и напряжен.

Она опустилась спиной на кровать, и он снова поцеловал ее, постепенно спускаясь по телу вниз.

– А что это за бледная темноватая линия от пупка на животе?

– Это *linea nigra*, она появляется во время беременности, потом проходит.

Рут не узнала свой голос: низкий, гортанный и преисполненный желания.

– Похоже на очень сексуальную татуировку, – сказал Сэм и провел по ней пальцем, – которая указывает путь непосвященным.

Он опустил руки ниже и коснулся клитора, подраживая ее пальцами.

– Войди в меня, – умоляла она.

– Нет, пока нельзя, еще рано.

Сэм довел ее до оргазма прикосновениями и погрузил внутрь большой палец. Рут выгнулась, закричав от удовольствия и облегчения.

– Прости, – сказала она, придя в себя.

– За что? – спросил он, улыбнувшись и глядя ее по лицу.

– Что я так шумела. Было слишком приятно. Давно мне не было так хорошо...

– Я очень рад, миссис Фернивал, – сказал он и провел пальцем от ее подбородка до лобка.

Его член упирался ей в бедро. Рут попыталась взять его в рот, но он мягко отодвинул ее, и она взяла его в руки.

– Может, войдешь в меня? Я так этого хочу, – сказала она.

– Сначала анализы.

– Какие?

– На ЗППП.

Рут яростно отстранилась.

– Я тридцать лет была замужем за одним и тем же мужчиной, и в октябре меня проверили на все болячки перед ЭКО, я чиста!

Рут села на край кровати и принялась искать свою одежду, но вспомнила, что оставила ее внизу. Она чувствовала себя испорченной.

Сэм обнял ее.

– Ты не так меня поняла. У меня нет презерватива – со мной такое редко случается, но скажу в свое оправдание, я не ожидал, что он сегодня днем мне пригодится. Я уверен, что с тобой все в порядке, но

мне самому нужно сдать анализы, и я сделаю это завтра. Я не хочу подвергать вас с малышом риску.

Он положил руку ей на живот.

Рут ахнула. Ребенок! Как же она могла про него забыть. Она почувствовала укол вины и задрожала от ощущения, похожего на прикосновение ресниц к коже, глубоко внутри: как будто ребенок знал, словно он хотел ей что-то сказать, привлечь ее внимание.

Ее глаза наполнились слезами. Она накрыла рукой ладонь Сэма.

– Зашевелился! Первое движение!

– Я не почувствовал.

– Ну конечно, он же крошечный. Как сказала Лорен: размером с шарик артишока, поэтому всего его движения почти невозможно почувствовать, но они угадываются безошибочно, когда ощутишь их однажды. Как будто что-то внутри переворачивается.

– Может, это я его оживил? – спросил Сэм, прижавшись щекой к животу Рут, затем посмотрел на нее. – Как его зовут?

– Пока никак, надеюсь, узнаем пол на следующей неделе.

Он поцеловал Рут в живот, и она почувствовала колючую щетину.

– Флиппер, привет. Ты немного испугался? Слишком громкие крики и страшные конвульсии, да, малыш?

Сэм снова начал ее целовать. Рут хотела остановить его: она знала, что нужно сейчас же уйти, позвонить Лорен и рассказать, что почувствовала, как ребенок зашевелился, но она не могла себя заставить. Его руки разожгли чувства и ощущения, которые поблекли из-за рутины и привычности долгого брака. Рут снова становилась самой собой.

Следующие пять дней Рут каждые несколько минут проверяла свой телефон в надежде увидеть сообщение от Сэма, но они так и не приходили. В конце концов, она написала ему:

Привет, Сэм, это Рут.
У тебя все хорошо?

Он ответил через два дня, сразу после полуночи:

скоро получу анализы
но может быть долго
удачи сэм

“Удачи” звучало фальшиво: была ли эта фраза брошена агрессивно-случайно в расчете на то, чтобы уничтожить близость, которую они разделяли? Ей нужно было мнение со стороны, и ей хотелось спросить Шейлу, но она боялась показаться нелепой. В любом случае она, вероятно, слишком много вкладывала в это: Сэм был занят своим первым фильмом, а это значит: срочные звонки, изменения в последнюю минуту, люди, которых нужно успокоить и убедить. Ей удалось подождать с ответом до следующего утра:

Все в порядке!
Держи меня в курсе
надеюсь, все будет хорошо

Она была рада, что работы оказалось невпроворот. Белла попросила ее следить за “Куртизанкой”, которая сейчас находилась на стадии подготовки, и взять под свое крыло еще трех сценаристов, поэтому дни были заполнены встречами, а вечера – чтением сценариев. В субботу она пошла за покупками, потому что ее одежда начала ей жать. Она купила эластичные юбки, брюки и мешковатые туники, которые позволят ей продержаться в ближайшие несколько

месяцев, а также бюстгальтеры, способные удержать ее пышную грудь.

* * *

Лорен и Дэн отправились в Хаммерсмит на воскресный обед. Они были взволнованы, узнав, что ребенок начал шевелиться, и Лорен умоляла Рут рассказывать ей каждый раз, когда она что-то почувствует. Большую часть дня она просидела рядом с матерью на кухонном диване, положив руки на живот, в ожидании. Но ничего не было. Наблюдать со стороны за развитием беременности становилось все труднее. Лорен знала, что это неразумно, но она завидовала возрастающей физической близости между своей матерью и своим ребенком. Она попросила Рут заполнять ежедневную таблицу, записывая время и продолжительность каждого движения ребенка, и отправлять ее ей по электронной почте каждый вечер вместе с примечаниями, описывающими ощущения как можно точнее. Проснувшись на следующее утро, она размышляла над результатами, ища закономерности, отчаянно пытаясь представить, как же это ощущается.

Теперь, когда изменения в ее теле стали очевидны, Рут начала замечать взгляд соседей на улице, который задерживался на ее животе, и представляла, как они о ней судачат. Может, она в депрессии и переедает? (Ходили слухи, что Адам бросил ее.) Или заболела? (Хотя она выглядела лучше, чем когда-либо.) Или же...?! (Нет, конечно, невозможно, в ее-то возрасте?) Рут подсчитала, что у нее был еще месяц до того, как ее положение станет недвусмысленным, а тем временем решила оставить их мучиться в догадках и наслаждаться последними несколькими неделями флирта и шуток. В некоторые дни она была убеждена, что Сэм больше никогда не выйдет на связь, в другие дни ей казалось, что он это сделает. Ребенок внутри нее был каким-то образом замешан во всем этом – трепещущий свидетель их встречи. Флиппер. Ее сердце переполнилось радостью; погода стояла мягкая и теплая: она могла вообразить себя снова счастливой.

УЗИ на двадцатой неделе наконец-то дало ей шанс отвлечься. Она рано приехала в больницу и направилась в зал ожидания. Лорен и Дэн

прибыли, когда Рут уже вызывали, и очень волновались. Это называлось скринингом на аномалии, предназначенное для выявления серьезных проблем, таких как расщепление позвоночника, расщепление нёба и пороки сердца. Тогда же они могли узнать пол ребенка.

Ева, сонографистка, уже делала Рут УЗИ. Нанося гель на кожу, она спросила:

– Как чувствуете себя последние пару месяцев?

– Прекрасно, – сказала Рут. – Я чувствую себя прекрасно.

– Наслаждайтесь, пока есть возможность. Мало женщин, которые все еще говорят это в двадцать восемь недель. – Она глубоко погрузила зонд, и Рут ахнула. – Извините, я знаю, что это немного неприятно, но нужно, чтобы мне было хорошо видно, и, поскольку ребенок крупнее, сложнее получить правильный угол обзора.

Обследование заняло почти полчаса. Каждый раз, когда Ева останавливала картинку, хмурилась и проводила измерения, все трое сидели не дыша. На этот раз были видны только фрагменты тела плода, большинство из которых напоминало рентгеновские снимки птиц: костлявые, угловатые и неразборчивые. Наконец Ева отодвинула стул и посмотрела на них.

– Не вижу никаких признаков отклонений – все структуры и размеры, кажется, в порядке.

– Слава богу, – сказала Лорен. – А вы можете сказать, какой пол?

– Вы точно хотите знать?

Лорен и Дэн кивнули.

Ева улыбнулась.

– У меня есть подозрения. – Она снова надавила зондом на живот Рут.

– Что вы ищете? – спросил Дэн, наклоняясь вперед.

– С мальчиками проще – ищем маленький член или большие яички. У девочек, если гениталии видны, они немного похожи на перевернутый набок гамбургер.

– Эта толстая штука, торчащая из живота, пенис? – спросила Лорен.

– Нет, это пуповина, но вот тут пониже, – Ева остановила экран и переместила курсор к крошечной белой линии, – очень похоже. И

я считаю, что это яички. – Она усмехнулась им. – Он из синей команды.

Рут прижала пальцы к уголкам глаз.

– Мальчик, – сказал Дэн.

Они с Лорен ошеломленно переглянулись.

“Они все еще не до конца верят, что этот ребенок может появиться на свет”, – подумала Рут.

* * *

Она шла к метро как в тумане. Мальчик, плавающий внутри нее. Она почему-то с самого начала предполагала, что это будет еще одна девочка. После того как родились Лорен и Алекс, она представляла, что у нее обязательно будет сын: веселый, красивый и ласковый, который будет играть в футбол и строить замки из “Лего”. Но этого не произошло, и годами она оплакивала его отсутствие. Даже сейчас она почувствовала укол зависти, когда увидела Шейлу с сыновьями, опирающуюся на тех мужчин, которых она родила. Теперь наконец она собиралась родить мальчика, но никогда не станет его матерью. Это какое-то наказание?

Она почувствовала, будто что-то переворачивается внутри – это внутри нее двигался ребенок, и она была так тронута мыслью о нем – он делит с ней кровоснабжение, слышит ее голос, осознает каждое ее движение, – что она остановилась посреди тротуара. Она была не из тех, кто разговаривает с животными или зародышами, и удивилась собственному голосу.

– Мальчик мой! Как у тебя там дела?

Она оглянулась, не заметил ли кто, что она говорит вслух, но никто не обратил на нее внимания. Она снова включила телефон и проверила сообщения. Белла просила ее перезвонить как можно скорее, чтобы обсудить встречу с “Нетфликсом”; Шейла предлагала встретиться за обедом на следующей неделе; сантехнику нужно двести фунтов наличными.

Ничего от Сэма.

* * *

В тот вечер Лорен пришла в квартиру Адама и сказала ему, что у него будет внук. Он смахнул слезу, глядя на распечатку снимка, и спросил, как дела у Рут. Лорен поняла, что впервые с тех пор, как он переехал, он при ней произнес имя ее матери.

– Полпути позади, живот растет. Все в порядке, но врачи и акушерки предупредили нас, что следующие несколько месяцев будет тяжело. Ей понадобятся наша помощь и поддержка.

Адам смотрел в окно на нарциссы в саду под окнами.

– Всех нас, пап.

Тишина.

Она взяла его за руку и тихо сказала:

– Прошло почти два месяца, и ты уже дал ей все понять. Пожалуйста, возвращайся домой. Мама безмерно сожалеет, и мы все хотим, чтобы ты вернулся, чтобы мы снова могли стать настоящей семьей.

Она увидела, как Адам сглотнул, затем он похлопал ее по руке и сказал, что свяжется с ее матерью, непременно.

* * *

Через несколько дней он позвонил Рут. Она уловила момент, когда он закончил набирать номер, как будто ожидала звонка. Она казалась взволнованной – он предположил, что это гормоны.

– Что случилось, Адам? – Голос ее звучал враждебно.

– Я просто хочу поговорить. Я чувствую себя не в своей тарелке, и мне хотелось знать, что происходит, как дела, вот и все. – Он пытался показать беспокойство, но Рут почувствовала обиду в его тоне.

– Просто прекрасно, спасибо, – ответила она, усмехнувшись.

“Смеется надо мной”, – подумал Адам.

– Что ж, если тебе когда-нибудь понадобится помощь или поддержка, я надеюсь, ты знаешь, что можешь обратиться ко мне, – сухо сказал он. – В любое время.

Рут обидела его снисходительность, но она чувствовала себя виноватой из-за Сэма, несмотря на то что, как она напомнила себе, именно Адам бросил ее: она ничего ему не должна.

– Это очень мило, но я прекрасно справляюсь сама. Лорен и Дэн молодцы, они помогают мне со всем, с чем я не могу справиться. А Алекс приезжала в гости несколько недель назад.

– Я знаю, я тоже с ней виделся, – сказал Адам. Он попробовал другой прием. – Хорошо бы наконец иметь в семье мальчика, чтобы сравнять счет, а?

“Он нарочно меня подкалывает?” – недоумевала Рут.

– Откровенно говоря, это болезненное напоминание о том, как я сама все эти годы хотела сына.

Адам вздохнул, она снова набирала очки.

– Рут, не начинай, а?

– Спасибо за заботу, Адам.

Она положила трубку.

* * *

Алекс позвонила, когда Рут ложилась спать. После приезда в гости она выходила с мамой на связь каждые пару дней и узнавала о ее самочувствии. Сегодня Алекс обедала за рабочим столом и разговаривала, держа в руках палочки для еды.

– Я так понимаю, папа предложил мир, а ты отказалась?

– Это он тебе так сказал?

– Не мне. Лорен знала, что он собирался позвонить тебе, и спросила его, как все прошло. По его словам, ты дала понять, что не заинтересована в примирении.

– Так и сказал? – Алекс набрала в рот еды и не могла ответить, поэтому энергично кивнула. – Тогда он явно говорит про какой-то другой разговор. – Рут почувствовала, как давление начало повышаться – это плохо для ребенка. – Давай сменим тему. Как прошло свидание номер четыре с Карлом? Я волновалась.

– Хм, мам, он оказался немного странным. – Алекс проткнула два куска тофу. – Мы посмотрели фильм, и он пригласил меня к себе. Дом вполне ничего, но как же воняло собачатиной – она спит с ним прямо в кровати. Каждую ночь. Когда я отказалась остаться, он сказал, что у меня в профиле написано о любви к животным, и назвал меня лицемеркой. Так что я снова погрузилась в работу. У тебя как дела?

Рут очень хотелось рассказать Алекс о своей встрече с Сэмом и своих сексуальных похождениях: она точно знает, как расшифровать его сообщения, и смогла бы посоветовать тактику. Вместо этого она сказала:

– Чувствую себя прекрасно, – и почувствовала, что краснеет.

– И на вид тоже, – сказала Алекс. – Мне было интересно наблюдать за тобой последние несколько месяцев, потому что ты похожа на своего рода путешественника во времени. Ты перешла от менопаузы обратно к полноценной фертильности, а после родов, вероятно, вернешься обратно. Ты перешагнула очень много границ. Каково это – жить за пределами зоны комфорта?

Рут ответила, что чувствует огромную мощь и силу: кажется, будто ей все по плечу. Как будто бросаешь вызов гравитации – даже смерти – в том смысле, что менопауза лишила ее способности производить жизнь, но теперь она ее себе вернула.

– Я считаю, что однажды каждая женщина сможет делать то, что ты делаешь сейчас, – вечно оставаться фертильной и иметь детей, когда ей нужно. Будет здорово.

Рут помассировала живот и улыбнулась.

– Как думаешь, может, предложить им родить еще одного?

Алекс засмеялась.

– Просто чтобы ты еще немного побыла в форме?

– Нет, потому что иметь брата или сестру здорово, тебе ли не знать.

– И ты считаешь, что сможешь мириться с правилами Лорен во время следующей беременности?

– Если в этот раз все будет хорошо, она будет уверена, что я справлюсь, и, надеюсь, во второй раз сможет расслабиться. – Рут посмотрела на часы. – Кстати, я три дня не заполняла таблицу, и она уже сводит меня с ума бесконечными напоминаниями. Так что пойду-ка я, надо отправить, пока она не начала меня пилить.

– Вообще, – сказала Алекс, – не знаю, заметила ли ты, но если бы Лорен выносила своего ребенка, он родился бы в следующий четверг. Ей сейчас очень грустно и тяжело. Так что, может быть, простишь ей ее назойливость?

– Конечно. Спасибо, что напомнила. – Рут почувствовала укол вины.

Оставив надежду снова получить весточку от Сэма, Рут начала воспринимать их встречу как дурацкий анекдот: женщина теряет ум, но вдруг понимает, что друг ее оставил до постельной сцены, которой она столь искренне желала. Как вдруг пришло еще одно ночное сообщение:

Я чист
пообедаем завтра?

Душа Рут воспарила. Она знала, что стоит пококетничать, но это мог быть ее единственный шанс. Стараясь изобразить немного удивленный, но не слишком заинтересованный тон, она написала:

а ты уже придумал где?

Он ответил:

у меня в час

Она готовилась к встрече, как новобрачная: сделала эпиляцию ног и подмышек, намазала шею, локти и колени своим самым дорогим лосьоном для тела, отшлифовала пятки и покрыла лаком ногти на ногах. Осознавая, что предаёт постулаты феминизма, она подстригла волосы на лобке – Лорен однажды упомянула, что оставлять их в наши дни немодно и естественный вид отталкивает мужчин, а Рут в ответ прочитала целую лекцию о том, как она осуждает такие взгляды. Но новая Рут, которая стала мудрее, грубее и непослушнее, теперь молчала, заглушенная шумом гормонов. Купленное по случаю струящееся платье до щиколотки идеально замаскирует довольно заметный живот.

Ее сердце колотилось, когда она звонила в дверь.

Домофон затрещал в ответ:

– Миссис Фернивал?

От его голоса внутри все сжалось, но форма обращения неприятно задела.

– Сэм, это Рут.

– Ах, да. – Он рассмеялся, нажимая кнопку на домофоне. – Заходи.

Она прошла мимо гостиной, спустилась на четыре ступеньки и попала в длинную узкую кухню. Сэм стоял спиной к раковине. Босой, в светло-серой льняной рубашке и джинсах. Он экстравагантно поклонился, затем наклонился вперед и очень нежно поцеловал ее в губы.

– Я думал, выглядеть еще шикарнее невозможно. Ну прямо спелый персик. – Он обхватил ее грудь и провел руками по животу. – Боже мой, я и понятия не имел, что беременность может так возбуждать. Я вас накормлю, а потом трахну, миссис Фернивал. Вы не против?

Он побывал на рынке Боро-маркет, и кухонный стол был полон продуктов: пармская ветчина, французские сыры, ореховый хлеб, салат из жареных овощей с оливковым маслом и бальзамическим уксусом. Они сели друг напротив друга и жадно ели. В голове зазвучал далекий голос, тревожный и назойливый: “Никакого сыра с плесенью и копченой колбасы!” Но внутри этого восхитительно трансгрессивного пузыря она была другим человеком: это не в счет. Когда она закончила, Сэм принес блюдо с жирным черным инжиром и разрезал его, чтобы она могла высосать малиновую мякоть. Ее тело дрожало от возбуждения, то, что осталось от разума, было омрачено подозрением, что он распланировал все, как сцену в одном из своих фильмов. Затем он провел ступней по внутренней стороне ее ноги и медленно запустил ее под платье, пока не достиг бедер. Рут позволила бедрам раскрыться и прижалась к его ноге. Она перестала думать.

– Ты все? – Сэм прижал салфетку к ее губам.

– Я хочу тебя. Пожалуйста.

– Ну, если ты настаиваешь.

Он взял ее за руку и повел наверх, затем снял с нее одежду и уложил на кровать. Из-под полуопущенных ресниц Рут наблюдала, как

он раздевается. На сильном и подтянутом теле еще не было никаких признаков старения и увядания. Она несомненно возбуждала его. Он стоял и смотрел на нее.

– Твои соски набухли, а фирменная татуировка беременной потемнела, как будто ее перебили заново.

Он поцеловал ее грудь, провел языком по темной линии и коснулся клитора.

– Войди в меня.

Он снова встал на колени, положил руки ей под ягодицы, затем поднял ее и вошел резко и глубоко. Он ритмично раскачивался над ней до оргазма, затем упал на нее. Рут прижалась к нему тазом и принялась покачиваться на полувозбужденном пенисе, пока не впала в транс.

Когда она открыла глаза, он опирался на локоть и пристально смотрел на нее.

– Как тебе?

– Прекрасно. – Она улыбнулась ему. – А тебе?

Он кивнул.

– Ты как богиня плодородия. – Он погладил ее живот. – А малыш Флиппер все еще внутри, ждет, когда начнется его или ее жизнь.

– Его жизнь, – уточнила Рут. – Это мальчик – нам сказали на УЗИ две недели назад.

Сэм приложил ухо к ее животику.

– Как у тебя дела, приятель? Извини за стук. – Он повернулся и подмигнул Рут, довольный своим ужасным каламбуром.

Она не могла придумать ответа. Сэм зевнул, перекинул через нее руку и ногу и заснул; Рут лежала на спине и задремала: она чувствовала себя спокойной и уверенной в себе. Она погладила его густые черные кудри и посмотрела на пересечение их тел: его оливковые конечности и ее бледный торс под ними, залитые солнечным светом, пробивающимся сквозь муслиновую штору. Казалось, что его молодая плоть возрождает ее увядающую. Она потянулась и зевнула: полноценный секс после столь долгого его отсутствия будто вернул ей источник энергии. Все суставы и мышцы расслабились и налились приятным теплом. Ребенок начал трепетать внутри нее, и она заговорщицки улыбнулась.

– Знаю-знаю, – прошептала Рут и начала массировать живот медленными круговыми движениями, чтобы успокоить малыша. – Все

в порядке, не о чем беспокоиться, но не будем упоминать об этом, хорошо?

Она представила, как на лицах Лорен и Дэниела появляется гримаса недоверия, смешанного с отвращением, при мысли о незнакомце, вторгшемся в охраняемый ею сосуд. Но в этом не было ничего плохого; это было естественно, даже полезно.

На первом этаже хлопнула дверь, и дом задрожал. Рут в тревоге открыла глаза, затаила дыхание и прислушалась: тишина и шум транспорта – ничего больше. Должно быть, соседи – в георгианских домах такие узкие террасы, что любой шум разносится по всем квартирам. Она подождала еще несколько секунд, затем глубоко вздохнула и снова позволила себе расслабиться. Ей было нечего стыдиться: это даже не прелюбодеяние – Адам расторг их брак своим отъездом, – это был секс между взрослыми, добровольный и желанный. Ни додумок, ни обид, ни шрамов. Она повернулась на бок и зарылась спиной в тепло тела Сэма.

Вдруг раздался безошибочный стук ботинка по деревянной лестнице. И еще один. Рут замерла. Медленные тяжелые шаги. Лестница закрипела в другом ритме: размеренные тихие поскрипывания. Громче, ближе. Он не запер дверь. Что-то рухнуло на землю в нескольких футах от них, затем дверь спальни со скрипом открылась, и комнату залил свет. Сэм пошевелился. Рут лежала совершенно неподвижно, уткнувшись лицом в подушку, как ребенок, притворяющийся невидимкой: ее здесь не было, это в ее планы не входило. Она почувствовала, как Сэм отодвинулся от нее и как сдвинулся матрас, когда он сел.

– Тильда?

– Сэм! – женский голос, напряженный и торжествующий. Долгая пауза. – Я вижу, у нас гостя. Мог бы нас и познакомить.

– Что ты здесь делаешь?.. Я понятия не имел, что ты вернулась.

Шаги со стороны кровати Рут.

– Тогда мне придется представиться самой.

Рут открыла глаза. Рядом с ней сидела молодая женщина с вьющимися рыжими волосами, на бледном лице – гримаса отвращения.

– Рут Фернивал, не так ли? Мы виделись один раз, на показе. Тогда вы были полностью одетая и намного худее.

– Да, – без надобности сказала Рут.

– Знаменитая сцена соблазнения Сэма Тернера. – Женщина поджала губы и приподняла брови. – “Я тебя накормлю, а потом и оттрахаю”.

Она изумленно открыла рот, повернулась, чтобы посмотреть на Сэма, но он не встретился с ней взглядом.

– Вы не первая, и я сомневаюсь, что последняя. – Матильда вздохнула и встала. – Но, эй, во всем есть плюсы – мне не нужно какое-то время ходить за продуктами. – Она посмотрела на Сэма. – На пару слов. Внизу.

Они исчезли.

В комнате было холодно и омерзительно тихо. Рут молилась, чтобы она умерла сейчас, и поскорее. Она пошла в ванную и умылась, затем оделась. В гостиной внизу кричали Сэм и Матильда, она слышала каждое слово.

– Что, черт возьми, ты вообще здесь делаешь?! Ты не говорила, что вернешься!

– Я хотела сделать тебе сюрприз! Я по глупости подумала, что тебе будет приятно меня видеть! Вместо этого я возвращаюсь разбитой после двадцати двух часов полета и нахожу тебя в моей постели с беременной старухой!

– Потихе.

– Да она уже поди такая старая, что не слышит. Когда ты сказал, что она вынашивает ребенка для своей дочери и ты хочешь с ней как-нибудь поработать, я и представить себе не могла, что в описание должности включен гериатрический секс. Вот какая я наивная! Ты опять! Снова! Что с тобой не так, Сэм?!

– Я думал, что между нами все кончено.

– Теперь-то уж точно!

– Послушай, ты устала и слишком остро реагируешь, мы уже через это проходили...

– Иди наверх сейчас же и скажи ей, чтобы она оделась и вышла. Потом поменяй простыни. Уходи с ней, если хочешь, мне плевать. Мне нужно поспать.

Рут прокралась вниз, открыла дверь и вышла.

Обследование на двадцать четвертой неделе. Рут сидела над пластиковой баночкой в женском туалете клиники и занималась, как говорили акушерки, “сбором мочи на анализ”, когда у нее зазвонил телефон. Она притянула к себе сумку по полу и посмотрела на экран: Сэм.

Мочеиспускание прекратилось, и сердце заколотилось сильнее. Она заставила себя прочитать сообщение:

прости, что пропал
матильда хочет, чтобы мы еще раз попробовали завести
ребенка!
чувствую, что я в долгу перед ней
удачи тебе и флипперу

целую, сэм

Противный текст без заглавных букв. Неужели они смеялись над ней, и Матильда продиктовала ему это сообщение? Хотелось сжечь телефон, все сжечь, а самой успокоиться.

Рут закончила мочиться, потянулась к тазу и поднялась, но колени заболели, и она на секунду потеряла равновесие. Левая нога споткнулась о баночку и опрокинула ее; три четверти литра теплой мочи вылилось на кафельный пол, залило туфли, штаны и кожаную сумочку. Она бросила на пол бумажные полотенца, чтобы убрать беспорядок, и ополоснула сумку под струей холодной воды. Рут посмотрелась в зеркало, и собственное лицо с близкого расстояния показалось ей незнакомым: опухшее, покрытое пятнами и постепенно опадающее. “Беременная старуха”.

Лорен ждала ее в коридоре и заметно волновалась.

– Крови нет?

Рут покачала головой.

– Нет, малыш в порядке, не волнуйся.

– Тебя давно вызвали, и я сказала, что ты скоро выйдешь, поэтому пойдем сразу в кабинет. Длинная очередь?

– Я умудрилась вылить на себя всю мочу, пришлось убрать. Перед следующим сбором анализа надо подождать. Я выпила много воды, но

нужно время. – Она начала плакать и отвернулась от Лорен. – Извини, дорогая, у меня плохой день.

Лорен обняла мать.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросила она с заботой и тревогой.

Рут отстранилась, упорно вытирая глаза.

– Все хорошо, я в порядке. Но скажи честно, я пахну мочой?

* * *

На несколько недель Рут залегла на дно. Она каждый день ходила в офис и обратно, но избегала театров, кинотеатров и ресторанов, потому что была убеждена, что станет героиней шуток про беременных бабушек по всему Лондону. Потом птичка принесла на хвосте, что Сэм и Матильда официально снова вместе, и она поняла, что они не собираются сплетничать: если история станет достоянием общественности, им есть что терять, как и ей. Каждый раз, когда она думала о полном провале, в ушах звенела фраза из “Дублинцев”, заученная наизусть в школе: “Я увидел себя, существо, влекомое тщеславием и посрамленное, и глаза мне обожгло обидой и гневом”^[1]. В шестнадцать лет ее смысл ускользнул от нее; а теперь, казалось, эти слова подчеркивали позорную бессмысленность ее попытки отбросить свой возраст. Она выставила себя душой и предала доверие Лорен, потому что забыла о ребенке и не сосредоточилась на его благополучии. Ей нужно было помириться с ними обоими.

В один из выходных солнце впервые за несколько месяцев выманило ее в сад за домом. Погода была необычайно теплая для начала мая: цвела пурпурная сирень, а в воздухе пахло зеленью. Без Адама сад зарос: клумбы превратились в джунгли, между брусчаткой на террасе торчали сорняки, а кусты беспорядочно разрастались. С этим нужно было что-то делать. Она открыла дверь сарая: все внутри было в гирляндах паутины, но в остальном помещение выглядело так же, как раньше: инструменты на прежних местах, его старая зеленая куртка за дверью и резиновые сапоги, свисающие вверх ногами. Она схватила секатор и вилы и принялась за работу: выплескивая гнев, обрезала ветки, выдергивая сорняки вокруг ежевики и срывая плющ. Шипы впивались ей в кожу, и она смотрела, как на запястьях

проступают капельки крови. Боль принесла облегчение, разорвав пузырь разочарования и ненависти к себе, который раздулся у нее внутри. К вечеру оба садовых контейнера для мусора наполнились до краев, а руки были похожи на судебно-медицинские фотографии женщин, переживших насилие. Уставшая до изнеможения, она сняла грязную куртку, заварила чай и легла на диван в кухне.

Как только ей удалось расслабиться, ребенок внутри зашевелился и в течение нескольких минут напоминал ей о своем присутствии. Рут засмеялась и погладила живот.

– Здравствуй, – сказала она, – я знаю, что ты там, смотришь и ждешь; ничто не ускользнет от тебя, да? Прости, любовь моя, две или три недели назад я немного сошла с ума, а потом мне было очень грустно, и я слишком надолго позабыла о тебе, да? – Она принялась потирать живот, будто хотела его согреть. – Сэм оказался плохим, не стоило подпускать его к нам. Не знаю, что на меня нашло, но обещаю, это больше не повторится. Ты у меня в целости и сохранности, и с этого момента для меня нет никого и ничего важнее тебя. – Она разгладила складки на тунике и вынула шипы и занозы, застрявшие в ткани на подоле. – Только давай не будем рассказывать Лорен о том, что произошло, потому что она не поймет, ладно? Пусть будет наш секрет – только твой и мой.

Рут оглядела сад. Если бы Адам был рядом, он был бы приятно удивлен той работой, которую проделала Рут. Она сфотографировала плоды своего труда и хотела было отправить ему, но потом вспомнила свой краткий ответ, когда он позвонил несколько недель назад. Он пытался с ней помириться, теперь было ясно, но ее ослепили похоть и эгоизм; она пожалела, что не ответила ласково. Рут хотела, чтобы он вернулся, слонялся по дому в носках, играл на пианино старые песни, кричал, чтобы спросить, не хочет ли она кофе. Обнимал ее. Ей очень хотелось пригласить его на ужин и предложить им попробовать все исправить, но история с Сэмом подорвала ее уверенность.

* * *

На седьмом месяце Рут начала ослабевать, большую часть энергии забирала работа: по вечерам она возвращалась домой и почти

сразу ложилась спать. Живот рос, ощущения юности и легкости второго триместра испарились; взглянув в зеркало, она с удивлением обнаружила в отражении опухшее и изможденное лицо. Как и предсказывал Адам, она стала посмешищем, и это было неприятно. На улице и в метро посторонние скользили взглядами по ее животу; более смелые спрашивали дорогу, а затем интересовались, на каком она месяце. Иногда она представляла, что Адам идет рядом, высокий и невозмутимый, обнимает ее за плечи и смиряет зевак презрительным взглядом. Гордый и стойкий, он всем видом показывал бы, что она героиня, и успокаивал ее, что это скоро пройдет.

Она жила в уединении. Лорен ходила с ней на осмотры, они с Дэном приходили каждые выходные, но большую часть своего свободного времени она тратила на чтение или пение и разговоры с младенцем. Когда однажды воскресным утром Шейла позвонила и спросила, можно ли ей зайти, Рут засмеялась и сказала, что, возможно, в ее плотном графике найдется для нее пара часов. Шейле было явно не смешно, и ее голос звучал напряженно. Она сказала, что приедет немедленно, одна. “Неужели проблемы с Саймоном?” – недоумевала Рут. Их отношения всегда казались прочными, но кто знает, что скрывает брак?

Когда она приехала, Рут заботливо задавала ей вопросы, но Шейла в ответ только спрашивала то же самое.

– Я хочу поговорить о тебе. – Шейла уставилась на живот Рут. – Теперь ты как корабль на всех парусах.

Рут скривилась.

– Не то слово, а ждать еще недели и недели.

– Я писала тебе несколько раз, но в последнее время ты не заходишь в сеть.

– Да, было немного не до этого.

– Неудивительно, учитывая обстоятельства.

– Это не из-за беременности, – сказала Рут. – По правде говоря, у меня был короткий страстный роман с мужчиной на двадцать лет моложе меня, который закончился при унижительных обстоятельствах.

– Ничего себе! Ужас! – Лицо Шейлы выразило шок, трепет и любопытство, быстро сменяющие друг друга, затем она сказала: – Надеюсь, хоть в процессе было весело?

– Не хочу об этом говорить, – твердо отрезала Рут. – Это была колоссальная ошибка, и я пытаюсь притвориться, что этого никогда не было. Но да, – она улыбнулась Шейле, – в процессе было классно.

– Можно один похабный вопрос?

– Смотря какой.

– Секс...

– М-м-м?

– Сильно отличался от... ну... обычного?

– Обычного – в смысле в тридцатилетнем браке с одним и тем же женщиной?

Шейла кивнула.

– Не то слово, – сказала Рут.

– В хорошем смысле?

– В тот момент было потрясающе. Но я была похожа на очень одинокого подростка в управляемом гормонами трансе – думаю, я прыгнула бы в постель к любому, кто проявил бы хоть малейший интерес. Когда все закончилось, я отчаянно скучала по нему пару недель, а потом эта версия меня как будто испарилась. Итак, ответу на твой вопрос: технически потрясающе, но эмоционально пусто. Хотя очень интересно.

Они хихикнули и внезапно стали все теми же корнуолльскими девчонками, которые делятся друг с другом историями и обсуждают подробности. Опустив некоторые детали, Рут поведала Шейле о свидании и развязке, и ее рассказ оказался смешным, но не менее унижительным. Она смахнула слезинки с глаз и сказала:

– Давно я так не смеялась! Приходи почаще.

– Можем запланировать один или два выхода в свет, если тебя это не слишком утомит. – Шейла остановилась. – Кстати, я хотела сказать кое-что.

Рут перестала смеяться, услышав перемену в тоне ее голоса.

– Что? – спросила она, неожиданно для себя прислушиваясь к каждому звуку в комнате – часы, посудомоечная машина, далекий гул самолета, позвякивание металлических браслетов, которые Шейла крутила на запястье.

– Я думала, что ты расстроишься, но, учитывая то, что ты только что сказала, я, вероятно, ошиблась.

– Расстроюсь из-за чего?

– Вчера вечером мы с Саймоном пошли в “Альгамбру” посмотреть “Парни и куколки”, наши места были на первом ряду балкона с видом на партер. Прежде чем погас свет, мы заметили Адама, он сидел прямо под нами. А рядом с ним – та женщина, с которой он работает, – мы встречались с ней здесь на вечеринках, высокая блондинка...

– Эмили, – сказала Рут. Сердце вдруг бешено заколотилось, стало трудно дышать. Как она раньше не догадалась?

– Да, – сказала Шейла. – Я не спала почти всю ночь, размышляя, стоит ли говорить тебе, но я не хотела, чтобы ты услышала это от кого-то другого, потому что они были... Ну, они выглядели как пара. Саймон тоже так подумал.

Лицо Рут казалось непроницаемым.

– “Парни и куколки”, говоришь?

– Да. – Шейла облегченно выдохнула. – Прости, что напоминаю о нем, тебе, наверное, плевать, что там с Адамом...

По лицу Рут потекли слезы, и она начала раскачиваться взад и вперед.

– Нет, нет, нет. Я этого не вынесу.

* * *

Рут всю ночь мучилась без сна. Она представляла Адама в постели с Эмили: он хочет ее, гладит ее, входит в нее. Голова Эмили покоится в теплой впадине под его ключицей, они пытаются отдышаться после бурного секса. Его рука обнимет Эмили за плечи. Он держит ее грудь, смотрит ей в глаза и притягивает к себе. Все физические воспоминания, которые они с Адамом накопили вместе – год за годом, кожа к коже, и радость, и печаль – теперь уничтожены более упругой, молодой и волнующей плотью Эмили. Они уничтожили ее.

Но к чему ее удивление и гнев? Если был Сэм, то почему бы не быть Эмили? У Адама больше причин. Это она его вышвырнула. Нечего теперь жаловаться. Все эти годы исчезли, безвозвратно. Он разыграл свою последнюю карту, ту, которую держал ближе всего к груди. Она не придавала ему значения, предполагала, что он всегда

будет рядом, на периферии ее зрения, надежным, предсказуемым, преданным. Она никогда не думала, что он уйдет навсегда. Без него она рухнет, развалится. Теперь нет ничего, некого винить, некого утешать.

А теперь залезай под одеялко, девочка моя, и засыпай.

Теперь ты сама по себе и совсем никому не нужна.

Часть пятая

Роды

На следующий день Рут пригласила Лорен пообедать в кафе в Сомерсет-хаусе. Когда она пришла, Рут уже сидела за столиком в нише; Лорен обняла мать, встала рядом с ней и приложила руки к животу, стараясь почувствовать движение.

– Кажется, заснул, – через некоторое время сказала Рут. – Пока я была в офисе, он чуть ли не кувыркался. – Она неловко поерзала на стуле. – Может, немного отдохнем? У меня судорога в правой ноге.

– Мне повезло, похоже, он успокаивается, когда я рядом. – Лорен села. – Спасибо, что присылаешь видео с его акробатическими трюками и что так часто ему поешь. Я готова номинировать тебя на премию “Лучшая в мире суррогатная мать”.

Рут выдавила улыбку.

– Мам, все хорошо? Ты что, нервничаешь?

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

Лорен застыла.

– Что-то с ребенком? Или с тобой?

– Нет-нет, ни то, ни другое. – Плакать нельзя. – Я хочу, чтобы ты услышала это от меня, а не из вереницы слухов, которые уже явно поползли. Алекс я позвоню, когда она проснется.

Рут замолчала.

– Мама, ты меня пугаешь. Пожалуйста, говори.

Она вздохнула.

– Думаю, ты вряд ли удивишься, учитывая все события последних месяцев. – Она почувствовала себя диктором на радио в конце долгой смены, которой приходится читать очень скучную сводку новостей и не терпится с ней покончить как можно скорее. – У твоего отца роман. С Эмили Салливан, – ее голос сорвался на последнем слоге.

Лорен покачала головой.

– Нет, не может быть. С чего ты вообще?.. – Затем она вспомнила слова Алекс и то, как она от них отмахнулась.

– Шейла и Саймон видели их вместе, по ее словам, они выглядели... Как пара.

Лорен поморщилась.

– Это моя вина.

– Я не имею права расстраиваться, тем более что он переехал четыре месяца назад, но почему-то... – Ее голос снова сорвался. – Я не могу этого вынести.

– Зачем ему это?

Взгляд Рут как бы говорил: “Это же очевидно”.

– Да брось. Он красивый мужчина средних лет, он мечется между бывшей женой и коллегой на двадцать лет моложе, которая его обожает. Добавь суррогатное материнство и подделку подписи, и выбор очевиден. Лесть, азарт, секс... – Она осеклась. – В конце концов, мы не святые.

– Ты святая, мама. А это мерзко. Ты правда не заслужила такого отношения – надеюсь, ты это понимаешь.

Рут очень хотелось рассказать ей о Сэме, но она решила, что лучше быть на пьедестале, чем на кушетке у психиатра.

– Даже если отбросить все остальное, история банальная. Эмили всего на пару лет старше меня. – Лорен с отвращением поморщилась. – И как же тщательно он это скрывал! Я была в его квартире много раз, но ее там никогда не было, и ничего даже не намекало на ее присутствие.

– О, поверь мне, твой отец только кажется простачком, когда ему это выгодно.

– Что ты имеешь в виду?

Рут покачала головой: какой смысл ворошить останки их брака.

– Мам, перестань! Нельзя вот так бросаться словами и потом ничего не объяснять. Я хочу знать!

Жалость к себе боролась с материнской осмотрительностью и победила.

– Я была примерно твоего возраста, однажды пришла домой с работы и застала Адама в постели. Он был в больнице и сделал вазэктомию. – Она замолчала, вновь переживая шок. – Просто так. Без обсуждения. Без предупреждения. Я планировала завести еще хотя бы одного ребенка, может быть, двух.

– Ужас! – выдохнула Лорен, и ее глаза наполнились слезами сочувствия.

Рут показалось, что она одновременно оправдана и виновна.

– Да, это был худший момент в моей жизни. – Она замолчала и задумалась. – До вчерашнего дня.

* * *

В квартире Адама валялись книги, скомканная одежда, бумаги и невымытые кружки. “У голубков явно есть дела поважнее уборки”, – кисло ухмыльнулась про себя Лорен, вешая куртку. Она обыскала гардероб в поисках следов Эмили, но нашла только пальто и шарфы Адама; она понюхала их, но аромата духов не было, только знакомый запах ее отца. Вот ведь какие осторожные!

Адам приготовил кофе, и они сели друг напротив друга на коричневые кожаные диваны у камина. Лорен не могла скрыть напряжения: по ее отсутствующему взгляду Адам понял, что что-то не так.

– Все в порядке? – осторожно спросил он. – С ребенком и вообще?

– Да, – сухо ответила Лорен. – С мамой тоже все в порядке, учитывая обстоятельства. Если вдруг тебе интересно.

– В смысле? Что случилось? – Адам схватился за сердце.

– Пап, не притворяйся, что тебе не все равно.

– Странно такое слышать. Конечно, мне не все равно!

Лорен закатила глаза, затем отвернулась, чтобы не смотреть на него.

– Хорошо, в чем дело? – Адам развел руками. – Ты ведешь себя так, словно я какой-то преступник.

Лорен медленно повернулась: ее взгляд говорил, что необходимостью объяснять он причинил ей еще больше боли.

– Я знаю о твоём романе с Эмили. Ясно? И я ужасно расстроена, потому что очень надеялась, что ты поддержишь маму, по крайней мере, еще несколько месяцев – как минимум ради моего ребенка. Ты подождать не мог?

Адам прищурился.

– О чем ты вообще говоришь?

– Ты собираешься это отрицать?

Он наклонился вперед и пристально посмотрел на нее.

– Лорен, послушай внимательно. У меня нет романа ни с Эмили, ни с кем-либо еще, – его голос звучал спокойно и сухо. – Понятно?

– Но мама сказала, что есть, вчера она сказала нам обеим... – Лорен смутилась и замолчала.

– Позволь спросить, на основании чего она сделала такой вывод?

– Саймон и Шейла видели вас в субботу в театре... – Лорен покраснела. – Как пару – мама сказала, что так выразилась Шейла.

Адам вздохнул, подошел и сел рядом с Лорен.

– У твоей матери всегда было богатое воображение. – Он обнял ее за плечи. – Мы с Эмили коллеги и друзья. Мы оба сами по себе, поэтому иногда вместе ходим в театр или кино. Но у нас нет отношений.

– И ты клянешься, что никогда не будет? – Глаза Лорен наполнились слезами. Адам открыл было рот, чтобы ответить, но заколебался. Он тоже едва не плакал.

– Тише-тише, Лорен, успокойся. – Он прижал ее к себе. – Послушай, я уже ни в чем не уверен. Все очень запутано, понимаешь?

– Я больше не могу, – сказала она, обняв его и уткнувшись лицом в его грудь. – Я просто хочу, чтобы вы были вместе и счастливы, как раньше.

Он мягко ответил:

– Брак – это непросто, Лорен. Были вещи, о которых твоя мама и я мало говорили, и, в конце концов, из-за этого все рухнуло. Обещай, что вы с Дэном не совершите ту же ошибку. Не оставляйте все как есть.

Лорен отпустила его и вытерла слезы рукавом свитера.

– Мама сказала, что ты только прикидываешься простачком.

– Прямо так и сказала? – озадаченно спросил Адам. – Не согласен. Я считаю себя довольно прямолинейным.

– Она рассказала мне о вазэктомии, папа. – Взгляд Лорен снова стал враждебным. – Похоже, тогда ты не был таким уж прямолинейным? По ее словам, это было предательство.

Адам встал – его лицо пылало гневом, – пошел к двери, затем повернулся, зашагал обратно к дивану и остановился, глядя на нее.

– Это мое личное дело, и она не имела права обсуждать это с тобой. – Лорен вздрогнула. Когда он снова заговорил, его голос звучал спокойно. – Поверь, о секретности и предательстве можно еще много

сказать, но я не собираюсь унижать себя, рассказывая об этом тебе. Понимаешь?

Она автоматически кивнула, ничего не понимая.

Он снова сел рядом с ней:

– Мне очень жаль, что ты оказалась между двух огней, это ужасно. Прости меня! – Он обнял ее, пытаясь снова наладить связь. – Но повторяю для ясности: твоя мать ошибается насчет моего так называемого романа. – Он взволнованно посмотрел на нее. – Ты мне веришь?

Лорен снова кивнула, но только для того, чтобы его успокоить.

* * *

Рут проснулась посреди ночи, сердце бешено колотилось. Шум частого и хрипящего дыхания заполнил комнату, в темноте повисло еле заметное нечто. Ее разрезали и выпустили это. Теперь оно парило над ней – полупрозрачный скелет, похожий на головастика, с большой головой и торчащим позвоночником. Его правый глаз, закрытый веком, был обращен к ней и смотрел невидящим взглядом. Затем он двинулся, и она увидела его левую сторону: разбитый череп, раздавленные и окровавленные конечности. Неудачное существо, которое смотрит и ждет.

Рут перекатилась на бок, пытаясь скрыться от него, и почувствовала, как что-то шевелится у нее внутри. Она вздрогнула: это существо в ней. Вдруг она опомнилась и в испуге протянула руки к животу. Ребенок был все еще там – благодаря все на свете, она облегченно вздохнула.

– Все в порядке, – сказала она ему, массируя живот, чтобы успокоить и его тоже. – Все будет хорошо.

Когда дрожь утихла, она включила лампу, села и придвинулась к краю кровати, гадая, хватит ли у нее сил добраться до ванной, чтобы помочиться, но поняла, что идти все равно придется. Рут заставила себя встать, и ее взгляд случайно упал на след от картины с тупиками. Она представила, как птицы в незнакомой квартире наблюдают за Адамом и Эмили, умиротворенно спящими в обнимку. В зеркале в

ванной показалось измученное лицо цвета воска. Рут выпила два стакана воды и вернулась в постель, но заснуть не получалось.

* * *

Кошмар повторялся две ночи подряд. Во второй раз ее разбудила судорога в левой ноге. Она вылезла из постели и встала, чтобы стряхнуть боль, и вдруг почувствовала присутствие плода в углу у окна. Казалось, что-то ему было нужно от нее. Защита? Извинения? Мечь?

Судорога прекратилась. Рут лежала в темноте, обхватив руками живот. Привычные ночные шевеления ребенка служили утешением, своего рода контрраздражителем. Она пыталась сосредоточиться на них, но мысли безжалостно возвращались в пригородную клинику, где тридцать шесть лет назад ей сделали аборт. Оштукатуренные под камень дома, маска на лице, вспыхивающий свет, нарциссы. Что это значило? Какое место это занимало в ее жизни? Тайное событие, воспоминания о котором подавлены? Вопросы, которые не приходили ей в голову в восемнадцать, когда все казалось таким простым и ясным.

Она сжалась вокруг ребенка тугим комком, пытаясь прийти в себя, и повторяла про себя оправдания, как мантру. Неподходящее время. Не тот возраст. Не готова. Не была бы хорошей матерью. Но новые мысли хлынули в голову, как будто мембрана, разделяющая два временных отрезка, внезапно растворилась.

Это было ошибкой, учитывая то, что эмбрион и плод, как она теперь знает, – очень хрупкое существо, которое, бывает, не приживается и гибнет. Ее первый был стойким вне всяких сомнений: он выдержал все химические и физические атаки, призванные сорвать оплодотворение и имплантацию. Он был победителем, который неумолимо рос внутри нее, твердо решив появиться на свет. И тот факт, что он был ее с Адамом порождением – точно так же, как Лорен и Алекс, – теперь мучил ее. Может быть, это был мальчик, о котором она мечтала десять лет спустя. Кем он был бы сейчас, если бы родился? Мужчиной тридцати пяти лет. Старше сыновей Шейлы. Высокий и широкоплечий, он обнимал бы ее и любил беззаветной

мужской любовью – не той, которой любят дочери, не такой сложной и многогранной.

Рут перевернулась на другой бок и впиалась ногтями в ладони. Надо это остановить: это безумие, далекое от реальности. Она была другим человеком, в другой жизни. Адам был мальчиком, которого она едва знала. Если бы они тогда поженились, их брак был бы катастрофой. Из нее получилась бы ожесточенная, необразованная, некомпетентная мать-подросток. Но она жалела, что они не говорили об этом: о том, почему они прикипели друг к другу еще задолго до свадьбы и почему, в конце концов, эта связь разорвалась. Иногда она задавалась вопросом, действительно ли они когда-нибудь хотели быть вместе. Потому что, в каком-то смысле, поженились они по залету, ведь так? Невнятный поиск смысла, маскирующийся под выбор. Не то чтобы это уже имело значение теперь, когда Адам так решительно отказался от нее.

Рут откинула одеяло и оперлась на подушки, чтобы облегчить боль в спине. Ребенок повернулся, и его движение отдалось внутри нее конвульсией. Парадокс: она прилагала такие усилия, чтобы этот малыш устроился в ней и продолжал жить: то же тело, та же матка, тот же бескомпромиссный поворот стрелок биологических часов, но в обратном направлении – на восстановление плодovitости, а не на отказ от нее. По правде говоря, одна и та же женщина в разное время фертильной фазы своей жизни могла приветствовать свою менструальную кровь с радостью и облегчением или опасаться ее прихода, как предвестника поражения и бездетности. Свобода и самореализация означали иногда противодействие женской биологии неестественными средствами, а иногда – неестественным вмешательством.

* * *

Словно запоздало отмаливая грехи, Рут несколько дней посвящала все свое свободное время разглядыванию изображений одиннадцатинедельных эмбрионов в интернете. Она нашла шокирующие цветные фотографии, сделанные шведским фотографом в 1960-х годах, которые, по большей части, изображали жертв аборта:

милейших существ с бледно-оранжевой кожей в полупрозрачных амниотических мешочках, которые смотрели в камеру, хмурились, иногда сосали пальцы. Она изучала изображения эмбрионов вроде того, который врачи поместили в нее: скопления серых клеток. Читала об акушерках и мудрых женщинах прошлого, которые веками помогали женщинам избавляться от детей или вынашивать их. Она делала разрозненные дневниковые записи о своей репродуктивной жизни с вкраплениями из истории, науки и теологии и попыталась собрать их во что-то осмысленное, но никак не могла объединить их в единое целое. По ночам она спала беспокойно, просыпалась и снова заходила в интернет, словно убийца, который возвращается на место преступления.

Алекс и Лорен устроили видеовстречу и рассуждали о плачевном состоянии брака их родителей. Лорен сидела, скрестив ноги, с ноутбуком на полу в студии, лучи вечернего солнца отбрасывали неровные тени на рисунки, над которыми она работала. Алекс все еще была в постели и шила племяннику лоскутное одеяльце.

– Мама сама не своя, – сказала Алекс. – Как ни позвоню ей – она все в том же мешковатом сером джемпере, и с этими отросшими волосами она похожа на грустного барсука. Мне кажется, все это время она втайне надеялась, что папа вернется, а теперь окончательно в этом разочаровалась.

– Шейла и Саймон предложили им сходить к семейному психологу, – сказала Лорен, – но они оба отказались.

– Пожалуй, это хороший знак. – Алекс прыснула. – Только представь, как они выеживаются, будто на сцене, перед единственным человеком! Бам! Любовое столкновение.

– Думаешь, это забавно?

– Прости, но иногда мне кажется, что я получила эпизодическую роль в сюрреалистическом спектакле.

Они согласились, что шансы на примирение невелики, Алекс сказала, что если отец еще не спал с Эмили, то это, судя по всему, скоро произойдет. Теперь она задавалась вопросом, были ли у него отношения на стороне в течение многих лет: в конце концов, зачем еще мужчине тридцати трех лет делать вазэктомию, не посоветовавшись с женой?

– Думаю, у мамы тоже были интрижки, – сказала Лорен, скривив губы от отвращения. – Папа намекнул, что она его предала, а тебе сказал, что “были прецеденты”, помнишь? Может, она изменила, а он отомстил? Лично я могу себе такое представить.

Алекс потянулась, подняв руки над головой, и мрачно выдохнула.

– Вдруг столько секретов и скелетов появилось в шкафах, что теперь уж и не знаешь, кому или чему верить.

– Поэтому я решила сосредоточиться на ребенке, – сказала Лорен. – И отказываюсь быть их посредником.

– Ага, – сказала Алекс. – Думаю, пора признать, что все кончено. Я всю жизнь думала о них как о едином целом. Мама, папа, дом – мне казалось, что так будет всегда. – Она с грустным видом подтянула колени к груди. – А теперь у меня как будто выбили землю из-под ног и оставили ни с чем.

– Я чувствую себя так же, – согласилась Лорен. – С тех пор как папа рассказал о проблемах их брака, я стала прокручивать в голове все свои детские воспоминания, искать знаки. И как только ты начинаешь это делать, понимаешь, что все было фальшивкой. Они просто притворялись счастливыми. Ты права, это спектакль. Четыре третьесортных актера читают бессмысленный сценарий на картонной съемочной площадке.

– Ого, – сказала Алекс. – Ты увлеклась. Наверное, где-то и были проблемы и, да, бывали ссоры, но сейчас я чувствую себя такой несчастной, потому что на самом деле они были счастливы. Годами, как и мы с тобой. Ты и сама это знаешь.

– Это то, во что мы хотели верить, – голос Лорен звучал тускло. – Но теперь все разрушилось. В конце концов, так всегда бывает.

Алекс нахмурилась. Она только сейчас заметила, какое напряженное, угрюмое выражение лица было у сестры.

– Ты в порядке?

Лорен пожала плечами.

– В последнее время не очень. – Она поднесла левую руку к камере, и Алекс увидела красный резиновый браслет и синяки от хлестких ударов на запястье.

– Что случилось?

– Психолог считает, что таблетки на меня плохо влияют.

– Какие таблетки?

– Эстроген.

Лорен объяснила, что принимает их, чтобы заставить свое тело думать, что она беременна, а по мере приближения родов у Рут она использует молокоотсос, чтобы стимулировать выработку молока.

– Еще у меня дикие головные боли, груди горят, и такое ощущение, как будто они наэлектризованы. Хочется оторвать их и выкинуть. Будет ли когда-нибудь в них молоко? Получу ли я в конце концов живого ребенка? Зная мою удачу, все это пустая трата времени.

– Нет, – сказала Алекс. – На этот раз все получится: всего через два месяца ты будешь держать на руках сына и укутывать его в великолепное одеяло, которое я сошью. Цепляйся за этот образ.

– Перестань опекать меня! Ты даже понятия не имеешь, что сейчас со мной происходит!

Лорен закончила звонок, не попрощавшись.

* * *

Дородовый осмотр на восьмом месяце занял меньше времени, чем обычно, и прошел без осложнений. Консультант заметил, что давление у Рут немного повысилось, но это не повод для беспокойства, и никаких признаков преэклампсии или гестационного диабета. Он сказал, что она великолепно справляется, но, учитывая ее возраст, с этого момента им нужно будет видеться каждые две недели, на всякий случай. Лорен молчала и казалась отстраненной. После приема они, как обычно, пошли в кафе, и Рут направилась в дамскую комнату; когда она вышла, за роялем сидел пожилой мужчина и играл *“As Time Goes By”*.

Лорен помешивала капучино и внимательно изучала таблицу движений ребенка в медицинской карте Рут. Она подняла глаза.

– Точно с перечной мятой?

– Да, – ответила Рут и села. – Хотя сейчас я бы убила за тройной латте. На самом деле за все, что помогает не уснуть.

– Через полтора месяца я куплю тебе столько кофе, что за всю жизнь не выпьешь, обещаю. – Лорен улыбнулась. – Ты все еще плохо спишь?

– Я перепробовала все, – ответила Рут. – Дыхательные упражнения, как в йоге, делала, овец считала, но ничего не помогает. Если бы мне можно было пить снотворное, тогда этот замкнутый круг наконец прервался бы. – Она поймала на себе тревожный взгляд Лорен. – Не волнуйся, я знаю, что нельзя. Но в офисе я продолжаю клевать носом, и это совсем некстати, особенно когда столько дел.

– Мамочка, как же так? – Лорен выглядела потрясенной. – Что не дает тебе спать? Беспокоишься из-за родов?

Внезапно Рут ощутила желание как можно скорее поделиться с кем-то чувствами, чтобы они немного утихли и не смогли ее поглотить.

– У меня была еще одна беременность. До тебя и Алекс. Он приходит ко мне во сне.

– У тебя тоже был выкидыш?! Почему ты мне не сказала?

– Мне было тогда всего восемнадцать, так что...

Лицо Лорен исказилось от шока, затем приняло выражение сочувствия. Она положила руку на плечо Рут.

– Мама, какой ужас! Бабушка знала?

– Я никому не рассказывала, я не могла.

– Что случилось?

– Я обратилась в женскую консультацию, и мне помогли.

Лорен поморщилась:

– Какой кошмар!

Рут скрестила руки.

– Скорее наоборот. Тогда мне нельзя было рожать, поэтому аборт был единственным выходом. Мне стало гораздо легче. – Лорен отвела взгляд, и Рут почувствовала осуждение. – Ты не понимаешь, потому что никогда не была на моем месте, но я не была готова стать чьей-то матерью, я сама была еще ребенком.

Она затихла. Лорен снова посмотрела на нее – и их взгляды встретились.

– Через шесть лет я почувствовала, что готова, и тогда у меня появились вы. Я стала совсем другим человеком и наслаждалась беременностью тобой и Алекс. И, как ты знаешь, хотела пройти через это еще раз. – Она посмотрела на живот и нежно погладила его. – И сейчас то же самое, я так мечтала об этом малыше. – Она подняла глаза и нахмурилась. – Что случилось?

Лорен помрачнело; она молча смотрела на Рут. Затем сказала:

– Ты говоришь так, как будто выбираешь продукты в магазине: “Этот мне не нужен, а вот эти пригодятся”. Легко пришло, легко и ушло.

– Не было в этом ничего легкого, Лорен, и, кстати, до этого я никогда и никому не говорила об аборте. Потому что, хотя он и был у каждой третьей женщины, все они хранят этот страшный секрет. Споры на эту тему стали настолько однообразными, что ее даже

обсуждать не хочется. Ты либо за, либо против – других вариантов нет. – Она помолчала и после паузы спросила: – Думаешь, я не имела права сделать выбор?

– Мне бы и в голову не пришло указывать другим женщинам, что им делать со своим телом, – надменно сказала Лорен. – Но я никогда не смогла бы избавиться от собственного ребенка.

Непоколебимая уверенность Рут немного пошатнулась.

– Но ты это уже делала. И не один раз. Помнишь, как, будучи подростком, ты каждое утро пила по таблетке? – сказала она и выдержала драматическую паузу. – “Вроде «Смартис»”, как ты говорила.

– Это совсем другое.

– С моральной точки зрения – то же самое. Они не дают эмбриону прижиться. Лишают жизни, если уж мы выбираем мыслить такими категориями. Как и спираль.

– Дело вовсе не в аборте, мама. Дело в тебе. Продолжай включать и выключать фертильность, когда захочется. Прерви и попробуй еще раз.

– А те семь замороженных эмбрионов, которые остались у вас и ждут в морозилке, чтобы разморозиться и стать людьми, что ты предлагаешь с ними делать? – Она приподняла брови. – Попробовать еще раз? Или прервать?

Лорен с отвращением посмотрела на мать.

– Это не смешно. Они уже люди. И я все время переживаю за них. Мы обе об этом знаем.

– Я не шучу: это очень серьезная и сложная тема. Противозачаточные средства, аборты, бесплодие – все это играет ключевую роль в физическом и этическом опыте женщин, но мы никогда не соединяем одно с другим и не говорим об этом честно.

Лицо Лорен вспыхнуло от гнева:

– Мой опыт состоит в том, что ни один из моих эмбрионов не дожил до четырнадцати недель. Но мне приходится сидеть здесь и слушать, как ты, снова беременная, причем моим ребенком, рассказываешь мне, как легко сделать аборт, и хвастаешься своей удивительной, непогрешимой фертильностью. Ты пытаешься сделать мне так больно, как это вообще возможно?

Пораженная, Рут подыскивала слова, которые могли бы успокоить дочь.

– Нет, что ты! Как же я могу хотеть обидеть тебя после всего, через что ты прошла? – воскликнула она. – Тебе ужасно не повезло. Все эти годы горя и стресса...

Лорен перебила ее:

– Почему ты не можешь высказать все прямо?! Что я неудачница в работе и в браке? – Она замолчала и прищурилась, как хищница, собирающаяся напасть. Рут взяла себя в руки. – Но, по крайней мере, я не такая целеустремленная и безжалостная, как ты, и я просто надеюсь, что стану ему лучшей матерью, – она агрессивно указала пальцем на живот Рут, – чем ты когда-либо была для меня! Потому что он будет для меня важнее всего. Я не буду неделями работать вдали от дома. Или бросать его с незнакомцами. – Она помолчала, затем добавила: – Или ходить налево.

Терпение Рут, и без того натянутое до предела, наконец лопнуло.

– Не забывай, что так противные тебе целеустремленность и безжалостность привели нас сюда! Я ношу этого ребенка для тебя, и мне это дорого обходится! – Рут говорила так громко, что три медсестры за соседним столиком повернулись и уставились на нее. Она прошипела: – Я делаю это, потому что люблю тебя, и я забочусь о нем так хорошо, как только могу. И вот что я получаю взамен! Что ж, спасибо тебе.

Руки Лорен потянулись к лицу, рот открылся, но она ничего не сказала.

Рут поднялась.

– Увидимся на следующем приеме. – Она прошла несколько шагов, затем повернулась назад и протянула руку. – Отдай-ка мне мою медкарту. – Она сделала паузу, затем сухо добавила: – Ты позволишь?

Лорен передала ей карту, и их взгляды встретились. Наступил момент, когда одна из них могла бы отступить и извиниться, чтобы выйти из тупика, но ни мать, ни дочь не была готова на это пойти. Рут понимала, что не стоило относиться к дочери как к подруге или советчику, – материнское чутье дало сбой. Но ее остервенелые нападки, вызванные открытой неприязнью, повергли ее в шок.

Вечером позвонила Шейла – узнать, как прошел прием.

– Хорошо, без проблем.

– Не верю.

Рут призналась, что Лорен считает ее плохой матерью. Шейла спросила, что могло ее спровоцировать.

– Сама не понимаю! Мы обсуждали контрацепцию, беременность и все такое, и вдруг она ни с того ни с сего начала плевать ядом! Да еще с такой ненавистью! Как же мне обидно. Еще и обвинила меня в том, что я “хожу налево”. То есть она, наверное, слышала о Сэме, и это тоже на меня ужасно давит.

Шейла сказала, что очень удивилась и думала, что они поссорятся гораздо раньше.

– Ты представляешь, как сложно Лорен ждать подарок, что ты ей вот-вот принесешь? У нее наверняка накопилось много противоречивых чувств к тебе, в том числе довольно мрачных.

– Знаю, – ответила Рут, – и я все время напоминаю себе, что в ней бурлят эстроген и зависть и что надо делать скидку на это.

– Вот именно, – согласилась Шейла. – Так что постарайся не принимать это близко к сердцу.

– Легче сказать, чем сделать, потому что я ведь тоже напичкана эстрогеном. У меня ломит спину, адски болят соски, я почти не сплю, и муж променял меня на девицу помоложе – а все потому, что я предложила стать ее суррогатной матерью. Нет, Шейла, поверь мне, ты бы ее слышала! Как же она меня осуждала! – Она осеклась и застонала. – Про Адама я так же говорила, да?

– Ага, – сказала Шейла. Рут слышала, как она колебалась. – Кстати, ты в курсе, как там у него дела?

– Нет, и даже на это не надеюсь. Думаю, что Лорен довольно часто его навещает, Алекс звонит, но, к счастью, они избавляют меня от подробностей. И теперь у меня все в порядке, я привыкла.

– Серьезно?

– Ну нет, конечно! Мне покоя не дает эта глупая фантазия, как раздается стук в дверь, за ней – он, говорит, что бросил Эмили ради меня, и умоляет принять его обратно. Я упрямлюсь так долго, как только могу, но все-таки сдаюсь – и мы живем долго и счастливо.

– Может, так и будет, – сказала Шейла, но ее голос звучал неуверенно.

– Да ни в жизнь. С Адамом все или ничего – полутонов не бывает. На самом деле мне интересно, попытается ли он восстановить фертильность и завести с ней детей. У мужчин в его возрасте часто просыпается второе дыхание. – Рут вздохнула. – Как только ребенок родится, думаю, нам придется продать дом, и я начну жизнь с чистого листа уже в одиночестве. Вот весело будет, да?

Шейла сказала:

– Тебе нужно отдохнуть. В эти выходные я поеду в Пензанс, проведу маму. Может, поедем вместе? Расслабишься, отвлечешься, забудешь обо всем на пару дней. Подумай.

Рут не нужно было и думать: сбежать от боли и хаоса собственной жизни и вместо этого влиться в поток чужой – звучит слишком заманчиво, к тому же на работе не планируется никаких встреч.

– Если ты не против часто останавливаться, чтобы я могла сходить в туалет и размять ноги, то я с радостью сбегу с тобой в Корнуолл.

* * *

Рут зажгла свечу, наполнила горячую ванну с лавандовым маслом и погрузилась в воду. Наблюдая, как ребенок пинается и бьется локтями о блестящий от воды живот, она обхватила его руками и запела:

Баю-бай детка на вершине древка,
Ветерок подует, малютку заколдует.
Люлька закачается, веточка сломается.
Обломится веточка, упадет и деточка.

Рут замолчала, и они лежали в тишине. Вдруг малыш перекувырнулся, словно умоляя спеть еще. Она засмеялась и начала снова. После нескольких акробатических трюков и еще трех стишков она сказала:

– А мы с тобой отлично ладим, да?

Она продолжала говорить с ним, пока вытиралась:

– Все бросили меня, потому что я старая, толстая, беременная бабушка. Не говоря уже о том, что мать из меня никудышная. Но ты решил остаться.

Она просунула голову в ночную рубашку и, прислонившись к стене, натягивала ее на живот.

– Беда в том, что трудно быть хорошей матерью, если твоя собственная была так себе, только на курсах для беременных об этом не рассказывают. Приходится учиться в процессе – и если бы это была оплачиваемая работа, меня бы уволили за некомпетентность. Столько проблем и потерь, но ни капли благодарности.

Она наклонилась, чтобы спустить воду из ванны, и почувствовала, как малыш пинается.

– Погоди немного, еще чуть-чуть, и выпрямлюсь. – Она встала и обняла его. – Ты же не считаешь меня холодной и безжалостной?

Она ждала ответа, но ребенок оставался неподвижен.

– Надеюсь, что нет, потому что ты – все, что у меня сейчас есть, мой малыш.

Шейла забрала Рут поздно утром в пятницу, чтобы не попасть в час пик. Рут не выезжала из города уже несколько месяцев, и вид открытой сельской местности, простирающейся до самого горизонта, был как бальзам на душу. Стоял чудесный летний день, и когда они мчались по автомагистрали, она чувствовала себя как оказавшаяся на свободе узница. Настроение поднялось: они пересекли реку Тамар и направились через пустошь Бодмин-Мур, затем спустились к самой южной оконечности Корнуолла.

Они часто так ездили вместе в те годы, когда у них обеих были пожилые родители, о которых нужно было заботиться. Мать и отец Шейлы оставались в здравом уме и твердой памяти до восьмидесяти лет, а отец Рут внезапно скончался от сердечного приступа в семьдесят пять, и через год ее мать оказалась в доме престарелых в Редруте. Шейла вспомнила их с Рут мрачные визиты туда. Болезнь Альцгеймера иногда превращает людей в лучшую версию самих себя – более милую и более любящую, – но Анджелу Яго поразил горький и злой вариант этой болезни. Она сильно располнела и едва двигалась, проводя дни в лиловом пластмассовом инвалидном кресле у входа в дневную палату. Через несколько месяцев она перестала их узнавать, но время от времени, когда Рут доблестно описывала в ярких красках погоду или печенья из “Маркс энд Спенсер”, которые она принесла с собой, Анджела поднимала голову и косилась на дочь сквозь щели на пухлых щеках и кричала: “Да замолчишь же ты наконец?!” Тогда Рут замолкала и поджимала губы, прямо как в детстве, а мать продолжала ругать ее последними словами под взгляды остальных обитателей дома престарелых.

– Болтает и болтает! Думаешь, ты лучше нас? А, мелкая всезнайка? Да я тебя насквозь вижу и всегда видела! Ты, девочка моя, нечестивая, и ты падешь!

– Мама! – умоляла Рут.

– Злая, злая, злая, она злая. Отойди от меня, непослушная девка!

Когда она начинала бросаться на Рут с кулаками, из ниоткуда появлялись санитары.

– Пойдем, Анджела, пора возвращаться в палату, вам надо прилечь. Попрощайтесь с дочерью и ее подружкой.

Когда это случилось в первый раз, Рут заплакала.

– Какой ужас, – сказала она, снова услышав слова, обрушившиеся на нее в детстве.

Враждебность матери дошла до автоматизма настолько, что оказалась последним оплотом ее личности. Они пошли в паб и выпили по несколько порций джина с тоником; Рут призналась, что, когда родились девочки, она понятия не имела, как их воспитывать: к тому времени она понимала, что та модель, в которой вырастили ее, была ненормальной и вредной, но ничего другого она не знала.

– Иногда я слышала, как из меня доносится мамин голос, говорящий те же самые ужасные вещи. Я видела их лица и осознавала, что внутри у них останутся те же шрамы, что и у меня. Но не знала, как остановиться. Я впадала в панику.

Шейла кивнула.

– Наверное, тебе было ужасно одиноко?

Рут высморкалась и выдавила из себя неуверенный смешок.

– Сейчас я понимаю, что это был кошмар, но, в конце концов, никто же не умер, правда?

Шейла продолжила настаивать на своем.

– Но ты все еще страдаешь от последствий, так? – Она взяла Рут за руки. – Может быть, стоит выговориться кому-нибудь и отпустить эти воспоминания?

– Все уже позади. Я больше об этом не думаю, – отмахнулась Рут, стремясь закончить разговор. – Я справилась с этим, проживая жизнь, максимально отличную от жизни матери, и считаю, что мне это в значительной степени удалось.

* * *

Анджела Яго умерла пять лет назад, и Рут впервые после ее смерти вернулась в Корнуолл.

– Смотри! – воскликнула она, когда они свернули с главной дороги, и перед ними открылся вид на гору Святого Михаила и огромную синюю бухту, которая простиралась от Кадден-Пойнт

до Лонг-Рока. Так было каждый раз: шок узнавания при виде этой поразительной красоты.

– Вижу, – ответила Шейла, и они улыбнулись друг другу.

Они поселились недалеко от гавани в Пензансе, в небольшом, окруженном зарослями полутропических растений, отеле, где всегда останавливалась Шейла. Мать продала дом после смерти мужа, а теперь находилась в отделении для пациентов с деменцией в доме престарелых недалеко от Хелстона; Шейла планировала провести там субботнее утро и сказала, что Рут приходить не стоит.

– Мама тебя не узнает, и ты расстроишься. Остайся здесь и отдохни в саду или прогуляйся по Пензансу. Можем встретиться позже и перекусить.

* * *

Рут осмотрела город: по-прежнему старомодный и совершенно неблагоустроенный, с редкими хипстерскими кафе и современными торговыми центрами, спрятанными среди магазинчиков, где любой товар продается за фунт, благотворительных лавок и уличных торговых сетей. Здесь на нее смотрели еще пристальнее, чем в Лондоне: люди останавливались, показывали пальцем и тарасились; какой-то подросток сфотографировал ее, когда она стояла на пешеходном переходе. Агентств недвижимости было больше, чем ей запомнилось, и она обнаружила, что пытается посмотреть, что выставлено на продажу, и найти знакомые дома. Цены выросли, но все еще оставались значительно ниже, чем в Западном Лондоне. Рут задумалась... Если продать дом и выплатить ипотеку, хватит ли ее доли, чтобы что-то купить здесь? Набравшись смелости, которая, как она надеялась, поможет отразить бестактные вопросы, она поговорила с несколькими агентами и ушла, получив пачку буклетов и заверений, что рынок процветает и цены что надо.

Когда Рут обошла все барахолки и букинистические лавки и купила еды на обед, у нее уже болели ноги, поэтому она решила зайти в экомагазин в верхней части главной улицы, где можно было упасть на диван и выпить латте с куркумой, просто наблюдая за людьми. Молодые пары наполняли водой многоразовые бутылки и набирали

овес в мятые крафтовые пакеты, уже не раз использованные; на них висели младенцы в слингах, их малыши виртуозно жевали полоски фруктовой шкурки без сахара, а сами они приветствовали друг друга, обменивались новостями и просматривали доску объявлений в сообществе. Неплохая жизнь. Она достала стопку брошюр агентов по недвижимости и принялась их пролистывать, как вдруг раздался голос:

– Извините, но это единственное свободное место, не возражаете, если я присяду?

На нее смотрела беременная молодая женщина с голубыми волосами и в малиновом комбинезоне. Рут убрала свои сумки, а она скинула рюкзак и села рядом. Несмотря на разницу в возрасте, между ними сразу возникло родство женщин, близких к родам.

– Я Эрин, тридцать две недели и, наверное, это девочка.

– Рут. Тридцать две с половиной. Мальчик.

– Вот это совпадение, – сказала Эрин. – А где планируете рожать?

– В больнице в Лондоне. А вы?

– Планирую водные роды в саду моей доулы, – сказала Эрин и указала на брошюры. – Вы потом переедете сюда?

Рут засмеялась.

– Ой, взяла их вот только что. Я сейчас одна и скоро буду искать дом или квартиру. Я выросла здесь, и мне стало интересно...

– Так возвращайтесь сюда! – воскликнула Эрин. – Это идеальное место для одиноких мам, здесь фантастически развитая сеть поддержки, много кружков и детских садов. В моей группе на курсах для беременных тоже есть одиночки, и мы ищем подходящее здание для коммуны мамочек – Мамунны, могу добавить вас в нашу группу в ватсапе, если захотите.

Рут ответила, что она суррогатная мать, поэтому ей это не подойдет. Когда она закончила объяснять обстоятельства своей беременности, Эрин смотрела на нее круглыми глазами.

– Ничего себе! Никогда раньше не встречала суррогатных матерей.

– Я тоже, пока сама ею не стала. – Рут улыбнулась.

– И вас совершенно не беспокоит, что придется отдать его дочери сразу после рождения? – с недоверием спросила Эрин.

– Таков уговор.

– А вы будете его кормить первые несколько дней?

– Нет, мне дадут лекарства, чтобы не было молока, – ответила Рут с большей невозмутимостью, чем от себя ожидала.

– О, я бы, наверное, так не смогла. – Эрин скривилась и схватилась за живот, как будто сама мысль об этом причиняла ей боль. – Мало того, что будет эмоциональная травма, но между вами порвутся химические связи. Нам как раз о них рассказывали на последнем занятии.

Рут поправила ее:

– Нет никакой химической связи. Этот ребенок вырос из эмбриона моей дочери и зятя, а не моего.

– Да, но ученые обнаружили, что клетки младенцев, которых мы носим, попадают в наш мозг и другие части нашего тела и остаются там навсегда. – Эрин размахивала руками, как будто что-то перемешивает. – Во время беременности мы с ними смешиваемся, с биологической точки зрения, так что после родов мы будем неразлучны.

– Я не встречала такое исследование, интересно, насколько оно популярно, – сказала Рут, почувствовав внутреннюю дрожь от беспокойства. Она посмотрела на часы и встала. – Мне пора. Удачи вам!

– И вам! Позвоните, если надумаете приехать. – Эрин записала свой номер на бумажной салфетке и отдала ее Рут. – Помните, все возможно! Главное – не бояться рисковать.

* * *

Шейла и Рут сидели на скамейке в саду Морраб-гарденс и с нездоровым наслаждением поедали еду из детства: корнуоллские пирожки с местными помидорами, потом булочки с шафраном, намазанные топлеными сливками. Шейла описала тяжелый получасовой визит к матери, которая подумала, что она новая опекунша, и вежливо, но твердо попросила ее уйти; в конце концов она начала волноваться, и лучше было оставить ее в покое.

– Я уже встретилась со всеми, с кем должна была, и не вижу смысла возвращаться туда завтра, так что с этого момента будем делать все, что ты захочешь.

В тот же день они поехали в “Минак”, открытый амфитеатр, высеченный в скале у деревни Порткарно. Они ездили туда со школьной группой на спектакль “Сон в летнюю ночь”, когда им было пятнадцать: Рут первый раз побывала в театре, и он очаровал ее на всю жизнь; в двадцать лет она сыграла на сцене роль леди Макбет в университетской постановке. Теперь она села рядом с Шейлой на гранитной плите у края обрыва. Толстые шмели зарывались в заросли рассыпанных по траве розовых армерий, за ними гналась вереница маленьких синих бабочек, а в небе отчаянно кричали серебристые чайки, бороздящие потоки теплого воздуха; ниже мерцало море, словно его поверхность была усыпана сапфировой крошкой.

Рут чувствовала, как вновь обретает часть себя, которую давно потеряла. Она повернулась лицом к солнцу и вздохнула.

– Хорошо-то как!

Она легла на траву и вытянула руки и ноги. Ребенок опустился в нижнюю часть живота, давление на диафрагму ослабло, и внезапно ей стало легче дышать.

– Как же нам повезло, что все это было у нас в детстве, – сказала Шейла. – Я иногда жалею, что наши мальчики выросли в Лондоне – жить в городе здорово, но...

– Понимаю, – ответила Рут. – Я вот думаю, может, вернуться в Корнуолл и редактировать сценарии из дома. Буду зарабатывать меньше, но и стоимость жизни тут ниже, меньше стресса. Многие на телевидении так работают. В Пензансе дом в георгианском стиле стоит как квартира с двумя спальнями в Хаммерсмите.

Шейла засмеялась.

– Рут Яго, не могу поверить своим ушам. Ты же всю юность мечтала сбежать отсюда! Ты здесь и недели не протянешь.

Телефон Рут громко и пронзительно зазвонил. Не открывая глаз, она попросила Шейлу выудить его из сумки.

– Это Лорен, – сказала Шейла.

Рут взяла телефон: она ждала извинений сразу после их ссоры, но дочь так и не вышла с ней на связь со дня приема в клинике.

– Привет, – холодно сказала она.

– Мама, как ты? Странно звучишь.

– Все хорошо, спасибо.

– Мы приехали к тебе: тут на полу письма и газеты, а тебя нет. – Она помолчала. – Ты что, уехала?

– Я в Порткарно, на выходных. – Рут услышала голос Дэна на заднем плане.

– Она в Корнуолле. Понятия не имею почему. Тише, я спрошу. Мама, пожалуйста, предупреждай в следующий раз. Мы очень волновались.

– В ваших правилах сказано, что мне нужно сообщить вам, если я уезжаю из страны, а не из центра Лондона.

– А если бы ты попала в аварию или что-то случилось с ребенком? Если бы схватки начались, пока ты там, а мы здесь? Это безответственно. Когда ты вернешься?

– Завтра вечером. И, поверь мне, до родов еще далеко. У меня не было никаких предупреждающих знаков, а до кесарева сечения еще больше пяти недель.

Лорен вздохнула.

– Я просто хочу, чтобы ты предупреждала меня заранее.

– После твоих недавних слов мне не хотелось.

Голос Лорен изменился.

– Прости, мама. Я была в ужасном состоянии и ничего из того, что я говорила, не имела в виду. Я ждала до сегодняшнего дня, потому что хотела извиниться лично. Мы принесли тебе цветы. Я поставила их в вазу на столе в коридоре.

– Извинения приняты, – ответила Рут, но, стараясь сдерживать гнев, сжала руку в кулак так сильно, что костяшки пальцев побелели. Лорен сожалеет недостаточно. – Мне пора, но я дам тебе знать, когда буду дома, хорошо?

Рут бросила телефон обратно Шейле.

– Она говорит со мной так, словно я непослушная школьница, которая хочет навредить своему ребенку...

– Она не это имеет в виду, нужно делать скидку.

– ...а для меня нет ничего важнее его. Так и должно быть, потому что он полностью зависит от меня.

– Лорен тоже зависит от тебя, и мне кажется, что в данный момент она очень уязвима, – заметила Шейла. – Может, ей тоже нужно немного заботы?

– Меня на всех не хватит, – возразила Рут. – Она взрослая, а он еще нерожденный ребенок. Я должна расставить приоритеты.

* * *

Воскресным утром они устроили пикник на пляже Марасион. Повсюду сияли огромные лужи, в которых отражалось бледно-голубое небо; Рут плавала в огромном купальнике для беременных, который она купила по этому случаю, потом искала ракушки и капсулы ската, которые называют кошельками русалок, – в детстве она проводила целые часы за этим занятием. Пока Шейла плавала, Рут сидела на берегу, зачерпывала пригоршни сухого песка и медленно пропускала поток песчинок сквозь пальцы, наблюдая за молодыми семьями в нескольких футах от нее. Женщины лежали дружными стайками, загорали, болтали и смеялись, а дети строили с отцами замки из песка или бегали к волнам с рыболовными сетями. Одна женщина собралась уезжать.

– Нам пора, – сказала она дочери, – иначе Джек будет ждать у Гарри и гадать, куда мы пропали, правда?

На девочке лет трех были только трусы. К ней подошла мама с футболкой и юбкой. Малышка схватила их.

– Я сама!

Девочка подошла к песчаной полянке возле Рут и начала медленно и неумело одеваться. Она натянула футболку через голову, обнаружила, что надела ее не той стороной, стянула ее и начала все сначала. Прежде чем надеть юбку, она наклонилась, чтобы сорвать с нее крошечные комочки засохших водорослей. Мать стояла на расстоянии, реагируя на слова ребенка, но не вмешивалась, позволяя ей делать все самостоятельно и в своем темпе.

Рут вспомнила, как она обращалась с Лорен и Алекс, когда они были в том же возрасте: из-за ужасной нетерпеливости и желания все делать эффективно она бы сама одела дочку – задача всегда важнее ребенка. Каждая отстаивала бы свою волю, потом началась бы истерика, слезы и жгучее чувство гнева и вины, плачущего ребенка пришлось бы уносить с пляжа, хороня воспоминания об этом дне. Мать посадила девочку в коляску. Малышка выудила из кармана

маленькие камешки, раскрыла ладонь и показала маме: они улыбнулись друг другу.

“Если бы у меня была возможность, как бы я поступила сейчас?” – подумала Рут. Она задавалась вопросом, каково было бы вынашивать ребенка здесь, вдали от шума и грязи Лондона. Она не готова примерить на себя образ бабушки, похожей на жадную чайку, которая будет парить над жизнью Лорен в ожидании лакомых кусочков, например, получить разрешение посидеть с мальчиком, которого она носила, хотя бы пару часов. Вот бы еще раз стать матерью, чтобы использовать новые знания, исправить ошибки прошлого. Хотя бы в этот раз все сделать так, как надо.

* * *

В тот вечер погода испортилась, и, когда они ехали домой в плотном транспортном потоке под проливным дождем, их машина казалась нитью в ткацком станке из красных, желтых, белых и оранжевых вспышек света в призме брызг из-под колес грузовиков. Черные дворники безостановочно мелькали вправо и влево. Шейла не могла говорить: она сосредоточенно приникла к лобовому стеклу, стараясь разглядеть разметку.

Рут осталась наедине со своими мыслями. Она откинула спинку сиденья, закрыла глаза и погрузилась в сон. Полдень. Она толкает коляску по закоулкам Ньюлина, к ужину куплена свежая рыба. Они возвращаются домой, проходят квартал домиков времен Эдуарда VII – жемчужину гавани, которой нужно немного внимания и заботы. Он лежит в коляске лицом к ней, как теперь возят детей, и время от времени улыбается, а она смеется. Он сидит у нее на коленях, весело посмеиваясь, она собирает сливы в ухоженном саду обнесенного оградой дома в Пензансе, который представляет собой историческое наследие эпохи Регентства. Она печет фруктовый пирог на очаровательной кухне, а он сидит в высоком детском стульчике; они обедают вместе и никуда не торопятся. Она наблюдает за ним на детской площадке возле недавно отреставрированного бывшего фермерского дома в Перранатно; перед ним открывается невероятный вид на залив Маунтс-бей, она фотографирует и мягко подбадривает,

предлагая забраться повыше. Они вместе гуляют по пляжу, она учит его читать, ждет, пока он завяжет шнурки и закончит свой рассказ, он доверяет ей, она слушает. Она наблюдает за ним, пока он спит в комнате, которую она выкрасила в темно-синий цвет с серебристыми звездами, он обнимает ее и говорит, что любит ее...

* * *

Шейла резко затормозила, и Рут открыла глаза. Они все еще ехали по автомагистрали, и движение по всем трем полосам замедлилось – все объезжали аварию: столкнулись восемь или десять машин, синие вспышки сирен, как в кино, отражались в каплях дождя, темные лужи, возможно, крови, три машины скорой помощи с дверями нараспашку, мужчины в светоотражающих костюмах поднимают носилки. Следующие пять минут машины ползли, отрезвленные близостью к катастрофе и внезапным напоминанием о том, что смерть может прийти в любой момент; затем шок прошел, и все снова ускорились. Они подъезжали к Лондону через размытые фасады домов в пригородах времен межвоенного расширения – как будто едешь в рукаве старого серого свитера.

Впервые в жизни Рут не хотелось ехать домой, в Хаммерсмит. Они с малышом стали единым целым, только они вдвоем, и им не место в Лондоне, в Корнуолле им было бы гораздо лучше, там они были бы счастливее. Но она знала, что это невозможно: ее тянуло назад, к кошмарам, родам и невообразимому разрыву, который за ними последует.

Адам оказался посреди хаоса, который царил воскресным днем в детском отделе универмага “Джон Льюис” на Оксфорд-стрит: повсюду бегали дети, то и дело сталкиваясь с чем-нибудь большим, падая и истошно вопя; отцы их тут же поднимали, всовывали им в руки соки в пакетах, чтобы прекратить их крики; будущие матери выбирали кровати, разрываясь между брендами; пары разглядывали люльки и пеленки, их лица горели от нетерпения. Он будто вернулся в прошлое. Он, Лорен и Дэн представляли собой необычное трио: они были единственными, с кем не было беременной женщины.

За обедом он предложил купить им все необходимые товары для ребенка. Дэн на всякий случай предупредил, что Лорен, вероятно, захочет все внимательно проверить, прежде чем покупать, но оказалось, что она успела это сделать еще несколько месяцев назад и точно знала, чего хочет. Она сказала, что Адаму не нужно все это оплачивать. Он настаивал:

– Твоя мать взяла на себя самую ответственную работу, а это будет мой вклад. Что сейчас должно быть в идеально обставленной детской? Мои знания устарели лет на тридцать.

Лорен сверилась с телефоном и продиктовала список: с кроваткой разобрались, Дэн сам выбрал и купил автокресло, осталось купить коляску, люльку, пеленальный столик, ванночку и радионяню. Адам спросил:

– Может, купим все сразу?

Они прошлись по списку, пока не осталась только коляска. Перед ними стояло десять пар, и, когда подошла их очередь, консультант указала им на коллекцию хитроумных приспособлений, похожих на квадроциклы, которые трансформировались в прогулочную коляску, люльку и тележку для покупок. Лорен сказала, что сейчас у всех такие. Она разрывалась между двумя моделями: черно-зеленая была отличного качества, но, может быть, слишком навороченная и дорогая?

– Да забудь ты о деньгах! – воскликнул Адам. – Ты годами ждала этого, Лорен, выбирай, что нравится.

Лорен обратилась к консультанту.

– Не удивляйтесь, мы ждем сына, моя мама родит его через четыре недели.

– Ваша мама?

– Да, она еще и наша суррогатная мать.

Женщина улыбнулась.

– Какой щедрый поступок. Значит, вы дали ей возможность отдохнуть дома, пока закупаетесь всем, что нужно вашему сыну? Какая удивительная дама, вы, наверное, ее на руках носите?

Они улыбались и кивали, чувствуя себя в той или иной степени неудобно.

– Все готово, – сказала консультант, – доставим на следующей неделе, на случай, если ребенок решит появиться раньше.

* * *

В кафе за чашкой чая Лорен объясняла Адаму, что ребенок уже жизнеспособен: даже если он родится сегодня днем, он отправится в специальный кювез и все с ним будет в порядке.

– Поэтому мы заканчиваем ремонт в детской и решили закупиться всем необходимым.

– Но у нас нет причин волноваться, что он родится до срока, – твердо сказал Дэн. – Результаты анализов точные, все идет по плану, да? – Он приобнял Лорен за плечо и поцеловал ее в макушку. Она прижалась к нему и кивнула.

Адам решил, что кто-то должен добавить в бочку меда ложку дегтя, и спросил:

– А Рут? С ней все хорошо?

– Я не видела ее с последнего осмотра, но, насколько я знаю, с ней все в порядке, – ответила Лорен. Ее щеки налились краской, и Адам задумался, не поссорились ли они. – Она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы поехать в Корнуолл на прошлых выходных.

– Но вы же все равно не спускаете с нее глаз?

– Мы увидимся с ней завтра в клинике. – Слова Лорен звучали так, будто она пытается защититься. – Инстинкт самосохранения у мамы работает как надо, да?

Странное заявление, но он решил не обращать внимания: роды неминуемо приближались, и Лорен, похоже, нервничала гораздо сильнее, чем казалось на первый взгляд. Он подумал о Рут, которая осталась дома одна: что она делает, что чувствует? Боится ли она того, что ждало впереди? Он понятия не имел, что с ней происходит, и вдруг понял, что воображаемая связь, которая существовала между ними почти тридцать пять лет, оборвалась навсегда.

* * *

По дороге в больницу таксист смотрел на Рут в зеркало заднего вида.

– Похоже, ты скоро родишь, а, золотко?

– Да. – Рут решительно закрыла глаза.

Все ее тело было в напряжении: живот сильно разросся и опустился, а кости ныли. Пораженные варикозом вены выпирали под коленями и на правой икре. Кожа на животе чесалась, она еле сдерживалась, чтобы не расчесать ее до крови. Грудь настолько увеличилась, что она и днем, и ночью носила бюстгальтер для кормящих: так было немного удобнее. В такие дни она мечтала, чтобы все поскорее закончилось. Она отработала последнюю неделю в офисе: команда “Морраб филмз” подарила ей открытку на удачу и большую коробку масел для ванн и лосьонов для тела. Белла обняла ее впервые с января и сказала, что с нетерпением ждет ее возвращения осенью. Спускаясь по лестнице и выходя на улицу с сумкой подарков и рабочими блокнотами, Рут вспомнила, как уходила в декретный отпуск, сначала с Лорен, а потом с Алекс, и оба раза понимала, что вот-вот начнется новый этап в ее жизни. Начало, знаменательное и волнующее. Теперь это ощущалось иначе: она чувствовала, что отдаляется – от жизни и людей, которых она знала, – и уходит в пустоту.

– Не первый раз уже, судя по размерам и, кхм, возрасту, я прав?

– Не могу говорить, дочь прислала сообщение.

Лорен написала, что они уже едут, но впереди прорвало водопровод – они попали в пробку и опоздают. Рут вздохнула, Дэн тоже приедет: она будет под двойным контролем. Их отношения

изменились: отчуждение – слишком громкое слово, скорее бесконечно малое отдаление. Лорен звонила все реже и отказывалась пообедать вместе.

– Как поживаешь, Рут? – спросил Дэн, когда они подошли, и осторожно обнял ее.

Лорен спросила:

– Долго ждала? – Она похлопала Рут по плечу.

– Полчаса, – сказала Рут. – Все в порядке, Дэн, спасибо за вопрос.

Лорен сказала:

– Ты уже давала ему послушать альбом Моцарта, который я прислала на прошлой неделе?

Рут кивнула.

– Отлично. Я подумала, что музыка Моцарта пойдет ему на пользу, если он будет слушать ее каждый день в преддверии кесарева сечения. Ты согласна?

Рут чувствовала себя абсолютно чужой женщиной, которую наняли, оплодотворили, а затем запоздало подвергли проверке службы безопасности, после чего выяснилось, что она преступница. Но ей, скорее всего, показалось: один из многих недостатков жизни в одиночестве – отсутствие взгляда со стороны.

Обследование прошло гладко. Акушерка сказала, что давление у Рут все еще высокое и им нужно внимательно следить за ним, но ребенок перевернулся вверх ногами и готовился к рождению, что было хорошим знаком. Лицо Лорен засияло от восторга, и Дэн прижал ее к себе. Рут машинально схватилась за живот. Она почувствовала ножку или колено ребенка и затем несколько сильных пинков; раньше она позвала бы Лорен и Дэна потрогать живот и насладиться моментом, но впервые ей пришло в голову, что они этого не заслужили.

После осмотра они горячо попрощались с ней.

– Все просто замечательно, Рут, – сказал Дэн, коснувшись щекой ее щеки. – Все идет по плану. Потрясающе!

“Он ведет себя как менеджер среднего звена, только что окончивший курс по тимбилдингу”, – кисло подумала она.

– Большое спасибо, мама. Я скоро позвоню. Позаботься о себе и – прости, что пилю тебя, – не забывай включать ему музыку, ладно?

Сидя в холле больницы в ожидании такси, Рут чувствовала гнев, раздражение и одиночество. Лорен и Дэн больше не думали о ней, она

стала не более чем биоразлагаемой сумкой, в которой носят их драгоценное дитя – удобной, но все-таки одноразовой.

– Я им не нужна, они просто хотят забрать тебя и смыться.

Пожилая пара, сидевшая на диване напротив, удивленно уставилась на нее. Рут поняла, что говорила вслух.

– Простите, – сказала она им. – Кажется, разговор с самой собой – первый признак сумасшествия, да?

Они встревоженно улыбнулись.

* * *

Время словно замедлилось: жаркие дни и ночи раннеиюльской жары растягивались и перетекали друг в друга. Рут поздно вставала и питалась хлопьями, тостами и чаем. Она дремала, писала в дневник, ходила в туалет и смотрела по телевизору отрывки матчей Уимблдона. Все повторялось, потом она ложилась в кровать и лежала без сна в темноте или спускалась на кухню и копалась в стопке старых фотоальбомов, которые достала из комода в своем кабинете. Среди них было несколько маленьких, которые ее отец кропотливо заполнил черно-белыми фотографиями малышки Рут. На них она, одетая в рубашку фирмы “Аэртекс” и шорты, пересекала финишную ленту в спринтерской гонке; сидела на пляже, гордо разложив перед собой коллекцию найденных морских звезд; долезла до середины каната и улыбалась. После нескольких пустых страниц она снова появлялась в свете новых достижений: в мантии выпускника; в сверкающем белизной свадебном платье. Жизнь Фернивалов была задокументирована в стопке больших квадратных альбомов, в которых хранились фотографии с дней рождения, Рождества и других праздников; сотни снимков, сделанных, чтобы запечатлеть счастье и успехи, но на многих из них Рут как будто не было, и она смотрела куда-то за пределы камеры.

Однажды ночью ей написала Алекс:

Я знаю, что ты не спишь. Что делаешь?

Думаю о материнстве и о том,

что я делала не так

Мы это уже обсуждали!
Я же говорила, ты была отличной
матерью, не о чем беспокоиться

Я не всегда была рядом,
иногда проявляла мало ласки
СКАЖИ ЧЕСТНО

Другой мамы у меня нет,
так что сравнить не с чем.
Я люблю тебя и уверена,
что ты делала все, что могла

Не всегда

Ну брось!
Как себя чувствуешь?

35 неделя беременности
в 35 градусов
= невыносимо

Следующим вечером зашла Шейла, чтобы помочь с уборкой и готовкой. Рут открыла входную дверь – в одном нижнем белье и изрядно вспотевшая.

– Прости за это все, но я физически не могу ходить в одежде, – она плюхнулась обратно на кухонный диван.

– Не волнуйся, – сказала Шейла, оглядев ее с ног до головы. – Ты выглядишь потрясающе – как одна из этих монументальных обнаженных фигур Пикассо.

– То есть бледная и мясистая? – простонала Рут. – На мне как будто самый толстый костюм в мире, и я не могу найти молнию. Не думаю, что когда-нибудь вернусь к нормальному состоянию – что бы это теперь ни значило.

Рут посмотрела на грудь. Соски гордо топорщились, и несколько часов назад из них начала сочиться водянистая бледная жидкость,

оставив на белом лифчике два желтоватых пятна. Она сразу ее узнала: это молозиво, раннее драгоценное питание, призванное укрепить иммунную систему ребенка и придать ему сил. Только все насмарку, потому что Лорен собиралась кормить его грудью сама. Молоко с примесью гормонов не так полезно, как натуральное. Малыш упустит столько всего важного. Она заплакала. Тело разрушалось. Его голова теперь все время давила на мочевой пузырь, и часто она не успевала добраться до туалета. Вся грудина, наверное, покрылась изнутри синяками и ужасно болела от его пинков, как будто таким образом он готовил ее к невообразимой боли. Если они заберут его, она растворится в луже из слез, молока и мочи.

– Рут? – Шейла испуганно смотрела на нее.

– Не обращай внимания, – сказала она. – Это гормоны плачут, а не я.

– Тебе страшно?

– Я начинаю понимать, что произойдет в конце.

– Ты имеешь в виду кесарево?

Рут покачала головой:

– Я о том, что ребенка не будет.

Шейла собирала мусор; она встала и с удивлением посмотрела на Рут.

– То есть как “не будет”?

– У меня его заберут.

Шейла нахмурилась.

– Но ты всегда знала...

– Да. Я всегда знала. Я просто говорю тебе, каково это. У меня проблемы с сепарацией.

Шейла попыталась обнять подругу, но Рут отстранила ее.

– Я справлюсь. Другого выхода нет, правда?

Она закрыла глаза и снова заплакала, но на этот раз беззвучно.

Закончив наводить порядок в доме, Шейла наполнила таз водой со льдом и протерла лицо, шею и запястья Рут губкой, расчесала ей волосы. Она сказала:

– Завтра мне нужно ехать в Лидс, там будет трехдневная конференция, но я приду сразу, как только вернусь. А пока звони мне, когда захочешь. Тебе так плохо, потому что ты сидишь тут целыми днями совсем одна.

Но Рут уже уснула.

* * *

Она проснулась посреди ночи и спустилась на кухню, съела три песочных печенья, потом легла на диван и принялась читать об особенностях владения недвижимостью в Корнуолле. Все буклеты она разложила перед собой на журнальном столике на четыре стопки – Пензанс, Марасион, города поменьше, сельская местность, – затем взяла ноутбук и начала просматривать ясли, детские сады и школы, делая пометки на полях каждого буклета. Она зашла на форум для матерей и прочитала все сообщения о жизни женщин, которые живут в Корнуолле и вынуждены ездить на работу на дальние расстояния, о недавно приехавших одиноких мамах и о рисках для здоровья, связанных с выбросами радона на западе графства.

Затем малыш проснулся и так рьяно зашевелился, что Рут начала кашлять.

– Что такое? – спросила она, когда пришла в себя. – Тесно там, да? Тебе надоело там сидеть? Понимаю.

“Их клетки попадают в наш мозг... Мы с ними смешиваемся, с биологической точки зрения, так что после родов мы будем неразлучны”. Рут придвинулась поближе к ноутбуку и ввела в поиск: “материнская ткань в зародыше”. Это правда: его клетки будут ее частью, пока она не умрет. Это явление называется “микрочимеризм”. Даже есть гипотеза, что эта связь помогает матери более эффективно воспитывать своих детей и реагировать на них. Рут взяла дневник и сделала несколько заметок.

Она поставила ноутбук на стол и запела:

Баю-бай детка на вершине древка,
Ветерок подует, малютку заколдует.
Люлька закачается, веточка сломается.
Обломится веточка, упадет и деточка.

Спи-усни, малютка, тут тепло, уютно.
Мама рядом встанет, люльку покачает,

Песенку споеет и сама уснет.
Будет сон твой сладкий, если спишь в кроватке.

Тише-тише, зайка, под деревком лужайка.
Целой будет люлька, ты не плачь, малютка.
Упадешь на травушку, травушку-муравушку
Скоро мама придет, тебя на ручки возьмет.

Малыш успокоился. Она прошептала:

– Представь, мы с тобой вдвоем, одни на берегу моря. Ты будешь бегать, плавать и везде лазать. Я покажу тебе, где лучше всего ловить рыбу, где можно найти крабов и мидий; может быть, мы купим лодку. У нас будут куры и свежие яйца каждый день, и чистый воздух. Ты будешь в безопасности, потому что я знаю, что тебе нужно. На этот раз я справлюсь лучше, намного лучше.

Лорен и Дэн позвонили Алекс: они решили, что теперь Рут нужна ежедневная поддержка. Лорен рассказала, что мама пыталась справиться самостоятельно и очень раздражалась всякий раз, когда ей предлагали помощь, но теперь она была явно не в себе; они боялись, что Рут упадет или заболеет из-за чрезмерного усердия, что было бы плохо для нее и губительно для ребенка. Если Алекс сможет звонить ей каждый день, ей наверняка станет намного лучше.

– В последнее время она не отвечает на мои звонки, – сказала Лорен. – Тебе может повезти больше. Если почувствуешь, что что-то не так, сразу же дай мне знать.

Дэн вмешался:

– Лори думает, что мама избегает ее, но я уверен, что это не так.

Алекс не убедили его слова.

– Не уверена: она до сих пор винит себя, что была для нас плохой матерью. Думаю, из-за этого она плохо спит.

– Нет, – возразила Лорен. – Нарушение сна на данном этапе – это совершенно нормальное явление, во всех книгах об этом пишут.

– Да ладно, она хотела рассказать тебе о том, что ее беспокоило, о чем она никогда никому не рассказывала, а ты набросилась на нее и сказала, что она была дерьмовой матерью. Подумай об этом.

– Все было не так! – горячо воскликнула Лорен. – Она сознательно принижала меня, выставляя напоказ свою плодовитость. – Казалось, она вот-вот расплачется. – В любом случае я извинилась, но теперь она наказывает меня – может быть, потому что в моих словах была доля правды.

– Перестаньте, давайте сосредоточимся на делах насущных, – прервал их Дэн. – Я рассчитал свободное время каждого из нас и составил график. С завтрашнего дня Шейла, Лори или я будем приходить каждый день и делать все, что нужно Рут. Так мы сможем за ней присматривать. Алекс, твои звонки я тоже внесу в расписание.

Вечером следующего дня Лорен и Дэн появились на пороге Рут с двумя большими пакетами из супермаркета. Они прошли на кухню и распаковали покупки, затем ходили туда-сюда, вытирали столешницы, складывали посуду в посудомоечную машину и подметали пол. Дэн объяснил, как устроен график, и прикрепил копию к доске объявлений. Рут в ужасе наблюдала за ними с дивана; она чувствовала себя заложницей в собственном доме. Когда она попыталась налить себе стакан воды, Лорен усадила ее обратно: ей нельзя даже пальцем пошевелить, поэтому на ужин они принесли ей холодный суп с хлебом.

– Я так не могу.

Лорен проигнорировала ее. Она сказала, что для разнообразия Рут нужна нормальная еда: похоже, она уже несколько дней ела печенье, тосты и джем, а это плохо сказывается на уровне сахара в крови ребенка. Они собирались сесть за стол и нормально поесть.

Рут почувствовала прилив гнева.

– Нет, – сказала она, – не надо мной командовать, я не ребенок. Сидеть там слишком неудобно. Я ем тут, – она похлопала по журнальному столику, – чтобы было удобно поднимать ноги. – Она громко добавила: – Вы двое даже не представляете, как мне тяжело.

Лорен закусил губу и занялась супом. Дэн пододвинул два стула напротив дивана, затем начал убирать со стола книги и бумаги, но Рут велела ему их оставить: там было достаточно места для трех тарелок и хлеба.

В напряженной тишине ложки звякали о фарфор, затем Дэн сказал:

– Очень вкусно, Лори, кабачки и пармезан?

– Да.

– Органические продукты, Рут. Мы купили все на фермерском рынке специально для вас.

– Спасибо, – сказала она, опуская ложку.

– А теперь – свежие фрукты и немного йогурта.

Рут сказала, что ей будет плохо, если она съест хоть что-то еще, но согласилась выпить травяного чая, чтобы они отстали.

Дэн разрезал персик и протянул половину Лорен, затем обратился к Рут.

– Как я уже сказал, с этого момента каждый из нас будет заходить к вам каждый день, чтобы помогать.

– С чем?

– Приносить еду, делать покупки, заниматься садом.

Рут проследила за его взглядом: трава на лужайке была в фут высотой, а все цветы пожухли и высохли.

– Раньше Адам занимался поливом, а у меня не хватало сил, – сказала она, как бы оправдываясь.

– Мы приедем в эти выходные, покосим траву, включим поливалку и посадим несколько растений. Будете любоваться цветами и зеленью, это должно поднять вам настроение, правда?

Он посмотрел на Лорен, чтобы заручиться ее поддержкой, но она не слушала. Лорен взяла со стола стопку бумаг, пролистала их и посмотрела на Рут.

– Подумываешь о переезде в Корнуолл?

– Просто мысль промелькнула.

– Собираешься жить там совсем одна?

– Да, но, скорее всего, я никуда не поеду. Мне дали эти буклеты в Пензансе, просто...

– Почему ты написала здесь “очень близко к прекрасной школе Офстед”, а здесь “два детских сада в пешей доступности”? И “прекрасно, но нужно минимум три кровати”? – Лорен передала листы Дэну.

– Забудь. – Рут очень устала.

Лорен зачитала еще одну пометку:

– “Переехать в Мамунну Эрин на время, потом арендовать или купить жилье”?

– Что такое “мамунна”? – спросил Дэн.

– Это место, где матери-одиночки живут вместе и воспитывают своих детей. Я правильно поняла, мама? – Лорен посмотрела на мать и прищурилась.

Рут закрыла глаза.

– Дэн, здесь куча домов, она исследовала школы и детские сады поблизости от каждого и написала заметки...

Лорен прервалась, затем начала читать вслух:

– “Я знаю тебя лучше, чем кто-либо, твои клетки в моем мозге. Ты знаешь мой голос, мое сердцебиение, мое дыхание – я твой дом, мне

страшно от одной мысли о том, что тебя заберут”. – Она посмотрела на Рут. – Ты хочешь оставить его, да?

Если ничего не отвечать, возможно, вопросы прекратятся.

– Рут? – сказал Дэн.

Рут открыла глаза.

– Это личное. Мне просто...

– Что “просто”?! – крикнула Лорен, ее лицо побагровело от гнева.

– Захотелось помечтать.

Лорен наклонилась к матери так близко, что едва не коснулась ее лица носом.

– Ты увезешь его в Корнуолл? Таков план?

Рут покраснела и растерялась, из груди снова сочилась влага; она скрестила руки, прикрывая темные круги на тунике, и тяжело вздохнула.

– Я этого не хочу, это то, что необходимо ребенку. У меня лучше получится о нем заботиться. Вот кто действительно важен, а не мы все. И мы с ним связаны, он и я. Вот что происходит.

Лорен повернулась к Дэну.

– Ты слышал?! – Она начала рыдать.

– Лори, давай не будем торопиться с выводами, ладно?

Дэн осторожно вынул пачку буклетов из ее рук, затем разложил страницы на столе и сфотографировал одну за другой на телефон. Он немного замешкался и сфотографировал свою тещу; ее глаза снова были закрыты. Он подошел и присел рядом с ней.

– Рут, вы очень устали и немного запутались. Последние девять месяцев вы всегда говорили, что вы наша суррогатная мать, что носите ребенка до тех пор, пока он не будет готов к рождению, и что вы сразу же передадите его нам. Мы об этом договаривались, верно?

Все ужасно запуталось и смешалось у нее в голове: Лорен, Дэн, ребенок; все они хотели от нее разного.

– Пообещаете придерживаться этого уговора?

Голова пульсировала, и она не могла понять, как будет лучше. Она сказала:

– Пожалуйста, уходите.

Но они не обратили на ее слова никакого внимания. Может, она не сказала этого вслух?

– Рут, можем ли мы просто поговорить разумно и уточнить пару моментов?

Она не ожидала услышать крик, вырвавшийся из ее горла:

– Вон из моего дома, или я вызову полицию!

Крик заполнил комнату. Они смотрели на нее. Рут задыхалась от напряжения. Сердце колотилось, и ребенок, казалось, двигался в ее легких.

– Уходите, – выдохнула она. – Вон!

Дэн встал и взял Лорен за руку. Они возвышались над ней.

– Мы уезжаем, – сказал он. – Но этот ребенок принадлежит нам, и мы сделаем все возможное, чтобы его защитить. Вы не заберете его у нас, Рут.

* * *

Адам ел готовую еду из супермаркета, просматривая груды адвокатских бумаг. Открыв дверь и увидев их лица, он испугался, что произошло самое худшее.

– Твоя мать? – Он посмотрел на Лорен. – Что произошло?

– Как ты узнал? – Она заплакала.

Прошло некоторое время, прежде чем Дэну удалось заверить Адама, что и Рут, и ребенок в порядке с точки зрения здоровья. Но они столкнулись с проблемой, и им срочно нужен совет.

Адам провел их внутрь. Они сели за стол, Дэн рассказал ему, что произошло, и показал фотографии, которые, возможно, послужат доказательством. Они боялись, что Рут уедет из Лондона, и они не будут знать, где находится ребенок и все ли с ним в порядке. Он сделал фотографии на случай, если она сбежит. На следующее утро было назначено обследование, но, исходя из текущего положения дел, они беспокоились, что Рут не придет. Она кричала на них как сумасшедшая. Похоже, она думала присоединиться к женской общине с кем-то по имени Эрин; насколько им известно, она уже могла покинуть Хаммерсмит. Лорен снова заплакала.

Адам немного подумал, затем сказал:

– Возможно, нам придется обратиться в суд по семейным делам, чтобы получить судебный запрет, но пока давайте попробуем

разобраться неформально. Я немедленно свяжусь с Рут. Думаю, завтра она придет на обследование, но если не объявится и вы не сможете дозвониться до нее по телефону, позвоните мне, и я брошу все свои силы, чтобы решить эту проблему.

Он повернулся к Лорен и прижал ее к себе.

– Прости, что тебе приходится все это пережить, это несправедливо. – Она уткнулась головой ему в грудь. – Послушай меня. – Он положил руки ей на плечи и подождал, пока она не взглянет на него. – Этот ребенок твой, и я обещаю, что он у тебя будет. Я сделаю все, что потребуется.

– Спасибо, папа, – выдавила она между всхлипами.

– Прости, – повторил он. – Этого не должно было случиться.

– Это не ваша вина, – сказал Дэн. – По какой-то причине Рут не сдержала свое слово. Это непростительно.

Адам встал.

– Кто знает, что на самом происходит, Дэн... – Он проводил их к двери. – Я не берусь судить.

* * *

Рут крепко спала на кухне и проснулась от резкого звука. Входящее сообщение. Она открыла глаза и посмотрела на часы: десять минут после полуночи. Она наклонилась к журнальному столику, с трудом расстегнула молнию на сумке, вытащила телефон, затем откинулась на диван, открыла электронную почту и увидела только первые три строчки:

Адам Фернивал
ВСТРЕТИМСЯ?

Сердце забилось чаще: он очнулся! Четыре словаплыли в глазах и ускользали. Она смотрела в экран, поглаживая пальцами тонкие грани телефона, и старалась держаться за этот момент, когда он жаждет ее увидеть, в котором он снова любит ее. Если он вернется, все будет в порядке.

Она открыла письмо:

Рут!

В соответствии с английским законодательством я являюсь отцом ребенка, которого ты носишь, и, таким образом, имею этический и юридический интерес к твоим намерениям по отношению к “нашему” ребенку после его рождения.

Мы можем встретиться, чтобы их обсудить? Я могу приехать в Хаммерсмит, если тебе будет удобнее.

Я предпочел бы урегулировать этот вопрос неформально и мирным путем, поэтому, пожалуйста, не могла бы ты написать мне, когда тебе будет удобно?

Адам Фернивал

Адвокатская контора Эразма

Сити-уок, 6

Миддл-Темпл

От юридической формальности, с которой было написано письмо, по спине пробежали мурашки.

– Лучше не отвечать, – сказала она себе. И нажала “удалить”.

Лорен и Дэн сидели по обе стороны от Рут в приемной женской консультации. Она чувствовала себя беременной заключенной в окружении охранников. Все молчали. Лицо у Лорен было красное и опухшее. Когда ее назвали по имени, Рут, не оглядываясь, направилась прямо в кабинет для осмотра и закрыла за собой дверь.

– Вашей дочери сегодня не будет с вами? – говорила акушерка, когда Лорен и Дэн входили в кабинет.

Стояла напряженная тишина, пока она проверяла образец мочи Рут.

– Отлично, белка нет. – Она смотрела на них, голос звучал раздражающе весело. – Хорошие новости, да?

В конце концов Дэн сказал:

– Да. Очень.

Акушерка измерила живот Рут с помощью ленты и проверила ее по графику на стене.

– Тридцать пять недель и шесть дней беременности, все верно.

Она прощупала живот, очерчивая контуры ребенка, затем прижала к нему стетоскоп и объявила результат: 138 ударов в минуту, совершенно нормально.

Она посмотрела на Рут.

– Кажется, он там очень счастлив, но как вы себя чувствуете? – На полноватом лице застыла гримаса сочувствия.

– Устала, – ответила Рут. – Плохо сплю.

– Тяжко в такую погоду, да? Все мои пациентки жалуются. Впрочем, осталось не так много. – Она повернулась к Лорен и Дэну. – Вы, должно быть, так гордитесь мамой?

– Да, – твердо ответили они.

– Постарайтесь не волновать ее лишней раз эти две недели перед кесаревым сечением. – Она взяла манжету для измерения давления и снова обратилась к Рут. – Я сейчас быстро померяю давление, и вы свободны, дорогая.

Рут хотела попросить эту добродушную женщину средних лет отвезти ее домой и присмотреть за ней – защитить ее от всех и вся.

Акушерка все больше хмурилась, наблюдала за цифрами на дисплее.

– Хм, сегодня давление повыше. Давайте попробуем еще раз. – Она снова проверила показания, цифры остались прежними. – Может, из-за жары... – Теперь ее голос прозвучал не так радостно. Она посмотрела на Рут. – Помимо усталости, как вы себя чувствуете?

– Не очень. В последнее время у меня был сильный стресс. – Она посмотрела на Лорен и Дэна. – Правда? – спросила она многозначительно.

– Давайте постараемся такого не допускать, – сказала акушерка, проследив за взглядом Рут. – Это не принесет вашему малышу никакой пользы. – В ее голосе слышался укор.

Когда акушерка осторожно сняла манжету с руки Рут, Лорен спросила:

– Вредит ли ребенку такое высокое давление? – Ее лицо напряглось от беспокойства.

– Все в порядке, Лори, все в порядке. – Дэн обнял ее. Он обратился к акушерке: – Может ли это быть опасно?

– Остальные показатели у вашей мамы в порядке, и в целом все хорошо. – Она посмотрела на Рут, словно взвешивая варианты. – Не думаю, что сейчас нужно класть вас в больницу, но с этого момента мы будем осматривать вас каждую неделю до кесарева сечения. А пока относитесь ко всему спокойно и немедленно звоните нам, если вас что-то беспокоит.

* * *

Когда они вышли в коридор, Дэн сказал:

– Рут, мы можем пойти в кафе выпить кофе?

– Ты хотел сказать травяной чай, – ответила Рут. – Это одно из многих ваших требований, Дэн, которые вы установили, заняв мою матку.

– Пожалуйста, мама, нам нужно поговорить, – взмолилась Лорен.

– Вы слышали, что сказала акушерка: мне нужно отдохнуть. Я устала.

– Мы отвезем тебя домой.

– Я возьму такси. Я больше не могу справляться со стрессом. – Она отвернулась, ее накрыла волна негодования. – И если вы еще раз соберетесь подстрекать Адама на письма с угрозами, то предупредите, ладно? Хотя бы ради ребенка. – Она поплелась по коридору прочь от них.

В такси Рут включила телефон. Четыре пропущенных звонка от Лорен, три от Дэна, один от Адама, два от Алекс, два от Шейлы. Почему бы им не оставить ее в покое? Из-за них ей становится плохо. Она снова выключила телефон.

* * *

Лорен и Дэн позвонили Адаму по громкой связи из машины, чтобы сообщить ему новости. Когда он сказал им, что до сих пор не получил ответа на электронное письмо, Лорен ответила, что хочет немедленно начать судебное разбирательство.

Адам посоветовал набраться терпения.

– Я оставил голосовое сообщение с просьбой перезвонить. Может, она спит или обдумывает что-то.

Дэн сказал:

– Она ведет себя очень странно. Отказалась общаться с нами в клинике и была настроена очень враждебно. Интересно, не страдает ли она каким-нибудь психозом? – Он замешкался. – Как вы думаете, ее нужно отвести к специалисту?

– Э нет, Дэн, – сухо ответил Адам, – исходя из того, что вы рассказали, я сомневаюсь, что она попадает под какой-то клинический диагноз или нарушает закон.

– Даже если она представляет опасность для нашего ребенка и душевного спокойствия? – спросил Дэн. Он провел бессонную ночь, читая в интернете новости о суррогатных матерях, оставивших себе детей.

– Хорошо, поступим вот как, – решительно сказал Адам. – Сейчас нет смысла паниковать, давайте подождем еще сутки, и, если она не ответит вам или мне завтра днем, я поеду в Хаммерсмит, и там разберемся.

Рут проспала большую часть дня и еще часть вечера. Уже стемнело, она сидела на кухне и ела тосты с джемом. Наполняя чайник, чтобы заварить чаю, она обратила внимание на свои пальцы. Они опухли и немного поблескивали, как растения-суккуленты, которые росли на скалах в Порткурно. Она протянула обе руки ближе к свету: они казались краснее обычного, на костяшках появились отчетливые бежевые пятна. Обручальное кольцо жало слишком сильно. Рут попыталась его снять, но ничего не вышло. Она капнула оливкового масла на палец и помассировала его. Все равно не снимается.

В программе “Вечерние новости” мужчина рассказывал о демонстрации в Хитроу, о том, что рейсы отменены, но Рут не могла сосредоточиться: палец начал болеть. Она дергала кольцо взад и вперед и, наконец, сумела стянуть его через сустав. Кожа нагрелась и едва не содралась. Она утомилась и снова легла на диван. По телевизору жертвы теракта говорили о том, через что они прошли и как их маленькая девочка, потерявшая ногу, училась ходить с костылем. Рут никогда раньше не снимала кольцо. Она посмотрела на свой голый палец и испугалась, как будто без кольца с ней может случиться что-то плохое.

– Ерунда, – сказала она себе.

Теперь кольцо утратило свое значение и превратилось в обычный кусок металла. Телефон зазвонил: снова Алекс. Рут не стала отвечать: ей не хотелось говорить и срочно нужно было в туалет. Пришлось приложить много усилий, чтобы до него добраться. Он посмотрелась в зеркало в коридоре: лицо покраснело и как-то странно опухло.

Она заснула, но вскоре проснулась от непривычного звука стационарного телефона. Он долго звонил и переключился на автоответчик. Бестелесный голос заполнил кухню, и она выключила телевизор, чтобы прислушаться.

– Рут, это Шейла, можешь взять трубку?.. Я знаю, что ты здесь, Рут. Поговори со мной. Пожалуйста. Скажи что-нибудь – что угодно, – чтобы я знала, что с тобой все в порядке.

– Ладно, я оставляю это сообщение потому, что мне звонил Адам. Лорен и Дэн думают, что ты собираешься похитить их ребенка. Я

сказала ему, что ты никогда этого не сделаешь, ни при каких обстоятельствах, потому что у тебя есть совесть и сочувствие, Рут. Правда ведь? ...Я бы сейчас пришла к тебе, но я все еще в Лидсе. Адаму срочно нужно с тобой поговорить. ...Ты можешь звонить мне в любое время дня и ночи. Просто возьми трубку. Я буду ждать. ...Я люблю тебя и беспокоюсь о тебе. И не только я – мы все. ...Я вернусь завтра вечером и сразу приду. ...Я сейчас положу трубку. Разве ты не хочешь что-то сказать, Рут? Рут... Хорошо, спокойной ночи.

Воцарилась тишина.

Стоял душный день, воздух был спертый и влажный, уже в десять утра термометр показывал двадцать шесть градусов в тени. Казалось, что атмосфера вокруг сжимается и вскоре взорвется громом и проливным дождем. Рут принесла в сад плед, сбегая от домашней духоты, и легла на траву с двумя подушками – под головой и под спиной. Она потянулась, вздохнула и снова осмотрела свои ноги. Лодыжки превратились в пухлые клинья, атласная кожа покрылась пурпурными пятнами. Пальцы были похожи на жирные розовые сосиски, за которые и торговаться бы не стали; когда она попыталась согнуть их, они немного опустились и застряли в таком положении. Этим утром Рут увидела в зеркале в ванной по-настоящему опухшее лицо, маленькие черные глазки выглядывали из надутых глазниц, переходивших в затвердевшие щеки. Это не ее лицо. В этом теле было что-то чужое и тревожное, она почувствовала себя Алисой, которая съела увеличивающий пирожок. Она задумалась, не позвонить ли в больницу, но не смогла смириться с этой мыслью.

Над головой загудел самолет. Рут подняла глаза и смотрела на тяжелую серую фигуру, пока та не исчезла за крышей дома. Вдруг желтые кирпичи почернели, и дом накренился ближе к ней; переднюю часть лба пронзила острая тошнотворная боль. Она села, и здание выровнялось, но сад будто предупреждал ее: кислый, электрический зеленый цвет, смешанный с пурпурным и ослепительно-белым, вибрировал от угрозы. Происходит что-то ужасное.

Ребенок вжимал легкие в горло, было трудно дышать. Крик повис в груди, как свинцовая гиря, – ей хотелось выть, но соседи услышат. Люди прибегут к ней и будут спрашивать, в чем дело, а у нее не будет для них ответа.

Рут положила обе руки на живот и почувствовала движение, словно дельфин покачнулся на волнах: он был там, живой – это хорошо. Она провела рукой по лицу и посмотрела на разбухшую ладонь: она была мокрой, пот лился градом. Постепенно ей в голову закралась мысль о том, что дома ей будет безопаснее. Она подалась вперед и попыталась встать, но голова запротестовала: лучше

держаться ближе к земле, где боль была почти терпимой. Она встала на четвереньки и поползла по траве, затем поднялась по ступеням на террасу и в кухню – кругом мерцали серебристые хризантемы. Рут потрясла головой, чтобы их отогнать, но цветов стало еще больше, они застилали глаза. Все окна почернели, как будто их усердно закрасил ребенок.

Дыхание участилось и стало громким, как у запыхавшейся собаки. Рут пыталась его успокоить. Вдох – задержка – выдох – вдох – задержка – выдох. Но ее вновь охватила паника, и она потеряла ритм. Сердце бешено колотилось. Ее пронзила мысль, чистая и острая, как нож: лучше умереть в больнице.

Телефон лежал на кухонном столе, чтобы до него добраться, пришлось плыть сквозь густой, как патока, воздух. Она протянула руку и коснулась телефона; он упал на пол. Такси приедет быстрее, чем скорая помощь. Рут попыталась набрать номер, пальцы не слушались, и она зарыдала от отчаяния. Наконец ей удалось трижды ударить девять, затем кнопку динамика.

Голос, наполнивший комнату, попросил ее выбрать службу экстренной помощи.

– Скорая помощь.

– Соединяю вас.

– Скорая помощь Лондона, как вас зовут и где вы находитесь?

Рут рассказала подробности, и женский голос повторил их.

– Могу я называть вас Рут?

– Да.

– В чем проблема, Рут?

– У меня тридцать шестая неделя беременности, и что-то не так. Я плохо вижу, повсюду вспышки. – Рут испустила всхлип от ужаса. – Я думаю, что умираю.

– Есть ли с вами кто-нибудь, Рут?

– Нет.

– Я слышу, что у вас проблемы с дыханием, это так?

– Трудно дышать.

– Ваше сердце бьется быстрее, чем обычно?

– Намного!

– Рут, вы чувствуете схватки? Роды начались?

– Нет.

– Вы чувствуете движения ребенка?
– Да.
– Сколько вам лет, Рут?
– Пятьдесят четыре.
– Вы не могли бы повторить свой возраст, дорогая?
– Пятьдесят четыре.
– То есть цифра пять, а затем цифра четыре?
– Да.
– И вы полагаете, что вы на тридцать шестой неделе беременности?
– Да.
Повисла пауза.
– Рут, в ближайшие дни вы падали? Ударялись ли головой?
– Нет.
– Есть ли у вас какие-либо другие медицинские или психиатрические диагнозы, от которых вы принимаете лекарства или из-за которых вы наблюдаетесь у специалиста?
– Нет.
– Хорошо. Скорая помощь выехала. Они будут у вас примерно через десять минут. Я остаюсь на связи, пока они не доберутся до вас. Вы можете открыть входную дверь, чтобы медикам не пришлось ее ломать?
– Постараюсь.
– Хорошо, возьмите с собой телефон, когда пойдете к двери, я буду продолжать разговаривать с вами. Не торопитесь.
Рут поползла по коридору, толкая перед собой телефон. Ей казалось, что у нее на пути летят и шумят чайки. Какой долгий путь. Удушающая жара на вершинах скал. Она не могла дотянуться до защелки – слишком высоко, и пальцы не слушаются.
Рут подалась вперед и поймала ее, отодвинула назад и рухнула рядом с телефоном.
– Дверь отперта.
– Молодец, Рут, прекрасно. Сможете как-нибудь распахнуть ее? Скорая помощь почти на месте.
Рут протянула руку к двери и положила на нее голову.
– Вы хотите, чтобы я кому-нибудь позвонила? Муж, партнер, родственники? Или друг?

Она всхлипнула.

– Нет, не хочу.

Мерцающий синий шум, стук сапог по садовой дорожке. Люди в желтой одежде подняли ее и отнесли на носилках к машине скорой помощи. Внутри было холодно, с нее сняли одежду, намазали гелем грудь и прикрепили электроды. Манжета сжимается на руке. Пальцы ощупывают ноги.

Она закрыла глаза. Фельдшер разговаривал по телефону.

– Это не психосоматика, мы нашли в доме дородовую медкарту. Тридцать шестая неделя беременности, возраст пятьдесят четыре года. Похоже, она вынашивала его для кого-то другого...

– Нет, нет никаких признаков родов или разрыва плодных оболочек. Артериальное давление сто девяносто пять на сто пятнадцать. Двусторонний точечный отек. Рвота...

– Да, непонятно, но это не подходит... Хорошо, будем через десять минут.

Голова зажата в тисках боли: если пошевелиться или открыть глаза, она умрет от оглушительного света.

Она слишком больна и устала, чтобы думать. Кто-то стонал:

– Ребенок, помогите ребенку...

– Все в порядке, Рут, мы возем вас в родильное отделение. Доктора там знают вас и сделают все, что нужно вашему ребенку. Потерпите еще чуть-чуть.

Стук дверей. Выхлопные газы, горячий воздух, уличный шум. Она то поднималась вверх, то опускалась вниз на что-то твердое. Грохочут колеса. Скрипят больничные двери: внутри прохладно, гулкий коридор. Каталка останавливается. Колышутся шторы. Кто-то что-то говорит.

Она приоткрыла глаза и прищурилась сквозь спутанные ресницы. Лица с нимбами. Святые? Один силуэт приблизился. Раскрыл пальцами веки. Острый свет в глаза, прилив убийственной боли. Чаша под подбородком, кислота в горле и во рту, отвратительный запах. Женский голос:

– Замедленное расширение зрачка.

Теперь громко, прямо ей в ухо:

– Рут, я Дебби Морган, акушерка. Вы попали в больницу, потому что очень плохо себя чувствуете. Можете ли вы сказать мне, как долго

ваши руки и ноги были опухшими?

– Со вчерашнего дня, даже кольцо пришлось снять.

– Что болит?

– Голова раскалывается; я ничего не вижу. Мне страшно.

– Я знаю, дорогая, все твои симптомы вызваны очень высоким давлением; нам нужно его понизить.

– Не могу больше.

– А где-нибудь еще болит?

Рут коснулась правой стороны грудной клетки.

– Тут.

Она то и дело всхлипывала.

– Нам нужен анализ крови, а также печени и почек. Быстро.

– Я умираю?

– Нет, мы поможем. – Она сжала руку Рут, но в ее голосе было больше надежды, чем ободрения. – Мы хотим стабилизировать ваше состояние и проследить за ребенком, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Мы дадим вам обезболивающие и что-нибудь, чтобы вам стало лучше. Мы нашли сведения о вашей дочери в ваших записях, поэтому она знает, что вы тут.

Стук колес каталки, место поспокойнее. Куда отвезут мертвых? Руки опускают ее на кровать; манжета для измерения кровяного давления стискивает руку и усиливает боль в голове; голос:

– Двести на сто восемнадцать.

Руки шарили между ее ног, разбирая лоскуты плоти и проталкивая внутрь катетер; мочеиспускательный канал упирается в твердый пластик, очень больно.

– Белок в моче.

– Кто-нибудь вызвал педиатра?

– Я вставляю иглу, Рут, чтобы взять кровь на анализ и начать давать лекарства, чтобы вам стало лучше... Сейчас кольнет.

Игла проткнула тыльную сторону кисти; толчки, холод металла на коже.

– И еще одну в руку... Вот.

Она словно спускалась все глубже к вечному забытию. Холодный гель на животе, зондирование аппаратом УЗИ. *Memento mori*^[2].

Пальцы во рту, возня, большая сухая штука под языком. Уберите это.

– Постарайтесь успокоиться, Рут, эта таблетка снизит ваше давление. Сделайте несколько глубоких вдохов.

Такая уставшая и тяжелая. Все. Она не могла больше держать глаза открытыми. Она будто парила...

* * *

Долгое время Рут провела в лимбе, потом все начало кружиться и рушиться. Над ее головой покачивался размытый синий силуэт.

– Мой ребенок мертв?

– На данный момент он в порядке, но...

Голос затих.

Спасите ребенка. Спасите ребенка. Спасите...

– ...Сильное кровотечение в пупочной артерии, учитывая...

– ...Повышенные рефлексy и клонус голеностопного сустава...

– ...В таком случае показан сульфат магния...

– ...Тромбоциты и коагуляция в норме, с позвоночником все в порядке.

Мужской голос, громкий и решительный:

– Хорошо, позвони в приемную, скажи, что мы уже в пути, если задержимся – пусть начинают готовиться. Вы сказали, что ближайшие родственники уже в пути?

Она закрыла глаза, чтобы остановить пляшущие перед ней узоры, но желтые и малиновые пятна проникали под веки, а плод с разбитым черепом пялился на нее. Она убила его, теперь был его черед. Непрожитая жизнь. Но если был бы он, то не было бы ни Лорен, ни Алекс. Слишком сложно все собрать. Все сломано, разорвано. Смерть может взять ее, но не ребенка.

– Рут, это Том Фентон, ваш консультант, мы встречались в ЖК. Мы собираемся подготовить вас к экстренному кесареву сечению, потому что у вас преэклампсия. У вас очень высокое кровяное давление, и оно не сбивается. Нам придется вынуть ребенка и плаценту, чтобы вам стало лучше. Вы понимаете?

“Миссис Фернивал, риски действительно есть, и вы должны полностью осознавать опасность деторождения в вашем возрасте.

Преэклампсия, эклампсия, инсульт, кровотечение, смерть, конечно же. Материнская смертность”.

Рут открыла глаза. Падали гигантские снежинки, закрывая людей, там так много людей. Но голос консультанта не стихал:

– Рут? Вы готовы дать свое согласие на кесарево сечение?

Какой был правильный ответ на этот раз?

Так легко ошибиться.

Нельзя подделывать подпись.

– Рут, нам нужно действовать быстро. Если вы согласны, скажите “да”.

– Да.

– Мы сообщим вашим родственникам, хорошо?

– Да.

Лицо исчезло, ее катили по коридорам, в лифт и обратно. Липкий топот ног по линолеуму рядом с ней, затем пространство, полное света и низкий гул машин. Рай или ад?

Женский голос:

– Рут, вы в операционной, я сделаю вам спинальную анестезию, так что вы будете в сознании, но ничего не почувствуете во время операции. Мы перевернем вас на бок.

Игла скользит по коже, затем укол в позвоночник; теперь она лежит на спине, чья-то рука касается ноги.

– Лекарства начнут действовать примерно через восемь минут.

* * *

Нижняя половина тела словно наполнилась теплой патокой, она текла через таз, вниз по ногам к пальцам ног. Затем все ощущения ниже поясицы пропали. Голова все еще болела, но уже терпимо. Она открыла глаза: стена из зеленой ткани вздымалась над грудью; она видела, что происходит. Анестезиолог был справа от нее, рядом со стеной из аппаратов; акушерка, стоящая с другой стороны, держала ее за руку и смотрела ей в глаза. Над зеленой стеной ходили маски, глаза и голубые шапочки, будто марионетки, консультант посередине, возвышаясь над всеми остальными. Он говорил тихо; гремел металл, пищали мониторы. Вдруг толчок по онемевшему телу.

Внезапно послышались шаги и разговоры, громкие, отрывистые и настойчивые. Акушерка отпустила руку Рут. Консультант смотрел на анестезиолога.

– У нее сильное кровотечение. Нужно доставать ребенка.

Потом разные голоса:

– Сколько у нас здесь единиц крови?

– Две.

– Сильное кровотечение. Нам нужен амортизатор. Быстро!

Фигура поплыла к двери. Скольжение. Падение. Она карабкается вверх, халат, темный и мокрый, прилипает к телу. Ее кровь.

– Давай, вперед!

“Послеродовое кровотечение – осложнение, при котором роженица за считанные минуты истекает кровью”.

– Рут, посмотрите на меня. Просто сосредоточьтесь на мне. – Акушерка взяла ее за руку и двинулась, чтобы закрыть от нее кровь.

Консультант говорил: “ДЕРЖИ”, “ЗАЖИМАЙ”, “ОТПУСКАЙ”. Рут почувствовала, как что-то в ее нутре поддается, они пытаются вырезать из нее ребенка.

“Подальше от опасных увлечений”. Врачи делали это раньше. И что же? Теперь она ничего не может поделать, она будто уплывает. Он не ее. Должна сказать остальным.

– Передайте им сообщение, – сказала она. – Моим родственникам.

Ухо акушерки приблизилось ко рту Рут. Она вытащила листок бумаги, положила его на ладонь и начала писать.

Затем существо, которое было совсем рядом, завизжало от боли.

Плод?

Ребенок?

Что-то напротив ее лица, теплое и влажное.

– Вот он, Рут. Живой и здоровый. Молодец, вы сделали это, вы были очень храброй.

Люди с коробками в руках цепляют мешочки на поручень. Отходят.

Теперь они все как будто далеко-далеко внизу.

Становится холоднее.

– Нужно еще?

– Еще одна пачка. Она теряет кровь так же быстро, как мы ее заливаем.

Фраза, которой нас учили в медицинском: “чувство надвигающегося рока”.

– Давление падает.

Шлепок. Запах мяса. Смертельное поле брани.

Умри сейчас. Око за око. Пока, детка. Пока-пока.

– Рут, мы убрали плаценту, но у вас все еще сильное кровотечение, и мы перепробовали все. Мне нужно сделать вам общий наркоз и провести гистерэктомию. Вы потеряете матку, но другого выхода нет. Мне нужно ваше согласие.

Вся кровь ушла. Материнская кровь. Кровь жизни. Ничего не осталось.

– Рут, это может спасти вам жизнь, мне нужно, чтобы вы сказали “да”.

Маска на лице. Пищание и жужжание.

Теперь слишком холодно. Слишком поздно...

Тьма.

Адам прибыл в больницу первым. Он был в суде, и уже наполовину закончил подводить итоги, когда клерк передал ему сообщение от Лорен; судья объявил перерыв в заседании и пожелал ему всего наилучшего. Дэн уехал из офиса и не смог найти место для парковки, поэтому припарковал машину на двойной желтой полосе. В приемной они напряженно ждали, пока приедет Лорен, затем медсестра подняла их на лифте в маленькую комнату рядом с операционными. Она сказала, что за Рут наблюдают; один из врачей придет и поговорит с ними, как только сможет. Спросила, не хотят ли они чаю или кофе.

Лорен ответила:

– Нет на это времени, пожалуйста, отведите нас к ней прямо сейчас, мы должны быть с ней, у вас должно быть это записано. – Она тяжело дышала, и голос звучал сдавленно. – Я приехала сюда, как только смогла.

Медсестра недоуменно посмотрела на нее.

Дэн вмешался и сказал громко, почти крича:

– Мы – Дэниел и Лорен Райан, настоящие родители ребенка. Рут Фернивал – наша суррогатная мать. Мы имеем право присутствовать.

Лицо Адама было белым как мел, он обхватил себя руками.

– Почему она здесь? – спросил он. – Что происходит?

Медсестра сказала:

– Извините, но я здесь на подхвате. Меня вызвали из гинекологического отделения, потому что в акушерской возникла неотложная ситуация, велели привести вас сюда. Я толком не знаю, что происходит, но, если хотите, попробую выяснить.

Адам кивнул, и она поспешила прочь.

Они сели на неудобные пластиковые стулья, стоявшие вокруг небольшого низкого столика. В углу жужжал вентилятор, время от времени сломанные жалюзи тревожно стучали по окну. Первый звонок поступил в середине утра, когда Лорен заканчивала роспись в детской: Рут попала в больницу в тяжелом состоянии; ее пытались стабилизировать ее перед родами; ближайшие родственники должны

прибыть туда как можно скорее. Она позвонила Дэну и Адаму, затем заказала такси. По дороге она позвонила Алекс и велела ей сесть в самолет. На руках и волосах оставались пятна зеленой краски. Она рыдала урывками, затем время от времени громко шмыгала, чтобы остановиться, и теребила красную ленту на запястье.

Дэн, едва сдерживая злость и отчаянье, вслух беспокоился о штрафах и ограничениях.

– Почему нет специальных мест для чрезвычайных ситуаций или способов отмены ограничений на парковку, когда дело срочное?! Еще не хватало нам связываться со штрафстоянкой! Эту систему пора менять!

В конце концов Адам напряженно сказал:

– Вообще говоря, Дэн...

– Извините. Я на взводе.

– Как и все мы.

Лорен спросила:

– Почему медсестра не вернулась? Почему нам ничего не говорят? Я не могу этого вынести! – Она повернулась к Адаму. – Мама ответила на твое письмо?

– Нет, – ответил Адам. – Но в этом нет ничего удивительного. Ей явно было плохо уже не первый день.

Дэн сказал:

– Тогда почему они не положили ее вчера, когда знали, что у нее высокое давление? Допускать подобное безответственно. Повторюсь... – Он не закончил фразу. – Если нашему ребенку будет причинен вред из-за болезни Рут, мы подадим в суд на эту больницу за халатность.

Лорен обратилась к отцу:

– Пап, могла ли мама принять законные меры, чтобы оставить ребенка себе, прямо с утра? После твоего электронного письма.

Адам озадаченно посмотрел на нее.

– Что это за вопрос такой?

– Это вопрос, который я тебе задаю. – Лорен говорила решительно.

– Теоретически возможно, что твоя мама пошла прямо к адвокату после вчерашнего визита в клинику и начала процесс противодействия вашему будущему заявлению о родительстве. – Он вздохнул. – Но это

маловероятно, учитывая состояние, в котором она сейчас находится. И, честно говоря, я не думаю, что сейчас стоит...

Лорен покачала головой.

– Нет, папа, извини, но ты только что сказал, что это возможно, и мы знаем, что ей нельзя доверять. Я хочу, чтобы ты помог нам отменить судебный запрет. Знаешь кого-нибудь, к кому можно обратиться?

Прежде чем Адам успел ответить, в дверь постучали, и в комнату вошел врач, очень молодой и явно шокированный происходящим. Они втроем окружили его. По его словам, Рут готовили к кесареву сечению, но, к сожалению, присутствие кого-либо другого было запрещено.

Дэн возразил:

– Консультант дал нам железные гарантии, что мы оба будем там во время родов. Мы биологические родители малыша. Об этом написано во всех больничных документах.

Врач подождал, пока он закончит, затем категорично заявил, что больничная персонал в курсе, но все пошло не по плану.

– У миссис Фернивал стремительная преэклампсия, и у нее развились осложнения, которые могут быть опасными для жизни. В операционной уже много людей, и вы бы просто мешались.

– С ребенком все хорошо? – Лорен схватила доктора за руку так сильно, что он вздрогнул.

– Мы делаем все, что в наших силах. – Он повернулся к Адаму. – Простите.

Адам потянулся к спинке стула в поисках опоры.

– Вы хотите сказать... – Но он так и не решился окончить предложение.

Врач ответил:

– Мне надо идти, я нужен там.

Они снова сели, Дэн обнял Лорен, оба застыли; Адам сел напротив, подперев голову руками.

Дверь была приоткрыта, и мимо прошел мужчина с сумкой-холодильником.

– Кровь, – сказала Лорен.

Адам выпрямился.

– Для чего?

– Это может быть для ребенка, но, скорее всего, для мамы. У нее кровотечение.

Телефон Адама зажужжал. Алекс звонила из аэропорта, пыталась узнать, что происходит. Он поставил ее на громкую связь, и все трое склонились над телефоном, пока он вводил ее в курс дела.

– Туда несут кровь, много крови. Лорен думает, что это для твоей мамы.

– Не дайте ей умереть, – сказала Алекс. – Ей нельзя умирать. Скажи ей, что я люблю ее и всегда любила. И она была отличной матерью. Не забудь сказать ей об этом.

После того как она положила трубку, Лорен посмотрела на Дэна с Адамом и сказала:

– Что мы наделали?

Они сидели, ссутулившись, в тишине, изо всех сил пытаясь сдержать свой ужас, ожидая и вместе с тем боясь следующего стука в дверь.

* * *

Когда стук наконец раздался, они разом резко вскинули головы и затаили дыхание, как будто их ударили под дых. Их сердца колотились, они смотрели на дверь, поначалу не в силах разглядеть фигуру в дверном проеме. Это была женщина, держащая сверток бледно-голубой ткани.

– Рут, а где Рут? – спросил Адам.

Лорен непроизвольно вскрикнула и протянула руки.

– Вот малыш, которого вы ждали все это время. – Акушерка передала ребенка Лорен. – Целый и невредимый. Держите, мамочка.

Лорен смеялась и плакала, Дэн подошел к ней, и они увидели лицо сына. Оно было цвета редиса, а сверху над ним – копна черных волос. Его глаза были закрыты, но он причмокивал ртом, словно что-то искал. Лорен согнула мизинец, так, как это делают многие матери. Она поднесла палец ко рту ребенка, и он начал яростно сосать. Затем остановился, открыл глаза и поднял на нее взгляд.

Она улыбнулась Дэну, слезы текли по ее щекам.

– Наш ребенок. Ты можешь в это поверить?

Дэн прикоснулся к крошечной ручке, и пальцы в ответ растопырились. Он безудержно зарыдал, как могут плакать только мужчины.

– Привет, сынок.

Адам не мог перестать покачиваться. Это был единственный способ держать себя в руках.

Акушерка листала записи.

– Педиатры осмотрели его. Оценка по шкале Апгар – девять из десяти, несмотря на обстоятельства.

Адам не мог больше сдерживаться:

– А моя жена?

Акушерка нахмурилась.

– Она все еще там. Я была с ней, пока он не родился. – Она полезла в карман и выудила небольшой сложенный листок бумаги. – Она передала мне сообщение для вас.

Лорен и Дэн встали и подошли к Адаму.

– Я лучше прочитаю вслух, потому что у меня почерк так себе. Ее было трудно услышать, но я думаю, что записала все.

Ребенок всхлипнул и заплакал – сухое, настойчивое блеяние. – Лорен начала покачивать его, и он замолчал.

– “Этот ребенок принадлежит Лорен и Дэну. Я хочу, чтобы они забрали его немедленно. Я хочу, чтобы у него была хорошая жизнь. Я люблю своих дочерей. Я люблю своего мужа Адама. Мне очень жаль”.

Когда акушерка читала последние слова, ее голос дрогнул. Она сложила записку и протянула ее Адаму.

Он прижал ее к груди.

– А она?.. – Он не мог продолжать.

– Ей очень плохо, и врачи все еще борются за ее жизнь. Мистер Фентон говорит, что придет к вам, как только они закончат в операционной.

В глазах акушерки стояли слезы.

Лорен качала ребенка и плакала из-за того, что случилось с матерью. Адам наклонился вперед, упершись локтями в колени. Она может умереть. В одиночестве. И это будет его вина. Он это допустил.

Лорен с Дэн и ребенком поднялись в послеродовое отделение, где для них троих была приготовлена комната. Адам сидел один, казалось, несколько часов. Наконец пришел консультант. Он сказал, что после того, как Рут родила, кровотечение усилилось, и единственный способ остановить его – удалить матку. Рут была без сознания и не могла дать согласие, но им пришлось продолжать операцию, потому что иначе она бы умерла.

– Слава богу. – Адам дрожал всем телом. – Теперь все в порядке?

Выражение лица консультанта выглядело болезненным.

– Боюсь, что нет, мистер Фернивал. Она все еще в критическом состоянии, и мы только что отправили ее в реанимацию. Она потеряла много крови, организм начал отключаться. – Он пристально посмотрел на Адама, его лицо сочувственно сморщилось. – Это ужасно. Мне очень жаль.

Прежде чем открыть глаза, Рут слышала писк. На нее будто навесили целые ожерелья из звуков – каждое со своим ритмом и тональностью. Ноги шуршали и стучали по полу. Кто-то кашлял, крещендо звуков, которое закончилось серией хрипящих стонов, а затем возобновилось. Давление в носу, еще сильнее, чем при самой сильной простуде; она попыталась пошевелить головой, чтобы уйти от этого ощущения, но не смогла, затем попыталась прикоснуться к себе, но руки не двигались: их что-то удерживало. Она приподняла одно веко, и в глаз хлынули белые разъедающие частички. Что-то пережимало горло, вызывая тошноту. Послышались какие-то гудки, и ее глаза открылись. Рут плотно закрыла их, но розово-зеленый свет проникал сквозь веки. Шум продолжался, и шаги приближались к ней. Она флегматично вздохнула.

– Рут, – голос звучал очень близко, – ты в реанимации.

Она смотрела и смотрела, пока тень над ней не превратилась в лицо. Она пыталась сказать: “Адам”, но не смогла проронить ни звука.

Доктора светили ей в глаза и смотрели на аппараты. Они вытаскивали трубки из ее горла и носа. Они улыбались. Она вновь проваливалась куда-то.

* * *

Рут снова проснулась и могла двигаться более свободно, но боль была ужасной, словно ее избили. Ей говорили, что это потому, что они пытались снять ее с морфина, но она не понимала. Иногда приходили мучители, но ее крика никто не слышал. Ей сказали, что у нее были галлюцинации. Адам все еще был с ней. Он сказал, что они с Алекс дежурили у ее кровати последние десять дней. Она не понимала почему. Он сказал, что Алекс спит, но скоро вернется. Лорен дома и придет, когда Рут станет лучше.

Через некоторое время вспыхнуло воспоминание: был ребенок. Она стала шарить руками, пытаясь найти его. Но плоть под

больничным халатом была рыхлой и мягкой: она была пуста, как разграбленная могила. Над лобковой костью виднелся длинный узловатый гребень; когда она пощупала его пальцами, ее таз пронзила боль. Вернулись люди со скальпелями. Она вспомнила, как кто-то держал ее за руку, и маленькое личико прижималось к ее лицу. Она вздохнула и закашлялась.

Адам все ей не торопясь объяснил. Ей сделали кесарево сечение, ребенок в порядке. Его сразу же передали Лорен и Дэниелу, и все трое отправились домой в Брокли. Все хорошо, Лорен кормит его грудью. Они назвали его в честь Рут. Это была идея Лорен.

Он вытащил из кармана обрывок газеты и поднес к ее лицу.

РАЙАН – 11 июля, у Лорен (урожденная Фернивал) и Дэниела родился очень желанный сын, Патрик Яго.

С любовью и глубочайшей благодарностью

Рут Фернивал.

Буквы расплывались перед ее глазами, поэтому Адам прочитал вслух.

– Яго? – хрипло спросила Рут – трубки повредили ей горло и голосовые связки. – Моя девичья фамилия?

– Да. – Он улыбался ей.

– И Дэн согласился?

– Он был так рад, что согласился бы на что угодно. Они так благодарны за то, что ты для них сделала, и так рады, что ты справилась, – его голос дрогнул. – Как и мы все.

* * *

Когда Рут окрепла, ее перевели в общую палату, и Адам почти каждый день сидел у ее кровати; сначала она не замечала ничего необычного, потом ей стало интересно, почему он не на работе.

– Я передал свои дела на следующий день после рождения Яго. Судья согласился, что обстоятельства достаточно исключительные.

- Почему?
- Мне сказали, что ты умираешь.
- Рут посмотрела на него.
- А тебя это волновало?
- Волновало.

Адам объяснил, насколько ужасным было ее состояние под действием успокоительных и на искусственной вентиляции легких. Она чудом выжила. Их дважды предупреждали, что она не переживет ночь.

Однажды он сказал ей, что хирург удалил ей матку, чтобы спасти ее жизнь.

- Она долго молчала и наконец сказала:
- Значит, теперь мы оба бесплодны.

* * *

Алекс приходила часто. Она взяла творческий отпуск на работе и провела три месяца в Англии, чтобы познакомиться со своим племянником и провести время с остальными родственниками.

– Думаю, все, что произошло, заставило меня ценить то, что у меня есть, – сказала она, смахнув слезинку. – Врачи говорят, что искусственная вентиляция легких имеет много общего с пытками, как физическими, так и психологическими, – сказала она Рут. – На восстановление уходит много времени, и когда тебя выпустят отсюда, тебе понадобится сиделка, по крайней мере на какое-то время. Я подумала, что могу добавить эту работу в свое резюме.

* * *

Лорен пришла с ребенком. Как Рут и предполагала, это было неловко. Яго крепко спал, закутанный в кокон в автокресле, его лицо было скрыто под одеялом. Лорен поцеловала Рут и предложила разбудить его, но Рут сказала, что не стоит, она все равно не сможет удержать его: живот все еще болит.

- Жаль. – Но Лорен вздохнула с облегчением. – Сильно болит?

– Стало хуже с тех пор, как мне перестали давать морфий, правда, с каждым днем становится все легче.

– Я купила тебе фруктов, но, кажется, у тебя их уже много. – Лорен поставила корзину с виноградом на стол и села на стул у кровати. – Мне жаль, что все прошло так ужасно.

Рут сказала:

– Это мне нужно извиниться за то, что заставила тебя и Дэна так волноваться. Я слетела с катушек незадолго до родов. Фантазировала о его воспитании. Думаю, это был способ справиться с тем, через что мне пришлось пройти. Одиночество и страх потерять его и больше не знать, кто я. Но я бы никогда этого не сделала. – Лорен кивнула, но выражение ее лица было бесстрастным. – В тот вечер, когда вы пришли, я была уставшей и растерянной. Теперь я понимаю, что, наверное, все уже было плохо. Я упустила из виду твои чувства. Пожалуйста, прости меня.

Лорен отстраненно улыбнулась и сказала:

– Мама, это все в прошлом, забыли. Мы оба безмерно благодарны за все жертвы, которые ты принесла, чтобы подарить нам Яго.

Это прозвучало до странного формально: небольшая речь, которую она отрепетировала заранее. Вернулась старая добрая Лорен – сдержанная и осуждающая, – которая скрывает свои настоящие чувства.

Рут наклонилась, чтобы рассмотреть внука. Одеяло больше не закрывало его лицо, и он двигал головой из стороны в сторону, как будто что-то искал; у него был тощий, уязвимый вид, как у всех недоношенных детей, и он, казалось, смотрел на нее. Она была тронута, но он, похоже, был занят своими мыслями. Рут не могла связать его с тем существом, которому пела и с которым говорила, – своим близким спутником на все эти одинокие месяцы.

Она повернулась к Лорен и решительно сказала:

– Скажи честно, ты сможешь когда-нибудь относиться ко мне, как раньше, после всего, что случилось?

Лорен какое-то время смотрела себе на колени, затем снова перевела взгляд на Рут.

– За два дня до рождения Яго я ненавидела тебя – больше, чем ненавидела кого-либо за всю свою жизнь. Я бы убила тебя голыми руками, лишь бы ты не забрала его у нас. Потом мы приехали в

больницу, его принесли к нам и прочитали твою записку, сказали, что ты можешь умереть. И внезапно ты перестала быть этой большой, могущественной фигурой, которая собиралась забрать моего ребенка. – Лорен остановилась, чтобы смахнуть слезы. – Я была напугана. Я хотела только одного – чтобы ты выжила. – Она протянула руку и погладила Рут по руке. Рука была как у старой женщины: кожа сухая и морщинистая, с синяками и следами от проколов, оставленных множеством игл и капельниц. – Я люблю тебя, мама. Хотела бы я обнять тебя и заставить мне поверить.

– Я верю тебе, – сказала Рут. – И спасибо, что назвали его Яго. – Она улыбнулась. – Это странно, много лет моя фамилия вызывала у меня только смущение, но теперь мне кажется, что я начинаю ею гордиться.

Она посмотрела на ребенка; он был беспокойным и начинал раздражаться. Лорен подняла его и усадила к себе на колени. Рут подумала, каково было бы прикоснуться к нему. Она протянула руку, и Лорен подтолкнула к ней Яго. Рут приложила указательный палец к его щеке и начала очень нежно поглаживать.

Рут и Лорен обе учащенно дышали, чувствуя, как стучат сердца друг друга. Они понимали необходимость и опасность этого момента. Яго повернул лицо, пока его рот не коснулся пальца Рут, затем он начал посасывать его, как будто был страшно голоден. Его темные глаза были открыты, и он смотрел на нее с неистовой сосредоточенностью. Как будто он узнал ее. Она почувствовала, как сжимается ее нутро и затвердевает грудь: ее охватила физическая тоска по ребенку.

Наконец она нашла подходящие слова.

– Знаешь, я не могу поверить, что он когда-то был во мне. Теперь он кажется совершенно чужим. Полностью твой ребенок. Как говорят бабушки и дедушки? Приятно, когда тебе дают ребенка, но еще приятнее вернуть его родителям.

Затем нарочито резко она вытащила палец изо рта Яго. Он посмотрел на нее с удивлением и яростно закричал. Рут стало плохо; все, что она могла сделать, – это не вырвать его из рук дочери.

Лорен засмеялась с особенным самодовольством кормящей матери, подняла футболку и прижала Яго к груди. Он прерывисто

захныкал, затем начал есть, каждые несколько секунд задыхаясь от жадного удовольствия. Лорен посмотрела на Рут.

– Спасибо за все эти слова, мама. Ты не представляешь, как много это значит для меня.

Рут удалось улыбнуться, хоть все ее тело дрожало.

Лорен сказала, что Дэн ждет в комнате отдыха. Он не хотел им мешать, но, может, мама позволит ему зайти на секунду и поздороваться, прежде чем они поедут домой. Она написала ему, и он зашел, поцеловал Рут и сказал, что она подарила ему самое драгоценное, что только можно вообразить: их жизни изменились, и он никогда не думал, что может быть таким счастливым. Им целой жизни не хватит, чтобы отблагодарить ее как следует. Он любит ее. Новый Дэн был в эйфории: он смеялся от восторга, глядя на своего сына.

Она наблюдала, как они проходят через палату и выходят в мир, неся на руках Яго: она чувствовала гордость и отчаяние.

* * *

Визиты Адама были для Рут самым ярким событием дня, их она с нетерпением ждала во время бесконечных обходов, сеансов физиотерапии и посещений специалиста по посттравматическому стрессу. Она сказала Адаму, что, учитывая его ненависть к больницам, его постоянное присутствие – настоящий героизм. Он засмеялся: это было похоже на аверсивную терапию, но теперь он, к собственному удивлению, в палатах и коридорах больницы чувствует себя как дома. Как только Рут смогла совершать короткие прогулки, они проводили большую часть времени вместе на улице, в небольшом саду во внутреннем дворе: окруженный с трех сторон высокими зданиями, он служил отличным убежищем от палящего солнца.

Однажды днем Адам сказал:

– Чисто из интереса, зачем ты рассказала Лорен о вазэктомии?

– Прости, но я так расстроилась, когда узнала, что у тебя роман с Эмили.

Адам не ответил.

– Был же роман?

Он улыбнулся и покачал головой.

Рут уставилась на него.

– Но сексом-то вы занимались?

– Нет.

Рут была сбита с толку.

– Но Шейла сказала...

Адам вытянул руки над головой и уставился в небо.

– Все могло развиваться в этом направлении. Но после того, как появилась Лорен и обвинила меня в прелюбодеянии, я решил, что воздержание – лучше всего.

– Мудрый поступок, – печально улыбнулась Рут.

Адам смотрел на нее с любопытством. Рут не знала, рассказывать ли ему о Сэме. Она колебалась, не желая причинить ему боль или оговорить себя. Но теперь им казалось, что все позади: они родные, удобные и добрые друг к другу, не более того. Так что скорее для собственного покаяния – и потому, что теперь говорить правду было проще, – Рут описала свое недолгое увлечение скорее как комедию положений, а не унижение. Адам засмеялся, но не выдал никаких признаков ревности. Она почувствовала облегчение с каплей разочарования.

Терять было нечего, и она сказала:

– Еще я рассказала Лорен об аборте. Я не говорила про тебя, просто, мол, был такой опыт. Тогда мне было плохо, и мне снились ужасные сны. Они напугали меня. – Она остановилась, не зная, говорить ли дальше. Адам скрестил руки на груди, но продолжал слушать. – Жуткие кошмары. На меня смотрел плод с разбитой головой. И после этого я не могла перестать думать о нем. Потом все как-то смешалось с ребенком Лорен. Я хотела наверстать упущенное – что не была рядом, когда девочки были маленькими, что не была для них хорошей матерью. Я хотела правильно воспитать хотя бы одного ребенка. Вот почему...

– Я знаю, – мягко ответил Адам. – Я нашел на кухне бумаги. Это своего рода дневник?

Рут кивнула.

– Я прочел их, когда тебе было плохо, и я думал, что ты не выкарабкаешься. Надеюсь, ты не против. – Он помолчал, достал платок и крепко высморкался. – Тогда я все понял.

Глаза Рут высохли, теперь ей казалось, что у нее больше нет слез. Она спросила его, помнит ли он, как собирался послушать концерт Элгара для виолончели в часовне Нью-Колледжа в ночь перед абортom.

– Конечно, – ответил Адам.

В тот день он ехал домой, чтобы забрать машину матери, а на обратном пути в Оксфорд была сильная пробка, он едва не пропустил начало. Его друг, Ричард, был солистом. Рут сказала, что теперь всякий раз, когда слышит эту музыку, она всегда возвращается в тот вечер; она сидела тогда, холодная, напуганная и совершенно не в себе, в средневековой часовне, печальная, тяжелая тоска второй части концерта словно выражала ее переживания, но она была такая оцепеневшая, что в полной мере это ощутить не могла. Теперь это казалось чем-то вроде элегии – по их юности, по ребенку, которого никогда не будет, и по всем ранам, которые они нанесли друг другу.

* * *

В следующий раз, когда Адам приехал, он загрузил концерт на свой телефон, и они сидели в саду в наушниках и слушали все четыре части, обнявшись. После этого они часами говорили о вещах, о которых думали и чувствовали, но никогда не говорили.

Рут сказала, что было бы здорово иметь какой-то ритуал для признания того, что нечто потеряно навсегда и его уже не вернуть.

– Ты сожалеешь об этом сейчас?

– В то время я не чувствовала ничего, кроме ужаса и ненависти к тому, что внутри меня. Я боролась за свое выживание. Вот почему я не могла обсудить это с тобой раньше. Я слишком боялась потерять самообладание. Потом, после тех кошмаров, я заставила себя подумать об этом, и мне стало грустно. – Она вздохнула. – Но жалею ли я об этом? Нет, это было правильное решение, и я безмерно благодарна за то, что у меня был выбор. – Она пристально посмотрела на него. – Я знаю, ты думаешь, что я не учла твои чувства, но я не могла себе этого позволить.

Повисло молчание, затем Адам сказал:

– Думаю, я хотел, чтобы ты признала, что это было запутанно, трудно и разрушительно, но необходимо для тебя. Тогда я бы понял.

Но я чувствовал, что мне не дали слова. Как бы то ни было, мы прошли через это вместе, но при этом поодиночке.

– Вместе, но поодиночке. – Она покачала головой. – Идеальное описание нашего брака.

Адам пошарил в кармане брюк:

– Кстати. – Рут не видела, что у него в руке. – Я ношу его с собой уже три недели. Нашел на спинке дивана на кухне.

Он раскрыл ладонь: ее обручальное кольцо.

Она уставилась на тонкое золотое кольцо, вспоминая свою панику, когда сорвала его с пальца, изнуряющую жару, ощущение надвигающейся катастрофы.

– Я сняла его накануне рождения Яго. Все начало опухать, а кольцо перекрывало кровоснабжение. Оно застряло, и мне пришлось использовать масло. Сначала без кольца было странно, но потом я подумала, что оно мне больше ни к чему... – Она умолкла, заметив взгляд Адама.

Он протянул ей кольцо.

– Рут, ты выйдешь за меня замуж?

Они отпраздновали пятьдесят пятый день рождения Рут в обед, чтобы уложиться в строгий распорядок дня Яго и чтобы Адам успел на ужин для вступающих в должность судей. Рут сидела за кухонным столом на стуле с высокой спинкой, обложенная подушками, и разглядывала грудку подарков. Она просила родных ничего не дарить – ей ничего не было нужно, – но они не послушались. Адам и Алекс сидели по обе стороны от нее, внимательные и чересчур заботливые; Лорен и Дэн сидели напротив, а Яго, словно трофей, восседал на столе перед ними. Они впервые за несколько недель собрались всей семьей.

Дэн чокнулся бокалом о ее стакан с водой.

– За Рут, благодаря которой наша семья...

– Пожалуйста, не надо речей.

Но Адам обнял ее за плечо и прочистил горло.

– Сегодня был крайний срок для родов, и ты родила на целых десять недель раньше. – Он посмотрел на Яго, затем снова на Рут. – Я так горжусь тем, что ты сделала. И то, как ты это пережила. И все...

Остальные смущенно отвернулись, как будто они говорили о чем-то личном. Алекс потянулась через стол, чтобы нарушить тишину.

– Мы все очень гордимся твоей бабушкой, правда, Яго? – Она погладила его по животу. – Да, гордимся.

Он ухмыльнулся и загукал, требуя еще ласки.

Лорен резко подалась вперед и взяла его на руки – вне зоны досягаемости для всех остальных.

– Он голоден, – объяснила она, расстегивая рубашку и прижимая лицо Яго к груди. Он без энтузиазма посасывал ее, затем выплюнул, выгнул спину и заплакал. Его плач пронзил Рут, по вискам заструился пот. Победенная, Лорен переложила ребенка себе на плечо, и он успокоился.

– Он не привык к публике, – сказала она, покраснев.

– Я думаю, еще рано, Лори. – Дэн сверился с часами на телефоне. – В прошлый раз ты его кормила чуть меньше двух часов и двадцати пяти минут назад.

Алекс сказала:

– Может, отдашь его маме ненадолго, тогда мы вдвоем сможем пообедать за столом?

Лорен повернулась к Дэну; его кивок был почти незаметен, но Рут его уловила.

– Ничего страшного, – сказала Рут. – Подержи его у себя.

Но Лорен протянула ей Яго через стол.

Рут обняла его. Теперь он окреп, немного освоился в этом мире. Она сняла один из желтых носков, которые связала Алекс, и пощекотала его босую ногу мизинцем; он смотрел на нее снизу вверх, сощурился от удовольствия. Она начала тихо петь, как когда он был внутри нее, и он впал в блистательный, струящийся транс. Рут чувствовала, как Лорен движется за ее спиной, настороженная и готовая вмешаться. Остальные выстроились вокруг нее, как фигуры, застывшие в масках, их улыбки натянулись, как гримасы. “Так будет всегда”, – подумала она про себя. Она поцеловала Яго в макушку и протянула его Дэну.

– Он хочет к папе, – солгала она.

Комната вернулась к жизни: Алекс и Лорен засмеялись, когда паста не влезла в сервировочное блюдо; они положили сверху нарезанные помидоры, листья базилика и немного оливкового масла, затем отступили, чтобы полюбоваться своей работой; Дэн держал Яго на руках, пока Адам фотографировал и приговаривал, что его внук действительно очень хорошо держит голову. Рут наблюдала за всеми: она чувствовала себя отстраненной и неуверенной. Это был год суматохи и смятения: будто ураган прошел через их жизнь. Обломки были расчищены, и внешне все было отремонтировано, но она чувствовала, как все меняется.

Лорен явно понимала, что боролась за право обладать Яго и победила. Теперь он был полностью ее, и ей доставляло осязаемое удовольствие делиться им лишь понемногу – даже доля Алекс была нормирована. Рут чувствовала, что ее собственная болезнь и слабость дали Лорен больше свободы, и она смогла выйти на авансцену. Рут довольствовалась тем, что притаилась за кулисами, пытаясь сделать себя настолько маленькой и жалкой, насколько это возможно, потому что она знала, что изначальная связь, которую она имела с Яго – цена его существования, – всегда будет грузом на душе Лорен.

Адам был на грани. В течение нескольких недель в больнице он с тоской говорил о том моменте, когда Рут будет чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы вернуться домой, и они снова смогут жить как пара после всех месяцев разлуки. Но Рут жаждала тишины и уединения. Большую часть времени она читала, писала, рисовала или гуляла одна у реки. Он все время говорил ей, что любит ее, но не был уверен, есть ли у них будущее. И она не могла ему ответить; вопрос был слишком важным, слишком сложным.

По правде говоря, Рут все еще оправлялась от рождения Яго и долгой болезни. Не было слов, чтобы описать адскую смесь чувств, поэтому она не могла никому их объяснить. Время от времени галлюцинации возвращали ее в залитую кровью родильную комнату. Она была прикована к операционному столу, и люди в масках и халатах резали ее, вонзали пластик в горло, пока ее рвало и мучило. После тяжелых воспоминаний она восстанавливалась часами. Ее физическое состояние улучшилось, но она еще не смирилась с необратимым возвращением к менопаузе. Ночная потливость, провалы в памяти и перепады настроения будут продолжаться год, предупреждали врачи, может быть, дольше.

Она избегала зеркал все время, пока находилась в больнице, а когда вернулась домой, ей пришлось набраться храбрости, прежде чем впервые столкнуться со своим отражением. Она выглядела старше пятидесяти пяти, то есть старше, чем умудрялись казаться большинство состоятельных женщин ее возраста в Лондоне. Седовато-каштановые волосы обрамляли худое измученное лицо, а на верхней губе виднелся пушок; ее грудь и живот были подобны пустым контейнерам, сделанным из тонкого материала, который не вел себя должным образом; кожа была тонкой и мраморной, местами с сетью лопнувших капилляров. Толстый широкий шрам пересекал нижнюю часть живота, отмечая место, откуда сначала достали Яго, а затем и ее матку. Бедрa обвисли от недостатка упражнений, а волосы на лобке побелели, как будто мучения последних месяцев довели их до седины.

Год назад она смотрела бы на это измученное заботой тело чужими глазами и дрожала бы от отвращения и ненависти к себе. Она бы привела себя в порядок, тратя время и деньги на все более частые процедуры. Это все еще было возможно. Вернуться к Лоренцо, вколоть ботокс и филлеры, снова накачать себя гормонами, представить, что

она еще может родить. Но какой в этом смысл? Год ее повторного оплодотворения и омоложения был средством для достижения цели: рождения Яго; но в процессе она поняла, что назад уже нельзя. Это был путь к самоуничтожению, к суррогатной жизни, и шла бы она по нему, руководствуясь лишь никчемным тщеславием. Теперь, глядя на себя, она чувствовала смесь беспокойства и глубокого признания. Это тело было сморщенным и изрезанным боевыми шрамами, но оно было только ее. Замаскировать это значило бы отрицать, кто она такая, через что прошла и чего достигла. Ей пришлось забыть об ожиданиях других, о тех условностях, которые сопровождали ее всю жизнь, чтобы понять, какая она на самом деле. Пока еще не упущено время.

Она часто думала о Рут Яго, девушке, которая бесстрашно карабкалась по деревьям, бежала, как ветер, и повелевала волнами на пляже Марасион. Ее первичное “я”, не ограниченное менструацией, беременностью и родами, до того как фертильность накрыла ее своим огромным алым плащом, прежде чем все остальные “я” – студентка, жена, сотрудница, мать – взяли верх. Теперь, когда она, иссохшая от эстрогена, изо всех сил пыталась сориентироваться в новой жизни, какой она могла бы прожить следующие сорок лет, ей нужно было вернуть это юное создание, любопытное, честное, андрогинное и свободное, которое некогда было счастливо быть собой и жить для себя. Она все еще где-то там, сидит на линии прилива, ища в водорослях ракушки и агатовые камешки. Она ждет, пока ее найдут.

Благодарности

Я хотела бы сказать спасибо многим людям, помогавшим мне в исследовании, написании и редактировании этой книги.

Самая горячая благодарность: суррогатным матерям и родителям, которые согласились со мной пообщаться; женщинам, поделившимся своим опытом фертильности и бесплодия; доктору Валентайн Аканде, Рэйчел Брайт, доктору Стюарту Лэвери, доктору Джейн Макдугалл и доктору Саре Мартиндейл за помощь в медицинских или юридических исследованиях; а также доктору Саре Мартинс да Силва, доктору Юлии Городецкой, Тиму Лэнгтону и Сэйди Холланд, которые делились своими знаниями, читали рукопись и отвечали на бесконечные вопросы. Любые фактические ошибки, которые остались в тексте, только на моей совести.

В Университете Бат-Спа мне посчастливилось учиться у трех выдающихся и великодушных писателей: Мэгги Джи и Фэй Уэлдон прочитали первые главы, поддержали меня, давали неоценимые советы; Тесса Хэдли поделилась своим редакторским опытом и мудростью спустя многое время после окончания учебы. Мои однокурсники Ричард Кроу, Питер Кингстон, Бет Манн и Рэйчел Шорер прочитали отрывки из книги и помогли мне формулировать мысли.

Кейт О'Салливан предоставила мне место, где я могла писать, и оказывала практическую помощь. Гай Бейли, Кэролайн ван ден Брул, Джеймс и Виктория Фрейзер, Элисон и Роджер Уорд, а также Клайв и Анна Вулман давали мне кров и стол, пока я переезжала или была на карантине. Мой сын Тоби и невестка Рэйчел присылали письма с передовой беременности и родительства, сначала с Джесс, а затем и с Дэниелом. Мой сын Мэтью решил технические проблемы и создал для меня сайт. Кэти Барнби, Джасмин Дейнс Пилгрэм и Фиона Мэддокс были столпами поддержки, читали роман на разных этапах и писали ценные комментарии.

Мне очень повезло, что моими редакторами были Клэр Смит и Сара Сэвитт, которые с такой пронизательностью и добротой помогли мне закончить финальные черновики. Я благодарна им

и Селесте Уорд-Бест, Хейли Камис, Нико Тейлор, Нитье Рэй, Элисон Тулетт, а также всем остальным в командах *Virago* и *Little, Brown*, которые воплотили печать этой книги в реальность; также Сюзанне Педен из *Susanna Lea Associates*.

Моя дочь Имоджин уговорила меня начать, подталкивала продолжать и была проницательной ранней читательницей. Кэти Уэллс-Коул была лучшей помощницей, которую только мог пожелать писатель: она неумоимо щедро уделяла мне время, обладая проницательностью критика. Мой замечательный агент Керри Гленкорс с самого начала верила в “Суррогатную мать” и считала его прекрасной книгой. Наконец, сердечная благодарность моему мужу Питеру: я так благодарна ему за моральную и материальную поддержку, за советы – на самом деле, за все.

notes

Примечания

Джеймс Джойс “Аравия”, перевод Е. Калашниковой.

2

Помни о смерти (*лат.*).